

Кноп, Гuido

Супершпионы

Предатели тайной войны

В сотрудничестве с: Петером Адлером, Лутцем Беккером, Кристианом Дайком, Ральфом Пеховиаком и Кристианой Руль
Документация: Урсула Неллессен и Андреа Тот

Оригинальное название: Guido Knopp. TOP SPIONE Verräter im Geheimen Krieg
Wilhelm Goldmann Verlag, Muenchen 1997
Первое издание Carl Bertelsmann Verlag, Muenchen 1994
C. Bertelsmann Verlag GmbH, Neumarkter Strasse 18, D-81673 Muenchen,
Tel. ++49 89 43 1890, Fax ++49 89 431 28 37

Перевод: Виталий Крюков, Киев, odin1@i.com.ua

О книге:

Профессор д-р Гuido Кноп с 1984 года возглавляет редакцию современной истории Второго Немецкого Телевидения ZDF. Он автор многочисленных документальных фильмов, некоторые из которых были удостоены специальных наград.

Гuido Кноп беседовал с еще живыми супершпионами "холодной войны", их коллегами и их противниками, их родственниками и знаменитыми современниками-свидетелями событий, вошедших в историю беспощадной войны разведок, которую со всем умением и всевозможными трюками вели Восток и Запад. В своих исследованиях Кноп нашел немало взрывоопасного материала, проливающего свет на полутьму этой тайной войны.

Кем же были эти люди - актеры на сцене истории? Что побудило их предать свою страну? И как им удавалось передавать свои материалы через "железный занавес"?

Книга состоит из шести очерков, посвященных выдающимся разведчикам времен противостояния между Востоком и Западом: Олегу Гордиевскому, Клаусу Фуксу, Джорджу Блейку, Гюнтеру Гийому, Джону Уокеру и Вернеру Штиллеру.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Двойной агент

Атомный шпион (Кноп/Дайк)

"Крот" (Кноп/Беккер)

Референт (Кноп/Руль)

Дилер (Кноп/Пеховиак)

Перебежчик (Кноп/Адлер)

Глоссарий Литература

Предисловие

Словарь второй древнейшей профессии полон захватывающих слов: внедрение, саботаж, предательство, дезинформация, двойные агенты, "подставы", мертвые почтовые ящики. Как никакая другая тема, полный тайн мир шпионажа

вдохновляет фантазию писателей и авторов киносценариев. Легендарные герои Джона Ле Карре или зловещие противники Джеймса Бонда приковывали к себе внимание публики и потому, что во время "холодной войны" и атомного противостояния двух сверхдержав они пробуждали подсознательные чувства страха. Раскрытие некоторых знаменитых "настоящих" шпионских дел, казалось, подтвердило смертельную опасность, исходящую от агентов и "кротов".

Единственная утечка в системе безопасности могла нарушить баланс взаимного устрашения, поставить под угрозу безопасность миллионов людей. Так думали тогда. Иногда так это и было. Вот что делало шпионаж таким угрожающим.

Со времени распада Восточного блока стали просматриваться контуры той таинственной "невидимой войны", которую всеми силами вели друг против друга сверхдержавы, прячась за ширмой ежедневной политики. "Холодная война" представляла собой идеальное поле действия для шпионов: почти все, что можно было узнать о политической, экономической и военной сфере другой стороны, было важным. Даже за малозначащие, побочные сведения разведцентры в Вашингтоне и Москве, в Лондоне, Восточном Берлине и Пуллахе под Мюнхеном были весьма благодарны. Но вот нынче и яркий мир "холодной войны" покоится на свалке истории. И лишь сейчас нам предоставляется шанс приоткрыть некоторые из самых свято оберегаемых в те годы тайн.

Шпионы занимаются своим сомнительным ремеслом, как правило, не во время погонь или шикарных приемов. Повседневный шпионаж обычно представляет собой рутину, пустую трату усилий и времени, бюрократию. Супермодель, соблазняющая шпиона, попадает в жизни, увы, крайне редко. Но тем не менее, реальность оказывается намного напряженней и захватывающей любой выдумки.

Более угрожающими являются обстоятельства и фон событий, опаснее работа, а причины предательства куда неоднозначней, чем придумывают авторы романов. Это показывают отобранные мною дела.

Самыми значительными фигурами Тайной войны сверхдержав были мужчины самого разного склада. Незаметные или блистательные, вдумчивые или спонтанные, трезвые или переполненные эмоциями, они обладали чем-то общим - мужеством, чтобы совершить измену: атомный шпион Клаус Фукс, немецкий физик на службе США, раскрывший Советам тайну атомной бомбы; "крот" Джордж Блейк, агент на службе Ее Величества, выдавший КГБ всю сеть британской разведки в Восточной Европе; "канцлерский шпион" Гюнтер Гийом, разоблачение коего привело к отставке канцлера Вилли Брандта; перебежчик Вернер Штиллер, который после побега на Запад разоблачил десятки агентов разведки ГДР; торговец секретами Джон Уокер, два десятилетия продававший сверхсекретные шифры и коды американских вооруженных сил КГБ; двойной агент Олег Гордиевский, офицер резидентуры КГБ в Лондоне, передававший англичанам ценнейшие тайны.

В совокупности эти случаи точно показывают, что же такое был и есть шпионаж: циничная торговля людьми. Только один, атомный шпион Клаус Фукс, уже мертв.

Остальные живы: в изгнании, на свободе, в тюрьме. Их дела давно закрыты.

Именно поэтому стало возможно допросить самих шпионов в качестве свидетелей по их собственным делам. Только так можно реконструировать захватывающую историю предательства. И только так можно составить психограмму каждого отдельного шпиона. Именно по этим причинам я отказался, в частности, включить в эту книгу одно из самых больших последних шпионских дел - дело Олдрича Эймса. Тем не менее, этот выслеженный не так давно шпион КГБ на службе ЦРУ сыграл решающую роль в нашем деле Олега Гордиевского: Эймс дал Москве основную наводку. Один двойной агент предал другого. Так же, как и характеры этих супершпионов, отличаются мотивы совершенного ими предательства. На вопрос, почему они стали шпионами, ответы были самые разные. Чистый идеализм так же приводил к смене фронтов, как и шантаж или простая жадность. Но они не только с готовностью занимались своим делом - в игре участвовала всегда и скрытая, подавленная страсть к двойной жизни, обману, камуфляжу. Роль Иуды несет в себе соблазн. Нескрываемая гордость, с которой супершпионы после часто бесславного конца своей карьеры рассказывают о трюках и уловках, которыми они дурачили противоположную сторону, очевидно, только еще одно доказательство их одиночества. Никто, даже среди самого близкого и доверенного окружения, не мог знать об их конспиративных успехах, никто не мог открыто выразить свою похвалу или признание. Единственным контактом со "своей" стороной обычно были только мертвые почтовые ящики и иногда короткие тайные встречи со связниками. Необходимость двойной игры, обмана даже самых лучших друзей измотала многих разведчиков. Клаус Фукс, еще щадя себя, называл свое сомнительное положение "контролируемой шизофренией". Джордж Блейк сегодня вовсе не сожалеет, что он выдал КГБ четыре сотни британских шпионов. Его печалит лишь то, что он не мог раскрыться перед своей женой и семьей. Брак распался. Олег Гордиевский в одиночку сбежал из Москвы. Чтобы не подвергать опасности свою жену, он ничего не сказал ей о своем плане. Но цена оказалась высокой: КГБ взял ее в заложницы. Супершпионам следовало бы, видимо, лучше всего оставаться холостяками. По меньшей мере, автор, пусть после многих лет, видит немалый смысл в изоляции,

избираемой самими шпионами. Так как "дела" их уже принадлежат архивам истории, выдающиеся экс-агенты вовсе не всегда считают, что молчание - золото. Когда шпионы "в отставке" хотят говорить - они говорят, но чтобы разговорить их, нужно немало потрудиться, - все равно, идет ли речь о заключенном в тюрьме в Атланте или об эмигранте в Москве. Обет верности - кому? - тут уже ни при чем, кроме того, его уже никто не требует. Эти супермастера второй древнейшей профессии верны, в наивысшей степени, только одному - собственной тяге к обману, или, по меньшей мере, - к уловкам. Описания карьеры великих предателей "холодной войны" - это одновременно истории о злоупотреблении чувствами и о фальшивых надеждах. Отношения агентов и ведущих оперативных офицеров часто напрочь лишены всяческих рыцарских аспектов, о которых порой врут читателям многие шпионские романы. Большие разведки никогда не работают без "двойного дна". В них любят предательство, но не предателей. Самые видные супершпионы в конце своей карьеры - не более, чем инструменты, которыми пользуются, а после сделанной работы - выбрасывают без зазрения совести. Остаются огорченные ветераны - агенты, которые упорно ищут смысл в предательстве, совершенном ими. Как правило, после разоблачения они бесполезны для своих работодателей и представляют для них интерес лишь как потенциальные факторы риска для безопасности. Некоторые до смерти живут под страхом преследования. Другие, как Джон Уокер, получают за предательство своей страны пожизненное заключение. В лучшем случае экс-шпионов поселяют на удаленных виллах, засыпая орденами. Редко, как в случае Вернера Штиллера, им удается устроить свою вторую жизнь. Что же остается? За что им можно ухватиться? В своих запоздалых оправданиях пенсионеры разведки все время, как молитву, повторяют, что их измена служила сохранению мира. А что им еще говорить? Естественно, их бои на "невидимом фронте" "холодной войны" можно рассматривать с двух сторон: они обостряли напряженность и иногда даже приводили к ней, но одновременно заботились о гласности и доверии, пусть по каналам конспирации. Шпионаж, как мероприятие, способствующее доверию, как успокаивающее знание того, что противник вовсе не хочет напасть на тебя, но, напротив, сам тебя боится. Эта двойственность осталась и по окончании "холодной войны", что утешает и в нынешнее время. Секретные службы и в будущем останутся несущими столпами национальной безопасности, пусть даже с сокращенными бюджетами. Большие шпионские аферы будут и позднее привлекать к себе внимание, как дела Фукса, Блейка, Уокера и других. Центр тяжести сместится: с военных "топ-секретов" - к экономическим. У атомной тайны, в конце концов, будет похищена ее "исключительность". В любом случае, вторая древнейшая профессия в мире будет и дальше влачить свое (вредное?) существование. Она останется привлекательной, полной захватывающего напряжения и сложных, но блистательных фигур.

Некоторые из этих "людей из тьмы" впервые в этой книге высказываются на темы секретов супершпионов: шефы КГБ Владимир Крючков, Леонид Шебаршин и Виктор Грушко; Маркус Вольф - руководитель внешней разведки ГДР, Гюнтер Кратч - шеф контрразведки ГДР, видные агенты и ведущие офицеры КГБ Павел Судоплатов, Евгений Питовранов, Вадим Гончаров и Сергей Кондрашов; агент ЦРУ Джо Эванс, Гериберт Хелленбройх, бывший шеф Федерального ведомства по защите конституции ФРГ и многие другие. Сэр Николас Эллиотт, легендарный экс- директор британской разведки МИ 6, дал для этой книги последнее интервью перед своей смертью. Шпионские дела - всегда психологические драмы, а главные роли играют жены. Некоторые из них впервые рассказали нам для этой книги правду об их мужьях: бывшая супруга Вернера Штиллера Эржебет - и его бывшая любовница Хельга Михновски; Лейла Гордиевская, служившая КГБ заложницей после бегства ее мужа; бывшая жена Джона Уокера Барбара, которая предала ФБР своего мужа - шпиона КГБ, обманывавшего ее, и, не подозревая об этом, выдала и своего собственного сына. Первыми жертвами наших супершпионов были их жены. При создании этой книги мне помогли многие люди. Я благодарю своих сотрудников и коллег Петера Адлера, Ральфа Пеховиака и Лутца Беккера, доказавших свои творческие умения не только в документальном кино, но и за письменным столом; Кристиану Руль и Кристиана Дайка, помогавших мне написать истории о Гиойме и Фуксе; Нину Штайнхаузер и Ульриха Ленце, рассказавшего эти же истории в фильмах; Александра Роднянского, создавшего документальный телевизионный фильм об Олеге Гордиевском; Урсулу Неллессен и Андрею Тот, собравших документы для этой книги. Итог предателей отрезвляет: шпионаж не оправдывает себя. Остаются раны, причиняющие боль себе и другим: разрушенные браки, разочаровывающее изгнание, часто мучительные воспоминания о людях, вину за смерть которых чувствуешь. Прошлое можно загнать в отдаленные уголки сознания, но совсем избавиться от него нельзя. В конце главной тайной предателя остается его скрытое горе. Для государств шпионаж может быть выгоден, для шпионов - не окупается никогда Guido Knopp

Двойной агент

Первое впечатление таково: каким же незначительным выглядит этот человек. Широкое русское лицо, жидкие волосы, настороженные глаза, но никаких особых примет, врезающихся в память. Темный костюм, белая рубашка - не так ли незаметно нужно выглядеть удачливому шпиону? Второе впечатление - его недоверчивость. Из потертой спортивной сумки он вытаскивает в ходе нашей беседы термос с "русским кофе", то есть водкой с кофе, бутылку минеральной воды, три сэндвича с сыром. У нас он ничего не берет. Он нам не верит. Он хочет оставаться независимым, везде и в любой момент. Он все еще боится. Это очевидно. И у него есть причина для этого. Даже сейчас Олег Анатольевич Гордиевский, родившийся в 1939 году, был полковником советской разведки КГБ.

Когда он им стал, в 1985 году, ему предстоял прыжок на пост шефа резидентуры КГБ в Лондоне. На самом деле он уже давно работал как "крот" на британскую разведку. Ей он в течение 11 лет выдавал не только знания о внутренней жизни КГБ, но и его агентов. За это в Советском Союзе он был приговорен к смертной казни. КГБ больше нет. Но смертный приговор Олегу Анатольевичу действует и поныне. Он законно осужденный предатель. Поэтому он боится. Он не говорит, где живет. Он не говорит, как его сегодня зовут. Когда он встречается с нами, то садится на метро, пересаживается на другую линию, затем на третью, а потом еще берет такси. Мы встречаемся в квартире в Южном Кенсингтоне, которую сняли для разговора с ним. Он не хочет, чтобы мы знали, где он живет. Мы знаем лишь, что он проживает в маленьком городке под Лондоном, около часа езды на поезде с вокзала Ватерлоо, и живет там под немецким именем, под которым его и знают соседи. - Вы должны понимать: теоретически КГБ или организация, ставшая его преемником, может убить меня в любой точке Земли. Нам кажется это преувеличением, но нас переубедили. За прошедшее время нам казалось, что с уходом КГБ с политической арены похоронены и его старые грехи. Но что такое уход? Из старого КГБ было лишь выведено бывшее Второе Главное Управление, ответственное за контрразведку и внутреннюю безопасность, и переименовано в "министерство безопасности". Но когда в октябре 1993 года "министр безопасности" не только не смог, но, скорее всего, даже не захотел предотвратить путч против президента Бориса Ельцина, рассерженный президент расформировал министерство и дал ему новое имя "Федеральная Служба Контрразведки". Все это время Первое Главное Управление, отвечающее за внешнюю разведку, занималось своей работой, как будто ничего не изменилось. На старые кадры КГБ существует тот же спрос, что и раньше, особенно сейчас, когда Россия снова хочет стать сверхдержавой и нуждается для этого в хорошо функционирующей разведке. Они - специалисты (а других нет) по разведке, шантажу, саботажу, промышленному шпионажу. И у этих экспертов долгая память. Они не прощают - все равно, на пенсии они или еще на службе. Мы встречались и беседовали с ними - с Крючковыми, Грушко и Шебаршиным. Дело Гордиевского для них - горькое поражение, от которого они никак не могут оправиться. Гордиевский для них - воплощение Зла, не только, потому что ему удалось тайно покинуть Советский Союз, избежав верной смерти, но и потому, что он своим побегом оставил их в дураках - их, до той поры - столь всемогущих. - Что, собственно, подтолкнуло Вас к службе в КГБ? - Мой брат убедил меня. Он уже служил в КГБ. Я, в общем-то, хотел стать дипломатом. Но разведка казалась мне более привлекательной карьерой. Я был молод и честолюбив. Я хотел стать кем-то. И я хотел на Запад. Какой двадцатидвухлетний парень в Москве этого не хотел? А работа в КГБ была для меня своего рода мостом в Европу. Для этого была и семейная предпосылка. Уже отец Гордиевского работал в качестве политического комиссара на предшественника КГБ. Он был членом партии с 1919 года, и партия для него была "богом". Во время сталинских чисток, когда бесчисленные родственники и друзья семьи бесследно исчезли, безусловная верность отца была сильно поколеблена. Но окончательно с коммунизмом он так и не порвал. Это сделал лишь его сын. - Но несмотря на это, Советский Союз был все же Вашей родиной. Почему Вы предали ее? - Я предал не свою страну, а режим, который сам предавал ее в течение десятилетий. Это началось с ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию. Тогда в августе 1968 года, погибла "Пражская весна", попытка придать социализму "человеческое лицо". Ужасное рыло советского коммунизма выперло на сцену. - Меня как бы ударили по голове, - рассказывает Гордиевский. - Это ли страна, за которую я должен был выступать? Солженицын тогда написал, что быть гражданином Советского Союза стыдно. Именно так я это и воспринимал. Я не хотел служить государственной власти, которая походя нарушает свои собственные законы и решил не сотрудничать больше с этой системой. - Но это ведь не могло произойти внезапно. Нужен был процесс обдумывания, отхода от нее. - Да, конечно. Я с 1962 года служил в КГБ. Я был молод, многим интересовался и о многом знал. Я читал в оригинале немецкие, шведские, французские, английские и американские газеты. Я узнавал намного больше, чем обычный гражданин СССР. Я узнал, что Хрущев на 20-м съезде КПСС в 1956 году сказал правду о преступлениях Сталина. Я узнал, что

советская система прогнила изнутри и держалась только на репрессиях. Я был таким образом прекрасно подготовлен. И я знал: единственным средством, чтобы изменить положение в моей стране была помощь Западу. Запад был для меня островом свободы. Этот остров спасет мир, думал я. Так я пошел на контакт с одной западной разведкой. Это произошло в Копенгагене в 1972 году. После посещения кузницы шпионских кадров в Москве Гордиевский в 1966 году начинает свою карьеру в качестве простого "секретаря" советского консульства в датской столице. В 1970 году он вернулся в Москву, в 1972 году - снова очутился в Копенгагене, на сей раз - в качестве "пресс-атташе" посольства.

Каждый сотрудник КГБ должен иметь "официальное" занятие: особенно любимыми были должности "пресс-атташе", "экономического" или "торгового атташе". "Пресс-атташе" Гордиевский для установления контакта выбрал провокационный, но надежный метод. По телефону он высказал своей тогдашней супруге некоторые критические соображения в адрес советской системы - зная, что частные разговоры советских дипломатов подслушиваются датской разведкой. Датчане вышли с ним на контакт.

В 1974 году Гордиевский в одном спортзале встретился с британским агентом. Он сигнализировал датчанам, что его сведения представляют больший интерес для атомной державы вроде Великобритании, чем для маленькой Дании. - Почему англичане? Почему не американцы? - Я решился в пользу британской разведки, потому что оценивал ее выше, чем американскую. Настоящий благородный герой? Гордиевский, одинокий рыцарь между блоками, осознавший плохие стороны советской системы и решивший спасти свою страну, шпиона для Запада? Есть и другие объяснения. - Ваши чистые идеологические мотивы Ваши бывшие руководители не воспринимают. Они утверждают, что причины измены Гордиевского были лишь финансовые: ему нужны были деньги. - Конечно, они так и должны говорить. Ведь они завидуют мне, потому что им не удалось поймать меня. И потому что никто из них не достиг, как я, уровня идейной борьбы против тоталитарного советского режима. Кто из нас рисковал? Не они же. Я рисковал своей жизнью. Я рисковал своей семьей, которую не мог видеть в течение шести лет. А они служили режиму, пока он не исчез. Я был прав и отстаивал свое право, и это они не могут мне простить. У них остался один шанс - клеветать на меня. - Ваши бывшие коллеги по КГБ говорят, что Вас могли шантажировать. Например, фотография Вас с какой-то женщиной. - Я никогда не боялся шантажа. Британская разведка не использует шантаж. Так думает КГБ. КГБ сам использует шантаж.

Они рассматривают все как в зеркале: если мы так делаем, другие тоже так делают! Это типично для КГБ.

- А женщины, Олег? У Вас не было никаких приключений? Гордиевский улыбается. Нет, я скучный человек, говорит он. - Я никогда не был в публичных домах, никогда не напивался - мне жаль. Когда мои другие коллеги напивались, я читал газеты или - и это он говорит совершенно серьезно - какую-то научную статью или слушал Баха. Я был серьезным человеком с серьезными интересами. - И такой чистый рыцарь действительно не получил от англичан ни одного пенса? - Ну хорошо. Гордиевский немного молчит, отхлебывает своего "русского кофе" и признается. - В конце моей работы для британской разведки англичане сказали мне: "Олег, хотите Вы этого или нет, мы недавно начали переводить на Ваш счет небольшие суммы денег. Ведь Ваше будущее неясно, и мы хотим, чтобы у Вас было надежное будущее." И эти деньги, накопившиеся на моем счету, я после побега из СССР в 1985 году смог действительно хорошо использовать. Это мы понимаем.

Итак, он все же работал не совсем задаром. Британская разведка умело все это приукрасила. По отношению к своим британским коллегам Гордиевский выступал как человек, действующий по соображениям совести. Но где написано, что те, кто действует, исходя из своих убеждений, вообще не должны брать денег? - За эти деньги я купил себе дом. Это весь материальный фон. Кроме него, я ничего не заработал. Он немного запнулся:

- Кроме маленькой постоянной пенсии. Ведь больше я ничего не получаю. Британская разведка нам это подтвердила. Что думают коллеги из КГБ, мы еще услышим.

- О чем Вы сперва проинформировали британскую разведку? Гордиевский улыбается: - Они, конечно, хотели узнать, есть ли у КГБ агенты в их службе или вообще в правительстве. Если бы они были, я сказал бы им. Но к сожалению, тогда таких агентов не было. Потом они потребовали:

"Расскажите, кто в Дании работает на КГБ!" На это было легко ответить. Я им все рассказал. Но они это и так знали. Они просто хотели меня проверить. "- А какие сведения Вы затем передавали англичанам?" - Я называл им агентов КГБ на Западе. Я дал им структуру КГБ. Я передал им документы КГБ. Я информировал их о целях и методах советской разведки. Я рассказал им все, что знал. Иногда некоторые сообщения были для них интереснее, чем я думал. Вот пример. В середине 70-х годов заместитель министра иностранных дел СССР Земсков посетил Данию - он много пил. И когда он был довольно сильно пьян, он сказал: "Мы все - рабы Старой площади." Это означало:

все министры зависимы от Центрального Комитета КПСС, который находился на Старой площади в Москве. Англичанам это показалось сенсацией. Они едва не упали со стула:

"Повторите это еще раз, повторите еще раз! Этого не может быть!"

Но это так и было. Решения принимались в Политбюро, в Секретариате ЦК, подготовленные Международным отделом ЦК.

Это соответствовало действительности. Лишь в конце эры Горбачева баланс власти в Москве радикально изменился. Теперь, к примеру, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе стал влиятельней, чем руководитель Международного отдела ЦК Валентин Фалин. Прорыв к немецкому единству Фалин не хотел воспринимать.

Но Горбачев в окончательной фазе совершенно осознанно советовался не с ним, а с Шеварднадзе. - Как Вы передавали сообщения? Вы использовали "мертвые" почтовые ящики? Или Вы встречались с британскими разведчиками?- В Дании мы встречались примерно раз в месяц. В Англии мы в начале встречались раз в месяц, затем дважды в месяц, потом раз в неделю, а в конце даже два раза в неделю. Во время этих встреч я говорил по-русски, потому что они хотели, чтобы я высказывался как можно точно и рассказывал как можно подробнее. Они все записывали на магнитофонную ленту. Иногда я принесил с собой из посольства совершенно секретные документы, обычно в виде фотонегативов. Я брал их из моего сейфа, засовывал в карман и передавал моему ведущему офицеру, обычно на конспиративной квартире. Его ассистентка раскатывала пленки на столе, приносила какой-то прибор и копировала их. Затем я снова клал документы в карман, возвращался в посольство и прятал их назад в сейф. Вся операция должна была длиться не более 45 минут. Ведь если бы за это время прошла какая-то проверка, меня давно бы уже разоблачили. - Вас никогда не проверяли?- Однажды такая проверка состоялась. Отсутствовали некоторые совершенно секретные документы. Все были возбуждены:

"Куда же подевались документы?" Я как раз вернулся со встречи с моим ведущим офицером. Если бы они обыскали меня, это означало бы мой конец. Но почему-то они этого не сообразили. Но они все же сообразили. Ведь все эти детали содержатся в досье Гордиевского, лежащем в архиве КГБ в Москве. Но это были лишь намеки, а не улики. Для изобличения этого недоставало. Пока недоставало. - Ваше бытие как двойного агента было очень опасным. Неужели Вы не боялись? За себя? За свою семью? Он пожимает плечами.

- Конечно, боялся. Я очень боялся. Вы не можете выключить этот страх. Его можно только загнать вглубь. Но тогда он появляется снова и охватывает тебя, обычно в тот момент, когда ты об этом совсем не думаешь. Он трясет и почти убивает тебя. Но я научился жить со своим страхом. Мне не оставалось альтернативы, ведь я все решил для себя раз и навсегда. Так что мне пришлось взвалить на себя все последствия. - А Ваша семья ничего не знала?- Ради Бога, нет. Моя жена сошла бы из-за этого с ума. Под "своей женой" он подразумевает свою вторую жену - Лейлу. Она намного моложе его, что обычно бывает в случае вторых браков. Обе его дочери ходят в частную английскую школу. Шпион с семьей, как божество. Для Джеймса Бонда тут места нет. Когда он говорит о Лейле, то со странной отстраненностью. Они познакомились в Копенгагене, во время его второго пребывания там в качестве "пресс-атташе". Он еще состоял тогда в первом браке - на бумаге. Лейла была секретарем в Международной организации здравоохранения. Советская колония в Копенгагене состояла из трехсот человек. Неписанным законом было собираться всем вместе на вечерних мероприятиях. Было трудно не познакомиться друг с другом. Гордиевский развелся и женился на Лейле.

Она родила ему двух девочек и была счастлива - пока не узнала, что ее муж, полковник КГБ, на самом деле шпионил в пользу британской разведки. Но тогда он уже находился на золотом Западе, а она сидела в серой Москве с двумя маленькими детьми. Он, конечно, никогда ей ничего не рассказывал о своей двойной игре, чтобы не обременять ее. Но поймет ли это жена? Или она посчитает, что ею злоупотребляли? Мы еще услышим версию супруги. - Неужели за все эти годы не возникало подозрений, что в резидентурах КГБ в Копенгагене и Лондоне есть утечка - и что Вы - эта утечка?- В первые пять лет моей работы на англичан, т. е. с 1974 по 1979 годы в Копенгагене, мы были очень осторожны. В резидентуре не возникло ни малейшего подозрения. Иначе обстояло дело в центральном управлении КГБ. Когда я в 1979 году вернулся в Москву, то узнал, что КГБ обнаружило утечку информации. Они подозревали, что Запад знал кое о чем больше, чем ему полагалось знать. Они ломали себе голову:

"Кто "крот" в наших рядах?" Это очень сильно повышало уровень адреналина в моей крови. Но все это было еще слишком шатко. . . . Когда же я в 1982 году наконец был направлен в Лондон - "прямо к их пасти" - положение становилось все хуже. Я разоблачил нескольких агентов и потенциальных агентов - вроде Арне Трехольта и Майкла Беттани. Тогда они в Москве, конечно, что-то заподозрили: Запад не мог сам выйти на них! Где-то есть предатель! Петля все сильнее затягивалась. В КГБ есть пословица: "Агент живет около 10 лет." И примерно после десяти лет работы на англичан КГБ стал меня подозревать. Мое время прошло, земля под ногами становилась все горячее. Точно я ничего не знал. Но уже в начале 1985 года у меня возникло плохое предчувствие. Что-то было не так. Я чувствовал это. - Как они вышли на Ваш след? Кто или что Вас выдало?- Над этим я годами ломал себе голову. Теперь я знаю. Конечно, было много указаний на утечки информации. И если бы в центре КГБ сложили все камешки мозаики, они раньше вышли бы на

меня. Но получилось совсем иначе: в начале мая 1985 года они получили очень достоверную информацию от своего высокопоставленного источника о том, что в лондонской резидентуре сидит западный шпион. Я был единственным, кто попадал под подозрение. От кого пришла эта информация? От Олдрича Хэйзена Эймса, тогдашнего шефа контрразведывательного отдела ЦРУ, ответственного за СССР и Восточную Европу. Эймс был в апреле 1985 года завербован КГБ. Свой первый гонорар он получил в середине мая 1985 года. Это была оплата за указание на то, что в Лондоне есть "дыра". Имел ли право сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс вообще знать, что в Лондоне сидит двойной агент? Собственно, нет - но англичане в 70-х и 80-х годах прилагали почти болезненные усилия для улучшения своего пострадавшего имиджа в глазах "двоюродных братьев" за океаном, передавая им высококлассные сведения. Со времени "Великолепной пятерки" из Кембриджа, знаменитых университетских агентов Советского Союза, шпионивших за "Сикрет Интеллидженс Сервис" изнутри, ЦРУ больше не особо доверяла британской разведке. Это недоверие могли устранить только хорошие сведения. Так информация от Гордиевского попала на пару столов в Лэнгли, штат Вирджиния.

Они, конечно, были "очищены" - англичане скрывали свой источник, как могли. Но профессионал смог сложить 1 + 1. А Олдрич Эймс был профессионалом. Так двойной агент Олег Гордиевский в конце мая 1985 года попал в двухмесячный кошмар - рискованную игру на жизнь или смерть. Она началась с одной телеграммы. Когда телеграмма лежала на его столе, он сразу понял, что тут что-то не так. Это был четверг, полдень, прекрасный майский день в Лондоне, 24 градуса в тени, необычно тепло для этого времени года. Гордиевский повесил куртку на спинку одного из двух его потерявших поворачивающихся кресел и открыл окно. В его комнате на третьем этаже советского посольства было очень жарко. Этаж КГБ лежал прямо под крышей - на мансарде, где летом было невыносимо. Вентиляторы, один на комнату, должны были выдаваться хозяйственным отделом лишь после 1 июня. Тут возле листка отрывного календаря с датой 16 мая лежала телеграмма из Москвы. Она требовала от товарища "Горнова" немедленно вылететь в столицу Советского Союза для "служебных бесед" с товарищами "Владимировым" и "Алешиним". "Горнов" был псевдоним Гордиевского в КГБ. "Владимиров" - псевдоним председателя КГБ Виктора Михайловича Чебрикова, члена Политбюро ЦК КПСС, "Алешин" - кодовое имя Владимира Александровича Крючкова, тогдашнего руководителя Первого Главного Управления, ответственного за внешнюю разведку. Мания псевдонимов в КГБ уже вошла в поговорки. Несмотря на жару, Гордиевского прошиб холодный пот. Опять это головокружение. Он схватился за поручни кресла. У шпионов, вообще-то, должно быть железное здоровье, а уж у двойных агентов - тем более. Но Гордиевский страдал гипертонией и должен был принимать успокоительное. Но чувство надвигающейся опасности нельзя было побороть таблетками. Не шло ли его дело до сего момента слишком гладко? На первый взгляд у него не было оснований для беспокойства. Он находился в зените своей карьеры. Его оценка в Москве была, как говорили его начальники, хороша, как никогда - и по хорошей причине. Когда Горбачев в декабре 1984 года впервые посетил Великобританию, Гордиевский снабдил его интересными материалами о стране и людях, от которых будущий Генеральный секретарь был просто в восторге. Ничего удивительного, что умелый вице-резидент в январе 1985 год был вызван в Москву, где ему сообщили, что он будет назначен на должность резидента КГБ в Лондоне и вступит в эту должность в мае 1985 года. Зачем тогда эта телеграмма? Почему ему снова нужно ехать в Москву? Гордиевский усилием воли заставил себя успокоиться. По инструкции он был обязан сообщить о телеграмме послу СССР в Великобритании. Виктор Иванович Попов был удивлен.

Он и Гордиевский всегда были довольны друг другом. Попов был холериком, часто напивался и отпускал недвусмысленные шуточки в адрес посольских женщин. Теперь он показал себя очень доброжелательным, похлопал Гордиевского по плечу и дал ему несколько советов для бесед в Москве. Очевидно, это приглашение посол рассматривал как награду - Гордиевского, видимо, вызывали на повышение. А с победителями нужно обращаться хорошо. На следующий день, в пятницу, товарищу "Горнову" в посольство пришла новая телеграмма из Москвы. В ней "Горнову" предписывалось подготовиться к ответам на вопросы о политической, экономической и военной ситуации в Великобритании. В принципе, совершенно обычная инструкция. Гордиевский немного успокоился. Не стал ли он уже после одиннадцати лет рискованных игр двойного агента параноиком? Не страдает ли он манией преследования? Не мерещатся ли ему опасности там, где их нет? Так говорил ему его разум. Но инстинктивно он чувствовал, что этот московский разговор - искусно поставленная ловушка. В Москве в это же время Владимир Александрович Крючков, шеф внешней разведки КГБ, сидел перед обширным деревянным письменным столом Виктора Михайловича Чебрикова. На обращенную к посетителям сторону стола он положил досье Гордиевского. Крючков с завистью смотрел на столик с телефонами Чебрикова. Председатель располагал аж семью телефонами - среди них, конечно, "вертушка", которой могли пользоваться только верхи номенклатуры. Число телефонов было важным

индикатором номенклатурного ранга. С пятью телефонами уже принадлежат к высшей касте. И Чебриков благодаря своему месту и своему ведомству принадлежал к этой элите.

- Он приедет?- спросил Чебриков. - Если он действительно пронизательный человек, - ответил Крючков, - то он разгадает наш замысел и останется в Англии. Но я думаю, что он приедет. - Что у нас есть против него?- Пока ничего важного. Но есть много указаний на то, что он - слабое место. - Тогда позаботьтесь о том, чтобы он в Москве столкнулся с фактами. Нам нужно его признание. - Мы сделаем все, что можем, товарищ Чебриков. Но нам для этого нужно некоторое время. - Хорошо, у Вас оно есть. Но получите однозначный результат. В это же время в Вашингтоне, Федеральный округ Колумбия, Олдрич Хэйзен Эймс, шеф отдела контрразведки ЦРУ, кладет на свой счет девять тысяч долларов США. Это его первый гонорар, выплаченный КГБ наличными - за указание Эймса на то, что в Лондоне есть "дыра". После обеда в тот же день Гордиевский в Лондоне вышел на связь с МИ 6. МИ 6 среди британских спецслужб отвечает за внешнюю разведку, МИ 5 - за контрразведку. По своей официальной деятельности как будущий резидент КГБ Гордиевский был объектом МИ 5, а по своей неофициальной - как шпион - нелегальным сотрудником МИ 6. Тайно он надеялся, что его хозяева посоветуют ему не ехать в Москву, потому что это слишком опасно. Но коллеги не доставили ему этого удовольствия. По их данным, как они объяснили, нет ни малейшего намека на то, что что-то раскрылось. Больше они ничего не сказали. Но они дали понять Гордиевскому, что для британской разведки чрезвычайно важно узнать, что хотят сказать товарищи Чебриков и Крючков о советской политике вообще и о политике КГБ по отношению к Великобритании. Они пообещали держать его в поле зрения и позаботиться о его безопасности. Но какое значение может иметь гарантия британской разведки в столице Советского Союза? Сигнал был ясен: "Ты должен ехать в Москву". Итак, он поехал. Но до этого ему нужно было выполнить еще одно официальное, давно запланированное задание. В субботу 18 мая нужно было передать британскому "нелегалу" - так на разведывательном жаргоне называют тайно действующих агентов - восемь тысяч фунтов стерлингов. Гордиевскому нужно было выполнить это задание, так как у него был дипломатический паспорт, который защитил бы его в случае разоблачения. Ирония акции состояла именно в том, что Гордиевский - сам "нелегал" МИ 6 - и без этого был защищен. Но он все таки никогда не информировал МИ 6 обо всех акциях, которые проводил в качестве офицера КГБ.

Это знала британская разведка - и это "джентльменское соглашение" было частью сделки. МИ 6 узнавала лишь то, что ей хотел сообщить сам Гордиевский. Предатель оставался господином своего предательства. В его двойной шпионаж не входило, к примеру, дело д-ра Юсефа Даду, вице-президента Африканского Национального Конгресса - организации чернокожих южноафриканцев, которая тогда была запрещена не только в самой ЮАР, но повсюду считалась преступной организацией. Советский Союз поддерживал АНК, лидер которого Нельсон Мандела тогда сидел в тюрьме, деньгами и оружием. Если поставки оружия обычно проходили через столицу Замбии Лусаку, то Лондон был основным пунктом для передачи денег. Между июлем и декабрем 1982 года Гордиевский на нескольких встречах передал всего около двухсот тысяч долларов США для АНК - а кроме того, еще восемьдесят тысяч долларов для Коммунистической партии ЮАР. Деньги поступали от советского Внешторгбанка и при прибытии в Лондон были еще упакованы в его пачки. Даду набивал себе карманы долларовыми банкнотами, подписывал квитанцию и исчезал - "денежный курьер". Гордиевский всегда удивлялся, что этот африканец, беззаветно веривший в преимущество коммунистической системы, совсем не боялся нападения разбойников. В любом случае, МИ 6 не узнало ни слова о денежных перевозках Даду. Также и в нынешней акции молчание было золотом. 18 мая 1985 года Гордиевский взял подготовленный техниками резидентуры кирпич, пустой внутри - чтобы уложить в него как раз четыре сотни банкнот по двадцать фунтов каждая. Он засунул кирпич в пластиковый кулек и отправился вместе с дочерьми Марией и Анной в парк, где была назначена передача. Обе дочки прекрасно говорили по-английски. Мария посещала первый класс школы "Church of England", и Гордиевский охотно рассказывал, как она, однажды вернувшись домой, прочитала молитву "Отче наш" на прекрасном английском языке. Этому еще предстояло сыграть свою роль.

Корамс Филд в Блумсбери находился недалеко от лондонского делового центра и был ответственен полон людьми. Дочки Гордиевского, четырех и пяти лет, бегали по парку. Лучшей маскировки трудно было найти. Разведчик КГБ осмотрелся, вынул кирпич из кулька и положил его на краю пешеходной дорожки. Затем он купил два "хот дога" для дочек и покинул парк. Риск состоял в том, что за предусмотренные пятнадцать минут между уходом Гордиевского и появлением "нелегала" какой-то прохожий мог бы поднять и забрать с собой кирпич. Кирпич ведь был хорош и красив. В таком случае Гордиевскому пришлось бы нести ответственность. Но передача сработала. "Нелегал" (псевдоним "Дарио") прибыл во время и забрал кирпич вместе с содержимым. Акция прошла в соответствии с планом. Гордиевский не мог знать,

что это была его последняя операция в карьере двойного агента. На следующее утро в половине седьмого утра "Форд Гранада" советского посольства стоял перед квартирой Гордиевского на Кенсингтон-Хай-Стрит. Водитель привез его в аэропорт Хитроу, на утренний рейс "Аэрофлота" в Москву. Было воскресенье, 19 мая 1985 года. Жена и дети остались в Лондоне. О своих опасениях он ничего им не сказал. Лейла Гордиевская не знала, что ее муж ведет опасную игру. Во время прощания Гордиевский сказал своей жене:

"Я позвоню тебе из Москвы, когда буду вылетать, и ты с детьми встретишь меня в аэропорту!" Недели через две, до среды, он должен вернуться. Шереметьево-2 - самый современный из московских аэропортов. Здесь приземляются самолеты из заграницы. Перед несколькими пропускными пунктами сразу возникают большие очереди. Со своим дипломатическим паспортом Гордиевский мог проходить через особое окошечко, где никого перед ним не было. Пограничник взял его паспорт, ввел его фамилию в свой допотопный компьютер, и несколько раз перелистал все странички. Затем он ждал - пять, десять, пятнадцать минут, которые казались все более долгими. Пограничники в Шереметьево подчинялись Главному Управлению Пограничных войск КГБ СССР. Гордиевский, конечно, знал это. Его беспокойство возросло, когда пограничник схватился за телефон и произнес что-то в трубку, что для ожидавшего за стеклом выглядело примерно как "Он здесь!" Информировал ли этот человек своего командира? Что это значит: слежка, наблюдение, контроль? Обоснован ли его страх? Через час он открыл дверь своей квартиры на Ленинском проспекте, дом 109. В этот момент Гордиевский понял, что КГБ действительно следит за ним. Квартира подверглась обыску! Олег и Лейла всегда пользовались лишь двумя из трех дверных замков. А теперь были закрыты все три замка. В принципе, это отдавало любительством - неужели они хотели намекнуть ему, что он "под колпаком"? Кроме этого, никаких изменений в квартире не обнаружилось. Лишь при проверке в ванной Гордиевский в еще запечатанной пластиковой упаковке бумажных полотенец обнаружил маленькую дырочку, которой до этого не было. Если они вышли на его след, то их интересовали самые мельчайшие детали. А кроме этого было еще кое-что. Под своей кроватью Гордиевский спрятал стопку книг, которые в тех условиях все еще считались в СССР "антисоветскими". В начале эры Горбачева понятий "гласность" и "перестройка" еще не было. Какие книги? Например, "Архипелаг ГУЛАГ"

Солженицына, журнал "Континент", немного Сахарова и Пастернака. Подобные книги, которые на Западе выходили на русском языке, правда, охотно покупались журналистами, дипломатами, коммерсантами (и шпионами) - но официально библиотека под кроватью все равно считалась "подрывной". Эти книги были запрещены в Советском Союзе. Здесь сыщики КГБ не оставили следов, но они, несомненно, нашли эту стопку. В Лондоне Гордиевский еще чувствовал настоящий страх. Теперь это было странное чувство безысходности. - Я чувствовал себя в безвыходном положении. К страху я уже привык. Я тренировал это. Я всегда знал, что мой конец может быть трагичным. Я понимал, что меня когда-нибудь могут расстрелять. И теперь, видимо, этот час настал. Но этот страх был еще хуже. Он всегда был во мне, его нельзя было подавить. Он попробовал заняться нормальными делами, сел на кровать, взял телефонную трубку и позвонил своему шефу Грибину, начальнику третьего отдела ПГУ : - Николай Петрович, я снова в Москве. Что мне нужно делать? - Хорошо, Олег Анатольевич. Вас кто-то завтра заберет. Тон Грибина был сдержанней, чем обычно. Телефонный разговор еще более насторожил Гордиевского. На следующее утро младший офицер на черной служебной "Ладе"

КГБ доставил Гордиевского в Ясенево. Ясенево это пригород многомиллионной Москвы, прямо на шоссеном кольце, окружающем столицу. Как и многие другие современные постройки в Москве, штаб КГБ тоже был построен финскими архитекторами. В Ясенево располагается Первое Главное Управление (ПГУ) КГБ, занимающееся внешней разведкой; большой и герметически закрытый от окружающего мира комплекс с дачами, гаражами, поликлиникой, спортзалами и бассейнами. В центре комплекса - двадцатидвухэтажное офисное здание в форме латинской буквы Y. Вдоль проволочных ограждений под током круглые сутки патрулируют вооруженные солдаты. В центре Парка разведчиков стоят напротив друг друга две колоссальные статуи: здесь обязательная голова Ленина из гранита, там "неизвестный разведчик" из бронзы. Персонал ПГУ увеличился с 3 тысяч человек в 1965 году до 12 тысяч в середине 1985 года. Но даже так Первое Главное Управление оставалось по масштабам КГБ маленьким. Только Главное Управление Пограничных войск охватывает более двухсот тысяч человек. Но зато репутация внешней разведки - самое лучшее в КГБ. Его баланс успехов стал легендарным.

Первое Главное Управление олицетворяло собой глаза и уши службы. Оно вербовало элиту "чекистов", как они называли себя тогда и называют до сих пор - по имени первой социалистической спецслужбы - ЧК. Гордиевский всегда гордился своей принадлежностью к ПГУ. Студентом он мечтал о работе в Министерстве иностранных дел. Но затем вербовщик КГБ, его собственный брат, легко поймал его на крючок: жажда приключений, пребывание за границей. . . в начале шестидесятих годов немногое было нужно чтобы соблазнить молодого честолюбивого студента службой в КГБ. В Ясенево Гордиевского провели в пустую

комнату в третьем отделе и приказали ждать там. Когда и на второй день ничего не произошло, он попросил о встрече с Чебриковым и Крючковым. "Вам скажут, когда придет время." Целую неделю ничего не происходило. Гордиевский ждал каждый день до восьми часов вечера телефонного звонка, который прояснил бы его судьбу. Но ничего не случилось. Видимо его хотели "сварить всмятку". Официально он занимался тем, что готовил отчеты об операциях КГБ в Великобритании. Но это было быстро сделано. У него было время, много времени, чтобы подумать, где его слабое место. В чем его могут обвинить? Это могло быть, к примеру, дело Ховик. Гунвор Гальтунг-Ховик была норвежкой. В начале сороковых годов во время немецкой оккупации она влюбилась в русского военнопленного по имени Владимир Козлов и помогла ему бежать в Швецию. После немецкой капитуляции она всеми средствами добилась приема на работу в МИД Норвегии в качестве секретарши - ведь она так хотела в Россию, к Владимиру. В 1947 году ей удалось попасть на работу в норвежское посольство в Москве. Владимир уже ждал ее. Правда, он успел жениться - но какое это имело значение? Мир был прекрасен. Но Козлов успел стать и связником советской разведки, которая к этому времени снова сменила имя - с НКВД на МГБ. Продлилось не долго, пока Гунвор Ховик передала своему возлюбленному документы из посольства. Теперь ее можно было шантажировать - и так продолжалось тридцать лет. Она была шпионкой по любви, потом агентессой из страха, в конце концов - по привычке. В конце она просто уже не знала иной жизни. В 1956 году Гунвор вернулась в Норвегию и работала секретарем в Министерстве иностранных дел. Под псевдонимом "Грета" она до 1977 года снабжала КГБ тайными документами НАТО, протоколами заседаний кабинета министров, документами со стола норвежского министра иностранных дел - очень интересными материалами для чтения. Будучи заместителем резидента КГБ в Копенгагене, Гордиевский узнал о существовании "Греты". Он немедленно проинформировал британскую разведку. Та передала намек норвежским коллегам. В начале 1977 года Гунвор Ховик была арестована с поличным - в тот момент, когда она хотела передать своему ведущему офицеру-связнику Александру Принципалову секретные документы. Принципалов сослался на свою дипломатическую неприкосновенность и был отпущен, после того, как в его кармане было зарегистрировано наличие денег в сумме двух тысяч крон - премия для его агентессы. Гунвор Ховик оказалась крепким орешком. На допросах она настаивала на том, что она имела лишь любовную связь с Владимиром Козловым, советские дипломаты время от времени передавали ей письма от него - только для этого она с ним и встречалась. Норвежские методы допроса не так грубы, как, к примеру, латиноамериканские - но со временем и они срабатывают отлично. После недели психологической обработки Гунвор Ховик сломалась и признала, что в течение трех десятилетий шпионила на советскую разведку. До того, как против нее начался судебный процесс, она умерла от инфаркта в тюремной камере. Через год - Гордиевский как раз служил в центральном штабе - Виктор Грушко, в то время шеф третьего отдела, сказал во время одного заседания:

"Наш друг Ким Филби написал отчет о деле Ховик. Мы попросили его объяснить, почему, на его взгляд, провалился наш агент. Ее имя и национальность были изменены. У Филби есть лишь одно объяснение: в нашем отделе - предатель. "И Грушко по очереди посмотрел на всех присутствующих. В центре сидел Гордиевский. Он был готов провалиться сквозь землю. Кровь прилила к лицу. Заметил ли это Грушко? Он чувствовал себя пойманным. Но последствий не было. Отчеты "Греты" проходили через очень многие столы. То, что потеря "Греты" не нанесла сильного удара по КГБ, норвежцы заподозрили быстро. Они подслушали телефонный разговор жены сотрудника КГБ в Осло Владимира Шишина с мужем, когда она спросила, не случилось ли чего-то серьезного. Беспечно, слишком беспечно он ответил:

"Могло быть и хуже". Так оно и было. Ведь у КГБ в Осло на крючке была совсем другая рыба, по сравнению с которой высоко оцениваемая "Грета" казалась маленьким пескарником: Арне Трехольт. Наряду с Гансом-Иоахимом Тидге - шефом контрразведки ФРГ, он был самым важным агентом КГБ в те годы. Трехольт привлек к себе внимание КГБ еще в конце шестидесятых годов. Молодым студентом политологии он устраивал в Осло демонстрации против "американского империализма". Резидентура КГБ посеяла семя, которое уже скоро на удивление удачно проросло. Трехольт был тщеславен, и его легко убедили в собственной значимости. Его первым контактным лицом в КГБ был Евгений Беляев, который в начале инвестировал в молодого человека несколько ужинов, проводя их в дискуссиях о международной и особенно о норвежской политике. Он создал у Трехольта чувство, что его не только воспринимают всерьез, но и считают человеком. На самом деле интересен Трехольт стал лишь тогда, когда его сделал своим ассистентом известный адвокат и политик Йен Эверсен. По опробованной методике КГБ Беляев сделал так, что Трехольт за пару переданных сведений получил немного денег. Но час Трехольта пробил лишь при преемнике Беляева Геннадии Титове. Титов, по словам Гордиевского, был "самый преступный и жестокий офицер КГБ, с которым я когда-либо встречался." Титов был льстецом и, конечно, дал Трехольту понять, насколько он блистателен и образован - призван к

чему-то много большему. Когда наставник Трехольта Эверсен стал министром, он сделал своего подопечного государственным секретарем. Теперь Трехольт поставлял своим заказчикам все, что они хотели: прежде всего документы о норвежской внешней политике и политике в области безопасности. Так как Норвегия была стратегически важным членом НАТО, эти документы были очень важны для Советов - особенно, когда Трехольт получил доступ к документам с наивысшим грифом секретности "Cosmic Top Secret". Арне Трехольт считался перспективным агентом. Советы надеялись, что он однажды станет министром иностранных дел. Шансы для этого у него были. Лучше нельзя себе было и представить: помимо советского суперагента Урхо Кекконена, президента нейтральной Финляндии, на КГБ работал бы и министр иностранных дел одной из стран НАТО. Но для этого Трехольту еще предстояло сделать карьеру. Когда Титов после разоблачения "Греты" был выслан из Норвегии, он переубедил шефа ПГУ Владимира Крючкова в необходимости, "вести" в будущем своего суперагента Трехольта непосредственно из центра. Так он в дальнейшем встречался с Трехольтом в Вене и Хельсинки, обоих любимых местах встреч советской внешней разведки. Но во время одной из таких встреч Трехольта и Титова тайно сфотографировал агент ЦРУ. Потому что Гордиевский выдал Трехольта МИ 6. А так как это произошло в тот момент, когда англичане усиленно улучшали свой пострадавший имидж перед коллегами из ЦРУ, то они передали дальше горячую наводку. Правильно - или неправильно - они наши союзники! Теперь петля все сильнее сжималась вокруг топ-агента. В конце 1978 года его перевели в представительство Норвегии в ООН в Нью-Йорке. Это оказалось лучшим местом и моментом для КГБ. Ведь как раз в это время маленькая Норвегия стала членом Совета Безопасности ООН. Так Трехольт встречался в Нью-Йорке в тихих ресторанчиках Манхэттена с местным сотрудником КГБ Жижиным, ведя доверительные беседы, во время которых "собутельники" тайно меняли секретные документы Совета Безопасности на наличные доллары. В начале 1984 года - Титов за его патриотические заслуги в деле суперагента Арне Трехольта получил уже звание генерала - Осло посетил министр иностранных дел США Джордж Шульц. Во время визита Трехольт исполнял функции представителя норвежского МИД по связям с прессой. Как только Шульц улетел, Трехольт купил авиабилет в Вену, чтобы передать своему ведущему офицеру Титову горячие сведения о событиях. В его "дипломате" лежали 66 документов с грифом "топ секрет". Когда Трехольт поднялся на борт самолета авиакомпания SAS, его арестовал Орнульф Тофте, заместитель шефа норвежской контрразведки. Он всего лишь хотел перебросить "мост между Востоком и Западом", защищался на процессе разоблаченный шпион.

В это он мог вполне сам поверить, констатировали судьи, говоря о "невероятном самомнении" Трехольта. Но тем не менее они приговорили его к 20 годам тюрьмы. Ведь была доказана жадность Трехольта. Конфискованы были остатки его шпионских гонораров - около миллиона норвежских крон. Арест Трехольта - тоже на счет Гордиевского. Титов никогда не стал бы генералом, если бы его питомца норвежская контрразведка арестовала на месяц раньше. Генеральскую звезду нельзя было отобрать, но в наказание Титова перевели в ГДР - в представительство КГБ в Восточном Берлине (Карлсхорст).

А затем последовало дело англичанина Майкла Беттани, попавшего в прострацию сотрудника МИ 5. Утром на Пасху 1983 года Аркадий Гук, резидент КГБ в Лондоне (псевдоним "Ермаков") нашел у своей двери конверт, брошенный через щель почтового ящика. Содержание письма представляло собой детальный отчет британской контрразведки о трех недавно высланных офицерах советской разведки, с подробностями их разоблачения. В продвижении по службе Беттани обошли - прежде всего, из-за проблем с алкоголем. Разведчики хватаются за бутылку не реже, чем обычные люди. Но если британский офицер разведки свою тягу к преодолению проблем с помощью спиртного показывает слишком часто, то от этого страдает не только его здоровье, но и его карьера. Очевидно, это и было причиной его даже не особо тайного предложения. Затем Беттани предлагал прочие совершенно секретные сведения прямо из логова британского льва. Свежий материал из МИ 5! Это было мечтой любого резидента КГБ, надо полагать. Но Аркадий Гук, пикантным образом, сам закоренелый пьяница, посчитал этот акт направленной провокацией и решил игнорировать предложение Беттани. Перед Гордиевским встал острый вопрос. Нужно ли ему предупредить своих друзей из британской разведки и поставить этим на карту свою безопасность или лучше предоставить делу возможность развиваться естественным путем? Если МИ 5 возьмет Беттани, это насторожит Москву. Ведь в лондонской резидентуре о предложении Беттани знали три человека: Аркадий Гук, его заместитель Леонид Никитенко и Гордиевский. То, что кто-то из этого трио - предатель станет ясно не позднее, чем начнется судебный процесс против Беттани. Решение вскоре пришло к Гордиевскому. Ведь Беттани снова предложил лондонскому филиалу КГБ свои услуги. Он мог доказать, что в советской сети безопасности есть "три дыры", и он может их назвать. Теперь быстрое действие для Гордиевского было продиктовано самозащитой. Ему следовало исходить из того, что он сам - одна из этих "трех

дыр". Двойной агент Гордиевский информировал МИ 5. Аркадий Гук остался глух и настаивал на тезисе о провокации. Беттани почти разочаровался ввиду малого интереса к нему со стороны лондонской резидентуры и решил обратиться к венской резидентуре КГБ. За несколько дней до своего вылета в австрийскую столицу его арестовали. Начался скандал. В демократических странах процессы проводят открыто - и на процессе становится ясно, о чем идет речь. Аркадий Гук был полностью опозорен. Упустить такую возможность - получать информацию из первоисточников - как говорят англичане, "прямо из рта лошади", возможность, которой у советской разведки не было со времен "Великолепной пятерки"! А кроме того, англичане объявили Гука "персоной нон грата" и выслали из страны. В Москве он так и не стал на ноги. Но в штабе КГБ завывали сирены. Кто был "кротом" в Лондоне? Сам Гук? Ну вряд ли! Для этого он слишком туповат. Никитенко?

Скорее он. Или Гордиевский. Теперь он, двойной агент, сидел один в своем кабинете, в центре КГБ, далеко от семьи, оторванный от заказчиков. Они вышли на его след, он чувствовал это. Но ничего не происходило - целую неделю. Положение изменилось в начале следующей недели. В понедельник, 27 мая в полдень зазвонил телефон. У аппарата был генерал Виктор Федорович Грушко, заместитель начальника Первого Главного Управления (псевдоним "Северов") - коммунистический солдафон наивысшей пробы. Грушко объяснил, что его, как избранного эксперта, ожидают на конференции по вопросам выработки новой стратегии для внедрения советских агентов в Великобританию. - А беседа с руководством? - спросил Гордиевский. Нет, пока придется подождать. Пока речь идет о внедрении. Грушко - какая честь! - сам подвез Гордиевского на своей черной "Волге" по московской кольцевой дороге на комфортабельную по советским критериям дачу, где их уже ожидали еще два офицера разведки. Гордиевский их никогда до этого не видел. Супружеская пара официантов принесла обед в виде бутербродов. Армянского коньяка было вдвойне. Грушко и другие пили его не меньше, чем сам Гордиевский. Затем открыли вторую бутылку коньяка. Официант налил Гордиевскому. Через пару секунд он почувствовал, что с ним что-то не в порядке. Ему подсыпали наркотики. Грушко вышел из комнаты, двое других начали допрос. В коньяк было добавлено химическое вещество, которое специально создано для таких случаев в лаборатории Управления К (контрразведка, разоблачение внутренних утечек). Вещество должно было, с одной стороны, снизить порог тормозных рефлексов человека, расслабляя его и заставляя говорить, с другой стороны - отключить контрольные механизмы его мозга. Ему казалось, что он сам сидит перед собой. Одна его часть видела, как другая без умолку говорит. Сначала они его спросили, знает ли он "других перебежчиков". Он ответил: "Нет".

Но они продолжали: "Ну признай же, что ты английский агент. Мы знаем это. У нас есть неопровержимые доказательства. Гордиевский снова только отрицал: "Нет, нет, это ошибка. Меня не вербовали. Я не агент!" Потом, чтобы сбить его с толку, они стали задавать другие вопросы: "Как можешь ты гордиться тем, что твоя дочь Мария читает молитву "Отче наш" на английском языке? Ты - чекист, разведчик!" Все это звучало для него, как доносящееся из дали. Но внутренний голос из еще нормально функционирующей части его мозга сигнализировал ему: "Ага, значит они знают, что маленькая Мария знает "Отче наш" на английском языке. Об этом он в Москве говорил только один раз, сидя на софе своей матери. Значит, в ее квартире установлены "жучки!" Затем они спросили его: "Под Вашей кроватью Вы спрятали антисоветские книги! Как Вы могли вообще незаконно ввезти эту писанину в страну?" Какое-то время Гордиевский лежал на полу, потому что наркотики сделали свое дело. Оба мужчины, очевидно, играли, распределив свои роли. Тот, кто постарше, с бледным лицом, казался больным. Он вел себя сдержанно. Позже Гордиевский узнал, что это был генерал Голубев из отдела К ПГУ, занимавшийся поиском двойных агентов в собственных рядах. От чекиста помоложе исходила большая опасность. Он казался умнее и задавал жесткие вопросы. Позднее Гордиевский идентифицировал его по фотографиям в досье британской разведки. Это был полковник Буданов, собака-ищейка отдела К.

Буданов поднял лежавшего на полу Гордиевского и грубо прислонил его к столу, на котором лежали остатки фатального обеда: "Признайся, наконец, что тебя завербовал П. " П. был британским разведчиком из МИ 6. "Им было нужно, - говорит сегодня Гордиевский, - мое признание. И я, несмотря на наркотики, чувствовал, что я ни в чем не сознался. Я только говорил:

"Я не знаю, о чем Вы говорите!" Голубев и Буданов оставили его лежащим на полу. Гордиевский лежал возле обеденного стола, был в сознании, но не мог встать. Он находился в состоянии пациента, накачанного наркотиками перед операцией, который, однако, все же мог наблюдать за своей операцией в полном сознании. Через некоторое время Голубев вернулся и принес напечатанный на машинке лист бумаги. "Это Ваше признание", - сказал он. "Вы только что признались в том, что Вы английский шпион. Теперь Вы должны подписать это признание!" Гордиевский попытался громко протестовать, но мог только шептать:

"Нет, это неправда. Нет, это не так!"

Затем он потерял сознание. Когда он проснулся следующим утром, его мучили ужасные головные боли. Он лежал на верхнем этаже дома, снова появилась

супружеская пара официантов дачи и принесла ему кофе. Гордиевский спросил их: "Вы подсыпали мне что-то вчера в пищу?" Оба непонимающе посмотрели на него и пожали плечами. Очевидно, им приказали не разговаривать с ним. Это были профессионалы - специалисты по обслуживанию "гостей" на одной из оборудованных камерами и магнитофонами дач для допросов КГБ. В половине десятого появились Голубев и Буданов. Они вели себя так, как будто вчерашний допрос был обычной нормальной беседой. Буданов спросил Гордиевского, какие части Англии он уже знает. Гордиевский ответил, что он был на нескольких партийных съездах Лейбористской партии в Блэ KPUле и Брайтоне, а так - лишь в Лондоне. Буданов еще немного поболтал о британских обычаях - "Кухня вовсе не так плоха, как ее обычно готовят, не так ли?" - а затем внезапно спросил:

"Почем

у Вы вчера вели себя так высокомерно? Сегодня Вы настроены намного более товарищески!" Гордиевский попросил прощения и объяснил, что ему было нехорошо, а подробности он не может вспомнить. Он подумал, что лучше всего молчать о том, что некоторые "подробности" очень хорошо запечатлелись в его памяти. Буданов сказал:

"Вчера Вы обвинили нас в том, что мы возрождаем атмосферу 1937 года, времени сталинских чисток. Мы докажем Вам, что Вы не правы. "Служебная машина КГБ привезла его домой, на Ленинский проспект. Гордиевский упал на кровать. Он очень устал, но заснуть не мог. Лишь теперь он почувствовал свой страх. Он совершил огромную ошибку, вернувшись в Москву.

Здесь он у них в руках. Но, очевидно, они дали ему время передохнуть. Двадцать лет назад его просто расстреляли бы даже по одному подозрению. Теперь КГБ нужны доказательства. Они надеялись на какую-то его ошибку. Если он угодил в западню, и, не желая этого, доставит им еще недостающие улики своей измены, несомненно, они его казнят. Гордиевский был прав. Всем сотрудникам ПГУ было известно дело полковника КГБ Олега Пеньковского (неточность автора.

Пеньковский был полковником ГРУ - прим. пер.), который, исходя из своих убеждений, в конце 50-х и начале 60-х годов шпионил в пользу Запада. В Лондоне его вели под псевдонимом "Алекс". в Вашингтоне - "мистер Янг". "Алекс" сообщил о намерении тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева раскалить до невозможности конфронтацию вокруг Берлина и спровоцировать инциденты на дорогах, ведущих в свободную часть города. Он поставлял сведения о ракетном вооружении СССР. Он посылал внутренние аналитические сводки о действительных отношениях Москвы с "социалистическими братскими странами".

Но советская контрразведка выследила его. Верным линии партии сотрудникам давно показалось подозрительным, что товарищ полковник питает необычайную страсть к некоторым товарам с Запада. Они устроили за ним тайную слежку и доказали свои подозрения. В разгар Карибского кризиса 1962 года Пеньковский был арестован и судим военным трибуналом. Через год "Иуда из Москвы", как его называла советская пресса, был расстрелян. Смертная казнь для шпионов не была феноменом лишь "холодной войны". Еще с 1986 по 1989 годы, в "рассвет" эры Горбачева, в разгар восхваляемых кампаний "гласности" и "перестройки" КГБ расстрелял 16 работавших на Запад агентов. Это означает, что они были приговорены к смерти военным трибуналом и переданы КГБ для казни.

Гордиевский не предполагал, что сам он представляет собой лишь мозаичный камешек интригующей игры. Ведь он был не единственным, кого в 1985 году предал Олдрич Хэйзен Эймс. В августе 1985 года сотрудник КГБ Виталий Юрченко перебежал со стороны Москвы на сторону Вашингтона и предложил свои услуги американским властям. В ЦРУ это посчитали большой удачей, особенно когда предполагаемый перебежчик идентифицировал одного из предателей в рядах ЦРУ - Эдварда Ли Ховарда. Юрченко находился в Вашингтоне ровно столько, сколько нужно было Ховарду для побега в Москву. Затем он исчез и сам, оставив всех с носом. Свое задание он выполнил. Однажды он снова очутился в Москве. На конференции в пресс-центре было сообщено, что Юрченко "передумал" и со смирением возвратился в милосердно прощающую семью КГБ. Достаточно прозрачная игра, как видим. Но ЦРУ и ФБР попались на эту удочку: специалисты обеих спецслужб были совершенно уверены, что именно Ховард был тем "кротом", на счету которого - целая серия "засветившихся" высококлассных агентов США, разоблаченных летом 1985 года. Например, Валерий Мартынов, сотрудник посольства СССР в Вашингтоне, агент ФБР. Расстрелян. Например, Сергей Моторин, сотрудник посольства СССР в Вашингтоне, агент ФБР. Расстрелян.

Например, Адольф Толкачев, эксперт по вопросам технологии в Министерстве обороны СССР в Москве, агент ЦРУ. Расстрелян. Но операция Юрченко и идентификация Ховарда были на самом деле лишь грандиозным отвлекающим маневром для отвлечения внимания от настоящего "крота" - Олдрича Эймса.

Ироничным образом, именно он допрашивал Юрченко и подписывал с ним протокол о том, что в смертях агентов виновен лишь Ховард. Предатель расследовал свое собственное дело - и, конечно, нашел предназначенного КГБ для этого "козла отпущения". На самом деле, он сам, Олдрич Эймс, выдавал американских агентов КГБ. Девять лет Эймс получал жалование от советской (а затем российской) разведки. До своего ареста в феврале 1994 года он подписывал

общей сложности полтора миллиона долларов за свои услуги. В делах Мартынова, Моторина и Толкачева улики были неоспоримы. Поэтому их сразу же расстреляли. Гордиевский ничего не знал об этих троих. Но предчувствие не обмануло его: если сойдутся все камешки в мозаике, то дело дойдет до него. Тогда он тоже будет казнен. Хуже всего было ждать. Он сидел в своей квартире и ждал, когда за ним придут. Это было невыносимо. Он должен был что-то сделать, понять, что у них есть против него. Гордиевский позвонил по телефону Михаилу Любимову, бывшему резиденту КГБ в Копенгагене, своему бывшему шефу. Любимов был единственным из коллег по КГБ, к которому Гордиевский питал определенные дружеские чувства. Любимов однажды предложил своему заместителю перейти на "ты", но тот думал о сохранении дистанции и отказался. Двойной агент не хотел быть близким с кем-то. Тем не менее, Любимов и дальше обращался к нему на "ты", но Гордиевский к нему - на "Вы". - Михаил Петрович, я в Москве. Меня отозвали. - Что это значит? - Я расскажу Вам позднее. Произошло что-то неприятное. Любимов, который вышел на пенсию еще пять лет назад, призвал его соблюдать спокойствие. - Не вешай голову, старина. Неприятности бывают в жизни. - Могу я к Вам подъехать? - Да, приезжай. Это произошло вечером 29 мая, в среду. Любимов так сейчас вспоминает вид Гордиевского: "Вошел человек, бледный, как смерть. Он был совсем белым. Он боялся, это чувствовалось. Таким я его никогда не видел. Он принес с собой бутылку виски, согласно старой традиции - хороший подарок человека, только что вернувшегося из заграницы. "Они уселись. Руки Гордиевского дрожали, когда он поднимал бокал. - Что случилось, - спросил Любимов. Гордиевский ответил: - У меня нашли запрещенную литературу - Солженицына, Сахарова и других писателей. Они запротоколировали это по всем правилам. Вы знаете, что это значит? Начинается новый 1937 год!" Эта история ранила меня прямо в сердце, " - вспоминает сегодня Любимов. "Ведь я тоже привез из Копенгагена три чемодана с книгами Солженицына и других классиков. Я действительно подумал: "Боже мой, неужели это начинается снова. " Как я мог его утешить?" Любимов сказал: - Послушай, Олег, это все дело, может быть, вовсе не так плохо. В конце концов, они пошлют тебя в Институт Андропова. Так называлось учебное заведение КГБ, куда посылались руководящие кадры, имевшие неприятности. - Ты же всегда любил интеллектуальную работу. Там ты сможешь преподавать. . . "Так я пытался его утешить", - вспоминает сегодня Любимов. "Но он все сидел, качая головой и приговаривая: "Нет, нет, это не получится. " Сегодня я знаю, что это все была умная игра. Он хотел услышать, выведать у меня, что я знаю. А я этого совсем не заметил. Уже после его первых слов я сказал: "Постой, Олег, пойдём в маленькую комнату. " Ведь в моей большой комнате стоял телефон. А я исходил из того, что телефон служит также подслушивающим устройством. И, знаете, что я сделал, когда он ушел. Я собрал все мои запрещенные книги и закопал их. . . "В тот же день Лейла Гордиевская в Лондоне безрезультатно ожидала звонка своего мужа из Москвы. До сего дня он ничего не сообщал о себе. Неужели что-то случилось? Она позвонила в посольство и спросила, не получали ли они известия от Олега. Секретарша сказала, что нет. Через полчаса ей позвонили в дверь. В коридоре стоял Никитенко из резидентуры. "Лейла, знаете, у Олега Анатольевича возникли проблемы с сердцем и поэтому он решил провести отпуск в Москве. Он просит Вас вылететь к нему в Москву. "У Лейлы Гордиевской не зародилось никакого подозрения. Как жена офицера, она привыкла быстро менять решения. Она упаковала легкие вещи для жаркого московского лета и поехала на следующее утро с детьми в аэропорт. Это был четверг, 30 мая. "Мы буквально летели с "ручной кладью". Меня привезли к самолету. А я, такая тогда наивная, сказала: "Вы можете идти, я сама дойду до самолета. " Но они сопровождали меня до самого кресла и покинули самолет только когда я и дети пристегнули ремни. Что это означало, я поняла лишь много позднее. "Примерно в то же время, когда его жена садилась в самолет, Гордиевскому в Москве приказали прибыть к Грушко. В кабинете заместителя начальника ПГУ находились кроме него генерал Голубев и начальник отдела Гордиевского Николай Петрович Грибин, выглядевший еще мрачнее, чем обычно. Грушко начал беседу в официальном тоне: "Что касается Вас, товарищ Гордиевский, то мы уже давно знаем, что Вы ведете двойную игру. Мы знаем об этом из одного особого источника. Из какого - Вы никогда не узнаете. "Трое офицеров взглянули на него, как будто на воплощение дьявола. Гордиевский заставил себя сохранить спокойствие. Могут ли они слышать стук его сердца?" Вчера вечером, - продолжил Грушко, - мы с Владимиром Александровичем Крючковым очень долго обсуждали Ваше дело. Он решил, что Вы должны немедленно прервать Ваше пребывание в Англии. Ваша семья сейчас возвращается в Советский Союз. Но Вы и дальше можете работать в КГБ, только, конечно, без командировок в Англию или Скандинавию. Ну, что Вы думаете об этом?" Гордиевский молча кивнул. "Пусть они думают, что ты глуп, - подумал он. Если они уже знают или предполагают, что я работаю на британскую разведку, то дальнейшая работа в КГБ для меня совсем немыслим. " Это все было трюком, направленным на то, чтобы он выдал себя. Они и дальше будут следить за ним. Они надеялись, что он в отчаянии совершит какие-то действия, которые помогут его

разоблачить, например, попытку контакта с британской разведкой. Они хотели сыграть с ним в кошки-мышки. Он решил вести себя так, будто не понимает, в чем дело. "Что касается упреков в мой адрес, то я действительно не знаю, о чем Вы говорите. Все это, видимо, какое-то недоразумение. Но как офицер, я, конечно, выполню Ваше решение. Сцена эта не была трибуналом, она граничила с абсурдом - прежде всего тогда, когда Гордиевский извинялся за то, что "заснул" во время "разговора" на даче. "Видимо, что-то не в порядке было с едой," - сказал он. Голубев возмущенно возразил: "Нет, это не так. Еда была в полном

порядке!" Конечно, он был прав; наркотики были не в икре, а в коньяке. Грушко с облегчением отметил, как спокойно Гордиевский, казалось, воспринимает свое отстранение от службы. "Вы получите отпуск до 3 августа, - сказал он, - затем сообщите мне. И никаких звонков в Лондон, понятно?" После этих слов Гордиевского отпустили.

Перед дверью он хотел еще попрощаться со своим старым начальником отдела Гробиным, но тот не подал ему руки: "Я не знаю, что сказать. Несите свой жребий с самообладанием. Гордиевскому предоставили служебную машину с водителем, чтобы забрать свою семью в Шереметьево. Там ему пришлось прождать почти три часа, пока он не встретился снова с Лейлой и девочками. Они прошли не через обычный таможенный коридор, а откуда-то сбоку, через какое-то бюро. В машине жена прошептала: "У меня отобрали паспорт. Что случилось? Что с твоим сердцем?"

"Тише, - ответил так же тихо Гордиевский, - мое сердце в порядке. " Когда они были в квартире, и дети сидели перед телевизором, Гордиевский вывел свою жену на балкон. Он не был с ней откровенен, и Лейла ему этого так никогда и не простила. Но мог ли он действительно посвятить ее в правду? Не было ли это угрозой для нее?" Кое-что происходит, понимаешь," - зашептал он. "Меня подслушивают. Они по какой-то причине меня подозревают.

Я принадлежу к кругу претендентов на высокий пост, А так как кандидатов много, то против меня начали собирать материал. Они хотят сломать меня. Я чувствую, как затягивается петля. Они копают все вокруг. может быть, они бросят меня в Лубянку. Может быть, они будут меня пытаться. Но все равно, что бы ни произошло, ты должна знать: я люблю тебя, я люблю детей. И если тебе будут говорить плохо обо мне - прошу, не верь им!" Лейлу Гордиевскую это окончательно запутало: зачем эта мелодраматическая вспышка? Она подумала: "Почему он клянется мне в своей любви, как будто мы только что познакомились? Что это значит? Мы ведь семья. У нас есть дети. К чему эта излишняя болтовня?" Она не поняла, что хотел сказать ей Гордиевский, ведь она ничего не знала. Восемь недель спустя на допросе в КГБ ей

пришлось вспомнить каждое слово, сказанное на балконе. Перед тем, как уйти в отпуск, Гордиевскому пришлось сдать все свои "антисоветские" книги в библиотеку Первого Главного Управления и подтвердить это своей личной подписью. Он не сомневался, что существование этих книг будет использовано на процессе против него. Затем последовали две сладко-горькие недели с Лейлой, Марией и Анной, омраченные для Гордиевского его знанием того, что ему предстоит разлука с семьей. Ведь ему уже было ясно: он должен бежать. "У меня был выбор: либо остаться в Москве, когда-либо подвергнуться аресту и быть расстрелянным, либо бежать, оставив семью. Я выбрал второй вариант. Ведь так у меня хотя бы оставался шанс, бороться извне за мою семью. Так я тогда думал. "Эта надежда, конечно, тоже присутствовала. Но сперва самым

главным было желание спасти свою жизнь. В середине июня 1985 года Гордиевского направили на "отдых" в Семеновское, в санаторий КГБ. Обычно он остался бы с семьей, но КГБ хотел держать его под наблюдением. После посещения Гордиевского Любимов позвонил его начальнику отдела Грибину, которого хорошо знал, и спросил: "Послушай, Коля, что вы сделали с Олегом? Он совершенно потерял голову! Он почти спятил, он просто болен!" Грибин выкрутился: "Не беспокойся, он едет в Семеновское. Мы

думаем, там он приведет в порядок свое здоровье. А когда вернется, все пойдет как по маслу. "В санатории Гордиевский так же круглые сутки был под колпаком, как и в Москве. Это начиналось с соседа по комнате, офицера погранвойск, а заканчивалось библиотекарем КГБ, который должен был следить за книжными интересами Гордиевского. Чтобы не вызывать подозрений, Гордиевский изучал карты областей, через которые он собирался бежать, стоя у полок. "Это было очень трудно. Советские карты обычно бесполезны. Они, как правило, содержат много неправильных данных. И я не мог брать их с собой в комнату. Потому что тогда библиотекарь, наблюдавший за мной как насадка, сразу сообщил бы куда следует, что я изучаю карты. Так что я смог делать это только в библиотеке. "Но Гордиевский готовился к возможному побегу из Москвы еще в 1977 году. Тогда, когда он уже шпионил на англичан, и приближался конец его второй датской командировки, он начал думать о своем исчезновении. Он делал зашифрованные заметки, непонятные для любого другого читателя. План побега был давно известен британской разведке. Перед своим отъездом из Лондона Гордиевский еще раз обсудил его с англичанами - для страховки. Было решено, что он в центре Москвы подаст определенный сигнал о том, что план пора приводить в действие. Но пока он был вне города, в Семеновском. Туда из осторожности он не брал своих заметок для побега. Недалеко от его московской квартиры в доме, населенном

сотрудниками КГБ, он снял гараж. Там его чертежи были спрятаны в щели между двумя кирпичами. Мысль, что КГБ может обыскать его гараж, усиливала его нервозность. Конечно, заметки были зашифрованы, но если их найдут, все равно возникнет вопрос: какой цели служили эти исписанные мелким почерком блокнотики, спрятанные в стене гаража? Гордиевский молился, чтобы КГБ оставил вне внимания такое примитивное место, как гараж. Тем более не мог он позволить себе уничтожить заметки. Он все еще был слишком взволнован, чтобы уяснить себе полный план побега. Так что ему приходилось ждать, пока окончится недобровольное пребывание в Семеновском. Побег из Советского Союза оказался сложной и рискованной игрой не на жизнь, а на смерть. До Гордиевского это не удавалось ни одному разведчику. В план побега входил многочасовой пеший марш через области СССР, граничащие с Финляндией. Нетренированный двойной агент должен был к этому подготовиться. Он начал совершать пешие прогулки и пробежки: сначала час в день, затем два, в конце - внимание! - целых четыре часа. Теперь для его филеров пришли трудные дни. Пока он гулял по парку санатория, он был в поле зрения слежки, которая стояла все время у одних и тех же кустов, делая вид, что занимается своими делами. Однажды Гордиевский специально простоял на месте пятнадцать минут, чтобы проверить, как будет реагировать "хвост". Он тупо стоял в одном и том же положении: спиной к "объекту", руки на животе. При пеших прогулках Гордиевский однажды через четыре дня увеличил скорость - и ему удалось отвязаться от преследователей! Но он всегда возвращался назад. Это успокоило следящих, так что они лишь изредка преследовали его при его пробежках. Однажды ему удалось даже получить разрешение на выезд в Москву под тем предлогом, что его жена с детьми уезжала на дачу ее отца на Кавказ. Ему удалось оставить в Москве оговоренный сигнал, инструктировавший британскую разведку о его плане побега. Затем он встретился с женой. Мария и Анна вернулись в этот день с дачи матери Гордиевского. Супружеская пара купила в магазине одежды легкие летние вещи для путешествия. Затем настал момент прощания. Гордиевскому было ясно, что его жена очень долго больше не увидит его, если ей вообще удастся его увидеть. Она этого, естественно, не знала. Лейла Гордиевская на этой неделе была занята только тем, как бы снова приучить детей к жизни в СССР, что им нужно из одежды, в какую школу они пойдут. Оба и реагировали соответственно. Гордиевский надеялся на жест любви, который помог бы ему продержаться в последующие годы. Но ничего подобного не было. Лейла лишь одарила его легким поцелуем. Затем она сказала: "Ну, пока!" Гордиевский ответил: "Ты вполне могла бы вести себя понежнее. !Лейла удивлено посмотрела на него. Затем она повернулась и пошла. Она не видела с того момента своего мужа шесть лет. Еще болезненной оказалось расставание с детьми, которые смогли посетить его в санатории за день до их отъезда на Кавказ. Когда он посадил девочек на поезд, он их так крепко обнимал и прижимал к себе, что чуть было не поехал с ними, когда поезд тронулся. "Я чувствовал большую боль. Я ведь не мог сказать, что я собрался делать, потому что не хотел потерять детей. Несмотря на это, меня принудили к этому ужасные условия, решение о жизни и о смерти. Мне было невыразимо горько. Но у меня не было иного выбора. "10 июля Олег Гордиевский вернулся в свою московскую квартиру. . День спустя в оговоренном месте он оставил второй знак для МИ 6. Теперь дата его побега была установлена. Отчет времени пошел.

Днем побега должна была стать пятница, 19 июля 1985 года. В субботу и воскресенье его не скоро хватятся. И в КГБ служба начнется лишь в понедельник. Кроме того, на следующий день в Москве должен был начаться широко разрекламированный Всемирный фестиваль молодежи. Гордиевский надеялся, что спецслужбам придется переориентировать свое внимание на многочисленных иностранцев, посещающих Москву. Теперь нужно было подготовить парочку отвлекающих поездок. Сперва он по телефону записал свою "Ладу" на обязательное техобслуживание на 22 июля. Затем он, тоже по телефону, обещал своей сестре посетить ее на даче 20 и 21 июля. Затем он позвонил Любимову и попросил о встрече. Любимов ответил: "Да просто приезжай!" По пути к своему другу Гордиевский заметил, как сильно за ним следят. Был жаркий день, он шел пешком и видел при этом двух мужчин в зеленой машине "Жигули", которые ужасно истекали потом в своих темных куртках. Сидевший рядом с водителем человек что-то тихо говорил в микрофон. В КГБ учат, что тот, за кем ведется наблюдение, должен лишь тогда уделять внимание своим "хвостам", если у него действительно есть задание, о котором никто не должен узнать. Если это не так, если ты просто идешь гулять или в магазин, то слежку надо просто игнорировать, ничего не предпринимая. У Гордиевского не было никакого интереса уходить от слежки. Наоборот, он хотел, чтобы они знали, где он был и с кем встречался. Гордиевский принес бутылку водки "Столичная", но Любимов отказался пить. Ему нужно было еще ехать на машине. Антиалкогольная кампания Горбачева была в самом разгаре, и нарушения правил об управлении машиной в нетрезвом состоянии сурово наказывались. Гордиевский таким образом пил один - акт, который скрупулезно был запротоколирован КГБ. Очевидно, он послужил основой для выдвинутого позже обвинения, что-де перебежчик был алкоголиком. Разговор

длился лишь полчаса. Любимов заметил, что Гордиевский выглядел по-прежнему нервным и суетливым, совсем не отдохнувшим. Он предложил ему посетить его на следующей неделе в Звенигороде, "скажем, в понедельник". "Там я месяц буду жить в доме отдыха. Там мы можем поговорить с тобой, Олег, и ты успокоишься. Гордиевский согласился. Дома на отрывном календаре он написал под датой 22 июля: "10. 00 - Звенигород - встреча с Любимовым". Календарь он положил на стол в своей комнате. У Любимова позже возникло оправданное чувство, что Гордиевский использовал его как пешку в шахматной игре: "Он играл со мной в кошки-мышки. Это было профессионально. Но так как речь шла об его жизни, мне трудно сердиться на него. Гордиевский вел себя как паук, за которым охотятся, и который, защищаясь, натягивает липкую сеть - сеть лжи. Но самая тяжелая ложь еще была впереди. Вечером 17 июля, в среду, он позвонил своей жене на Кавказ: "Лейла, 31 июля я приеду к вам. У меня уже есть билет на самолет. Тридцатого я позвоню тебе. Пожалуйста, встреть меня с детьми в аэропорту в Баку. Я люблю тебя!" Это было последней фразой, которую Лейла Гордиевская услышала от него до сентября 1991 года. На следующий день, 18 июля Олег Гордиевский покинул свою квартиру на Ленинском проспекте, чтобы совершить пешую прогулку - и чтобы купить билет на поезд до Ленинграда. После пяти километров быстрой ходьбы он заметил, что его уже не преследуют. Его слежка, очевидно, предпочитала дожидаться своего слишком спортивного подопечного у дверей его дома. Он сел на автобус до Ленинградского вокзала и купил билет на ночной поезд с 20 на 21 июля. Так как он пришел слишком поздно, то ему досталось самое плохое место в купе на шесть человек - внутри сверху. Но теперь уже было все равно. У него был билет. Последнюю ночь дома Гордиевский не спал. Возле его кровати стоял металлический поднос, на котором он разложил свои от руки написанные заметки для побега и карту автодорог, а рядом - коробок спичек. Если бы ночью в квартиру ворвались люди КГБ, чтобы арестовать его, он смог бы заранее сжечь инструкции и карту. Но наступило утро, и никто не прибыл, чтобы взять его. Гордиевский дождался послеобеденного времени. Он сжег свои инструкции. За прошедшее время он выучил их наизусть. Затем он надел тот свой старый спортивный костюм, к которому уже хорошо привыкли его филеры из КГБ, и покинул дом. Было четыре часа дня. Он начал бежать. Необычно было лишь то, что он нес в руке пластиковые кулек. Что было в нем, послужило темой для многочисленных предположений во время расследования. Его содержание состояло из бритвы, зубной щетки, куртки, кожаной кепки, загранпаспорта Гордиевского и его удостоверения КГБ, где стояло еще не новое его звание "полковник", а старое - "подполковник". Билет до Ленинграда Гордиевский спрятал в трусах. Он пересек Ленинский проспект и через 200 метров достиг парка Горького. Территория парка в этот летний пятничный вечер была полна людей. Прогуливались влюбленные парочки, продавцы кваса предлагали свой кисловатый освежающий напиток, перед колесом обозрения выстроилась длинная очередь. Никто не обращал внимания на бегуна. Гордиевский исчез в толпе. Он добежал до конца парка, пересек Крымский мост и свернул на Зубовский бульвар. Там он купил дешевую сумку для покупок, засунул в нее свой кулек и на метро поехал на Ленинградский вокзал. На перроне было полно милиционеров, проверявших паспорта и державших людей в поле зрения. Но их внимание было обращено лишь на прибывающих - гостей Всемирного фестиваля молодежи. Отъезжавшие их не интересовали. Но Гордиевскому все же пришлось провести два беспокойных часа в не особо чистом мужском туалете. В восемь вечера он сел в поезд. Спальное купе было полно. Гордиевский вскарабкался на свою полку, внутри сверху, и попытался уснуть. Это ему не удалось. Он знал, что ему нужно спокойствие, ведь на следующий день ему придется потратить все свои силы. Он принял две таблетки снотворного и закрыл глаза. Когда поезд подъехал к Калинин, он уснул. Ночному поезду из Москвы в Ленинград для преодоления расстояния в 680 км нужно чуть больше 8 часов. Около полуночи в Торжке поезд остановился с сильным толчком. Гордиевский упал с полки, головой вниз, и, ударившись об пол, сильно поранился. На лбу, на плечах и руке появились сильно кровоточащие раны. Череп болел, купе расплылось перед его глазами. Он получил сотрясение мозга. Подбежала проводница и включила свет: "Может мы Вас отправим в больницу?" "Нет, все в порядке," - прошептал Гордиевский. Она поглядела на него и покачала головой. Гордиевский сунул ей бумажку в пять рублей: - Пожалуйста, дайте мне полежать. У меня в Ленинграде важная встреча. Она дала ему бинт из аптечки и выключила свет. Остаток путешествия Гордиевский пролежал на полу. В 4. 15. утра поезд остановился на Московском вокзале в Ленинграде. Гордиевский чувствовал себя не особенно хорошо. Он вышел на Невский проспект, глотнул свежего утреннего воздуха, и через километр свернул вправо к реке Неве. Никто за ним не следил. Он пошел на север по Литейному проспекту, пересек Литейный мост и остановился у Финляндского вокзала. Перед современным зданием вокзала возвышается монументальный памятник Ленину из бронзы. Он напоминает об историческом событии. Ночью 17 апреля 1917 года Ленин, только что вернувшийся из эмиграции, обратился с башни броневика перед вокзалом с речью к приветствовавшим его тысячам рабочих и

солдат. Постамент памятника изображает башню броневика. Гордиевский подошел к нему совсем близко. На постаменте можно было прочесть заключительные слова речи Ленина:

"Да здравствует социалистическая революция во всем мире!" Это были слова эмигранта с Запада, который хотел построить лучший мир - при необходимости и путем насилия. Гордиевский ощутил иронию ситуации. Он, товарищ, покидает созданную революционером родину трудящихся масс не через какую-то заднюю дверь, а через культовый вокзал Великой Октябрьской Социалистической революции. Без десяти шесть поехал первый пригородный поезд в Выборг. По дороге Гордиевский вышел, сел на автобус, идущий на север, снова сошел и пересел на автобус на юг. От границы его теперь отдаляло лишь пятнадцать километров. Он наизусть знал свои инструкции. Согласно им, ему нужно было выйти на определенной остановке автобуса. Внезапно он почувствовал, что что-то не так. Он проехал условленную остановку. Гордиевский встал, подошел к водителю и сказал: "Простите, товарищ, остановите, пожалуйста. Мне плохо, меня тошнит." То, что он плохо себя чувствовал, было правдой. Он был белый, как полотно. Кроме того, он вполне осознанно отрастил себе трехдневную бороду. В старом тренировочном костюме он был похож на бродягу. Это было преднамеренно: чем запущенней выглядишь, тем меньше вызываешь подозрений.

Водитель автобуса посмотрел на него немного удивленно. Кто живет на границе, приучается к недоверчивости. Власти постоянно информировали население, на что оно должно обращать внимание. Но Гордиевский смог выйти. Он сошел с дороги и пошел назад параллельно ей. Трава была почти с человеческого рост. Было 11 часов утра. Солнце жгло. Тысячи комаров не нашли никакой другой цели, кроме его кожи. Они чувствовали, что он боится. Гордиевский вытянул из сумки кожаную кепку и надел ее. Теперь защищена была, по меньшей мере, его лысина. Он выглядел отважно. Однажды он услышал приближающийся шум. Мимо проезжал военный автобус. Все пассажиры были в форме. Они могли его заметить. Инстинктивно Гордиевский упал на землю. В этот момент он понял, что совершил ошибку. Что они подумают? Неизвестный, который падает в траву близ строго охраняемой границы, когда видит военный автобус! Его кепка слетела, комары уселись на голове. Но военный автобус проехал мимо. В два часа пополудни Гордиевский достиг места встречи. Он лег в траву и ждал. Машина появилась ранним вечером. Время было договорено заранее. Они должны были пересечь границу в тот момент, когда пограничники кормили своих собак. Дипломатам не нужно выходить из машины при пересечении границы. Они показывают свои дипломатические паспорта через окошко машины, пограничник забирает их для контроля на пост, командир сверяет фамилии со списком аккредитованных дипломатов. Если имена значатся в списке, то пограничник возвращает паспорта, отдает честь и разрешает выезд. Машину обыскивать не разрешается - кроме тех случаев, когда что-то учуют выдрессированные на поиск людей служебные собаки. Потому момент кормежки собак был особо важен. Гордиевский лежал в багажнике машины. Когда машина остановилась, он услышал шаги и голоса двух пограничников. Они звучали совсем рядом, в одном метре от него. Чуть дальше слышался собачий лай. Он не приближался. Они попали точно во время кормежки собак. Голоса пограничников удалились. Все указывало на то, что им не нужно ничего долго проверять. Весь контроль на КПП продлился лишь шесть минут. Для Гордиевского это были самые долгие шесть минут в его жизни. Тут он услышал, как голос сказал по-русски:

"Счастливого пути!" Машина двинулась. Через три минуты Гордиевский был на финской земле. Ему удалось то, что до него не удавалось ни одному офицеру КГБ - побег на Запад. Гордиевский был в Финляндии, его жена - в Советском Союзе. После исчезновения мужа для ничего не подозревавшей Лейлы начался шестилетний кошмар, от последствий которого она до сих пор не оправилась. На нее разозленная власть вылила часть гнева, предназначавшуюся ее мужу. КГБ взял Лейлу Гордиевскую в заложницы. "Когда он 30 июля не позвонил, а 31 не приехал, меня охватила паника. Я стояла с детьми в Баку в аэропорту, а его не было. Я позвонила ему домой в Москву. Но никто не брал трубку. Я позвонила соседям, они звонили и стучали в дверь, но никто не открывал. Тогда я попросила соседку засунуть под дверь бумажку "Срочно позвоните Лейле, она волнуется!" Но снова никакой реакции! Тут я подумала о самом худшем! Может быть, когда он принимал ванну, у него отказало сердце? Я схватила детей, прилетела в Москву - и не нашла ничего!! В таких случаях жена офицера КГБ знает, что ей следует делать. Она позвонила в КГБ:

"Мой муж исчез. Вы можете мне помочь?" - Ну успокойтесь! Он, наверное, на какой-то даче!" - Ну нет. Это на него не похоже. Он не переносит дач. Олег - человек, любящий комфорт. Когда у него нет теплой воды и светло-голубого туалета, он ужасно страдает! Она рассказывает нам это на месте событий - в ее старой московской квартире. Хотя Лейла со своим мужем уже живет на Западе, она осознанно оставила за собой свою московскую квартиру:

"Мое убежище". "Тогда я нашла на столе записку о Михаиле Любимове. Мы позвонили ему. "Да, он хотел приехать, но не приехал." Тут начался настоящий цирк. Пришли эти ребята в черных куртках и обыскали нашу квартиру! Это длилось восемь часов. И они проводили обыск не

только в нашей квартире, но и в квартире матери Олега. От такого волнения пожилая женщина заработала сердечный приступ. Они искали, но ничего не нашли.

Я сказала: "Найдите же моего мужа. Все равно, даже если он у другой женщины, главное, чтобы он был жив. Как же выяснилось, что он был западным шпионом?" Это мы уже довольно скоро узнали через англичан. Они хотели добиться моего выезда. Но меня не выпустили. К этому времени мне уже не стало легче от того, что он жив; я была как в трансе. Они начали допрашивать меня: "Вы же его жена! Вы жили с этим человеком! Как Вы могли не заметить всего этого?" Я защищалась: "Ах так, товарищи? У Вас тысячи людей, которым платят за то, чтобы они ловили шпионов. Вы не замечали в нем ничего в течение 14 лет. Я была только его женой, шесть лет! Я родила ему двоих детей, я стирала, шила, гладила; я делала все, что делает супруга. Но я то же могу Вас кое в чем упрекнуть: Вы дали ему уйти!" Но Лейла, - сказали они тогда, - что за странные мысли!" "Ну да? - возражала я. "Я должна была при родах или других интимных занятиях, наверное, думать: черт, а вдруг он западный шпион? Я так не поступала. Это была моя ошибка? Если да, то я за нее уже достаточно наказана!" "Простите, но такой вопрос мы задаем и сами себе: Как мог Ваш муж так контролировать себя, что ничего не заподозрила даже его жена?" "А что я должна была заподозрить? Все в нем было ориентировано на то, чтобы скрывать свои дела, прятать их. Это было его второй натурой. Что за жизнь, постоянно под напряжением! Я не смогла бы так жить! Я полная противоположность Олегу. Но он не мог жаловаться на меня. Тогда его проклял весь мир. Его друзья предали его, его родственники его обвиняли, даже мать отказалась от него. Я была одна, кто был на его стороне. Люди говорили: "Нет, как ты можешь! Он оставил тебя с двумя детьми, совсем без средств!" Но я думала: "Ладно, такое бывает. Может быть, он меня больше не любит, может он ушел к другой. Но приди и скажи честно, что ты меня не любишь, что ты больше не хочешь меня!" Я объясняла чиновнику, который ежедневно допрашивал меня: "Пока я не увижу его глаза, я не поверю никому другому." Но вынести это было так тяжело, так тяжело. . . "Эта женщина страстная, импульсивная, спонтанная. Быть ее мужем - не "подработка". Но не для такого мужчины с самообладанием, как Олег Гордиевский. В октябре 1985 года беглец заочно предстал перед военным трибуналом по обвинению в государственной измене. Процесс не был открытым.

"14 ноября был вынесен приговор: смертная казнь. Хороший подарок сделал он мне ко дню рождения. . . "Лейла Гордиевская родилась 14 ноября. "О приговоре я узнала совершенно случайно. Ведь это был секретный процесс. Меня там не было. Мне рассказал его так называемый адвокат. Я позвонила своим друзьям: "Вы знаете, что произошло? Почему вы не звоните мне?" Теперь я, дуручка, знаю, почему. Они боялись. Они не хотели иметь со мной ничего общего. "- КГБ следил за Вами?- Еще как следил. Это длилось шесть лет и два месяца, шесть лет и два месяца меня всюду преследовала толпа мужиков. Знаете ли Вы, как это было? Представьте: три смены наблюдателей каждый день, и каждый пишет отчет. Только денег, потраченных на бензин, хватило бы мне до конца жизни. В архиве КГБ лежит мое досье: дюжины томов. Макулатура, только макулатура. - Сколько людей обычно следили за Вами?- Обычно восемь. Только если происходило что-то особенное, например, когда приезжала миссис Тэтчер, их было 12. КГБ, вероятно, боялся, что журналисты захотят вступить со мной в контакт. - Как вели себя эти мужчины по отношению к Вам?- Они были вежливы. Мы ведь, в конце концов, годами были вместе, понимаете? Зачем им было мучить меня? И потом. . . я была так одинока, что иногда радовалась, видя знакомые лица, даже если это были лица моих стражников. Я ведь жила как под стеклянным колпаком. Я была изолирована, вытолкнута из жизни - жена шпиона. Вокруг меня был вакуум: можно кричать, можно бегать вокруг, носясь как таракан, но никто не слышит тебя. Все, что имеет значение, это слова: "Она жена шпиона." Это как клеймо, которое нельзя смыть. - Вас травили?- Не только меня. но и моих детей. И изменилась совершенно не только наша жизнь, но и жизнь матери Олега. Сразу после смертного приговора она позвонила мне, ей было уже восемьдесят лет, и ей нужно было идти для проверки здоровья в поликлинику КГБ: "Ах, Лейла, когда я там сидела и ожидала своей очереди, по громкоговорителю объявили: "Следующая - Гордиевская!" И все пенсионеры отвернулись и отодвинулись от меня, глядя с ужасом. Они все знали. Как мне, старой женщине, жить с таким позором?" Я, конечно, успокоила ее, но я и сама не была убеждена в моих аргументах. - У Вас никогда не было чувства, что Ваш муж Вас опозорил?- Да, из-за детей. Наш дом в Москве это дом КГБ. Все отцы работают в разведке. Дети ходят в одну школу. У моих дочек была куча подружек. Однажды вдруг никто не захотел с ними играть. Тогда я спросила пятилетнюю крошку: "Почему ты больше не хочешь играть с Машей?" Она ответила: "Моя мама сказала, что я должна забыть Машу." Тогда я взяла детей и увезла к моей матери.

Там они хотя бы могли ходить в школу, где их никто не знал. - А за счет чего Вы жили все эти годы?- За счет пенсии моего отца. Мы все жили за его счет: он сам, моя мать, мои дети и я. Я не могла зарабатывать, мне не давали работы. Я была женой западного шпиона. Я даже не могла продать нашу мебель. Вплоть до последней ложки для обуви все было перепилено. Даже нашу машину они

арестовали. И тот самый следователь, который арестовал машину, украл ее из гаража, катался на ней полтора года, а потом продал. Я хотела защитить свои права, обратилась в суд. "А чего ты хочешь", - сказали они. "Ты же жена шпиона."

Четыре года я боролась, я хотела защитить свои права. Потому у меня не было уже на это сил. - Вы потратил всю силу на детей. - Собственно, на ежедневную жизнь. Уже магазины мучили меня. Начинать нужно было в восемь утра, иначе ничего не доставалось. Я как собака носилась по магазинам. Три часа нужно стоять в очереди за колбасой и получаешь только полкило, не больше. Потом молоко. "Только один пакет? У меня же двое детей!" "Тогда покажи документ! Только если у тебя трое детей, ты получишь больше!" И все смотрят зло, как псы. Мне нужна была вся моя сила, чтобы выжить. Для романтических мыслей места не было. - И не было места для других мужчин? Для плеча, к которому можно было прислониться? - Я никому не хотела причинять опасность. И поэтому я построила сама вокруг себя эту стену.

Я ведь была как прокаженная. Разговаривать со мной было опасным. Я никогда не звонила кому-то сама, не подходила ни к одному из мужчин. Если какой-то простак в метро засматривался на меня и, приблизившись, бросал: "Привет, девушка!", я ведь знала, что за мной следит толпа наблюдателей, замечавших каждый мой взгляд и шаг. Я всегда очень боялась таких попыток сближения.

Какой-то Вася, который меня совсем не знает и ничего не знает об этом деле, внезапно подходит ко мне - и попадает в компьютер КГБ. От этого он не избавится всю свою оставшуюся жизнь. Сколько людей отмечены там в моем досье? людей, которых я совсем не знаю? - Пытался ли Ваш муж установить с Вами контакт? - В 1987 году он написал мне первое большое письмо и официально передал его в МИ 6. МИ 6 передала его в британское Министерство иностранных дел, а оно переслало письмо советскому посольству. Посольство послало его в МИД СССР.

МИД передало его в КГБ. КГБ вызвал меня в приемную на Лубянке. Там они сказали мне: "Лейла, мы не читали это письмо. Оно профессионально заклеено, но мы очень заинтересованы. Это первый знак его жизни. Что в этом письме?" - Я тоже спрощу Вас об этом? - Там была та же история, которую он рассказал мне на нашем балконе. Что он должен бежать, потому что против него плетут интриги, что он невинен, как пташка божья. Это, конечно, была полная чепуха, потому что западная пресса давно рассказала правду. - Последовали многолетние требования британского правительства, чтобы Вам разрешили выехать. Но это стало возможным только после путча в августе 1991 года. - Это просто ударило меня, полностью ошеломило. Тебя несет, и ты плывешь по течению с огромной скоростью и не можешь от нее защититься. До этого я жила, как на кладбище. Затем жизнь оказалась для меня цветной рекой, все вертелось вокруг меня. Люди разговаривали со мной, а я уже отвыкла говорить, окаменела, потому что я годами говорила себе: "Разговаривать опасно, молчи!" Это было как болезнь, длившаяся годами, пока я не освободилась от нее. - Шесть лет подряд Вас травили как жену западного шпиона, теперь Вы популярны по этой же причине. Над этим можно плакать или смеяться.

Как Вы реагировали? - Я уже была не в состоянии показывать свои чувства. Я воспринимала только абсурдность ситуации. Меня везли из города как высокого государственного гостя. Целая колонна машин сопровождала нас до Шереметьево.

Экипаж приветствовал меня, детей посадили в кабину пилотов и подарили какие-то сувениры. Я пила шампанское, для нас был зарезервирован весь Первый Класс. За нами уселся рой журналистов, ожидавших, что я уделю им пять минут своего времени.

Понимаете, что я чувствовала? Шесть лет я была вытолкнута из жизни, а теперь, очевидно, для всего мира наивысшим счастьем была возможность поговорить со мной. Что за абсурд! - А затем встреча с Вашим мужем в Лондоне: боялись ли Вы ее? - Не я, а он. Я незадолго до этого позвонила ему и сказала: "Олег, будь готов к тому, что дети не бросятся обнимать тебя." Раньше они, увидев его, сразу бросались ему на шею: Папа, папа! Сейчас этого не будет. Да, я понимаю, сказал он. Но он этого так и не понял. Для детей он стал чужим дядей. Уже больше не было чувства любви. Они чувствовали, что их оставили на произвол судьбы.

Тут я упрекала себя. Дети были мною вырваны из привычного окружения, от людей, которые их любили, и которых любили они, в вакуум, где они были чужими, они ведь даже больше не знали английского языка, не понимали ни слова. Они спрашивали: "Мама, зачем ты нас привезла сюда? Пожалуйста, давай вернемся в Москву." - А Вы, как Вы восприняли встречу с мужем? - Я шла вперед, сквозь море цветов, а фотографии ждали слез. Но я не плакала. И сейчас это непоменялось. Я очень изменилась. Жить со мной для Олега не легко, возможно потому, что я в душе все еще думаю: "Он так тебя подвел". Хотя он должен был поступить так. Но неужели он не мог довериться мне? - Это означало бы опасность для Вас. Эта тема все еще стоит между Вами? - Мы живем с ней, каждый день, в хорошем и в плохом. В хорошем: это касается только Олега, ведь он ежедневно сталкивается со своим делом. Но я? Я и в Лондоне живу как под колпаком. Мне не удалось найти новых друзей, и я могу говорить только с теми людьми, с которыми мне разрешает общаться Олег. На все мне нужно его разрешение, его проверка. Ночто это значит для меня? Я попала из одной тюрьмы в другую. Это не моя жизнь, это жизнь Олега! - Это и есть причина того, что Вы оставили за собой квартиру в Москве?

Квартиру, в которой мы сейчас разговариваем? - Да, это мое убежище. Уже через полгода после отъезда я захотела назад в Москву. Весь мир считал меня совершенно сумасшедшей. Меня только вызволили из этого ада, как я уже добровольно хочу назад. Я говорила:

"Ну поймите же! Меня отвергли, об меня вытирали ноги. Сейчас я хочу показать, что я свободный человек, который может прийти сюда и уйти отсюда, тогда и так часто, когда захочет. Москва - болото, но это мое болото!" - Останетесь ли Вы с мужем, когда Ваши дети покинут дом? Она смотрит на нас большими глазами и ничего не говорит. Она знает, что мы предполагаем. Но она не знает, что знаем мы. После смертного приговора ее мужу ей пришлось подать на развод. Это произошло под давлением ее семьи: отец Лейлы тоже сотрудник КГБ на пенсии. И зовут ее больше не Лейла Гордиевская, а Лейла Алиева - ее старая девичья фамилия. - Каков же итог этого всего? - Я больше не могу мечтать. Тогда, в 1985, все было по другому. Но многое сломалось. Когда ты строишь планы, видишь все перед собой, а потом все падает как карточный домик, возникает боль, которая не проходит. Поэтому мне приходится защищаться. Это просто, мне достаточно сказать себе: "Я живу сегодня, что принесет будущее, мне

все равно. Все идет своим чередом. Главное, ты больше не мечтаешь. "КГБ прекратил свое существование. Старые боссы лишились власти. У России давно собственная внешняя разведка. Но новые кадры - те же старые головы. В этой преемственности особо не признаются, но она есть: из вторых рядов - избранные, обученные и сделавшие карьеру внутри КГБ. Кто хочет поговорить со старыми вождями из первых рядов, должен сначала заплатить. Наше нынешнее контактное лицо тщательно пересчитывает, еще в холле отеля, долларовые банкноты, перед тем как двинуться в путь с нами. Наша цель - экс-боссы КГБ. Мы хотим узнать у них, что они думают о деле Гордиевского. Они все еще возмущены? Или они постарались забыть это свое поражение? Наши оба собеседника, Крючков и Грушко, выглядят как недалекие партаппаратчики старой школы. Они не только удивительно похожи внешне, но и их взгляды похожи как два сапога из одной пары, шагающих по мостовой единым шагом. Владимир Александрович Крючков с 1974 по 1988 годы был начальником Первого Главного Управления - шефом внешней разведки, а затем Председателем КГБ - пока после его участия в августовском путче 1991 года он не был смещен и арестован. То же самое касается его заместителя Грушко, "верного Виктора". Старый коммунистический Советский Союз заклеил их обоих как "предателей" и бросил в тюрьму. Новая свободная Россия амнистировала их. Теперь оба с нетерпением ждут, когда государство вернет им отобранную у них персональную пенсию. - Гордиевский? Крючков с презрением выпускает через нос сигаретный дым. - Если бы он был проницательным человеком, он разгадал бы нашу тайную игру. Но я думаю, что мы правильно оценили его умственные способности. Потому он попался на наш метод. Он, конечно, не хочет выдавать, что последнюю наводку предоставил Эймс. Мы спрашиваем Крючкова, почему же КГБ не арестовало, так сказать - на всякий случай, такого важного подозреваемого, и узнаем, в какой большей степени шеф КГБ должен соблюдать законы. - Мы никого не могли арестовывать без стопроцентного на то основания. Каждый незаконный арест - это скандал. Если бы наша уверенность в том, что он предатель, на суде оказалась бы ошибочной, нас обвинили бы в нарушении закона. Этого мы не могли себе позволить. Мы следовали закону. А вот англичане, - тут брови Крючкова вздымаются вверх - эти англичане нарушили все международные нормы. - Потому что они вывезли Гордиевского из страны? - Да. Я никогда не думал, что они могут так грубо нарушать правила игры. Так не поступают. У нас создается впечатление, что для бывшего шефа КГБ непростительна является не сама попытка британской разведки, а тот факт, что она удалась. Виктор Грушко немного поглубже своего хозяина.

Когда мы спрашиваем, был ли, по его мнению, Гордиевский идеалистом, или он шпионил для Запада из финансовых соображений, из него просто прет чистая ненависть: "Он лжец и предатель. У меня есть основания говорить, что он в 1970

году попал в некую компрометирующую ситуацию. Его шантажировали, что его вышлют и он избежал этого путем своей измены. "Крючков добавляет:

"Он работал за деньги. Человек, который предает свою родину не по убеждениям, а за деньги, вообще больше не человек, а грязная фигура. Гордиевский - не порядочный субъект. "Грушко кивает и продолжает:

"Он предал не только свою страну, но и коллектив КГБ. Он предал ценности этого коллектива: товарищество, верность, благодарность - за пару серебрянников. " - Но он сам говорит, что не получал никогда денег - и англичане, его заказчики, подтвердили это - никаких денег, по меньшей мере, во время его шпионской деятельности. Грушко презрительно фыркает: - Это одна из грязных легенд этого господина. Не верьте ни единому его слову. - Может ли шпион вообще не брать денег? - Знаете, - говорит Крючков, - я знаю некоторых наших агентов. Ким Филби был чистым, честным человеком. Или Джордж Блейк - человек с твердыми убеждениями, с глубокой верой, с конкретными идеалами. А Гордиевский весь состоит только из дерьма.

Убежденность в собственной правоте этих людей непоколебима. Они меряют все пристрастно. - Был ли Горбачев проинформирован о деле Гордиевского? - Да. Я сам

рассказал об этом Михаилу Сергеевичу. Он был расстроен, но полностью одобрил наши действия. Он не мешал нам в нашей работе, а наоборот усиленно поддерживал. Это ведь еще был Горбачев образца 1985 года - а не 1989! - Почему Вы так полны ненавистью? - спрашиваем мы Крючкова. - Потому что он выдал людей, которые помогали Советскому Союзу из идейных соображений. Они были преданы им, они страдают в тюрьме, а он устроил себе красивую жизнь. В конце жизнь такого человека будет мрачной. Он умрет одиноким изменником.

Сравнивать Крючкова с Гиммлером было бы совсем неправомерно. Он человек переходного периода, и ему следовало бы научиться выть вместе с волками свободы, но, тем не менее, и на его руках есть кровь. В своем сердце он остался сталинистом. Он знает лишь свою правду. - В чем же состоит разница между тем, кто предает Советский Союз и тем, кто предает свою родину Великобританию? - Вы имеете в виду Филби и Блейка, - говорит Крючков. - Они оба с самого начала отвергли получение денег. Они помогали нам, потому что видели в нас будущее. Это люди с честными и чистыми убеждениями. У них есть характер, и они заслуживают уважения. А Гордиевский только грязь. Он полон лжи. И я думаю, что его жена это тоже уже поняла. Она понимает, что человек не может скрывать всю свою жизнь.

В разведке в семейной жизни нужна чистота. Кто предает свою жену, завтра предаст и родину. Кто сегодня оставляет в беде своих детей, завтра сможет совершить еще худшие преступления. Но это ее дело. Пусть живут, как хотят. - Теперь они это уже могут. Как минимум, жена Гордиевского уже получила право принимать решения. В Москве у нее такой свободы не было. Вы считаете, что КГБ правильно обращался с женой сбежавшего шпиона? - Нам надо было следить за ней,

- говорит Крючков, - чтобы предотвратить и ее вывоз англичанами из страны.

Следующего такого позора мы просто не могли себе позволить. - Но почему бы тогда было просто не выпустить его жену из страны? Ее и детей? - Когда англичане требовали этого, она уже даже не была замужем за ним. Она подала на развод. Я здесь даже очень осторожно могу предположить: если бы прошло еще совсем немного времени, то она, может быть, ни за что на свете не согласилась бы ехать к нему. Крючков не знает Лейлу Алиеву лично, только из досье. Но мы уже знаем,

что в ее досье названы какие-то "Васи", просто случайно попавшие в "Дело". Если даже Лейла когда-то и нашла утешение, что мы не исключаем полностью, то она ведь все-таки поехала в Лондон. Семья снова вместе. - Как велик ущерб, который Гордиевский нанес Советскому Союзу? - Знаете, - Крючков в первый раз улыбнулся,

- разведка похожа на корабль со множеством отсеков. Если в одном отсеке возникает пробоина, то корабль все равно идет своим курсом, потому что отсеки полностью герметично отделены друг от друга. Так было и в деле Гордиевского. В конце мы спрашиваем Крючкова, что угрожало бы Гордиевскому, если бы его арестовали и доказали его вину. - Если бы нам удалось доказать его вину, то все зависело бы от его поведения. Если бы он с самого начала решил признаться во всем, если бы он нам честно помогал определить причиненный им нашему государству оперативный и политический ущерб, то, я думаю, суд сохранил бы ему жизнь. И сегодня он уже был бы на свободе.

Есть немало оснований не верить этому. Крючков это волк в овечьей шкуре, сформировавшийся во времена старого мышления и полный желания повернуть вспять колесо истории. Но этот механизм больше не функционирует. Демократия в России - нежное и подверженное опасностям растение. Но, по крайней мере, возврата к старому советскому коммунизму больше быть не может. Леонид Владимирович Шебаршин - человек другого калибра. При Горбачеве в начале 1989 года он стал начальником внешней разведки, а после путча в августе 1991 года - на один день шефом всего КГБ как преемник Крючкова. Когда Горбачев отдал предпочтение Бакатину, Шебаршин подал в отставку. Сейчас он возглавляет полуприватную "Службу экономической безопасности", занимающуюся промышленным шпионажем. Шебаршин - умнейшая голова, интеллектуальный аналитик. В отличие от Крючкова и Грушко, он человек с амбициями на будущее - и с будущим. Удивительным образом его приговор по делу Гордиевского еще жестче, чем у его коллег. - Он много пил, у него были истории с женщинами, он был труслив и мстителен. Его так называемые идейные соображения? Ему нравился блеск денег. Но лучше звучит, когда говоришь:

"Я боролся против коммунистического режима." Иуда тоже предал Христа не потому, что был противником его учения. В большей степени он не смог устоять перед блеском тридцати серебряников. - Значит, Вы ему не верите? - Нет, я не верю ему. Он был советским офицером и нарушил присягу. Он предал не систему, а свой народ.

Системы приходят и уходят, а народ остается. Мы работали для страны и для народа, а не для системы. - Но миллионы советских граждан видели это иначе. Для них КГБ был подручным угнетателей и дубинкой государства против народа. - Это могло относиться к внутренним службам. А я говорю о внешней разведке. Здесь речь шла не об угнетении, а об информации. Мы хотели знать, что планирует противник - для защиты страны и народно предал это. Он мерзавец, подлый жулик, подонок общества. Я ненавижу его и я презираю его. Нас удивляет жесткость обвинения - и непримиримость бывших начальников. Дело Гордиевского для КГБ -

до сих пор открытая рана. Снова в Лондоне, мы рассказываем козлу отпущения о моральном его проклятии со стороны его бывших руководителей. Оно не удивляет Гордиевского: - А Вы чего ожидали? Тезис Крючкова, что признавшийся Гордиевский был бы к этому времени уже давно на свободе, вызывает у перебежчика гомерический смех: - Не верьте ни единому его слову. Он не только мясник, но и привычный ко всему лжец. Мы не сомневаемся в том, что сознавшийся Гордиевский был бы в последствии расстрелян. Здесь мы на его стороне. Но почему ему не жаль агентов, которых он предал? - Потому что они осознали свой риск. И вообще: Арне Трехольт давно на свободе. Норвежский король помиловал его в 1992 году. Сейчас в тюрьме сидит лишь Майкл Беттани.

Его приговорили к 23 годам тюрьмы, но при хорошем поведении его могут выпустить уже через три, четыре года. Его риск был не больше моего. Я не испытываю угрызений совести по отношению к нему. - Чем Вы особо гордитесь? - Моей ролью в "Операции РЯН". Я думаю, что это была конструктивная работа, которая в определенной степени помогла сохранению мира. Даже если бы ничего, кроме этого, не было, я гордился бы лишь этим. РЯН - это сокращение слов "ракетно-ядерное нападение". В первый раз слово РЯН вышло на тайной конференции КГБ в Москве в мае 1981 года. Никто иной, как сам шеф КГБ Юрий Владимирович Андропов объяснил, что новая американская администрация открыто готовится к нанесению первого ядерного удара. Потому в Политбюро было решено, что советская разведка по всему миру будет тщательно выискивать признаки подготовки такого нападения и сообщать о них в Москву. Эта операция РЯН получила наивысший приоритет среди всех других акций. Это конечно, было полной чепухой, потому что, хотя новое американское правительство и бросалось крепкими словами, но никогда не думало действительно нападать на Советский Союз. Правительство Рейгана хотело перекрыть действительное ракетное отставание от СССР путем "довооружения", оно хотело снова восстановить атомное равновесие и нуждалось для этого в согласном с этим Конгрессе. Его же можно было убедить, лишь показывая как можно ближе перед глазами коммунистическую угрозу. Политбюро восприняло цветастую риторику Рональда Рейгана как реальность. РЯН стало примером возрастающей паранойи кремлевских старцев, принявших бряцание атомным мечом в Вашингтоне за чистую монету. Кроме того, Москва знала, что Пентагон как раз разрабатывает новую систему оружия под названием SDI (Strategic Defense Initiative) - СОИ ("Стратегическую оборонную инициативу"). Ее целью было создание в космосе защитного щита, чтобы уничтожать советские ракеты еще в полете с помощью лазерного луча. СОИ никогда не была воплощена в реальность, но в начале 80-х годов об этом еще никто не знал. Андропов боялся, что США, защищенные щитом СОИ, могут решиться на первый атомный удар. Поэтому всем резидентурам КГБ было указано не реже, чем раз в неделю писать для Москвы отчеты о "действительно всех признаках" угрожающего первого атомного удара. Это относилось и к лондонской резидентуре. Гордиевский ясно осознавал весь абсурдный драматизм ситуации. Хотя бы для оправдания своего права на существование, резидентуры КГБ должны были стараться находить все возможные указания на "первый атомный удар" - частично гротескная, а частично опасная спираль, которая в конце, ввиду усиливающейся мании преследования в Москве, вполне могла вылиться в превентивную ядерную войну. Два примера. Когда лондонская резидентура сообщила о кампании, которой британское правительство хотело привлечь больше доноров - совершенно нормальное дело, центр ответил телеграммой с благодарностью, ведь абсурдная конструкция казалась убедительной: запасы донорской крови являются неотъемлемой частью подготовки к атомной войне. Когда резидентура КГБ какую-то неделю не послала в Ясенево подобного отчета, то из центра прибыл грозный выговор: что такое случилось с бюро в Лондоне, забывшем свои обязанности?

"Приказ сообщать все признаки атомного нападения не отменен. Гордиевскому приходилось выть по-волчьи вместе с волками и отправлять многостраничные сводки о мнимых атомных приготовлениях англичан, зная, что это абсолютная ерунда. Единственное, что он мог сделать против этого, было детальное перечисление признаков, которые никакими признаками не были, и доведение их до абсурда. Так, летом 1983 года он послал подробное сообщение о новом шоссе на юге Англии, которое, как он пророчил, могло использоваться и в военных целях. Полный бред, но Ясенево восприняло этот отчет совершенно серьезно, как и все остальные. В основном, Гордиевский информировал англичан о неврозах и мании преследования в Москве. Он передал проверенным путем МИ 6 украденные в резидентуре документы, в которых центр требовал все новые материалы и доказательства подготовки к первому ядерному удару. При чтении подобных источников многим офицерам МИ 6 стало ясно, как глубоко опасения Кремля. "Они понимали, что за сумасшедшие сидели там, как с ними нужно обращаться, насколько это трудно. Они передавали мои сведения дальше - американскому правительству. И с конца 1983 года это повлияло на политику США по отношению к Советскому Союзу. С 1984 года Рейган изменил тон своих речей. Были установлены контакты. К власти пришел Горбачев, а в 1985 году состоялась первая

встреча между Горбачевым и Рейганом. "Продолжение мировой истории мы и сами знаем. Даже если кое-кто здесь несколько преувеличил свое значение, ведь политика обладает не только одним измерением, но в конце концов, ирония состоит в том, что двойной шпионаж Гордиевского оказался мероприятием, способствовавшим установлению доверия. Не потому, что ему удалось информировать недоверчивых властителей Кремля о том, что ужасные военные чаяния "ковбоев" не такие уж страшные на самом деле, а потому, что он с ясными доказательствами показал паре западных политиков, что Кремль не собирается наносить ядерный удар первым, а сам страшно боится такого удара со стороны противника. Это, со всеми оговорками, было тем мозаичным камнем, который помог завершить "холодную войну". - А теперь, Олег Гордиевский? Оправдало ли это все себя? Какой Ваш итог после одиннадцати лет двойного шпионажа - личный и политический? - С точки зрения здоровья этот итог отрицательный. Я не могу больше спать, должен принимать сильное снотворное, у меня появилась гипертония. От этого я все еще страдаю. Для здоровья это себя не оправдало. Но с точки зрения морали и политики я счастлив. Я ведь всегда хотел внести свой вклад в то, чтобы Запад остался свободным, а Россия стала свободной. Так и произошло. При всех трудностях, у России хотя бы есть сейчас шанс стать настоящей демократией. - А как человек? Ваша семья до сих пор живет "под колпаком"! - Я знаю, что это не идеально. Но в общем и целом это - меньшее зло. Ведь мы живы и мы живем вместе. Это много, и мы наслаждаемся этим. Мы, естественно, не говорим ему, что его жена раздумывает, как бы ей однажды снова вернуться в Москву - в старое "болото", без Олега. Мы желаем этому храброму и стойкому маленькому человеку, который выдержал такое давление, чтобы он в конце концов все же наслаждался своей пенсией, как он этого сам хочет: с чтением, путешествиями, выращиванием роз, иногда читая лекции - о России вчера, сегодня, завтра. И шпионы уходят на покой.

Атомный шпион

"Я никогда раньше не видел более печального зрелища и не переживал возмездие в таком масштабе" Эта фраза, которую Гарри С. Трумэн 16 июля 1945 года доверил своему дневнику, не была верным пророчеством апокалиптической силы разрушения нового оружия, испытанного в этот день, а выражала его шок после поездки по разрушенному Берлину. За день до этого американский президент прибыл в Потсдам для обсуждения вместе со Сталиным и Черчиллем послевоенного порядка в Европе и на Дальнем Востоке. 61-летний преемник Франклина Делано Рузвельта, до того момента лишь искусственный знаток внутренней политики, Трумэн на конференцию "Большой тройки" прибыл с очень смешанными чувствами. По альянсу победителей уже давно пробежала трещина. Но одно наследие своего предшественника вселяло в Трумэна определенную уверенность в связи с предстоящими переговорами: предприятие наивысшего уровня секретности - "Манхэттенский проект".

Еще до того, как президент записал 16 июля в свой дневник выражение ужаса при виде берлинских руин, его достигло с нетерпением ожидаемое известие из пустыни Аламогордо в американском штате Нью-Мексико. Это сообщение давало ему в руки ключ для новых, до сей поры невообразимых масштабов разрушения и уничтожения:

"Операция прошла сегодня утром. Диагноз пока не окончательный. Но результаты кажутся удовлетворительными и превосходят все ожидания. "Манхэттенский проект" сигнализировал об успехе. Впервые человек раскрепостил первобытную силу атома. На далеком пустынном полигоне на безлюдном Юго-Западе США взорвалась первая в мире атомная бомба.

Сообщение из Нью-Мексико придало за ночь нервному новичку во внешней политике Трумэну новое чувство защищенности. Уинстон Черчилль заметил в своем дневнике, что американец прибыл к зеленому столу переговоров, как "изменившийся человек", который указал русским их границы - "где им сесть, а где сойти." Но лишь 24 июля, когда конференции грозило медленное застревание в красивых фразах по вопросу о разделе сфер влияния, Трумэн решился вынуть из рукава спрятанный козырь.

После официального завершения заседания в замке Цецилиенхоф Трумэн оставил своего переводчика и подошел к Сталину в его обычном белом парадном мундире. Трумэн сообщал позднее, что он "походя упомянул, что мы обладаем новым оружием необычайной разрушительной силы. Глава российского государства не показал никакого особого интереса к этому. Он сказал лишь, что рад это слышать, и что надеется, что мы воспользуемся им в войне против японцев." Обескураженный президент лишь с трудом

смог скрыть свое разочарование. Когда Черчилль позднее спросил его об этой беседе, Трумэн лишь ответил, пожав плечами: "Он не задал ни единого вопроса!"
 Министр иностранных дел США Бирнс объяснял своему шефу, что открытое отсутствие интереса со стороны Сталина объясняется-мол тем, что простоватый грузин "просто не понимал значения сказанного". Но мемуары советского маршала Георгия Жукова, который присутствовал тогда в Потсдаме в качестве командующего Красной Армией показывают эту встречу тет-а-тет двоих самых всемогущих людей мира в совсем ином свете. Согласно Жукову, Сталин обсудил подход Трумэна в тот же вечер с министром иностранных дел Вячеславом Молотовым. Очевидно, они оба точно знали о "новом оружии" американцев. В конце Молотов сказал: "Нам нужно обсудить это с Курчатовым и поторопить его." Игорь Курчатов был физик-ядерщик и руководитель советской программы по созданию атомной бомбы. Кремлевские правители прекрасно были информированы о состоянии "Манхэттенского проекта".

Реакция Сталина на намеренно походя сделанное замечание Трумэна была вполне разумной и выгодной. Пока США одни в мире обладали атомной бомбой, Советский Союз вынужден был показывать, что новое оружие не произвело на него никакого впечатления. Таким образом, у любого вида американской "атомной дипломатии" заранее отнимались все преимущества. После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки - тоже демонстрации силы перед Кремлем - Сталин выразил в качестве директивы свою мысль, что атомные бомбы годятся только для "устрашения слабонервных". Его "лицо игрока в покер" в Потсдаме было началом новой советской дипломатии - в тени Бомбы. Американцы и англичане в Потсдаме об этом еще ничего не знали. Они не подозревали, что несмотря на строжайшую секретность "Манхэттенского проекта", в нем все же было слабое место. С 1941 года этот источник регулярно поставлял советской внешней разведке новейшие результаты западной ядерной программы. Тайна атомного оружия была выдана еще до того, как над пустыней Аламогордо в небо поднялся гриб первого атомного взрыва. В 1951 году Конгресс США установил, что "крот" в "Манхэттенском проекте" повлиял на безопасность большого количества людей и причинил больший ущерб, чем любой другой шпион в истории наций. "

Ранним утром того самого 16 июля 1945 года, дня, когда президент США Гарри Трумэн совершал свою поездку по развалинам Берлина, атомные физики, техники и военные на военных автобусах собрались на холме Компанья-Хилл, обзорной точке в центре пустыни Аламогордо, в ста километрах от ближайшего человеческого поселения. Название этой части пустыни, "Хорнада дель Муерто" ("Путешествие смерти") никак не было связано с начатым там в половине шестого утра экспериментом - во времена первопоселенцев на американском Западе здесь умерли от жажды десятки пионеров. Но группу волнующихся наблюдателей совершенно не интересовала история этой Богом забытой пустыни. Они приехали сюда, чтобы пережить премьеру нового вида оружия, которое его создатели назвали "Trinity" ("Троица").

Точно в назначенное время на установленном в двухстах километрах от Компанья-Хилл стальном каркасе взорвался атомный заряд. Его ядро состояло из пятикилограммового шара плутония, размером с апельсин. Вспышка огненного шара была ярче Солнца и, несмотря на сильные защитные очки, ослепила на несколько минут наблюдателей на Компанья-Хилл. Когда над "Уровнем Ноль", в центре взрыва, на километры вздыбился в небо столб дыма, горячая волна достигла Компанья-Хилл.

"Было так, как будто открылась раскаленная печка, и оттуда выкатилось Солнце в час заката", - записал один свидетель. Стальной каркас, на котором техники установили бомбу "Троица", превратился в пар. Асфальт вокруг башни превратился в песок, зеленый и прозрачный, как нефрит. В центре детонации на долю секунды температура была как внутри Солнца - более десяти миллионов градусов по Цельсию.

Создатели "Манхэттенского проекта" принесли на Землю энергию Солнца. Плутониевый "апельсин" высвободил взрывную энергию двадцати тысяч тонн обычной взрывчатки - тротила.

Все еще пораженные впечатлениями от первого атомного испытания, физики, которые более трех лет работали над своим "малышом", поздравляли друг друга: "Сработало!" Но самым прозорливым из них было понятно, что с их изобретением начинается новая, опасная эпоха. Человечество уже скоро очутится в том состоянии, когда сможет уничтожить самого себя. Роберт Оппенгеймер, руководитель "Манхэттенского проекта", пророчески процитировал фразу из "Бхагавад-гиты", священной книги древних индусов: "Теперь я стал смертным, разрушителем мира."

Немного поодаль от радовавшихся ученых стоял худой аскетичный очкарик. Он стоял наблюдал за характерным грибообразным облаком дыма и пыли во время взрыва, а не лег на землю, как это предписывали инструкции по технике безопасности. На основе последних расчетов о силе "Троицы" он был уверен, что для людей на Компанья-Хилл никакой опасности нет. Человек этот верил прогнозам, потому что он сам отвечал за их

математическую проработку.

Его коллеги не удивлялись тому, что он стал подальше от них. Очень талантливый, всегда немного бледный ученый с немецким именем был известен как скромный одиночка. Но что никто тогда не знал на Компания-Хилл, так это того, что человек в никелированных очках вписал в учебник атомной истории новую и очень опасную главу. Именно он выдал Москве тайну атомной бомбы. Его звали Клаус Фукс.

Последствия разоблачения "самого гнусного предателя всех времен", как его тогда обозвал американский журнал "Тайм", были чудовищны. Арест супружеской пары агентов Джулиуса и Этель Розенбергов, казнь которых поразила мир, политический взлет архиреакционного сенатора от штата Висконсин Джозефа Маккарти, и начавшаяся вслед за этим антикоммунистическая охота на ведьм в США, вступление Америки в Корейскую войну, и, возможно, самое важное - решение президента Трумэна о создании водородной бомбы - все это в большей или меньшей степени прямые последствия дела Клауса Фукса.

Кто же был этот спокойный и замкнутый холостяк, казавшийся своим знакомым воплощением образа школьного отличника? Что привело бежавшего от нацистов физика к многолетнему двойному шпионажу в постоянном страхе? Какие обстоятельства заставили его вредить стране, приютившей его, и в поисках утопичного будущего предавать своих друзей и коллег? Этими вопросами занимались десятки авторов. Жизни атомного шпиона посвящены несколько фильмов, он послужил прототипом Карлу Цукмайеру для его драмы "Холодный свет". Но все попытки пробраться до глубин души самого знаменитого шпиона-ученого походили на охоту за призраком.

Причиной этого был, в первую очередь, сам Фукс. Даже после своего освобождения из английской тюрьмы он не отказался от главной добродетели шпиона - железного молчания. Его британскому биографу Норману Моссу, который без устали пытался добиться беседы с вышедшим на пенсию ученым и шпионом в Дрездене - последнем месте его жительства, Фукс послал лишь копию своей речи перед учеными Академии Наук СССР. Единственным автобиографическим наследием умершего в 1988 году на избранной им самой родине ГДР было интервью, которое взяла у него "Штази" - Служба госбезопасности ГДР за пять лет до его смерти. Мы воспользовались этой беседой.

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года в Рюссельгейме. Мало замеченный мировой общественностью, за шесть лет до того талантливый молодой человек из Ульма по имени Альберт Эйнштейн рассчитал на первый взгляд безобидную математическую формулу, физическое значение которой сорок лет спустя изменило мир: $E = mc^2$ - энергия равна массе, умноженной на скорость света в квадрате. Она говорила о том, что материя может превратиться в энергию, в удивительно большую энергию. Еще ни один человек, включая самого Эйнштейна, не мог тогда сказать, будет ли эта формула иметь практическое значение. Еще нельзя было предположить, как скоро мир окажется в беспорядке, как быстро потенциал, скрытый в этой формуле, спровоцирует беспощадную гонку.

Немцы в это время наслаждались впервые после более чем жизни целого поколения стабильными условиями общественной жизни. В любом случае, так думали консервативно ориентированные буржуа и правящие круги империи кайзера Вильгельма II - чиновники и военные. Но еще до того, как Эмиль Юлиус Клаус Фукс - который позднее всегда пользовался лишь своим третьим именем, покинул школу, положение в Германии весьма существенно изменилось.

Веймарская Республика как наследница монархии Гогенцоллернов, правда, принесла немцам демократию. но ее политика сталкивалась с противодействием все большего числа ее граждан. Тяжелые кризисы республики глубоко воздействовали на людей. Потеря ориентиров и обнищание миллионов создали опасный питательный фон, где вертелись коричневые крысоловы, которые вскоре закрутят в вихре разрушения половину мира. Талантливый старшеклассник, переехавший со своими родителями в город Айзенах в Тюрингии, вскоре прочувствовал всеобщую политическую радикализацию на собственной шкуре. Сын евангелического, но вместе с тем социал-демократического пастора, худощавый Клаус в гимназии по сравнению со своими соучениками находился в трудном положении. Учителя и гимназисты старших классов в Германии традиционно не были поклонниками Веймарской Республики.

Письменное признание, которое двумя десятилетиями спустя напишет Клаус Фукс в офисе британского военного министерства содержит примечательный случай из его гимназических лет: "Мое единственное политическое действие, которое я припоминаю,

произошло во время дня празднования провозглашения Конституции Веймарской Республики, когда подавляющее большинство учеников пришло в гимназию с кокардами цветов кайзеровского Рейха. Когда они заметили у меня кокарду с цветами Республики, ее у меня, конечно же, мгновенно сорвали."

Откуда взялось это мужество плыть против течения, даже если его за это колотили всем классом? Ключом к этому проявившемуся еще в дни юности самосознанию был переживший его самого образ отца - священника Эмиля Фукса, который навсегда остался самым важным для его детей.

"Мой человек всегда был не человеком церкви, но человеком Веры. Очень глубокой веры, веры, которую я уважаю, хотя и не разделяю." Эти трезвые фразы из

видеоинтервью Фукса "Штази" рассказывают о личности Клауса Фукса гораздо больше, чем обращенный за это время в железобетонный социализм ученый сам собирался выразить перед камерой.

Эмиль Фукс был центральной и постоянно доминирующей фигурой для всех своих детей. Набожный лютеранский пастор, который в 1912 году одним из самых первых евангелических священников стал членом немецкой Социал-демократической партии, перенес свои социалистические идеи как на своих двоих сыновей Герхардта и Клауса, так и на двоих дочерей Элизабет и Кристель. Кроме того, он настойчиво внушал им максимуму Мартина Лютера о том, что во всех случаях нужно следовать лишь голосу собственной совести, что Клаус особенно близко принял к сердцу.

Его признание 1950 года начинается словами: "Мой отец был священником, и мое детство было очень счастливым. Решающим было то, что мой отец всегда поступал так, как он считал правильным, и он всегда говорил нам, что мы должны идти своим путем, даже если он с ним не будет согласен."

Что с самого начала отличало "красных лис" ("Фукс" по-немецки означает "лиса" - прим. пер.), как с самого начала называли Фуков - как отца, так и сыновей - и за рыжий цвет волос и за политическую ориентацию, это была их способность к непоколебимости веры даже при самых враждебных нападках извне. Целая цепь совпадений посоединяла тому, что эта способность стала оружием "шпиона века".

Крупномасштабная фигура отца, кажется, заполнила и пустоту, оставленную матерью. О ней Клаус Фукс позднее никогда не проронил ни слова даже самым близким своим друзьям. В октябре 1931 года Эльза Фукс, обуреваемая патологической депрессией, покончила с собой. Она выпила соляную кислоту. Ее последними словами были: "Мама, я прииду." Лишь намного позже семья узнала, что мать Эльзы тоже окончила жизнь самоубийством. Трагическая звезда и дальше нависала над женщинами этой семьи: одна из двоих сестер Клауса тоже сама лишила себя жизни, а другая попала в психиатрическую больницу.

Необычайный математический талант был замечен учителями в пусть политически неудобном, но очень прилежном Клаусе еще в старших классах гимназии. В 1928 году он завоевал премию города Айзенаха. После выпускных экзаменов талантливый сын пастора решил изучать физику в Киле, где Эмиль Фукс после смерти жены получил место профессора теологии в педагогическом институте.

Так Клаус Фукс стал жителем этого северогерманского портового города, где кроме него выросли еще две знаменитые фигуры из мира теней шпионажа: Рихард Зорге - русский супершпион в Токио, и Вильгельм Канарис, шеф военной разведки Гитлера, смертельно запутавшийся между сопротивлением режиму и исполнением долга.

В 1932 году английский физик Джеймс Чедуик в журнале "Nature" ("Природа") опубликовал работу о существовании неизвестной до сих пор составной части атома. Молодой студент физики в Киле Клаус Фукс, несомненно, не уделил этому внимания. Атомная физика еще считалась тогда экзотической побочной дисциплиной, а Клаус Фукс уделял больше внимания своей проснувшейся страсти к политике, чем лекциям и книгам. Но открытие Чедуиком нейтрона стала новой точкой отсчета в путешествии первооткрывателей в невидимый мир атома.

Еще в том же году физикам-атомщикам как в США, так и в Институте Кайзера Вильгельма в Берлине пришла в голову мысль, что путем "обстрела" атомного ядра новыми открытыми частичками можно освободить скрытую в нем огромную энергию. На горизонте все еще маленькой по всему миру семьи еще не особо признанных физиков-атомщиков, появилась возможность практического использования полученных знаний. Никто не знал, как она будет выглядеть, но то, что этим может быть освобождена гигантская энергия, предсказал еще Эйнштейн своей формулой в 1905 году.

В Киле Клаус Фукс был захвачен потоком гражданской войны между левыми и правыми в преддверии прихода нацистов к власти. Верный девизу отца - делать всегда то, что подсказывает совесть, Фукс сражался в рядах "Рейхсбаннеров" - полувоенной организации социал-демократов - против коричневорубашечников СА. Многие его политические друзья удивлялись самому факту, что худой очкарик с тонкими руками и ногами тоже воевал на улицах за цели социал-демократов. "Здесь я порвал с философией моего отца, ведь он был пацифистом", - вспоминал гордо он семнадцать лет спустя.

Хотя кровавая политическая борьба в Берлине шла и между самим левыми силами, это не так сильно отражалось на взаимоотношениях социал-демократов и коммунистов в отдаленном Кильском университете. Молодой активист "Рейхсбаннеров" Фукс, прилежно распространяя листовки, часто в спорах открыто становился на сторону коммунистов. "Рейхсбаннеров" злила такая открытая позиция по отношению к красным соперникам. Но лояльность или даже поддержание партийной дисциплины мало что означали для пылкого обожателя русских революционеров. Он спрашивал себя, какой смысл в том, чтобы им не бороться вместе против нацистов?

Решающий разрыв с СДПГ, партией его отца, произошел в 1932 году. Социал-демократы в связи с выборами рейхспрезидента отказались от участия своего претендента в пользу престарелого героя Первой мировой войны фельдмаршала Гинденбурга, чтобы предотвратить победу Гитлера - кандидата от НСДАП. Фукс в 1950 году объяснял это

так: "Моим аргументом было то, что мы не сможем остановить Гитлера, сотрудничая с другими буржуазными партиями, а только путем единства рабочего класса. В этот момент я решил отвергнуть официальную политику моей партии и предложил себя в качестве оратора коммунистическому кандидату во время выборов рейхспрезидента."

СДПГ исключила из партии недисциплинированного бунтаря. Через несколько дней Фукс пришел в кильское бюро КПГ и написал заявление на прием в партию, как, кстати, поступили в том же году все его братья и сестры. Они последовали зову своей совести. Если бы их отец сам не был бы старым социал-демократом, он мог бы гордиться своими детьми.

Быть коммунистом скоро оказалось в Германии опасным для жизни делом. В уважаемом Университете Кристиана Альбрехта в Киле студенты-нацисты устроили забастовку против ректора, верного идеям Веймарской Республики. Группы боевиков СА угрожали безопасности студенческого городка. Слухи о политических убийствах быстро распространялись среди напуганных левых студентов. Фукс отважно сопротивлялся торжествующим коричневорубашечникам, был сильно избит и брошен в реку.

Это было предупреждением для "красных лис". Семейный совет в связи с избиениями Клауса Фукса принял решение больше не говорить о политике. В "государстве фюрера" знания о партийной активности членов семьи могли стать для них опасными. Это важный момент в жизни Клауса Фукса - молчание и конспирация стали добродетелями, спасающими жизнь.

27 февраля 1933 года в Берлине вспыхнуло здание Рейхстага. Для нацистов пришло время кровавых расправ с их противниками. "После поджога Рейхстага мне пришлось уйти в подполье", - описывал Фукс начало жестоких чисток. "Мне повезло, что на следующее утро после пожара я рано покинул дом, чтобы на поезде приехать на встречу коммунистических студентов в Берлине. Это единственная причина, почему я избежал ареста. Я точно помню, как я открыл в поезде газету, и мне сразу стало ясно значение случившегося. Я знал, что теперь начнется борьба в подполье. Я снял с куртки значок коммунистической партии - "серп и молот", и засунул ее в карман." Там ему пришлось лежать еще долго, ведь до того времени, когда Фукс снова признается открыто в своей приверженности коммунизму, пройдет еще 17 лет.

После поджога Рейхстага Фуксу пришлось прятаться в Берлине. Организация НСДАП в Киле внесла его в списки разыскиваемых лиц. В августе преследуемому Фуксу удался побег в Париж. В 1950 году он вспоминал:

"Туда меня послала партия, потому что она хотела, чтобы я окончил учебу. После революции Германии нужны были бы люди с техническими знаниями для построения коммунистической Германии." Но это, конечно, было приукрашиваете самого себя. 21-летний студент-физик тогда никак не мог еще считаться научной надеждой коммунистического подполья, у которого в 1933 году были совсем иные заботы, он просто был одним из тысяч беженцев, спасавшихся от головорезов начинавшейся эпохи "Третьего Рейха".

Молодой эмигрант стоял перед пустотой. Он оставил се: семью, друзей, учебу и политический микрокосмос в Киле. Но на него вскоре нахлынула волна симпатии и солидарности, ожидавшая на Западе первых немецких беженцев. Его кузен, работавший в Англии, открыл своему бедному родственнику вход в новый мир. Он рассказал о судьбе своего двоюродного брата своим зажиточным знакомым Ганнам, о социалистических симпатиях которых ему было хорошо известно.

Ганны вращались в узком кругу в Бристоле, для которого шикарным считалось насмехаться над образом жизни высшего общества и хвалить вид лучшего социалистического будущего. Жить как "правые" и думать, как "левые" - такое явление было широко распространено в западных демократиях в 30-х годах. Ганны пригласили Фукса жить у них.

24 сентября 1933 года он в Дувре сел на борт парома через Ла-Манш. В протоколе иммиграционной службы бледный и худой беженец указал, что собирается изучать физику в Бристольском университете. Это не было ничем иным, как слабой надеждой.

Джесси Ганн была дочкой одного из крупнейших в Британской Империи импортеров табака, который как меценат щедро помогал Бристольскому университету. Таким образом, молодому коммунистическому беженцу из Германии, нашедшему приют в ее доме, несмотря на слабые знания английского языка, удалось без проблем поступить в Физический институт университета. То, что он попал именно к профессору Невиллу Мотту, оказалось одним из многих совпадений на пути к предательству секрета атомной бомбы.

28-летний Мотт был самым молодым штатным профессором в английских университетах. Он учился в Гёттингене у Макса Борна - Нестора ранней атомной физики. Факультет естественных наук в маленьком городке в Нижней Саксонии считался во всем мире Меккой для горстки физиков, посвятивших себя исследованию мельчайших частиц материи. Мотт встретился в Гёттингене с такими коллегами, как Вернер Хайзенберг, итальянец Энрико Ферми, венгерский эмигрант Эдвард Теллер и американец Роберт Дж. Оппенгеймер. Список студентов Макса Борна читается сегодня, как "Кто есть кто" в истории атомной бомбы.

Невилл Мотт в Бристолe специализировался на квантовой механике, то есть на

математических связях в субатомарном мире. Если бы Джесси Ганн устроила тогда молодого студента из Кили на другую кафедру, например электрической физики, возможно Советский Союз не смог бы добраться до секретов американской атомной бомбы.

Фукс в Бристоле уже не был тем человеком, каким он был в Киле. Политизированный студент, провозглашавший пламенные речи, превратился в замкнутого и почти на грани самопожертвования прилежного научного ассистента. Он быстро выучил язык приютившей его страны, но двигался в чужом для него мире с осторожностью эмигранта. Во время политических дискуссий он вел себя, как немой слушатель. На вечеринках Фукс производил впечатление молчаливого и холодного человека. Одна приятельница метко назвала вечно молчащего немца "человеком-автоматом", в который надо было, как монетку, сперва бросить вопрос, чтобы он выдал пару слов в ответ.

В тихой комнатухе сын пастора изучал марксистскую философию.

Математическая ясность в книгах философа из Трира захватила поклонника естественных наук.

Фукс пятнадцать лет спустя писал: "Более всего поразило меня понимание того, что люди раньше были не способны понять их собственную историю и решающие силы общественного развития. Теперь впервые человек был в состоянии понять и контролировать исторические силы, и поэтому он впервые стал действительно свободным." Очень взрывоопасная смесь: протестантская этика ответственности и коммунистическая философия истории. Клаус Фукс сам сплавил из них свои собственные жизненные принципы.

Эмигрант превратился в уважаемого физика-атомщика. Получив докторскую шапочку он переехал из Бристоля в Эдинбург, где убежище от нацистов нашел Макс Борн. Он быстро оценил необычайный талант своего нового ассистента. Вместе ученик и мастер опубликовали работы в научном журнале "Proceedings of the Royal Society". Тот, кто публиковался вместе с Борном, уже взобрался на Олимп молодой атомной физики. Фуку это удалось.

В январе 1939 года два немецких физика опубликовали результаты одного эксперимента, развязав тем самым техническую революцию, которую можно сравнить только с открытием пороха. В Институте Кайзера Вильгельма в Берлине Отто Хан и Фритц Штрассманн обстреляли нейтронами кусок урановой руды. При этом были разбиты атомы урана, и часть их материи преобразовалась в энергию в форме взрыва. Институт Кайзера Вильгельма от этого не пострадал, ведь крошечные взрывы единичных атомов проявились лишь в виде точных движений стрелок измерительных приборов.

Формула Альберта Эйнштейна 1905 года подтвердила свою правильность.

Невообразимая энергия, скрывающаяся в ядре атома, могла быть освобождена рукой человека. Но Хан и Штрассманн, очевидно, ничего не думали о военном значении их открытия.

За них это сделали другие, прежде всего, в США. Лео Сциллард и Энрико Ферми, ученики Борна еще в Гёттингене, обратились к Эйнштейну с просьбой указать президенту США на быстрое развитие их науки. Ведь Хан и Штрассманн были немцами.

Если Гитлер первым получит в руки "урановую бомбу", он без зазрения совести использует ее - в этом были уверены озабоченные физики в США, почти все из которых бежали туда от нацистских преследований. Панический ужас, что нацисты могут опередить их с созданием атомной бомбы, привел американских физиков в приемные политиков. Но президент Рузвельт сначала довольно резко отказал им. Он, правда, решил создать "Комитет по урану", но до середины 1940 года правительство выделило на ядерные исследования лишь жалкие шесть тысяч долларов.

В distinguished шотландском Эдинбургском университете Клаус Фукс отметил с интересом успех своих немецких коллег в Берлине, но не предполагал значение этого первого ядерного распада для его собственной жизни. Ведь работавшего, как одержимый, физика волновали в 1939 году другие проблемы. Для людей со стороны он по-прежнему казался углубленным в себя, как и в Бристоле. Макс Борн, его наставник, вспоминал позже о своем обретенном сомнительную славу ученике:

"Он был очень милым,

спокойным человеком с печальными глазами."

В конце лета Клаус Фукс получил с родины трагическую весть. Через восемь лет после самоубийства матери покончила с собой его сестра Элизабет. Элизабет Фукс, которая, как и ее брат Клаус, принадлежала в Киле к кружку студентов-социалистов, вышла в 1935 году замуж за коммуниста Густава Киттовски. Вместе с отцом Элизабет, которого нацисты еще в 1933 году посадили на месяц в концлагерь за "враждебные для государства высказывания", молодая пара открыла в Берлине фирму по сдаче в аренду автомобилей.

Когда Элизабет родила сына, Киттовски назвали его Клаусом. В 1938 году, когда Гитлер с молчаливого согласия западных держав, "вернул в Рейх" Судетские земли, Густава арестовало Гестапо. Он был граничным курьером действовавшей в подполье КПГ. Чуть позднее ему удалось сбежать из концлагеря и укрыться в Праге. Но после вступления немецких войск в Чехословакию его переписка с семьей прервалась.

Элизабет не перенесла чувства страха за судьбу своего мужа. В августе 1939 года,

незадолго до начала войны, она бросилась под поезд.

Эмиль Фукс один остался с маленьким внуком. Эмигранта в далекой Англии сообщение о смерти сестры как-бы ударило по голове, вырвав из абстрактного мира математических формул. Жгучая ненависть к нацистам смешалась в нем с болезненным чувством собственного бессилия.

Как и для многих других западных левых, подписание пакта между Сталиным и Гитлером стало шоком для Клауса Фукса. Циничная властолюбивая политика Сталина, который присоединился к Гитлеру с целью раздела польского наследства, обеспокоила социалистических идеалистов, убежденных коммунистов и салонных социалистов в равной степени во всем мире. На Западе еще не были известны подробности внутреннего правления "красного Царя". Еще ничего не знали там о ГУЛАГе, политических чистках и террористической системе тайной полиции. Но теперь первое и все еще единственное коммунистическое государство мира, "великий эксперимент", делало общее дело с террористическим Рейхом Гитлера.

Фукс, вступивший в Коммунистическую партию, чтобы бороться с национал-социалистами, впервые засомневался в правильности своих убеждений. Лишь с опозданием ему пришлось присоединиться к курсирующим по Англии шепотом высказываемым попыткам объяснения случившегося:

"Сначала я сомневался во внешней политике России. Было трудно понять пакт Гитлера и Сталина, но, в конце концов, я согласился с тем, что России нужно было выиграть время."

Вооруженный марксистскими классиками возмущенный эмигрант вскоре пришел в себя и интерпретировал политику Кремля как необходимый шаг на победном пути социализма. Когда Красная Армия через три месяца напала на Финляндию, то обычно столь аполитичный для окружающих ученый даже часто защищал этот шаг Москвы как превентивное мероприятие.

Но, кажется, именно во время несвященного союза двух диктаторов у Клауса Фукса возникает определенная симпатия к западным демократиям. Теперь только они противостояли ненавистному гитлеровскому Рейху, даже если после объявления войны в 1939 году Запад ограничивался лишь позиционной "странной войной". Возможно, незаметный атомщик испытывал и благодарность к стране, предоставившей ему убежище. Он подал прошение на подданство британской короны. Но война заморозила это намерение. Немцы, все равно, какой политической ориентации, стали рассматриваться в Англии как "граждане враждебного государства". Фуксу пришлось предстать перед комиссией, которая, однако, из-за его принадлежности к СДПГ с 1930 по 1932 годы классифицировала его как "безобидного" немца. После того, как немецкий Вермахт за считанные недели покорил всю Западную Европу и вторжение немцев на Британские острова казалось неотвратимым, в королевстве страх перед немецкими шпионами и саботажниками достиг истерии. Военное министерство в Лондоне приказало осуществить интернирование всех граждан "враждебных государств". Исключения дозволялись лишь в очень редких случаях.

В июне 1940 года еще перед завтраком в дверь немецкого ассистента Макса Борна постучал полицейский. Фукса направили в импровизированно и в спешке устроенный лагерь для интернированных на острове Мэн, а оттуда вместе с 1300 других его земляков отправили на пароходе "Эттрик" в Канаду, в провинцию Квебек. В далекой Канаде, по мнению британского правительства, "пятая колонна" Гитлера не могла больше приносить вред. Бежавшему от коричневого террора коммунисту Фуксу это показалось абсурдом: только потому, что он был немцем, он сразу считался потенциальным агентом нацистов. Его ярко выраженное чувство справедливости, тоже унаследованное от отца, было сильно уязвлено. Как отвергнутый влюбленный, он отвернулся от Англии.

Национальные связи теперь не играли больше никакой роли для Фукса. Германия, за которую он в гимназии подвергался побоям, была раздавлена Гитлером, а его новая избранная родина, к которой он вначале питал самые нежные чувства, заперла его, не обращая внимание на политические взгляды, за колючей проволокой, вместе с настоящими нацистами. Клаус Фукс окончательно потерял веру в собственное национальное "я". Так бюрократический произвол направил его на путь "предательства века".

Община лагеря состояла только из немцев. Здесь Фукс снова отложил в сторону характерные для его работы в Бристоле и Эдинбурге политическую скрытность и погруженность в себя. Среди интернированных было немало коммунистов, еженедельно собиравшихся для дискуссий. Здесь Фукс познакомился с Эрнстом Кале, знаменитым членом КПГ, командовавший во время Гражданской войны в Испании Одиннадцатой интернациональной бригадой. Кале, добрый друг Хемингуэя, пославшего ему в лагерь в подарок свою книгу о Гражданской войне "По ком звонит колокол", снова абсолютно убедил Фукса в идеях Интернационала. Физик, которому уже исполнилось 29, не скрывал своей принадлежности к красной фракции в лагере. Он был горд тем, что мог дискутировать о мире и социализме с такими выдающимися людьми, как Кале. Его любили, и не только товарищи по партии. За его все еще щуплый внешний вид ему дали прозвище "Фуксляйн"- "Лисенок".

Из лагеря для интернированных лиц Фукс начал переписываться со своей второй сестрой Кристель, эмигрировавшей в США и вышедшей там замуж. Она установила для него контакт с Израилем Гальпериным, профессором математики в канадском городе Кингстоне, который теперь посылал Фуксу в лагерь специальную литературу. Хотя они оба никогда так и не познакомились лично, Израиль Гальперин сыграл заметную, пусть и побочную роль, в деле шпиона Клауса Фукса.

Когда в 1946 году канадская полиция раскрыла советскую разведывательную сеть, выдавшую тайны канадской атомной программы, расследование проводилось и против математика и активиста Компартии Гальперина. Служащие тайной полиции обыскали его квартиру и нашли записную книжку с адресами, где было и имя Фукса. Привычным образом канадская контрразведка сообщила об этой находке коллегам из американского ФБР, но вначале они не стали работать по этому следу.

На Рождество 1940 года Фукса освободили из лагеря. Макс Борн, которого английские власти не интернировали, горячо заступался за своего прилежного ассистента. Но Фукс лишь на короткое время вернулся в Эдинбург. Рудольф Пайерльс, который как и Фукс, сбежал от нацистов из Германии и стал профессором Бирмингемского университета, предложил ученику Борна место в своем институте. Оба знали друг друга лишь поверхностно, но Фукс уже давно сделал себе имя как блестящий теоретик и математик, а Пайерльсу был нужен человек, умеющий хорошо считать.

Для британского правительства он составил меморандум, который одной фразой обратил царствующее до сей поры мнение, что "супербомба" из урана технически невозможна, в обратное. Кроме технических предложений по решению проблемы в этом историческом документе можно найти и пророческие фразы, свидетельствующие о даре предвидения:

"1. В качестве оружия "супербомбе" ничего нельзя противопоставить.
2. Из-за распространения ветром радиоактивных субстанций следует ожидать, что оружие нельзя будет использовать без угрозы жизням большого количества гражданских лиц, и поэтому ее использование этой страной не представляется возможным."

А затем последовало решающее для правительственных кругов в Лондоне замечание:

"3. Вполне можно предположить, что Германия действительно займется созданием такого оружия."

Правительство Его Величества реагировало более последовательно, чем американский президент Рузвельт на письмо Эйнштейна за год до этого. Немецкие бомбардировщики, все еще бомбившие английские города, были достаточным предупреждением. Если Гитлер первым получит бомбу, он использует ее. Под сильным давлением сверху началось создание английской атомной урановой бомбы. Кодовое имя программы было "Tube Alloys" - "Трубные сплавы".

Пайерльс занялся центральными вопросами проекта атомной бомбы. Сколько нужно для бомбы изотопов урана-235, наилучшим образом расщепляющейся формы урана? Как можно добыть необходимое количество этого апокалипсического взрывчатого вещества из обычной урановой руды? Когда были решены такие основополагающие проблемы, постройка "супербомбы" стала лишь техническим вопросом.

Работа Пайерльса стала сердцем "Tube Alloys". Возможно, этот ученый, возведенный королевой после войны в рыцарское достоинство, когда-либо думал, что ему следовало бы лучше взять другого специалиста для решения сложных математических расчетов ядерного распада. Клаус Фукс внезапно, не зная ранее ничего о работе своего нового шефа, очутился в центре самого секретного проекта британских военных усилий. Пришел час соблазна.

Строго следуя инструкциям, Пайерльс запросил военное министерство, нет ли с точки зрения безопасности каких-либо возражений против нового коллеги. У МИ 5, британской контрразведки, было две бумаги о Фуксе, показывавших, что он - активный коммунист. Одна была датирована 1934 годом и передана немецким консулом в Лондоне британским властям. Такие документы англичане воспринимали не слишком серьезно, ведь нацистские власти вплоть до самой войны всех своих противников за рубежом называли большевистскими могильщиками западной культуры. Но второй документ исходил из надежного источника внутри немецкой общины эмигрантов и тоже доказывал, что Фукс - коммунист.

Собственно, этого было достаточно для служб безопасности для вето: Советский Союз тогда был союзником гитлеровской Германии, и послушная Москве британская коммунистическая партия, агитировавшая за быстрое перемирие с Берлином, находилась под строгим наблюдением. Но МИ 5 выразила лишь осторожные замечания.

Контрразведка предложила давать Фуксу только те сведения, которые важны для его работы, и скрывать от него окончательную цель проекта. Пайерльс иронично ответил, что это практически неосуществимо, и МИ 5 отказалась от своих возражений.

Через несколько недель претензии служб безопасности по отношению к коммунистам и без того отошли в прошлое. С началом "Операции Барбаросса" - нападения немцев на СССР, Запад боролся вместе со Сталиным против гитлеровского Вермахта. Ограничения против коммунистов в Англии были отменены,

коммунистические газеты снова смогли выходить. Политические убеждения Клауса Фукса уже не рассматривались как опасные. Все остальные обычные проверки впоследствии он прошел без проблем.

Наслало немецкой "войны на уничтожение" на Востоке освободило Фукса от всех сомнений по отношению к политике Сталина. Разве немецкая агрессия не подтвердила, что Сталин, оккупируя восточную Польшу, провидчески делал это в целях укрепления безопасности своей страны? Осенью 1941 года немецкие войска, преодолев тысячу километров за несколько недель, приблизились к Москве. Немецкая "Еженедельная кинохроника", забегающая вперед, с восторгом сообщила о победе на Востоке. СССР сражался в самом отчаянном положении, и Клаус Фукс с возмущением заметил, что западные страны, за исключением единичных бомбовых налетов на территорию Рейха, ничего не предпринимают, чтобы помочь своему новому союзнику.

Фукс решил своими силами помочь Советскому Союзу - результатами своей новой работы. Угрызений совести за то, что он выдает государственные тайны Великобритании, Фукс теперь - после унижительного интернирования - больше не испытывал. Он чувствовал себя только коммунистом. В качестве такового он не признавал и государственных границ, а только барьеры между общественными классами.

И пока СССР был единственной коммунистической страной мира, интересы рабочего класса, все равно в какой стране, должны быть идентичны с интересами Советского Союза. Это было так просто.

В конце 1941 года Фукс встретился в Лондоне со своим старым знакомым, с которым он познакомился в Берлине еще в 1933 году - с Юргеном Кучински, тогдашним активистом компартии и агентом советской военной разведки ГРУ, затем верным линии партии живым "рекламным щитом" науки ГДР. Физик намекнул в общих чертах, что может передавать СССР сведения важнейшего значения. Кучински свел Фукса с Семеном Давыдовичем Кремером, официально аккредитованным в советском посольстве в Лондоне в качестве военного атташе, а на самом деле - разведчиком резидентуры ГРУ в Лондоне. Фукс знал его только под именем "Александра". Во время их первой встречи в доме неподалеку от Гайд-Парка Фукс передал своему связнику копии расчетов о высвобождающейся при атомном распаде энергии.

С наивностью и хладнокровием, характерными признаками их нового агента, советские разведчики столкнулись уже несколькими днями спустя. Фукс хотел быть уверен в том, что его сведения поступают действительно по правильному адресу и зашел прямо в посольство СССР, чтобы узнать это. Случайно он столкнулся с Кремером в одном из коридоров здания. "Александр" на мгновение ошеломился от такого нарушения всех правил конспирации, но быстро затянул Фукса в один из пустых кабинетов и заверил его, что он действительно вышел на внешнюю разведку Советского Союза. Затем он прочитал новичку в разведывательном деле несколько лекций об основных правилах шпионского ремесла. Действующий по велению советского шпиона занимался своим новым делом очень тщательно и поставлял "Александр" лишь результаты своей собственной работы. Но устно Фукс в любом случае сообщал и о принципиальных чертах всего проекта "Трубных сплавов". Вероятно, эти общие данные были важны не столько из-за их содержания, а из-за того факта, что они вообще заставили Москву раскрыть глаза и навести уши.

Кремль еще не начинал никакой программы по созданию атомной бомбы, хотя признаки ядерных исследований в других странах уже были отчетливо видны. Советские ученые заметили, что с 1940 года в западных научных журналах исчезли статьи об исследованиях ядерного распада. Не нужны были отчеты спецслужб, чтобы понять, что Запад, очевидно, начал осуществление тайного ядерного проекта. В лице Клауса Фукса советские физики получили, однако, источник во внутреннем кругу западных создателей бомбы, который подтвердил, что коллеги в США и Англии создают бомбу из урана-235. Вместе с другими разведсводками, сообщавшими о начале подобных программ в Германии и Японии, информация "крота" в проекте "Tube Alloys" заставила Кремль действовать. в конце 1942 года физики-атомщики во главе с Игорем Курчатовым начали строительство первой коммунистической атомной бомбы. Клаус Фукс в значительной степени посодействовал этому решению и решающим образом ускорил в будущем работу Курчатова.

Осенью 1942 года "Александр" и его добровольный информатор увиделись в последний раз. ГРУ по соображениям безопасности решило сменить офицера-связника.

Фуксу теперь не нужно было ездить для конспиративных встреч в Лондон, а лишь встречаться в окрестностях Бирмингема с некоей "Соней". Чего не знал Фукс вплоть до своего освобождения из тюрьмы в 1950 году, так это того, что "Соней" была сестра Юргена Кучински Рут, как и ее брат, многолетняя сотрудница советской разведки. Рут Кучински, эффектная темноволосая женщина, вербовала своих любовников, а потом и своего мужа из рядов советских спецслужб.

Более сорока лет спустя, в качестве разведчицы на пенсии в ГДР, она так описывала свои встречи с Фуксом: "Мы встретились и улыбнулись друг другу; нам не нужны были знаки, чтобы узнать друг друга, ведь встреча была спланирована точно так, чтобы мы

просто подошли друг к другу и заговорили между собой - и мы использовали принцип пары влюбленных, этот банальный принцип, потому что он был самым безопасным. " Невероятно, что привлекательная "Соня" имела для бледного холостяка какое-либо иное значение, кроме чисто конспиративного. На свое окружение в Бирмингеме он действовал так же, как в Эдинбурге и Бристолле: молчаливый, погруженный в себя, бескровный. Его жизнь состояла, в основном, из математических уравнений.

Единственной связью с миром эмоций, кажется, было его отношение к семье Пайерльсов. Рудольф Пайерльс щедро предложил новому ассистенту комнату в своем доме, и Фукс впервые со времен бегства из Килия столкнулся с чем-то, напоминавшим семейные отношения. Евгения Пайерльс варила еду спокойному и сдержанному гостю, заботилась об его белье и отоваривала продуктовые карточки. Она напоминала ему о том, что нужно разослать поздравительные открытки к Рождеству, и покупала ему рубашки и костюмы. То, что новый жилец был очень немногословен и ничего не рассказывал о себе, Пайерльсам не мешало.

Евгения Пайерльс рассказывала друзьям: "Есть люди, которые не разговаривают, и все замечают, что они пугливы и стеснительны. Это делает меня несчастной. С Клаусом у меня никогда не возникает такое чувство. " Для Фукса, помимо чисто личного аспекта из дружелюбия и тепла жены его шефа возникло еще кое-что. Евгения была русской по происхождению, она изучала физику в Ленинграде. Когда он разговаривал с нею о трагической судьбе ее родины, это укрепляло его в правильности своих действий.

Но именно дружеские отношения с Пайерльсами пробудили первые сомнения. Лояльность к Англии уже не существовало для шпиона в проекте "Трубные сплавы". Это не изменилось и тогда, когда британские власти наконец-то удовлетворили 7 августа 1942 года его старое прошение о предоставлении британского подданства. Когда Фукс приносил клятву верности британской короне, он уже давно регулярно встречался с "Соней", передавая ей новейшие результаты британской программы по созданию атомной бомбы. Но симпатии к шефу и его жене зародили в Фуксе новое, персонализированное чувство лояльности. Когда он выдавал новейшие результаты работы Пайерльса, Фукс, несомненно, конфликтовал со своими дружескими чувствами по отношению к нему и его жене.

Фукс решил этот внутренний конфликт своим методом. "Я использовал мою марксистскую философию, " - описывал он свой личный выход из этой ситуации. "чтобы создать в моей голове две отделенные друг от друга части. В одной я позволял себе дружить с людьми, помогать им и быть лично тем, кем я хотел быть. "

Я мог свободно, открыто и весело общаться с другими людьми, не боясь выдать себя, потому что я знал, что как только я приближусь к опасной точке, вмешается другая часть. Я мог вытеснить другую часть и вместе с тем полагаться на нее. . Оглядываясь назад, лучшим выражением этого была бы "контролируемая шизофрения". "

Патентованный рецепт - раздвоение личности. Пока оба "отдела" головного мозга Фукса чисто были разделены друг от друга, он не мог совершать ошибок. Как бы на самом деле не была "контролируема" эта диагностированная им самим шизофрения, Фукс нашел решение конфликта с лояльностью и угрызениями совести, который охотно запатентовали бы все разведки мира.

Для ГРУ же это было удачей случаем. Так как он действовал по идейным соображениям, разведке не нужны были деньги, чтобы получать сведения из центра западных ядерных исследований. Но бриллиантом в короне советской разведки источник "Сони" стал лишь в 1944 году.

Все воюющие страны, начавшие первые исследования по направлению "супербомбы", скоро поняли, что для постройки нового оружия необходимы огромные усилия промышленности. Измученная немецкая военная промышленность была уже не в состоянии сделать это. Кроме того, многие из лучших немецких физиков-атомщиков вовсе не были убежденными нацистами. Отто Хан, вероятно, выразил чувства многих своих коллег, когда после первого удачного распада ядра воскликнул: "Если мое открытие приведет к тому, что Гитлер получит атомную бомбу, я покончу с собой!" Но союзники узнали об этом лишь после окончания войны. Когда британский премьер Черчилль и американский президент Рузвельт встретились в августе 1943 года в Квебеке, разведсводки из гитлеровской Германии звучали еще пугающе: немцы конфисковали все запасы урановой руды в чешской шахте Иохимсталль, самом большом из известных месторождений урана.

В Квебеке Черчилль и Рузвельт подписали соглашение о слиянии проектов "Tube Alloys" и "Manhattan Project": в США теперь должна была создаваться совместная англоамериканская атомная бомба. В одной области англичане на много обогнали своих американских коллег: в отделении уранового изотопа 235 от обычного урана 239. Ответственного за это английского специалиста и его ассистента поэтому пригласили в США для работы над "Манхэттенским проектом", который правительство обеспечивало огромными финансовыми суммами.

Пайерльс и Фукс отправились в Новый Свет.

Когда они оба вместе с тридцатью другими учеными из Великобритании в конце 1943 года сели на борт корабля "Andes", Фукс во второй раз в жизни покидал Европу - три с половиной года спустя после куда менее комфортабельного путешествия в качестве интернированного "гражданина враждебного государства". Плавание на "Эндесе" было

приятным сюрпризом. На бывшем шикарном пароходе было все, что душе угодно: свежие овощи и фрукты, изысканные вина и так много "яичницы с беконом" на завтрак, сколько хочешь. После экономной жизни по карточной системе в Англии ученые радостно предвкушали свою работу в США. Но одного из них в Нью-Йорке ожидала не только Статуя Свободы, но и еще кое-кто.

Фукс никогда не играл в теннис, но в один из холодных и дождливых субботних вечеров в феврале 1944 года он стоял на углу в нью-йоркском Лоуэр Ист-Сайде с теннисным мячом в руке. Мяч был паролем, который он обговорил с "Соней" для своего нового связника в Нью-Йорке. Через несколько минут мимо прошел невысокий человек в очках. Он был в перчатках и держал под рукой еще пару перчаток. Пешеход походя спросил: "Не подскжете ли Вы мне, как пройти к вокзалу "Гранд Централ Стэйшн"?"

Фукс встретил своего нового курьера "Рэймонд?" - спросил Фукс, и человек кивнул. Пайерльс и Фукс работали в Колумбийском университете в Нью-Йорке над специальной проблемой - разделением урановых изотопов. Вскоре предварительные работы в этой области продвинулись вперед настолько, что в Ок-Ридже, штат Теннесси, началось строительство фабрики для сепарации урана-235. Все, что немецкий эмигрант и новоиспеченный подданный британской короны узнавал об этом проекте, он тщательно описывал в отчетах, которые передавал своему контактеру. "Рэймонд" передавал их немедленно своему шефу - Анатолию Яковлеву, официально занимавшему пост вице-консула СССР в Нью-Йорке.

В десяти тысячах километрах восточнее, у ворот Москвы, руководитель советской атомной программы Игорь Курчатов со своими лишь тридцатью коллегами был еще очень далек от успехов, уже достигнутых "Манхэттенским проектом", но с жгучим интересом читал любое сообщение из-под пера Фукса. Ошибки и тупиковые решения, с которыми пришлось бороться англичанам и американцам, не угрожали его команде. Когда Советский Союз несколько лет спустя построит южнее Москвы в Подольске свой первый завод по изотопному сепарированию, он будет как вылитый похож на американскую фабрику в Ок-Ридже.

Но при этом сведения Клауса Фукса вначале лишь косвенно помогали российским исследователям. Он занимался исключительно бомбой из урана-235, которая для русских играла только побочную роль - они сконцентрировали свои усилия на втором теоретически возможном пути создания атомной бомбы - на плутониевой бомбе. Новый искусственный элемент, незадолго до этого открытый в первых примитивных атомных реакторах и пророчески названный именем inferнального князя Гадеса, намного легче отделялся от других веществ, чем уран-235 и был значительно дешевле в производстве.

В любом случае производство плутониевого заряда считалась значительно более сложной технической проблемой. Если для урана-235 было достаточно как бы в пушечном стволе выстрелить одним куском урана по другому, чтобы достичь "сверхкритической массы", то новое адское вещество реагировало так непредсказуемо быстро, что нужно было найти новые, более сложные методы. Клаус Фукс, в любом случае, еще ничего не знал об альтернативной "супербомбе".

Его встречи с "Рэймондом" обычно не придерживались классических в шпионском деле правил предосторожности. Шпион и его курьер спокойно болтали на углах улиц, в барах и в ресторанах. "Рэймонд" вырос в Америке и говорил по-английски без всякого акцента. Кроме того, Фукс быстро заметил, что советская разведка выбрала для данной миссии человека с хорошим знанием естественных наук.

Настоящее имя "Рэймонда" было Гарри Голд. Ни он, ни Фукс не знали, что за кулисами в Москве ГРУ вынуждено было передать супершпиона всемогущему КГБ. Голд был химиком, как и Фукс убежденным коммунистом, и уже много лет ведущим агентом-связником КГБ. Но в сравнении с его нынешним заданием все предыдущие сведения, добытые им - химические процессы для гражданской промышленности, были мелкими рыбешками.

В отличие от Фукса, который строго отвергал оплату своих разведывательных услуг, Голд, сын эмигрантов из России, получал иногда от своих кураторов скромные трехзначные долларовые суммы. Но он, тем не менее, был предателем по идейным соображениям. В своем признании ФБР в 1950 году Голд утверждал: "Все расходы, возникающие в моей работе, я оплачивал из собственного кармана."

Как и многим другим коммунистам на Западе, Голду было невыносимо тяжело видеть, что США и Англия все еще не помогают Советскому Союзу открытием Второго фронта. Никогда не разговаривая об этом, шпион и курьер были единого мнения в данном вопросе.

В июле 1944 года Голд ждал перед кинотеатром в Бруклине - уже тогда неудобное и небезопасное место. Голд позднее показал в протоколе: "Д-р Фукс не прибыл на назначенную встречу, и на заранее договоренную альтернативную встречу он тоже не пришел. Я не имел представления, где он."

Озабоченный Голд высказал своему шефу Яковлеву предположение, что выглядевший физически слабым физик в Бруклине мог стать жертвой преступников, и спросил о Фуксе у портье его роскошного дома. Но единственной справкой, которую получил Фукс, было то, что "англичанин уехал".

Яковлев воспользовался услугами информационной сети своей спецслужбы и нашел адрес сестры Фукса Кристель вблизи Бостона. Голд сел в автобус, спросил у нее о новом адресе ее брата и оставил ей сообщение для таинственным образом исчезнувшего шпиона. Узнать он смог лишь то, что Фукса перевели в какое-то место на Юго-Западе США.

Когда Пайерльс и Фукс в августе 1944 года прибыли в Лос-Аламос, лагерь ученых уже представлял собой невиданное собрание знаний и "ноу-хау" в истории науки. Вдали от всех поселений людей генерал Лесли Гровс, военный босс "Манхэттенского проекта", построил ряд кажущихся незаметными военных бараков на высокогорном плато на севере штата Нью-Мексико.

Обтянутый колючей проволокой и строго охраняемый лагерь стал менее чем за год замком Грааля современной ядерной физики. Все, кто имел имя и звание в этой новой науке и не жил в оккупированной Европе, работали в этом захватывающем ландшафте среди диких каньонов и гигантских горных цепей ради одной цели: как можно быстрее создать готовую к использованию бомбу.

Лос-Аламос был таким секретным, что у лагеря не было даже адреса. Вся почта нужно было отсылать на почтовый ящик в Санта-Фе. Дети, родившиеся тут, тоже получали свидетельства о рождении с указанием места рождения: "почтовый ящик 1266".

Собранные супермозги, многие из которых были еврейскими эмигрантами из Европы, перед своим отъездом никому не могли выдать расположение своего нового места работы. Многие рассматривали эту местность в горах Хемес как непроизвольно и странно опасную.

Расположенный на высоте в 3000 м над уровнем моря лагерь относился к самым необычным в Америке: расщелины гор из песчаника, глубокие ущелья и отвесные, рассеченные скалы напоминали лунный ландшафт. Воздух над атомным лагерем был чист и прозрачен.

Евгения Пайерльс с восторгом описывала ее прибытие в Лос-Аламос. "Был вечер, Солнце быстро село, и краски были невероятны. Когда мы все выше и выше подымались по узкой дороге, появлялись все новые скалы и леса, и этот вид. Это было похоже на поездку в рай."

Но условия жизни в покрытых волнистой жестью бараках были вовсе не райскими.

Еда была лишь из армейских запасов. Печи нужно было каждое утро растапливать дровами. Единственным развлечением были вечерние визиты к коллегам и иногда - вечеринки. Тем не менее большинство физиков и техников работали как одержимые, думая о том, что их новое оружие приблизит конец войны и откроет лучшее, мирное будущее. Большинство работали по 14 часов в день и по 6 дней в неделю.

Научным руководителем в Лос-Аламосе был Роберт Дж. Оппенгеймер, родившийся в 1904 году в Нью-Йорке "вундеркинд". Еще в школе он мог читать греческих и латинских классиков без словаря и писал сонеты на французском языке. Как и многие другие его коллеги по Лос-Аламосу, он тоже учился в Гёттингене у Макса Борна. Он читал Данте на итальянском, Расина на французском, занимался санскритом и углублялся в сложнейшие вопросы физики и философии - но только с социальной и политической действительностью художавый ученый стоял на "тропе войны". Его скрытая политическая "левизна", вынесенная из юных лет, сделала из него десятилетие спустя беспомощную жертву гнусной антикоммунистической "охоты на ведьм".

Новым сотрудником в теоретическом отделе "Оппи", как его называли друзья, был с самого начала полностью доволен. Фукс был трудолюбив и прилежен даже больше, чем обычно. Корпя над математическими проблемами, он часто покидал свой маленький кабинет лишь после полуночи. Через несколько недель Оппенгеймер пригласил молодого англичанина с немецким акцентом на еженедельные встречи всех ученых на руководящих должностях, хотя Фукс не занимал подобной должности. Клаус Фукс, который до своего попадания в Лос-Аламос был посвящен лишь в свою узкую часть самого секретного предприятия западного мира, принадлежал отныне к пятидесяти мужчинам, лучше всех знавших все об атомной бомбе.

Для своего характера замкнутый холостяк на самом деле оттаял под действием настроения прорыва, царившего в анклавной науке. На вечеринках из него вышел усердный танцор, все чаще обращался он к алкоголю, регулярно гулял по прилегавшим горам и вскоре завоевал славу лучшей няни в Лос-Аламосе. Но тем не менее многие все еще воспринимали одаренного математика из теоретического отдела как очень странного современника.

Эмилио Сегре, эмигрировавший из Италии физик-атомщик, принадлежавший к внутреннему кругу "Eggheads" - "Яйцеголовых" в Лос-Аламосе называл тридцатитрехлетнего холостяка с постоянно спадавшими с носа очками "roverino" - "бедный малый". На обед он обычно шел один. Затем он кормил уток на маленьком пруду около лаборатории. Острое словцо о "человеке-автомате" обошло всех по кругу. Оппенгеймер однажды заметил, что Фукс, казалось, "взвалил на свои плечи всю тяжесть этого мира".

Зимой 1944/1945 года чувство беспомощности распространилось среди ведущих голов "Манхэттенского проекта". Обе альтернативы для постройки "супербомбы"

столкнулись с неожиданными трудностями. Огромная фабрика в Ок-Ридже, хотя и работала уже долго, могла производить лишь ничтожно малое количество урана-235. До июня завод смог бы поставить только один кусок расщепляемого урана размером с кулак, едва достаточный для одной единственной бомбы. А для плутониевой бомбы все не было найдено технического решения.

Фукс работал сейчас над проблемой детонирования такой бомбы из нового, искусственного элемента. Ганс Бете, его научный руководитель, считал Фукса "самым ценным человеком в моем отделе". Разработанный Фуксом метод математических расчетов детонационной оболочки из обычного взрывчатого вещества используется и сегодня.

Но уже больше полугода он не поддерживал контактов с "Рэймондом". И именно сейчас, когда он пробился в святая святых англо-американской программы создания атомной бомбы и мог поставлять сведения, которыми располагали только сам Оппенгеймер и пара дюжин других исследователей.

Но как мог он сообщить что-то своему курьеру, если он не знал ни его имени, ни адреса? Как раз здесь они оба точно последовали инструкциям безопасности для советских профессионалов шпионажа. Предложение ехать в Лос-Аламос пришло так неожиданно, что ему пришлось уехать до ближайшей условленной встречи. Неделями Фукс в оторванном от мира лагере оставался всего лишь неудавшимся атомным шпионом.

В феврале 1945 года он покинул Лос-Аламос - в соответствии с инструкциями попросив на это разрешения у ответственного офицера безопасности - чтобы посетить свою сестру Кристель. У нее он нашел сообщение Голда и уже в тот же день позвонил в Нью-Йорк по номеру, который ему оставил его контактер. "Рэймонд" без промедления отправился в путь - с конвертом от Яковлева, в котором лежали полторы тысячи долларов для Фукса. Когда Голд захотел передать конверт, ему сразу стало ясно, что за святотатство он совершил. "Его отказ был таким резким и однозначным, что я не проронил больше об этом ни слова", - рассказывал Голд пять лет спустя, - "было очевидно, что даже само такое предложение обидело его до глубины души."

Деньги русские, возможно, могли платить курьерам и шпионам-космополитам, но не ему. Такого как он, который собственноручно управляет ходом истории, нельзя было купить за долларовые банкноты!

Фукс быстро сконцентрировался, кратко сообщил о своей работе в Лос-Аламосе и вытащил из кармана восьмистраничный документ, где написал, что он знает о "Манхэттенском проекте". Облегчение Яковлева и его начальников, видимо, было немалым. После полугодичного молчания их источник в программе строительства атомной бомбы западных союзников снова заработал - и как! То, что сообщал нынче Фукс, намного превосходило все сообщенное ранее.

Прежде всего, у него теперь был доступ к результатам альтернативной линии - плутониевой бомбы, которой особенно интересовалась команда Курчатова. Через Яковлева и Голда советские конкуренты спрашивали Фукса, не может ли он сообщить побольше о сложном взрывном механизме. На следующей встрече он, осознавая свой долг, выполнил и это желание и помимо детального чертежа плутониевой бомбы передал и точные сведения о взрывателе.

Вернувшись в Лос-Аламос, Фукс ощутил происходящие на высоком уровне перемены.

Теоретические работы были почти завершены. Из Ок-Риджа и молниеносно построенной плутониевой фабрики в Хэнфорде в штате Вашингтон поступили наконец первые поставки расщепляемого материала. Ученые и техники работали еще быстрее, чем предсказывали прогнозы. Летом должна была в первый раз взорваться их "малышка". Но вместе с напряженным ожиданием, сработает ли бомба на самом деле, среди супермозгов одновременно распространялись меланхолия и чувство близкого прощания.

Их задание скоро будет выполнено.

Ученые в лагере с самого начала своей работы осознавали себя не только простыми помощниками в исполнении задач политики. Если в 1943 году они еще думали, что защищают западный мир как последний бастион разума в гонке с гитлеровскими конструкторами бомбы, то теперь, когда ученым стало ясно, что немецкой бомбы не будет, на место этих мыслей пришли идеалистические видения будущего. Оппенгеймер доверил коллегам свои надежды: "Огромная мощь нашего оружия предотвратит любое

использование силы в будущем и гарантирует вселенский мир."

Но в феврале 1945 года, когда бомба из призрачной технологии вооружения превратилась в реальное средство власти, этот светлый идеал лопнул, как мыльный пузырь. Против Германии бомбу теперь не нужно было использовать, гитлеровский Рейх и так неумолимо приближался к своему концу. Людвигсхафену и Мангейму, избранным в качестве целей атомных бомбардировок на ранней стадии планирования, удалось избежать атомного холокоста.

Но на Тихом океане до победы над Японией было еще далеко. Борьба против фанатичных армий Тенно требовала много крови американской молодежи. Атомный удар по японским городам обещал принести конец бессмысленным смертям на берегах

тихоокеанских островов. Большинство в Лос-Аламосе были с этим согласны.

Но на горизонте мировой политики уже забрезжила "холодная война". Альянс Антигитлеровской коалиции треснул, и использование нового оружия должно было подействовать и как угроза на - официально - не посвященных советских союзников. Это полностью соответствовало расчетам Трумэна. Когда американский президент в Потсдаме ожидал сообщения о результатах испытания "Троицы", он прошептал министру иностранных дел Бирнсу:

"Если она взорвется, у меня будет дубинка для этих парней." Но физики в Лос-Аламосе не хотели, чтобы их "бэби" использовали как инструмент для бряцания оружием против собственного союзника. Они ожидали начала новой эпохи, эры Разума. Датчанин Нильс Бор, один из самых уважаемых корифеев среди "Яйцеголовых", и Лео Сцилард, который, как никто иной, активно выступал в 1939 году за американскую атомную бомбу, покинули башню из слоновой кости чистой науки и решились войти в стеклянный дом политики.

Независимо друг от друга они обратились к президенту Франклину Рузвельту и премьер-министру Уинстону Черчиллю. Их предложение было таково: Запад должен как можно быстрее сообщить Кремлю о существовании "Манхэттенского проекта". Только так можно будет предотвратить, что первый американский ядерный заряд "даст старт гонке по производству этого оружия между Соединенными Штатами и Россией", как писал Сцилард в Белый Дом.

Эти пророчества атомной гонки вооружений натывались, однако, в западных правительствах на глухие уши. Один на один Рузвельт даже выразил Бору свою симпатию к идее международного атомного контроля, но на самом деле законы политики силы были сильнее. Все эксперты предсказывали, что Советы в ближайшие годы создадут свою бомбу, но Западу атомный козырь был нужен именно сейчас, во время обсуждения послевоенного устройства в Европе и на Дальнем Востоке. На личной аудиенцию у Уинстона Черчилля, Бору пришлось столкнуться с грубым отказом. "Мы все время говорили на разных языках", - лаконично отметил после встречи ученый.

В Лос-Аламосе, где, несмотря на военную охрану, царил демократический климат, теперь с жаром обсуждались вопросы мировой политики. Большинство атомных гениев было на стороне Борна и Сциларда. Лишь Клаус Фукс, как всегда, держался подалеже от политических дебатов. Он действовал. То, что его коллеги думали так же, как он тайно действовал, он в душе воспринимал, как подтверждение правильности своего пути. Если бы к Сциларду и Бору в Вашингтоне прислушались, и американское правительство пошло бы на передачу тайны атомной бомбы и советскому союзнику, то, видимо, никогда не всплыло бы на свет и дело Клауса Фукса.

Оппенгеймер был абсолютно убежден, что урановая бомба сработает - настолько убежден, что отказался от теста этого типа. Единственный экземпляр, который смогли произвести из скудных продуктов фабрик в Ок-Ридже, должен был без испытания отправиться в Японию. Но так как никто не знал, сработает ли и сложная плутониевая бомба, ученые подготовили в пустыне Аламогордо в ста километрах от Лос-Аламоса испытательный полигон для взрыва "Троицы".

16 июля 1945 года, когда в земную атмосферу поднялся первый ядерный огненный шар, а Гарри С. Трумэн напряженно ждал в Потсдаме сообщений о "Троице", из Сан-Франциско, пройдя в раннем густом тумане под мостом "Золотые ворота", в открытое море вышел тяжелый крейсер американских ВМС "Индианаполис". Его задачей было доставить 9000 км западнее на Тиниан - один из Марианских островов и самую большую авиабазу американских бомбардировщиков в Тихом океане - цилиндр высотой в 60 см.

Даже капитан не знал, что внутри свинцового цилиндра находился ядерный заряд из урана-235 для бомбы, предназначенной для Хиросимы.

Вокруг использования первого заряда шла долгая и жесткая возня. В Пентагоне созданная генералом Гровсом комиссия обсуждала различные предложения. Лауреат Нобелевской премии Джеймс Фрэнк выступал за демонстрацию на необитаемых островах. Оппенгеймер предложил воздушный взрыв на большой высоте над Токийской бухтой, чтобы показать японцам апокалипсическую мощь ядерного расщепления, не убивая при этом людей. Но большинство членов комиссии придерживалось мнения, что атомная бомба должна без предупреждения упасть на большой японский город, чтобы произвести на императорское правительство "максимальное шоковое воздействие".

Возможно, в ушах у многих еще звучали слова министра иностранных дел Бирнса, который незадолго до этого сказал, что правительство истратило два миллиарда долларов на "Манхэттенский проект", и Конгресс имеет "право посмотреть, что получилось из такого большого количества денег".

"Индианаполис" невредимым доставил урановый заряд к месту предназначения, а через четыре дня этот крейсер был потоплен японской подлодкой. После окончательного монтажа на Тиниане специально переоборудованный бомбардировщик В-29 "Сьюперфортрекс" 6 августа 1945 года сбросил на Хиросиму бомбу, любовно окрещенную "Малышом". Через три дня атомная молния разорвала небо и над портовым городом Нагасаки. Сброс плутониевой бомбы "Толстяк" был разрешен еще до Хиросимы, не предоставляя японскому правительству времени на реакцию после взрыва первой

бомбы. В Хиросиме и Нагасаки погибло около четверти миллиона человек. Более трехсот тысяч пережили бомбардировку облученными и еще десятилетиями страдали от последствий взрывов "Малыша" и "Толстяка".

В Лос-Аламосе праздновали: сначала успех "Манхэттенского проекта", затем в последующие недели - серию прощальных вечеринок. Один за другим физики возвращались из гор Нью-Мексико на свои кафедры - как увенчанные лаврами герои.

19 сентября Клаус Фукс на своем старом "Бьюике" поехал в Санта-Фе, чтобы купить пиво и виски для одной из многих вечеринок. В шесть часов вечера он остановился на углу улицы и открыл дверь автомобиля незаметному человеку в сером костюме. Это был "Рэймонд". Освещаемые лучами заката, они кружились по горам вокруг Санта-Фе и разговаривали - так долго и подробно, как никогда раньше. Голд позднее сообщал, что на всех предыдущих встречах у него сложилось мнение о физике, как о человеке неэмоциональном и постоянно себя контролирующем. Но теперь, после атомного опустошения Хиросимы и Нагасаки, его просто нельзя было узнать.

Фукс выразил Голду свою "глубокую озабоченность из-за разрушений, причиненных этим оружием" и признал, что "недооценил промышленные возможности США для успешного завершения такого гигантского предприятия". После длительной беседы он подвез "Рэймонда" на автобусную остановку и передал ему рукописный отчет для его русского шефа.

Фукс позволил себе еще личное замечание, столь редкое для трезвого и сухого ученого, что Голд вспомнил о нем даже пять лет спустя: "Клаус выразил надежду, что мы когда-либо в будущем еще сможем встретиться как друзья." Но они видели друг друга последний раз в жизни. Фукс все еще не знал настоящего имени "Рэймонда".

"Яйцеголовые" из Лос-Аламоса теперь, когда весь мир узнал о цели их тайной миссии, наслаждались своим образом крестоносцев, с победой вернувшихся из похода против варварства. В университетах их ожидали лучшие должности. Клаус Фукс получил одну из руководящих должностей в недавно основанном британском атомном исследовательском центре в Харвелле, маленьком английском городке в восьмидесяти километрах от Лондона. Дух, сопровождавший время начала британских ядерных исследований после войны, был еще сильно омрачен шоком атомных взрывов над Японией и принесенными ими сотнями тысяч смертей.

Роберт Оппенгеймер так напутствовал своих сотрудников перед отъездом: "Наше оружие немилосердно обострило бесчеловечность и беспощадность современной войны. Страшным образом, который нельзя сгладить никакой банальностью, никаким юмором и никаким преувеличением, физики познали грех."

Подобно ученикам волшебника, пытавшимся остановить разбушевавшуюся метлу, теперь физики, по крайней мере, пытались удержать под контролем разрушительную силу их открытия. Первый успех в США придал им мужества: Власть распоряжаться вопросами атомной энергии была в 1946 году отобрана у военных и передана гражданской Комиссии по атомной энергии, первым председателем которой стал сам Оппенгеймер. На короткое время община атомных ученых надеялась, что при условии международного атомного контроля и мирного использования силы атома их изобретение все же сможет стать благословением для человечества.

Этот атомный идеализм разделял и шеф отдела теоретической физики в Харвелле Клаус Фукс. Своему отцу, которому пришлось провести последние годы войны в изгнании в Швейцарии, он писал: "Я только могу надеяться, что мы в будущем сможем сконцентрироваться на мирном использовании этой необычайной силы."

Благое пожелание, но настоящая цель ядерных усилий в Харвелле недолго оставалась тайной для Фукса. Великобритания собиралась создать собственную атомную бомбу, для этого только в британском ядерном центре были приняты на работу семь человек из Лос-Аламоса.

Незадолго до своей смерти уже вышедший на пенсию шпион вспоминал:

"Работавшим там ученым было ясно, что сначала строится атомная электростанция, чтобы добывать плутоний, который позднее используется в военных целях."

Несмотря на это, вскоре бывший немецкий беженец очень хорошо чувствовал себя в Харвелле. Получая государственную зарплату, он мог наслаждаться в обнищавшей послевоенной Англии привилегированным стандартом жизни. Он поселился в комфортабельном бунгало и ездил на дорогом спортивном автомобиле. Лишь изоляция физиков и государственный надзор в Харвелле еще напоминали о временах в Лос-Аламосе. В научной сфере Фукс уже давно считался величиной мирового уровня. Если бы его исследовательская карьера не была внезапно прервана, он вполне мог бы стать кандидатом на получение Нобелевской премии в области физики.

Исследователь со ставшим уже высоким лбом больше не был "аутсайдером" общества, в котором жил. Теперь он наслаждался настоящей карьерой и завязывал тесные дружеские связи. В его жилище на краю бывшего аэродрома в Харвелле он шумно и весело праздновал с коллегами и их женами. Англия отныне не была лишь страной, в которой он получил политическое убежище, она становилась его родиной.

Коммунистические убеждения постепенно ослабевали, как уже было с ним в начале войны.

Его шпионское рвение видимо стихало. Чем больше у него возникало теплых

чувств по отношению к Англии и коллегам в Харвелле, тем сложней становилось изолировать вторую, тайную "часть" мозга. Кроме того, Советский Союз уже больше не был союзником. Русский медведь опустил свою тяжелую лапу на все страны восточнее "железного занавеса". Действовавшего всегда по воле своих убеждений Фукса охватили сомнения: "Я достиг точки, когда не мог одобрять политику русского правительства и Коммунистической партии", сказал Фукс в 1950 году после своего ареста.

С болезненным конфликтом с лояльностью Фукс пытался бороться все большим количеством алкоголя. Его умение пить, не пьянея, давно вошло в поговорку в Харвелле. Для него самого каждая выпивка была равна пробе сил с его вторым, спрятанным "эго" - с его "я" шпиона. Но даже выпив целую бутылку виски, Фукс всегда постоянно контролировал свою "шизофреническую ситуацию".

Фукс стал осторожнее. Разоблачение советской шпионской сети в Канаде придало ему предчувствие истерии, которую он сам вскоре развяжет на Западе.

Британский ученый Алан Нанн Мэй, атомный физик, который, правда, почти не соприкасался с собственно созданием атомной бомбы, шпионил в пользу СССР и нелегально переправлял в советское посольство маленькие пробы урана-235.

Эхо этого дела никоим образом не соответствовало его реальному значению.

Прежде всего, американские газеты выдумывали сценарии, согласно которым Сталин успешно проник в тайны "Манхэттенского проекта" с помощью целой армии внедренных супершпионов. У западных спецслужб эта первая атомная измена развязала дикую активность. Это предостерегло "настоящего" атомного шпиона.

Более полугода он не поддерживал никаких контактов с КГБ. В сравнении с Лос-Аламосом, в Харвелле мало что можно было выдать. Единственная важная информация, которую он передал в СССР после отъезда из Соединенных Штатов, была политического характера.

Тайное решение британского кабинета министров в 1947 году об ускорении создания собственных атомных сил стало известно Москве благодаря Клаусу Фуксу уже спустя несколько дней. Как раз во время его отхода от шпионской работы, британские охотники за шпионами приняли в Харвелле за работу и перепроверяли всех руководящих работников британского ядерного центра. За Фуксом следили круглые сутки, но глаза контрразведки Ее Величества не обнаружили ничего подозрительного.

В Советском Союзе между тем на максимальных оборотах продолжалась работа над первой коммунистической атомной бомбой. После конференции в Потсдаме, где Сталин почувствовал начало американской "атомной дипломатии", Игорь Курчатов получил "зеленый свет" для своей гигантской программы. Со сведениями Фукса в качестве стартового капитала Курчатов быстро продвигался к созданию "Джо-1", как позднее американцы назвали первую советскую атомную бомбу - по прозвищу Сталина - "Дядюшка Джо".

Хайнц Барвих, немецкий физик, работавший для Кремля в сфере производства оружейного урана, после своего бегства на Запад в 1964 году, признал: "Мы только копировали".

Раз за разом вопросы советских создателей бомбы к источнику КГБ становились все более изысканными. Когда Фукс снова восстановил контакт с КГБ, он сталкивался с весьма целенаправленными пожеланиями коллег по другую сторону "железного занавеса".

Однажды Фукса попросили сообщить все, что он знает о бомбе из трития. Это, правда, не было его областью работы, но он догадывался, чего хотят русские: водородную бомбу. Незадолго до своего отъезда из Лос-Аламоса Фукс принял участие в конференции о возможности создания такого термоядерного оружия. Вел конференцию член команды Оппенгеймера Эдвард Теллер. Венгерский физик рассчитал, что, используя обычную атомную бомбу в качестве "спички", можно заставить плавиться атомы водорода. Сила такого ядерного слияния, которое царит внутри Солнца, будет намного больше, чем у обычной атомной бомбы. Но в США работа над "Супербомбой", как физики называли водородную бомбу, проходила вначале в экономном режиме. Оппенгеймер, как Прометей, который хотел погасить разоженный им самим мировой пожар, яро выступал против, а американское правительство вовсе не хотело начинать новую программу стоимостью в миллиарды долларов.

Фукс собрал все теоретические материалы о водородной бомбе, которые ему удалось узнать в Лос-Аламосе и поставил их постоянно менявшимся советским связникам - предательство с очень тяжелыми последствиями, как показало будущее. Несколько недель спустя русские спросили об определенном досье о реакторе в Чок-Ривер в штате Огайо, в следующий раз - о "смешанных" бомбах, адских машинах из урана и плутония.

Фукс немало удивлялся, ведь это были вещи, о которых он сам никогда ничего не слышал. Это означало, что у Советов были и другие источники в секретных западных ядерных исследованиях.

Некоторые из этих скрытых коллег Фукса позднее были разоблачены, но о действительном масштабе деятельности советских агентов на ядерных кузницах Запада до сих пор выдвигают самые различные предположения. Так, многочисленные "разоблачения" ветеранов КГБ после распада Советской империи в 1989 году скорее послужили созданию легенд, чем пролили свет на темные подробности атомного

шпионажа. История высокопоставленного разведчика КГБ Павла Судоплатова, утверждавшего, что сам Роберт Оппенгеймер был самым эффективным советским "кротом" в Лос-Аламосе" принадлежит к области атомных мифов, как и мнимая находка второй, неразорвавшейся атомной бомбы в Нагасаки, которую японские офицеры якобы передали русским.

В августе 1949 года высокочувствительные счетчики Гейгера на борту американского разведывательного самолета сигнализировали тревогу. Машина над водами Юго-Восточной Азии попала в радиоактивное облако, которое могло попасть туда только в результате испытания атомной бомбы в Советском Союзе. В Вашингтоне это сообщение вызвало шок. США потеряли ядерную монополию. "Джо-1", благодаря тайной помощи Клауса Фукса точная до мельчайших деталей копия взорвавшегося над Нагасаки "Толстяка", взорвавшись над степью под Семипалатинском, дала старт атомной гонке вооружений между сверхдержавами.

Во всем мире сообщение о том, что Советский Союз стал второй ядерной державой, помимо испуга вызвало и чувство облегчения. Отто Хан, заглядывая вперед, заметил:

"Это хорошая новость! Я думаю, что то, что у русских тоже есть атомное оружие, пойдет на пользу миру; ведь теперь обе стороны так боятся друг друга, что ни одна из них не начнет первой." Хан не предполагал, что его молодой эмигрировавший в Англию коллега в значительной степени ускорил создание этого равновесия взаимного устрашения.

Через несколько дней после взрыва "Джо-1", Клаус Фукс попросил о встрече с офицером безопасности Харвелла Генри Арнольдом. Арнольд и начальник отдела теоретической физики были хорошими друзьями. Фуксу нравилась спокойная, сдержанная манера этого летчика-ветерана обеих мировых войн. Но сейчас речь шла о служебных делах.

С озабоченным лицом он начал рассказывать, но не о той тяжести, которую тянул на себе годами, а о своем отце. Эмиль Фукс, посетивший сына в Харвелле, теперь жил в Лейпциге, где преподавал теологию. Его сын теперь боялся, что его могут шантажировать, используя отца, проживавшего в Советской оккупационной зоне. Фукс спросил Арнольда, не лучше ли ему будет покинуть Харвелл. Место в университете он теперь найдет легко, добавил Фукс. Арнольд был в достаточной степени психологом, чтобы раскусить своего друга. Фукс действовал так, как реагируют многие люди в состоянии страха и стресса: он пытался перевести внимание с себя на других людей - держите вора! Арнольд ответил уклончиво. Подозрение против Фукса укрепилось. Его телефон подслушивался уже многие недели, его почта перлюстрировалась, а за ним самим следили на каждом шагу. Контрразведка была уверена в своих подозрениях. Но доставало улики.

Решающий след, приведший к разоблачению "крота" из Лос-Аламоса, скрывался в тайне в течение десятилетий, и на это была причина. Летом 1949 года американские эксперты с помощью компьютеров - эти гигантские считающие монстры как раз вступили в действие - расшифровали тайные коды Советского Союза, которыми шифровались все радиопереговоры между советскими дипломатическими и военными учреждениями. Целые архивы перехваченных радиопередач, накопившиеся с 1944 года, ждали своего анализа. Среди гор подслушанных сообщений нашли информацию наивысшего значения: отчет об успехах "Манхэттенского проекта", который советское консульство в Нью-Йорке в сентябре 1944 года переслало в центр в Москву. Сообщение было подписано именем Клауса Фукса.

ФБР занялось расследованием этого дела, но у сыщиков были связаны руки. Фукса нужно было разоблачить, не упоминая в качестве доказательства расшифрованное послание советского консульства в Нью-Йорке. Успех экспертов-криптографов не мог подвергаться опасности. Пока Советы не знали, что их шифры раскрыты, они пользовались и далее ими для кодирования своих сообщений при радиообмене. Это оказалось стратегическим преимуществом национального значения, которому ни в коем случае не должен был повредить и процесс против атомного шпиона Клауса Фукса. Проведенное одним из посвященных отделов ФБР расследование не дало однозначных улик. Фукс не оставил следов. Люди, стоявшие за ним, для сыщиков полностью оставались неизвестны. В начале сентября американцы обратились к коллегам из английской спецслужбы с отчаянной просьбой о помощи. Единственной возможностью раскрыть атомного шпиона, не подвергая угрозе успех криптографов, состоял в том, чтобы вынудить его самого сделать признание.

21 декабря 1949 года, за неделю до его тридцативосьмилетия, бюро Клауса Фукса посетили из Скотланд-Ярда. Человек, которого Генри Арнольд представил Фуксу в этот день, был как вылитый похож на Шерлока Холмса. Уильям Скардон был высокого роста, тщательно ухаживал за своими усами, одевался с изысканной элегантностью британского высшего света и каждую удобную минуту раскуривал трубку. Его карьера криминалиста началась в лондонском отделе по расследованию убийств. Во время войны его взяла к себе на работу МИ 5, английская контрразведка. Теперь он пользовался заслуженной славой охотника за шпионами № 1. Но Генри Арнольд предупредил его: очень умный и

интеллигентный физик, несомненно, окажется крепким орешком.

К удивлению Скардона, описанный Арнольдом как несловоохотливый человек, ученый сразу же, не переставая, начал рассказывать - как будто давно ожидал такого случая. Во всех подробностях Фукс описал, выкуривая одну сигарету за другой, историю своей жизни: юность в Германии, студенческие годы в Киле, карьеру физика в Англии и в Америке. Скардон молча сидел в кресле. Чтобы не мешать потоку красноречия своего собеседника, он не стал делать заметки.

Когда Фукс после более чем часового монолога дошел до своей работы в Колумбийском университете в Нью-Йорке, Скардон прервал его внезапным вопросом:

"Не было ли у Вас в Нью-Йорке контактов с советскими учреждениями? И не передавали ли Вы сведения о своей работе этим людям?"

Фукс остолбенел. После паузы он дрожащим голосом ответил: "Я ничего об этом не знаю".

Скардон попал в "десятку". Ученый, который всегда выражал свои мысли с математической точностью, был неуверен. "Я ничего об этом не знаю" - это неосознанное признание чувства собственной вины. Вечером Скардон вернулся в Лондон и сообщил своим руководителям, что уверен в виновности Фукса.

В последующие недели он продолжил со шпионом игру в кошки-мышки. Скотланд-Ярд и МИ 5 требовали ускорить получение признания. Скардон еще трижды ездил в Харвелл, разговаривал с Фуксом об его отце и его переезде в Советскую оккупационную зону, о возникшем из-за этого риске для атомного центра, и снова обвинил его в выдаче секретов, которую Фукс стойко отрицал. Между обоими мужчинами возникли странные, почти доверительные отношения - они обращались друг к другу по именам: Клаус и Джим. Фукс стоял на грани нервного срыва. Если у Скардона есть доказательства его предательства, почему же он не арестовывает его? Очевидно, думал загнанный в угол шпион, подозрения это только какая-то мелочь, которую нужно откорректировать в досье. Он почти пришел туда, где его хотел видеть Скардон. Шаг к признанию должен был быть легким - в случае необходимости, с помощью тонких трюков. Скардон прилагал все усилия, чтобы подвинуть ученого не от мира сего к исповеди.

Через несколько дней в своем признании Фукс - теперь возвращенный на почву фактов - почти упрекая, писал: "Я столкнулся с тем, что есть доказательства того, что я в Нью-Йорке передавал сведения. Я был поставлен перед выбором: либо признаться в этом и остаться в Харвелле, либо уйти со своей должности."

На самом деле ни Скардон, ни кто-либо иной в МИ 5 не догадывался о настоящем масштабе шпионского дела Клауса Фукса. Но намек на перспективу продолжения работы в Харвелле, в любом случае, был тщательно инсценированной Скардоном иллюзией. То, что Фукс не раскусил ее, было связано не только с сильным давлением, которому он подвергался. Оторванная от мира наивность, базировавшаяся все еще на черно-белых картинках романтически ясных студенческих времен, сделала физика легкой добычей для утонченной хитрости такого профессионала допросов, как Скардон.

27 января 1950 года, холодными дождливым днем Клаус Фукс, тайно сопровождаемый сыщиками Скотланд-Ярда приехал на поезде на лондонский вокзал Пэддингтон Стейшн. Скардон ждал его на перроне. Молча они прошли пару кварталов к достоянному зданию Военного министерства. В тихом кабинете на первом этаже оба так непохожих друг на друга человека сели разговаривать. В соседней комнате женщина лет тридцати пяти, типичная британская дама из приемной, привлекательность которой не разглядишь с первого взгляда, с помощью маленького динамика на приставном столике она слушала беседу и стенографировала ее.

Фукс диктовал: "Я родился 29 декабря 1911 года в Рюссельгейме. Мой отец был священником, и мое детство было очень счастливым. . . " Скардон достиг своей цели.

Девятистраничное признание физика вызвало лавину всемирного масштаба. Дж. Эдгар Гувер, шеф американского ФБР, назвал это "предательством века".

Американский конгресс присоединился к этой напыщенной оценке. Созданная специально по поводу атомного предательства парламентская комиссия заклеила Фукса "как шпиона, причинившего наибольший ущерб в истории наций".

Предположительно реалистически комиссия оценила выигрыш во времени, который получили советские создатели атомной бомбы благодаря утечке в Лос-Аламосе, в "максимально два года". Это опровергло бессмысленное утверждение атомных "ястребов" в США, что-де СССР "со своей примитивной промышленностью", как соизволил выразиться генерал Гровс, только лет через двадцать располагал бы собственными атомными бомбами.

Исторические гипотезы не входили в репертуар Клауса Фукса. Но как выглядел бы мир, если бы он, предположим, не сократил бы американскую атомную монополию на примерно два года? Смог ли бы, например, президент Трумэн в 1950 году противостоять напору своего главнокомандующего Макартура, который хотел использовать атомную бомбу против коммунистической Северной Кореи, если бы не было угрозы ответного атомного удара - об этом спрашивал себя, вероятно, не только атомный шпион в британской тюрьме. Перед своим сокамерником Фукс оправдывался почти триумфаторским тоном:

"Тем, что я дал бомбу и другой стороне, я восстановил равновесие сил. Поэтому в эти годы не дошло до войны." Но поступок Иуды тоже имел немного гипотетических последствий. Во время многонедельных допросов английскими и американскими следователями Фукс признал, что передавал также сведения и о водородной бомбе. Хотя эти знания о "Супер" основывались лишь на рудиментарных доводах Теллера 1945 года, полных к тому же значительных ошибок, информация об этом просочилась в американские газеты и вызвала истерические заголовки, вроде "Шпион выдал красным водородную бомбу!" Президент США Трумэн отреагировал быстро: 10 марта 1950 года он дал старт американской программе производства водородных бомб, открыв тем самым новый раунд ядерной гонки вооружений между сверхдержавами. Теперь вся Америка чувствовала себя под угрозой - только на этом фоне можно понять принятое через три месяца молниеносное решение о массированном использовании американских вооруженных сил в Корейской войне. Но эти последствия своего предательства Фукс намеренно замалчивал, оправдываясь за решеткой.

Дело Фукса стало причиной тяжелого кризиса доверия между американцами и англичанами. США прекратили атомное сотрудничество с Соединенным Королевством, а британской "Интеллидженс Сервис", которая при всех перепроверках постоянно не высказывала никаких возражений против Фукса, пришлось еще десятилетиями выслушивать горькие упреки со стороны американских коллег.

По этому же больному месту ударил и генерал Гровс, бывший босс "Манхэттенского проекта": "Если бы все зависело только от меня, я не разрешил бы никакого участия британцев. Я ограничил бы программу только американскими учеными." Под особенно сильный обстрел попала МИ 5. С удовольствием американские и европейские газеты "проезжались" по дырявой ширме, которую тайные службы Ее Величества натянули перед самыми секретными делами королевства для их защиты. В Вашингтоне цитировали рапорт Роджера Холлиса, шефа МИ 5, который тихо признавался, что при проверках службой безопасности Клауса Фукса "была совершена серьезная ошибка". Особенно пикантным в этой исповеди среди союзников оказалось то, что позднее самого Холлиса обвинили в шпионаже в пользу Советов. До сих пор досье разведки тех лет скрыты покровом строжайшей государственной тайны.

Коллеги по всему миру реагировали вначале одинаково: это было невероятно и сбывало с толку. Фукс, безразличный, очень корректный и одержимый работой ученый - и вдруг предатель и супершпион? Это наверняка снова одна из совершенно абсурдных ошибок властей! Ганс Бете, научный руководитель отдела в Лос-Аламосе, в котором работал Фукс, объяснял в одном интервью: "Если он и был шпионом, то тогда он играл свою роль с максимальным совершенством."

Шеф Харвелла Джон Коккрофт предложил Фуксу всю возможную с его стороны помощь и телеграфировал: "Конечно, я не верю обвинениям." Фукс лаконично ответил: "Спасибо. Нет ничего, что Вы могли бы сделать. Доказательства Вас переубедят." Гарри Голда, которого Фукс знал только как "Рэймонда", ФБР арестовало 22 мая 1950 года. Уликой против него стал план города Санта-Фе, который подарил ему Фукс для лучшей ориентации перед последней встречей в 1945 году. Когда агенты ФБР нашли эту карту в его доме, разорвалась сеть лжи, в которой запутался курьер советской внешней разведки. Фукс до этого в британской тюрьме уже опознал своего связника среди дюжины предоставленных ему фотографий - донес на Голда, как называли это в Москве.

В своем признании Голд с гордостью упомянул орден Красной звезды, которым отметили его заслуги советские заказчики. С этой наградой было связано право пожизненного бесплатного проезда в московском метро. Но насладиться такой привилегией ему не удалось. Американский Федеральный суд в Филадельфии приговорил Голда за шпионаж к тридцати годам тюрьмы. Шестнадцать из них ему пришлось отсидеть.

"Джо-1" и разоблачение Фукса одновременно стали предвестниками беспримерной антикоммунистической истерии в США, которую раздували сторонники шовинистической политики - как это часто бывало в истории, когда лопались гордые мечты о национальном всемогуществе. Целые годы США пришлось жить под знаком этой новой инквизиции, занимавшейся поисками крамолы с помощью "детектора лжи".

Во главе охотников за коммунистами стоял печально известный сенатор Джозеф Маккарти, ставший одним из самых могущественных людей Америки. Прежде всего, именно он был виновен в том, что национальная паранойя поисков предателей разрушила авторитет многих достойных уважаемых американцев.

Самые известные жертвы этой "охоты на ведьм", супружеская пара Розенбергов, были непосредственно связаны с делом Клауса Фукса. Они в качестве посредников передавали не особо существенные секреты, добываемые их шурином Дэвидом Гринглассом, техником в Лос-Аламосе - в сравнении с изменой Фукса, несомненно, маловажная выдача некоторых технических деталей. Так как "Рэймонд", чье настоящее имя Клаус Фукс узнал лишь намного позже, однажды в качестве курьера работал и с

Гринглассом, заставило американские органы, ведущие расследование, поверить в наличие широкомасштабной шпионской сети - с Розенбергами в центре. Настаивавших до последнего момента на своей невинности супружескую пару приговорили к смерти и казнили на электрическом стуле в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг - несмотря на всемирные протесты, и не только из стран Восточного блока. Справедливость не играла никакой роли. Приговор Федерального судьи Ирвинга Кауфмана был проникнут ужасающим духом эры маккартизма: "Против Вашей измены, являвшейся дьявольским заговором с целью уничтожения этой богобоязненной нации, я должен вынести приговор, который продемонстрирует, что безопасность нации должна оставаться неприкосновенной." Дэвид Грингласс только потому избежал подобной участи, что сам выступил в качестве главного свидетеля против собственных родственников. Он отсидел пятнадцатью годами тюрьмы.

Когда Клаус Фукс узнал о судьбе Розенбергов, он уже давно сидел за решеткой в тюрьме Уормвуд-Скрабс на западе Лондона, той самой тюрьме, откуда в 1966 году сбежал двойной агент Джордж Блейк, как и Фукс, шпион КГБ. Вероятно, Фукс был рад, что предстал перед судом не в Америке.

Процесс против него в Олд-Бейли, громоздком дворце правосудия в викторианском стиле, не должен был походить на грандиозное судебное шоу. Признание подсудимого наличествовало, и суд пригласил лишь трех свидетелей: Скардона, Арнольда и Майкла Перрина, атомного физика, который ассистировал при допросах. Но тем не менее, вся Англия следила за "самым сенсационным процессом года". Зал заседаний был полон.

Самое лучшее общество Лондона, вплоть до Герцогини Кентской, не могло упустить возможности взглянуть на "самого гнусного предателя столетия".

Утром до начала судебного заседания атомный шпион, который после своего признания, несмотря на всеобщий интерес к нему, снова вернулся к стоической самоуверенности, еще раз беседовал со своим защитником Дерексом Кертис-Беннеттом.

Адвокат предупредил его, что в связи с тяжестью его преступления суд может приговорить его к наивысшей мере наказания.

Кертис-Беннетт спросил: "Знаете ли Вы, что это значит?" "Да, я знаю, смертную казнь," - спокойно ответил Фукс.

"Нет, ну и прости же Вы," - прыснул юрист, "это четырнадцать лет тюрьмы."

Согласно британскому законодательству, Фукс передавал сведения не противнику, а союзнику. Это не было государственной изменой и наказывалось поэтому лишь тюремным заключением.

Долгие годы за стенами тюрьмы знаменитый узник использовал для определения своей позиции. Его очень добровольное сотрудничество и глубокое раскаяние после ареста соответствовали изменившемуся самосознанию. В своем признании Скардону он писал, как никогда оторванный от мирских реалий: "Все, что я теперь могу сделать - это попытаться устранить причиненный мной ущерб."

Твердая вера в коммунистические догмы снова уступила место глубоким сомнениям в себе самом. Генри Арнольду, офицеру безопасности из Харвелла, Фукс писал:

"Обвиняй во всем только меня, а если Ты этого не можешь, то обвиняй Гитлера и Карла Маркса и его подмастерьев. Как и всегда, настоящая боль находится глубже. Как мог я так обманывать? Я не прощаю себя, я только хочу понять себя самого, потому что это так больно ранило меня." Как и прежде, он ощущал свою вину прежде всего за то, что предавал своих друзей, вроде Арнольда.

Но когда правительство Великобритании в декабре 1950 года решило лишить Фукса и британского подданства, с раскаянием было покончено. Фукс снова вернулся к своей позиции из высокомерия и оторванной от мира наивности. Сначала ученый, видимо, действительно надеялся вернуться в Харвелл после отбытия наказания. Но теперь Англия, его новый дом, выставила его за дверь - окончательно.

Маятник политических симпатий снова качнулся в обратную сторону - к коммунизму.

Годы внутреннего разрыва - между Западом и Востоком, между шпионажем и лояльностью, теперь окончательно отошли в прошлое. Шпион, который в Харвелле, похоже, уже чувствовал себя в большей степени добрым подданным британской короны, чем разведчиком Москвы, в тюрьме стал правоверным сталинистом.

Как он представлял теперь свою роль на свободе, он доверил своему старому наставнику Рудольфу Пайерльсу. Его целью, писал Фукс в одном письме, как всегда верный своей оторванности от мира, всегда, после того, как он помог русским с бомбой, было "поехать и сказать им, что неправильно в их системе."

24 июня 1959 года он получил такую возможность. Освобожденный досрочно за примерное поведение атомный шпион, которому уже исполнилось сорок восемь лет, сопровождаемый взглядами более сотни журналистов со всего мира, поднялся в лондонском аэропорту Хитроу на борт польского пассажирского самолета, который доставил его в аэропорт Шёнефельд в Восточном Берлине. Там его ожидали племянник Клаус Киттовски и отец Эмиль. Прибытие в "государство рабочих и крестьян" одновременно означало и окончательный возврат в объятия Маркса и Энгельса. Он

женился и получил престижный пост в Институте атомной физики в Россендорфе близ Дрездена. Грета Фукс, которую он знал еще со студенческих лет, стала первой женщиной в его жизни, с которой он вступил в интимные отношения.

Как и его отец, агитировавший протестантов ГДР в поддержку Ульбрихта, Клаус Фукс выступал с позиций негибкого защитника социализма. В 1961 году он защищал нарушение Советским Союзом моратория на атомные испытания, как "необходимый шаг против поджигателей войны" на Западе. Четыре года спустя бывший атомный разведчик агитировал против мнимого производства оружейного плутония в западногерманских ядерных исследовательских центрах в Юлихе и Карлсруэ. Путешественник по мирам полностью встал на сторону одного из полюсов, между которыми он, как маятник, колебался в течение семнадцати лет своей жизни.

Все еще в поисках оправдания Фукс резюмировал незадолго до смерти: "С опытом семидесяти двух лет замечаешь, когда оглядываешься назад, что ты совершал ошибки, что кое-что можно было бы сделать иначе. Но то, что в общем жизнь прошла прямо, подтверждает правильность жизни, которую ты прожил."

После лет "контролируемой шизофрении" Фуксу воспринял возвращение в лоно твердой марксистской веры как облегчение. В 1979 году обильно награжденный и всеми почитаемый "разведчик для дела мира" ушел на пенсию, но с маленьким изъяном: среди многих его наград не было ни одной с советской стороны. Там шпиону-ученому ставили в вину его сотрудничество со следователями на допросах, способствовавшее поимке Гарри Голда и Розенбергов.

До падения своей идейной родины Фукс не дожил. В 1988 году он был похоронен с воинскими почестями. Незадолго до его смерти молодой французский физик в шутку признался ему, что он ездит по ГДР немного дольше, чем это разрешают власти. Седой атомный шпион с укором погрозил ему пальцем и ответил, без малейшего чувства юмора: "Если Вы находитесь за границей, нужно уважать законы этой страны."

"Крот"

Полет из Франкфурта в Москву перестал быть большим делом. Точно по расписания взлетает наш самолет "Люфтганзы", точно и гарантировано приземлится он в московском международном аэропорту Шереметьево. "Холодная война" безвозвратно покоится на свалке истории. В прошлое ушел ее мир, двухполюсный мир ясных противоречий, который раз и навсегда объявлял все свое хорошим, а все другой стороны - плохим. Найти правду сегодня оказалось намного сложнее.

После того, как самолет пролетел над Эльбой, под нами распростерлись первые покрытые снегом поля. Они тянутся через Бранденбург и Польшу вплоть до России, один и тот же снег, один и тот же холодный солнечный свет. Мы отправились в путь, чтобы встретиться с одной из самых знаменитых фигур "холодной войны" - с советским шпионом Джорджем Блейком. Мы спрашивали его, хочет ли он говорить с нами. Собственно, он этого не хочет.

Удастся ли нам завоевать его доверие? Как абсурден сам этот вопрос! Что означает слово "доверие" для шпиона? Для человека, который предал людей, доверявших ему? До последнего времени мы совсем мало знали о Джордже Блейке. О нем была написана куча сущего вздора. Только после неожиданного выхода его мемуаров "No other choice" ("Иного выбора нет") в 1990 году мы узнали о нем больше. Книга таинственным образом исчезла с прилавков британских книжных магазинов; гонорар Блейка был конфискован британскими властями. Молчание и замалчивание - суть разведывательной власти. Человеку не нужно пропадать. О нем будут просто молчать, как о мертвом.

Джордж Блейк появился из тьмы тридцатилетнего молчания. Семнадцать лет он работал в британской внешней разведке МИ 6, из которых девять лет помимо этого служил КГБ - двойной агент. С 1953 года он выдавал своим друзьям в Москве все доверенные ему секреты. Вред, причиненный им западным спецслужбам, был огромен.

После его разоблачения в 1961 году состоялся закрытый процесс, чтобы предотвратить распространение сведений о нем среди общественности и затушевать позор МИ 6. В анналах британской разведки "катастрофа с Блейком" стала точкой абсолютного падения. После нее ЦРУ больше никогда открыто не работала с англичанами. Старому доверию между союзными службами на десятилетия был нанесен серьезнейший удар.

Через Блейка КГБ идентифицировал более четырехсот западных агентов в Восточной Европе. Через Блейка важные советские агенты были внедрены в сеть западных спецслужб. Именно Блейк выдал КГБ построенный англичанами и американцами шпионский туннель в Берлине. Вполне оправданно Джорджа Блейка считали самым успешным двойным агентом "холодной войны". Его акции превратили в ничто десятилетия работы западных разведок. За это в 1961 году он был приговорен к 42 годам тюремного заключения.

Но так долго Блейка нельзя было держать за решеткой. Через пять лет мир узнал о сенсационном побеге из тюрьмы. Побег Блейка через Бельгию и Западную Германию в Восточный Берлин лишь сейчас стал известен в подробностях. С 1966 года он живет в

Москве со своей второй женой - русской. У супружеской пары уже вырос сын. Став пенсионером от КГБ, Блейк продолжает работать в научном обществе Московского университета имени Ломоносова в качестве арабиста. Шпион на пенсии, проживший уже и вторую свою жизнь.

Мы встречаемся с Джорджем Блейком на обеде в отеле "Метрополь", шикарном, скучно отреставрированном здании в стиле "модерн", построенном на рубеже 19 и 20 веков. Блейк невысок, все еще носит бороду, как и на его немногочисленных известных фотографиях. Своей сдержанно-дружественной манерой он производит впечатление англичанина из одного из distinguished лондонских клубов.

Его голос тих и мелодичен, в акценте отчетливо проскальзывает его голландское происхождение.

Джордж Блейк родился в семье торговца Альберта Бехара 11 ноября 1922 года в Роттердаме. Отец происходил из семьи константинопольских евреев-сефардов. Мать была из голландской буржуазной семьи, укоренившейся в лоне традиций реформистской церкви. Отец воевал на стороне англичан в Египте во время Первой мировой войны и в благодарность за заслуги получил британское подданство. При этом он выбрал для себя новую фамилию "Блейк".

Во время обеда Джордж Блейк рассказывает о своем детстве, о смерти отца, когда ему было только тринадцать лет, своих школьных годах в Гааге и Каире, о выпускных экзаменах в Роттердаме. Такие многосторонние семейные и культурные влияния еще в молодости сделали из него космополита. Блейк интересуется историями, не только своей собственной. Он сам внимательный слушатель. Конечно, ему ясно, что мы хотим узнать, как он попал в мир разведок. Корни этого процесса нужно искать в событиях Второй мировой войны.

Когда в 1940 году немецкие войска вступили в Нидерланды, Блейк пережил три врезавшихся ему в память события: бомбардировку Роттердама, жертвой которой пал дом его родителей, побег матери с двумя его сестрами в Англию и его интернирование нацистами как восемнадцатилетнего. Блейку удалось вырваться из лагеря. Его дядя добыл ему новые документы. Под именем "Петер де Фрис" он работал в округе Девентер в голландском подпольном движении Сопротивления "Vrij Nederland" ("Свободные Нидерланды").

В июле 1942 года Гестапо выходит на его след. Чтобы избежать ареста он через Бельгию и оккупированный Париж пробивается на юг Франции, управляемый правительством Виши. Здесь его интернируют, но ему снова удается через Пиренеи добраться до Испании. И там он попадает в заключение и два месяца проводит в ужасном лагере "Миранда де Эбро", пока после вмешательства британского посольства в январе 1943 года его не освободят и не дадут выехать в Гибралтар. На борту корабля "Эмпресс оф Острэлиа" ему, наконец-то, удается попасть в Великобританию.

В октябре 1943 года он поступает на службу в Королевские ВМС и проходит ускоренный курс обучения на борту крейсера "Диомед". Он хочет вернуться в Голландию обученным бойцом-подпольщиком, но на сей раз хорошо оснащенным, в составе группы английских "коммандос". Правда, эта мечта не осуществилась, но тут его судьба совершает решающий поворот. Благодаря своему опыту подпольной работы против немецких оккупантов в Голландии и прекрасного знания языков: он тогда уже говорил, помимо голландского, бегло на немецком, французском и немного на арабском языках - Блейк попадает на службу в "Секрет Интеллидженс Сервис" (она же МИ 6).

Блейк стал членом голландского отдела А 2 (позднее Р 8) и сперва работает переводчиком в лондонском центральном управлении - "Бродвей Билдинг" близ Парка Сент-Джеймс. Он курировал голландских агентов, сбрасываемых за линией фронта в немецкий тыл вместе с парашютистами спецназначения SOE (Special Operation Executive). Это были, прежде всего, радисты и диверсанты.

После отступления немцев Блейк был одним из первых, кто возвратился в Голландию, теперь в качестве агента СИС и командира отдела контрразведки королевского военного флота. Уже в мае 1945 года его переводят в Гамбург в качестве допрашивающего офицера в Британской оккупационной зоне. Среди немецких военнопленных он находит информаторов и потенциальных агентов, из которых создает скелет шпионской сети в Советской оккупационной зоне. Блейк сам вербовал людей, которых он позднее предаст Советам.

В Гамбурге начинается собственно разведывательная карьера Блейка.

Двадцатитрехлетний ведущий агент-связник - убежденный антикоммунист, ориентированный на определенные цели союзников в начинающейся "холодной войне". Антикоммунизм Блейка это выражение его христианских убеждений, почти элементарного возмущения против материализма. Оно же во многом - результат протестантского воспитания его матери. В юности Блейк хотел стать священником голландской реформистской церкви. Ренегат, стало быть?

Блейк указывает нам на то, что многие британские разведчики тесно связаны с англиканской церковью, большая часть агентов ЦРУ принадлежит к квакерам.

Разведчиков, очевидно, влечет к преувеличенному, бойцовски-миссионерскому моральному духу, который легко может перейти в самооправдание, в опасную максиму:

цель оправдывает средства.

Все это мы узнаем у Джорджа Блейка во время обеда. Кажется, беседа оправдала себя. На следующее утро мы узнаем, что экс-шпион будет в нашем распоряжении целую неделю.

Архив английской кинохроники "British Movietone News" размещен в Денхэме за пределами Лондона, на территории старой студии "Корда". Мы ищем пленку за апрель 1953 года, решающий момент в жизни Блейка. Как кроты, мы роемся в каталогах. На складе пленок хранятся тысячи коробок с лентами, можно сразу потерять надежду найти что-то в этой Вавилонской башне. Но вот она, нужная коробка. Пленку вставляют в проектор, выключают свет, и уже звучит знакомая заглавная мелодия кинохроники.

На военный аэродром приземляется самолет. Из машины, дружески улыбаясь, выходят сотрудники бывшего британского посольства в Южной Корее. Они возвращаются после трехлетнего плена. Посол Вивиан Холт и его вице-консул Джордж Блейк стоят перед микрофоном и отвечают на вопросы репортеров. Другие бывшие заключенные, дипломаты, служители церкви и репортеры следуют за ними. Все они

исхудавшие. По этим людям видно, что им пришлось страдать в плену.

Джордж Блейк был воспитан антикоммунистом, но вернулся назад советским разведчиком. Это было 21 апреля 1953 года. Сегодня он так описывает нам эту сцену: "Внезапно открылись двери самолета, и мы увидели неожиданно большую толпу людей перед нами. Мы были маленькой группой дипломатов, сотрудников посольства, как посол Вивиан Холт, Оуэн и я. Филипп Дин из газеты "Обсервер" был здесь, и англиканский епископ Купер, представитель Армии Спасения, комиссионер Лорд. Мы все еще были в тех же костюмах, которые корейцы дали нам перед освобождением. Внезапно прозвучал старый гимн "Возблагодарим же Господа!". Это действительно было очень трогательно. В толпе я увидел свою мать. Было много кинокамер. Младший государственный секретарь Министерства иностранных дел приветствовал нас. Я вернулся домой и был встречен как герой войны. Но в словах "Возблагодарим же Господа" для меня содержалась особая ирония. Для многих мое возвращение отнюдь не дало бы повода для благодарения. Я знал: я теперь не тот, кого они ждали.

Что же произошло? Блейк, как опробованный агент МИ 6, в 1947 году вернулся из Германии в Великобританию и был направлен для изучения русского языка в Даунинг-Колледж в Кембридже. Встреча с русской культурой и литературой впервые дала ему тесный контакт с коммунистическим мировоззрением. Его учительница, д-р Элизабет Хилл, была родом из Санкт-Петербурга и сильно повлияла на молодого Блейка. Воспоминание о роли Советского Союза в разгроме немецкого нацизма внесло дополнительные чувства: теперь Блейк смотрел на Россию и Советский Союз другими глазами.

"Я начал романтизировать русскую историю, русскую культуру", - вспоминает экс-шпион.

"Сильный барьер против всего русского и советского был сломан. Сегодня я рассматриваю это как подготовительный шаг к моему последующему обращению к коммунизму."

Британский знаток разведки Филипп Найтли занимался этим превращением Джорджа Блейка из Савла в Павла. Это "видение в Дамаске" Найтли объясняет прежде всего учебной студента:

"Перед ним открылся старый и новый мир идей России и Советского Союза. Были ли эти люди на самом деле так плохи, как это описывала западная пропаганда? Была брошюра о коммунизме, которую британская разведка раздавала своим рекрутам. Блейк прочел ее и заметил, что ему нравится прочитанное. Это был интересный момент. Как убежденный христианин, он заметил, что служение человечеству возможно не только в рамках церкви, но и на политическом уровне.

Джордж сказал себе: "То, что я читаю о марксизме, соответствует моей христианской надежде на равенство и братство, никто не должен голодать и страдать, и есть практическая возможность осуществить рай на Земле."

Перед Пасхой 1948 года Блейк сдал экзамен по русскому языку. Вскоре после этого он получил задание основать резидентуру СИС при британском посольстве в южнокорейской столице Сеуле. Для маскировки его делают вице-консулом. Блейк наблюдает за усиливающимся проникновением агентов Красного Китая и Советского Союза. Он первым сообщает о военных приготовлениях Северной Кореи на 38-й параллели. Но в Лондоне на его информацию внимания не обращают.

Когда вспыхивает Корейская война и северокорейские войска 29 июля 1950 года занимают Сеул, служащих британского посольства: посла Вивиана Холта, консула Нормана Оуэна и вице-консула Джорджа Блейка интернируют в школе. К ним добавляется еще группа англичан и французов. Для них начинается трехлетний путь страданий по лагерям, в постоянном сопровождении голода, холода и смерти. Военнопленным Джордж Блейк переживает катастрофу войны на стороне северокорейцев. Прежде всего, он переживает мощнейшие авианалеты американских ВВС, превосходящие по силе и разрушениям все, что он видел во время войны в Европе. Долгие беседы с Вивианом Холтом, с которым он изучает "Коран" на арабском языке, и чтение "Капитала" Карла Маркса в лагере Мампо приводят к медленному изменению убеждений в пользу коммунистической идеи. В этой войне, как все сильнее чувствует

Блейк, он стоит не на правильной стороне. Он разочарован британским правительством, бросившим его на произвол судьбы, и американскими союзниками, которые в этой войне, как кажется ему, предали все ценности, за которые они боролись во время Второй мировой войны.

"И тогда я спросил себя, стою ли я на правильной стороне. Как сотрудник британской разведки я был обязан всеми средствами подрывать коммунистическую систему. Я был на одной стороне, на стороне союзников, в верности которой я клялся, но мне пришлось признать, что я выбрал неправильную сторону. После долгой паузы я написал однажды короткое письмо такого содержания, что я могу сообщить русским сведения огромной важности. Поздно вечером, когда мои сокамерники спали, я покинул барак, подошел к охране и передал письмо корейскому майору. Это было поздней осенью 1951 года, когда нас, пленников, поодиночке возили на допросы в Мампо, сначала мистера Холта, затем меня, затем мистера Оуэна и других. Там я впервые встретился с моим будущим советским связником. Таким образом, допросы только инсценировались для прикрытия моих контактов с ним. "

Как позднее узнал Блейк, его контактным лицом с советской стороны был Анатолий Леенко, шеф КГБ во Владивостоке. Встречи, замаскированные под допросы, проходили и дальше с месячным интервалом. Эти беседы велись на русском языке и создали базу для работы Блейка как двойного агента. Прошел почти целый год, пока Блейк и другие пленные не были освобождены. Чтобы избежать подозрений, притеснения пленников, в том числе и Блейка, продолжаются. Лишь в конце 1952 года они получают свободу.

В глазах своих интернированных товарищей Джордж Блейк отличался и храбростью, и силой характера. Епископ Купер после прибытия в Англию нашел особо хвалебные слова для своего товарища по несчастью.

"Он человек большой силы воли. Его мужество, его оптимизм помогали нам выжить. Блейк героически выдержал все попытки промывки мозгов и дебатировал с политическими комиссарами, которых направляли к нам, чтобы они пытались нас переубедить в свою веру. Он регулярно посещал церковные службы. Он хороший товарищ и великолепный дипломат. "

Так описанный "хороший товарищ" возвращается в Великобританию с твердым решением с этого момента работать на Советы. Никто из тех, кто сидел вместе с ним в плену, не смог бы заметить в нем каких-либо изменений. На допросах для проверки безопасности, которые проводит с ним СИС, Блейк не показывает ни малейших признаков промывки мозгов, никакой неуверенности. Его контактером от КГБ стал Николай Борисович Родин, одна из самых загадочных фигур советской разведки, который координировал деятельность кембриджской "Великолепной пятерки" и шпионской сети в Портленде. Родин - резидент КГБ в советском посольстве в официальном ранге первого секретаря. Под псевдонимом "Коровин" Родин с 1949 по 1954 год находился в Лондоне, затем два года снова в Москве, а с 1956 по 1961 годы - опять в Лондоне.

Первая встреча Блейка и "Коровина" состоялась еще в Отпоре, пограничном переходе между Китаем и СССР, когда возвращавшиеся домой из Кореи интернированные англичане ехали по Транссибирской магистрали из Пекина в Москву.

На следующую встречу, на которой обсуждаются самые важные вопросы для последующего времени, он в июле 1953 года приезжает в голландскую столицу Гаагу. С того времени Блейк и Родин регулярно встречаются, каждые четыре недели, на разных станциях метро в окраинных районах Лондона Белсайз Парк, Хэмпстед и Илинг.

Блейк сейчас вспоминает, в первую очередь, о профессиональных качествах своего связника Родина:

"Я не могу сказать, что он был человеком, спонтанно вызывавшим теплые чувства.

В нем было слишком много жесткости, "железная рука в мягкой перчатке". Но я восхищался его умениями. Хотя он был известен западным спецслужбам как резидент КГБ и постоянно находился под слежкой, ему всегда удавалось отрываться от "хвостов" и встречаться со мной точно в условленное время. Он однажды рассказал мне, как он это делает. Если мы назначали встречу на семь часов, то он выходил из дома еще в 11 часов утра и целый день находился в движении. В такой операции принимало участие много людей, задействовались конспиративные адреса и отвлекающие поездки на автомобилях и метро. Это было сложно, но всегда функционировало, так что я мог чувствовать себя с ним в безопасности. "

С октября 1953 года Блейк принадлежит к самому секретному отделу СИС, к секции Y. Само существование этой секции - строжайшая тайна даже внутри самой британской разведки. Ее задача - перехват с помощью всех доступных в то время средств дипломатических и военных телефонных линий Советов в Лондоне, Женеве и Вене.

Секретен и адрес секции Y - Карлтон-Гарденс, 2, как раз напротив официальной резиденции британского Министерства иностранных дел - оба элегантных роскошных дома начала 19-го века, с видом на Сент-Джеймский парк и The Mall, место прогулок королевской семьи, ее "парадную милю". Электронное наблюдение находится пока только в начале своего ускоренного "холодной войной" бурного развития, вершиной которого станет всеобъемлющая система раннего предупреждения на разведывательных спутниках. Шеф секции Y Питер Ланн, выпускник Итона и Оксфорда, оригинальный,

изобретательный разведчик - определенно, один из лучших, когда либо работавших в СИС. От него исходит идея операции "Лорд". Ее место проведения - столица Австрии. Вена тогда, подобно Берлину, была городом из четырех секторов оккупации - и сценой акции по подслушиванию телефонов невиданных доселе размахом. В Вене людьми Ланна были прорыты четыре канала для подслушивания. "Добыча" перехватываемых переговоров между советским штабом в старом отеле "Империал" и центром в Москве просто невероятна. Это подслушивание длится три года - пока его не выдал Блейк. Через неделю после того, как Блейк передал информацию из секции Y своему связнику "Коровину", Советы положат конец этой операции.

Николас Эллиотт, один из самых знаменитых мастеров шпионажа старых времен и член дирекции СИС, в беседе с нами так рассказывал об операции "Лорд":

"В начале пятидесятых годов существовала скрытая опасность советского нападения на Западную Европу. Австрия была еще оккупирована и считалась возможным очагом войны. Поэтому срочной необходимостью для СИС было создать такого рода службу предупреждения. Шефом операции был мой старый друг Питер Ланн, мы знали друг друга еще со школы. Он сказал:

"Мы не получаем достаточно информации через наши нормальные агентурные связи, мы должны придумать что-то новое." Этим "новым" было строительство туннелей под городом Веной, с помощью которых мы могли подключиться к телефонным кабелям советских вооруженных сил. Сэр Стюарт Мензис, тогдашний шеф службы, обладал хорошим нюхом на действительно важные вещи. Он разрешил предприятие и предоставил необходимые для него деньги. В конце мы располагали в Вене четырьмя туннелями разного размера и важности. Они не только требовали много рабочей силы при строительстве, их эксплуатация тоже была хлопотной и дорогой.

Поток информации, с которым нужно было справляться, был огромен. Во время одного моего визита в Вену я побывал в одном таком туннеле. Меня редко когда охватывала такая боязнь пространства, как в этих трубах. Позже, когда я был шефом резидентуры СИС в Вене, началась забавная заключительная игра. Телефонные инженеры австрийской почты постоянно жаловались на нас, находя все время то наш старый туннель, то наше старое место подключения. У них получался ералаш из линий. Венская операция была прямой предшественницей невероятно мужественной акции Ланна в Берлине."

После того, как Советы в 1955 году покинули Вену, было вполне понятно, почему Питера Ланна перевели в Берлин. Здесь появлялось новое, еще более интересное поле для его группы подслушивания.

Сотрудник старой Имперской почты и перебежчик с телефонной службы ГДР снабдили СИС техническими чертежами и планами сетей, показывавших точное прохождение телефонных кабелей Немецкой почты и их функцию. С помощью таких документов Питер Ланн смог разработать стратегию своих подслушивающих акций.

Кодовое имя : операция "Золото".

На основе собранного в Вене опыта проверяется новая техника. На военном полигоне в графстве Уилтшир строительная часть британской армии тренируется в строительстве туннеля из стальных сегментов. Специалисты телефонной службы тестируют реле, усилители и записывающие устройства. Лишь после того, как его план в Англии окончательно был испробован, Ланн обратился к коллегам из ЦРУ. Так как американская разведка и без того получала выгоды от результатов работы англичан в рамках нормального процесса обмена информацией, то он настаивал на том, чтобы американцы приняли участие в финансировании предприятия. Партнером Ланна в ЦРУ стал Билл Харви. Если Ланн в этой комбинации оставался интеллектуалом, мастером до мелочей продуманных деталей, то Харви был скорее человеком действия, с энергичной, при необходимости грубой пробивной силой. И только эти способности обоих сделали возможной операцию "Золото".

После победы над нацистской Германией в мае 1945 года советские войска повсюду в оккупированной ими зоне воспользовались для своих нужд военными сооружениями разбитого гитлеровского Вермахта, среди них и казармами и складами старого штаба в Вюнсдорфе и лабиринтом бункеров на юге Берлина недалеко от аэропорта Шёнефельд.

Этот подземный командный пункт Советской Армии секретными телефонными и телеграфными кабелями был связан с советской комендатурой в Карлсхорсте и советским посольством на улице Унтер ден Линден. Все телефонные разговоры этих учреждений между собой и с Москвой велись по этим проводам. Ланн и Харви нашли место, где линии проходили почти параллельно с границей секторов по Шёнефельдер Шоссе в Альт-Глинке, на юге Берлина. Здесь они и хотели воплотить в жизнь свой план: подслушивающий туннель беспрецедентного размера. Ими был предусмотрен туннель длиной 583 метра на глубине около 6 метров, пересекающий границу оккупационных зон. Металлические трубы, которыми нужно было армировать штольню, должны были быть диаметром около 2 метров.

На заседании секции СИС Y в январе 1954 года операция "Золото" стала решенным делом. За американцев протокол ведет Клайв Крэм, за англичан - Джордж Блейк. Несколькими днями позже Блейк передает своему новому офицеру-связнику КГБ Сергею Кондрашову точный план места проведения готовящейся операции. Во время тянувшегося один год строительства туннеля в распоряжение КГБ поступают

последующие документы. Эти чертежи сейчас в архиве КГБ в Москве по-прежнему хранятся как важные материалы.

"Кабеля", - вспоминает сегодня Джордж Блейк, - "проходили относительно близко к американской части границы секторов в Альт-Глинке. Ланн сразу понял, что тут не удастся обойтись без полного сотрудничества с американцами. Американцы, которых очень впечатляли результаты операции "Лорд" в Вене, сотрудничали сразу и с воодушевлением. Они заявили о своей готовности финансировать операцию "Голд". Конференция офицеров ЦРУ и СИС проходила в Лондоне в доме, где я тогда работал, на Карлтон Гарденс, 2. В качестве одного из секретарей мне пришлось протоколировать все заседание и все аспекты обсуждавшегося плана. Так что я с самого начала был подробно проинформирован обо всем и смог при ближайшей встрече с моим советским контактным лицом передать ему схему места, где должен был быть выкопан туннель: параллельно с кладбищем до места подсоединения. Это все еще было на стадии планирования, до первого взмаха лопаты. Мой связник сразу понял важность и размах операции и тут же вылетел с моей информацией в Москву. После возвращения он рассказал мне, какое сильное впечатление произвело это сообщение в Москве, и что там решили для начала разрешить операции проходить без помех. От меня ожидали, что я буду дальше следить за делом и передавать сведения о его будущем развитии. Так я и сделал."

Чтобы замаскировать строительство туннеля, американцы непосредственно на границе зон начали строительство радиолокационной станции, которая официально должна была контролировать воздушное движение в Шёнефельде. Так можно было объяснить наличие грунта, появлявшегося на поверхности при земляных работах на строительстве туннеля. В большом складском помещении РЛС монтировались стальные сегменты туннеля, а земля, которую не могли вывезти, складывалась в мешках.

Днем и ночью работали строители ЦРУ и СИС. Они не имели права покидать территорию РЛС, и их сменяли каждые два месяца. Особое внимание уделялось установке мощной акклиматизационной установки, потому что система усилителей производила такую сильную жару, что "архитекторы" боялись, что от тепла снег над туннелем зимой растает и все выдаст. Подключение к сетям взяли на себя специалисты британской почты с центра подслушивания Доллис Хилл, успешно работавшие еще в Вене. Жила за жилой 259 кабелей были изолированы, припаяны "мостики" и соединены с системой усилителей в туннеле. Все должно было проводиться очень осторожно, чтобы не было перепадов напряжения или помех, которые выдали бы Советам эту акцию.

Наконец, 25 февраля 1955 года туннель был готов к использованию. Его строительство обошлось примерно в 28 миллионов долларов. Один из ведущих криптографов и аналитиков ЦРУ Джо Эванс и сегодня все еще вспоминает с нескрываемым восторгом об операции "Золото":

"Для меня проект туннеля начался в середине 1954 года, когда мы думали, как сможем справиться с ожидавшимся потоком информации. Нужно помнить: там были сотни телефонных кабелей с тысячами телефонных разговоров, которые все следовало проанализировать. В каждом отдельном разговоре могли быть очень важные сведения, и даже маловажные вещи нужно было запоминать. За анализом разговоров при десятках и сотнях телефонных звонков нужно было следить, затем они, возможно, превращались только в короткую сводку. Нам нужно было заранее подготовиться к работе, набрать людей. Сначала надо прослушать пленки и записать на бумагу сказанное, затем обсудить его содержание и классифицировать в зависимости от важности. Некоторые разговоры мы переписывали на бумагу полностью, некоторые - только в отрывках. Затем их нужно было перевести, собрать и распределить, чтобы ясна была их связь друг с другом. Все было точнейшим образом скоординировано с нашими британскими коллегами, так чтобы мы, когда кабельные соединения через месяц были готовы, смогли справиться с телефонным потоком."

День 10 апреля 1955 года стал самым волнующим днем для Джо Эванса и его коллег.

"Этот момент был вершиной моей работы в Лондоне. Мы вместе сидели в конференц-зале, британцы и американцы. Встречу вел директор аналитического отдела СИС, как вдруг в комнату ворвалась его секретарша, чтобы передать ему записку. Он прочел ее, снял очки, взглянул на нас и улыбнулся:

"Сделано! Мы сделали это!"

Мы подключились к кабелям Советов. Три главных телефонных кабеля и один телеграфный кабель с сотнями проводов постоянно контролировались и подслушивались нами. Более сотни магнитофонов с автоматическими реле постоянно были готовы записать любой разговор. Часто набегало около 1200 часов в день. Огромное количество пленок и протоколов ежедневно с курьерами перевозилось на самолетах с аэродрома Темпельхоф в Лондон и Вашингтон. Масштабы добытого материала были так велики, что два центра радиоперехвата в Лондонском Риджентс-Парке и на "Уошингтон Молл" в американской столице постоянно увеличивали штат своих аналитических подразделений.

Этой строго секретной переводческой работой занимались в первую очередь русские эмигранты, особенно обученные лингвисты и криптографы.

Джо Эванс - один из немногих людей, имеющих разрешение от ЦРУ рассказывать об операции с туннелем:

"Я думаю, что ни британская, ни американская общественность никогда не имели возможности правильно оценить операцию "Золото", потому что это была такая операция, которую нужно было хранить в тайне и после разоблачения туннеля. В общем, можно сказать: англичане еще менее охотно говорят о своих шпионских действиях, чем мы. Невозможно переоценить технический результат и полученную информацию. Туннель тогда, когда еще не было спутников раннего предупреждения, был единственным сооружением, с помощью которого можно было проследить изменение стратегического равновесия. Мы получили достаточно точную картину дислокации и боевого порядка советских войск в ГДР и Восточной Европе: например, знания о запасах топлива и смазочных материалов, о состоянии обучения и готовности войск, их высоком или низком боевом духе. Мы знали и личные особенности, например, командующего генерала Гречко. О некоторых людях мы располагали вполне точными сведениями, и мы знали, что было еще важнее, что генералы думают друг о друге и как они говорят друг о друге в доверительных беседах. Все это, соединенное в сложную мозаику, давало возможность заглянуть в планирование работы и кадровое планирование и в стратегические замыслы Красной Армии. Мы были настроены на то, что операция с туннелем протянется несколько лет и позволит нам иметь теснейший контакт со стороной противника. Эта система раннего предупреждения функционировала очень хорошо и была лучшей, что тогда было возможно в техническом и материальном смысле.

СИС и ЦРУ не могли предположить, что КГБ не только был предупрежден Джорджем Блейком об их poste подслушивания в Берлинском туннеле, но и постоянно получал через Блейка новые сведения о ходе операции. Нужно благодарить Блейка за то, что были проведены предостерегающие мероприятия. Настоящие важные переговоры были переведены на другие кабели и зашифрованы.

На вопрос, почему КГБ позволил туннелю существовать целый год, есть несколько ответов. Эксперт СИС Филипп Найтли в интервью нам объяснял это так:

"Пока спецслужбы союзников с большой увлеченностью были заняты Берлинским туннелем, они не могли заниматься более ничем другим; туннель требовал огромных финансовых и людских затрат, он стал инвестицией, которая в определенный момент должна была оказаться ошибкой. Было ли это разоблачение, замаскированное под случайность, как сейчас утверждают русские, сделано так поздно для защиты их самого важного агента Джорджа Блейка - это лишь частичный аспект. Для русских этот туннель определенное время был так же важен, как и для союзников, потому что с его помощью русские могли незаметно подрывать западные информационные и разведывательные службы, снабжая их специально подготовленными сведениями.

Дезинформация всегда была сильной стороной стратегов КГБ. По своей природе разведслужбы это гигантские бюрократии, центры сбора информации и регистратуры, в которых регистрационные и компьютерные системы собирают и накапливают различные информационные группы фактов. Сведения из Берлинского туннеля вводились и интегрировались на самых разных уровнях в эту систему. Информация и дезинформация таким образом распределялись вместе и проникали во все части системы, так что правильные и неправильные факты больше уже нельзя было разделить друг от друга. Русские обладали целым годом времени, чтобы подготовиться к этой дезинформационной игре, и могли управлять нормальным потоком ежедневных телефонных разговоров в кажущимся им важными сферах. Так были скомпрометированы все данные и информация ЦРУ и СИС того времени.

Даже сегодня русские, конечно, не позволят себе дать какие-либо намеки, с помощью которых можно будет отфильтровать дезинформацию из системы. Остается фактом, что КГБ тогда удалось с помощью фальшивых сообщений частично поставить союзников под свой контроль. Несколько преувеличивая, можно выразиться и так: Во время операции с туннелем и даже после нее ЦРУ и СИС, по меньшей мере частично, работали под эффективным контролем КГБ. "

СИС знала Джорджа Блейка как преданного долгу и успешного офицера разведки. То, что он за один только год, а именно - 1954, передавал в Москву все оперативные приказы секции Y и все технические и структурные детали операции "Золото" - об этом в Лондоне ни в малейшей степени никто не подозревал.

Кажется Божьим судом, что Блейка в январе 1955 года перевели именно в Берлин; официально это считалось знаком признания со стороны его руководителей. Это повысило ценность Блейка для его друзей в Москве. Он, правда, уже не был напрямую связан с операцией "Золото", но его информировали о ней. Его задачей теперь было создание агентурной сети СИС в Берлине и в ГДР.

Блейк со своей женой Джиллиан, на которой он женился в 1954 году, переехал в зарезервированный для высоких британских чиновников жилой дом на Платаненаллее в Западном Берлине. Тогдашним резидентом КГБ в Восточном Берлине был генерал Евгений Питовранов. Теперь он отвечал за Блейка.

Евгения Питовранова проинформировали о существовании "крота" в СИС в самый последний момент: "Незадолго до моего отъезда из Москвы я услышал, что у нашей организации в Берлине есть замечательный агент. Он испытанный, лояльный человек, которому можно доверять. Подвергать его опасности нельзя ни в коем случае. Я

приказал самому опытному нашему агенту, которым мы тогда располагали в Германии, держать связь с Блейком. Конечно, это происходило с соблюдением всех мыслимых норм безопасности.

Этим человеком был Николай Сергеевич Мякотных. До 1959 года ему пришлось взять на себя большую ответственность, поддерживая контакт с Джорджем Блейком. Благодаря информации Блейка наших людей предупредили о строительстве разведывательного туннеля. Внезапно в Альт-Глиннике появилась радиолокационная станция, где использовалось очень много людей и стройматериалов.

Наши наблюдения мы постоянно передавали в Москву.

Я связался с генералом Гречко, командующим нашими войсками в ГДР, и сказал ему, что мы знаем о существовании шпионского туннеля и нам нужна помощь его разведывательных экспертов, чтобы узнать, что они там делают с нашими телефонными проводами. Гречко не видел в этом большой опасности.

Он сказал: "Ну послушайте, какие там секреты? Пара телефонных разговоров - ну и что? Говорят ведь в основном о чепухе, пару анекдотов, может быть, что-то о работе." Я сказал ему:

"Андрей Антонович, я покажу Вам три документа, которые наши агенты выловили из корзин для бумаг в "Организации Гелена". Посмотрите, что может принести случайное совпадение информации. Это только бумага. Можете ли Вы себе представить, что можно взять из всего нашего телефонного потока? Даже самые дисциплинированные командиры иногда отступают от правил. Недооценивать это нельзя." Гречко сказал: "Хорошо, но что Вы ожидаете от нас?" Я ответил: "Немногого.

Будьте внимательны. Позаботьтесь, чтобы Ваши люди говорили по телефону с большей осторожностью и не упоминайте о КГБ."

Во время этого КГБ доставил в Берлин своих специалистов. Вадим Гончаров руководил расследованием.

"С конца 1953 года мы регулярно получали сведения о строительстве туннеля. Я сам приехал в Берлин в начале 1954 года. Мы постоянно были в контакте со штабом Советской Армии. Мы установили, что товарищи в их наблюдениях сообщат о каких-то технических проблемах или помехах. Мы перехватили несколько телефонных разговоров советских командиров и подразделений между собой и выяснили, что не все хорошо обстояло со скрытностью, хранением тайны и вниманием к вопросам безопасности. Мы дали прослушать наши записи группе высших офицеров, включая самого генерала Гречко, в Вюнсдорфе. Были приняты радикальные меры, и недостатки были устранены.

С нашими измерительными приборами на расстоянии примерно 50 метров от их места подсоединения мы установили нашу контрольную станцию. Так мы смогли регулярно проверять наши линии."

СИС и ЦРУ в то время ничего не подозревали об ответной операции противника.

Они не знали, что их творение, которое, как они надеялись, прослужит им еще долгие годы, проработает только один год. КГБ тихо и скрытно готовил "открытие". Это должно быть тем более сенсационно, что в руководстве ГДР или "дружественной" службе безопасности Штази никто ничего об этом не знал - ни об операции "Золото", ни об оборонительных мероприятиях Советов.

Джордж Блейк вспоминает об окончании операции "Золото":

"Моя деятельность в Берлине мало была связана с туннелем. Я, конечно, знал, что там происходило, и мог вычислить, что рано или поздно предприятие будет раскрыто. Примерно через 11 месяцев после вступления туннеля в эксплуатацию меня предупредил мой советский связник, что вскоре предстоит "открытие". Но он заверил меня, что все пройдет так, чтобы никак не подвергать угрозе мою безопасность. На самом деле через несколько дней так и произошло. Русские ворвались в туннель. Сообщения прервались. Несмотря на все заверения моих друзей, я был очень обеспокоен. Немедленно была созвана американо-британская комиссия для расследования причин разоблачения туннеля. Все было так тщательно спланировано и проведено КГБ, что весь процесс выглядел вполне нормально, как случай, как-бы по воле Бога. Для акции КГБ выбрал день 22 апреля 1956 года."

Бывший шеф КГБ в Германии Сергей Кондрашов объясняет выбор срока политическими опасностями в Кремле:

"Выбор времени "обнаружения" в апреле 1956 года был в значительной мере связан с внешнеполитической ситуацией. 18 апреля Хрущев и Булганин прибыли с десятидневным государственным визитом в Великобританию. Обострялся кризис вокруг Суэцкого канала, в прессе проскальзывали предположения, что в случае войны Советский Союз пошлет на Суэц добровольцев. Напряжение было огромным. "Холодная война" угрожала перейти в горячую. У нас были и сведения об ухудшении положения в некоторых странах народной демократии, например, в Венгрии, где ситуация легко могла выйти из-под нашего контроля. Советское правительство, по возможности, искало пропагандистского успеха. И поэтому было принято решение наконец-то прекратить игру с туннелем."

Вадим Гончаров привел советскую группу в туннель: "Ночь с 21 на 22 апреля была очень темной. Мы шли вдоль кабелей, идущих из Шёнефельда, около 30 или 40 метров. За последние дни дожди сделали почву слишком мягкой и привели к коротким

замыканиям на линиях. Мы подошли к месту, где было чужое подсоединение к нашим сетям, и нашли подземное помещение с кабелями, откуда можно было попасть в туннель.

Примерно в пяти метрах перед нами была поставлена прочная стальная дверь. На ней по-русски и по-немецки было написано: "По приказу Главнокомандующего советскими войсками в Германии вход строжайше запрещен." Это предупреждение,

конечно, было маскировкой для введения в заблуждение относительно принадлежности оборудования - чтобы думали, что это место принадлежит советским войскам.

Мы открыли дверь, которая вела в туннель. Она даже не была заперта.

Американские пираты были совершенно уверены в безопасности своего дела. Мы видели сидевших операторов в наушниках, у их магнитофонов, все в работе, абсолютное молчание, удивление было огромным. Мы тоже стояли совсем тихо. Тут американцы сорвали с себя наушники, оставили свои приборы и побежали вглубь туннеля, в американский сектор. Мы гнались за ними до линии границы, где они забаррикадировались мешками с песком.

В это время магнитофоны спокойно продолжали работать. По-прежнему горел электрический свет. Было слышно, как шумит вентиляционная установка. Даже сигареты в пепельницах еще дымились. Электронные приборы, которые мы нашли, производили впечатление, но по-настоящему революционно новыми они не были. Тут были хорошие магнитофоны с автоматическими реле, включавшими их в момент начала разговора.

Позднее мы забрали приборы с собой и пользовались ими в своих целях в подобных ситуациях. Наши операции, я это особо подчеркиваю, никогда не были раскрыты западными спецслужбами."

Евгений Питовранов, резидент КГБ в Восточном Берлине, тоже был свидетелем операции:

"После того, как через 45 минут после начала операции передовой отряд вернулся, я тоже спустился в туннель. Мне представился захватывающий вид. Все было похоже на техническую лабораторию, чистую и хорошо организованную. Тут были магнитофоны, рабочие столы, кофеварка и удобные стулья, которые можно было использовать и как койки - чтобы и работать, и спать.

Я прошел около 250 метров до границы с Западным Берлином. Все было оснащено с максимальным совершенством. Американцы никак не позаботились, о сокрытии происхождения их приборов. Везде стояло "Made in USA". Той же ночью я позвонил Мильке. Он тогда был заместителем министра госбезопасности ГДР. Я сказал ему: "срочно сообщите Вальтеру Ульбрихту, что мы нашли вблизи Шёнефельда шпионский туннель. ""

Правительство ГДР только в этот момент узнало о тайне туннеля. Утром 23 апреля начинается пропагандистская "раскрутка" "разоблачения". Если Вальтеру Ульбрихту с его товарищами понадобился еще целый день, чтобы разобраться с новостью, советский военный комендант города Берлина Иван Александрович Коцюба через Бранденбургские ворота уже послал на Запад свою секретаршу.

С мешочком десятифеннинговых монет она из телефона-автомата звонит во все редакции газет в Западных секторах и всем иностранным корреспондентам и говорит: "Срочно приезжайте в советскую комендатуру в Карлсхорст. Мы раскрыли американский шпионский туннель."

В кинотеатре советского гарнизона полковник Коцюба открывает прессконференцию. Затем колонна автобусов, под escortом советской военной автоинспекции, подъезжает к временно расширенной дыре для входа в туннель на Шёнефельдер Шоссе. Начинается хорошо подготовленная пропагандистская акция. В сопровождении советских солдат журналисты пробираются по туннелю, фотографируют место работы западных техников систем подслушивания. На западной стороне за всем наблюдают американские солдаты. В одном окне здания РЛС развевается черный пиратский флаг. Хрущев и Булганин, все еще находящиеся с визитом в Великобритании, после убедительно разыгранного удивления громко протестуют против этого "акта американского пиратства".

В отличие от них, руководство ГДР действительно было поражено тем, что произошло на "его" территории. Лишь 24 апреля прошла дискуссия в Политбюро СЕПГ. Там все в ярости на "старшего брата" из Москвы. До последнего времени "друзья" не удосужились посвятить в дело товарищей из ГДР. Наскоро, в неподготовленной речи, о событии сообщает министр внутренних дел ГДР Карл Марон. Политбюро беспомощно постановляет оградить и обыскать участок. Кроме того, срочно нужно сделать сообщение для прессы. В нем руководство ГДР присоединяется к советской версии: основные виновники - американцы. В обращении с англичанами и те и другие ведут себя несколько сдержанней.

Ветеран туннеля Джо Эванс еще сегодня сомневается в версии КГБ о запланированном "разоблачении" туннеля:

"Я вспоминаю телеграмму, пришедшую к нам в Лондон, что в связи с постоянными дождями повреждены различные телефонные линии в Берлине. Мы должны были подготовиться к следующей ситуации: если пошлют бригаду для устранения неполадок, возникнет опасность того, что они найдут наше подключение. Так и произошло на самом деле. Они просто буквально наткнулись на туннель и были полностью ошеломлены. Это было действием природы, навредившей нам и помогавшей Советам, деянием Божьим.

Это не было виртуозностью людей КГБ. С шестидесятых годов все говорят, что туннель предали с самого начала. Пусть это было и так, но ведь 11 месяцев он помогал западным державам получать точную картину противника. Была ли цена слишком высокой? Я не думаю так! Мы выиграли время безопасности и мира. "

Несмотря на потерю туннеля, анализ собранных сведений продолжался до 1958 года. Прежде всего, новые достижения были получены в сфере криптографии. Советам, однако, служба, которую сослужил им Джордж Блейк, принесла большую выгоду. Берлинский туннель, как минимум с точки зрения публицистики, стал их большим успехом.

Афера с туннелем проливает ясный свет на общее настроение в Берлине пятидесятых годов. Между оккупационными властями четырех секторов города царило всеобщее недоверие. Граница между Восточным и Западными секторами еще была прозрачной. Контроль, правда, был, но Стены еще не было.

Американцы сидели в районах Далем и Целендорф, французы - в Тегеле и Райникендорфе, англичане - в Вестэнде и вокруг Олимпийского стадиона. Здание старой высшей школы физкультуры они превратили в свой военный штаб. У Джорджа Блейка там было бюро на третьем этаже, прямо над большим порталом. Он мог видеть стадион и въезд, над которым, как и раньше, нависали два золотых имперских орла. Резидентура СИС в Берлине тогда была самой большой в мире. Блейк до сих пор с удовольствием вспоминает о "фронтном городе" "холодной войны":

"В Берлине я провел фантастическое время, город снова начал оживать. Повсюду еще были руины, но уже появлялись интересные рестораны, кафе и магазины. Новый Берлин был захватывающим городом. Он служил сценой бесчисленных иностранных разведок и агентов. Это были американцы, англичане, французы, русские и, конечно, немецкие агенты: все в поисках информации, контактов и людей, которых они могут завербовать. Иногда возникало впечатление, что каждый второй берлинец работает на какую-то разведку, возможно, даже на несколько. Когда я по утрам смотрел из окна своего кабинета, то видел, как по всем направлениям разъезжается флотилия "Фольксвагенов". Все - со специальными инструкциями, чтобы устанавливать контакты и собирать сведения. "

Провал акции с туннелем настоящим вихрем пронесся по микрокосму берлинских спецслужб. Все 150 специалистов британской секции операции "Золото" были отозваны, среди них и Питер Ланн. Его преемником - и на три следующих года шефом Блейка - стал Роберт Доусон. Но возбуждение на удивление скоро улеглось. Западные союзники не были склонны радоваться успеху Советов как возмутителям спокойствия. Так что Блейк после короткого периода беспокойства смог дальше работать без помех.

Новый круг его обязанностей был установлен Политическим отделом СИС. Он должен был собирать политические сведения о Советском Союзе или использовать агентов для сбора таких сведений. В рамках этой деятельности ему была поставлено задание вербовки соответствующих агентов. Целью Блейка были, прежде всего, советские военные и гражданские лица в Восточном Берлине. Для этого задания Блейк располагал особым разрешением на въезд в Восточный Берлин, ведь обычно офицеры СИС и носители секретов не имели права ездить в восточную часть города. СИС обеспечил его фальшивым немецким удостоверением личности, который он мог предъявлять при контроле паспортов на границе. Это, дав ему необычайную свободу передвижения, помогло Блейку еще интенсивней вести свою двойную игру с КГБ.

Его ведущий офицер КГБ работал под псевдонимом "Дик"; как его звали на самом деле, Блейк узнал лишь позже, в Москве. Конечно, это был назначенный резидентом КГБ Евгением Питоврановым Николай Мякотных.

Сегодня экс-шпион хвалит, в первую очередь, "сердечный характер" своего связника: "Коровин, который был моим контактным лицом в Лондоне, специально приехал в Берлин, чтобы представить мне моего нового ведущего офицера "Дика". "Дик" был человеком средних лет и он понравился мне с самого начала. У нас было чувство большой взаимной симпатии и мы стали настоящими друзьями. Он был большой, отеческой фигурой, очень спокойным, тихо разговаривал; он придавал мне чувство безопасности. Так как он рано умер, я больше его не видел. "

Теперь Джорджу Блейку около тридцати пяти лет. Он гордится своими успехами в Берлине. Он свято верит, что его работа двойного агента служит делу социализма. Он не берет деньги за свои услуги. Когда резидент КГБ Питовранов однажды сказал ему что-то о "возмещении расходов", Блейк возмущенно отверг это предложение. Он не продается.

Он идеалист. С одной стороны, он радуется жизни в Западном Берлине, новому западно-берлинскому изобилию, блеску декадентского города. С другой стороны, он служит социализму, который, как ему кажется, соответствует его пуританско-протестантской сути. Тут присутствует еще и авантюра, игра между мирами, между фронтами, которая захватывает его. Это особенно заметно, когда Блейк вспоминает о практике передачи информации:

"Один раз в месяц, иногда каждые три недели, я ехал в Восточный Берлин для встречи с моими советскими коллегами. Обычно я садился на городскую электричку на вокзале "Зоологический парк" и ехал до станции Александерплатц или Маркс-Энгельс-Платц. Места эти все еще состояли из развалин.

Там начиналась сцена, как будто из детективного фильма. Я шел пешком по тротуару через пустынную местность. Выныривал черный лимузин, с занавесками на окнах, ехал за мной и останавливался. Открывалась дверь, и я быстро садился. Затем машина на большой скорости неслась в Карлсхорст, где "Дик" ждал меня в надежной конспиративной квартире. Он заботился о маленьком ужине, и мы обменивались пленками. Я давал ему экспонированные, он мне - чистые кассеты.

Ужин проходил в дружеской обстановке, мы менялись идеями и наблюдениями.

Атмосфера была приятной и уютной. Присутствовало и вино. Я отвечал на его вопросы, касавшиеся моих последних сведений. Примерно через час меня подвозили в восточный центр города и высаживали у какой-то станции метро. Оттуда я ехал в Западный Берлин к месту явки, где меня ждала моя машина. Никто не удивлялся, откуда я приезжал.

Можно было предположить, что я возвращался от одного из моих агентов на Востоке.

Вначале я очень сильно чувствовал непосредственную угрозу разоблачения, но позже я привык. Моим "Миноксом" я фотографировал все важные документы, попадавшие в мои руки. Я рисковал. Чувство опасности становится неосознанным самообладанием. Управляет то, что в подсознании.

В моем случае это было так: я не видел ничего неправого в моей тайной работе и о возможности разоблачения думал как о деянии Божьем. Были меры предосторожности, возможности контроля, которые я очень учитывал. Но на один аспект я, конечно, никак не мог повлиять: на тот факт, что злой случай или предательство смогут раскрыть меня. Потому я был более осторожным и полагался на свои умения."

В Берлине у Блейка было больше возможностей для контактов с его партнерами из КГБ, чем до того в Лондоне. К тому же разделенный город представлял собой идеальное место для передачи сведений без особых организационных приготовлений. Берлинские шпионы могли иногда даже быть спонтанными. В любом случае, трудней, часто даже опасно оказалось фотографировать мини-фотоаппаратом "Минокс". Блейк приходилось делить свое бюро с другими коллегами по СИС, рабочие часы были нерегулярными, он редко был один. Риск разоблачения был слишком большим.

Но иногда ему удавалось делать большие фотоработы. Это постоянно получалось, когда он два или три раза в месяц выходил на ночные дежурства, один оставался в доме и сам мог контролировать входы и выходы. Он знал цифровые комбинации сейфов с документами и располагал ключами ко всем помещениям. За такие ночные смены он снимал все, что попадало ему в руки. Часто это были материалы, которые никогда в противном случае не прошли бы через его стол. Так он работал почти четыре года, не будучи пойман.

Официально его главной задачей в Берлине как офицера СИС было всеми средствами стараться находить и вербовать советских агентов. Целью была вербовка сотрудников дипломатических представительств СССР и других стран Восточного блока и военнослужащих Советской Армии в Карлсхорсте, которые и после возвращения домой пошли бы на риск постоянной работы на Запад. Посвященные знали, что это почти недостижимая цель. Но одному успеху суждено было вскоре случиться.

СИС финансировал Блейку "аппарат ловли", замаскированный под магазин "черного рынка". Роскошные товары, которых не было на Востоке, продавались за ничтожные цены, иногда даже дарились советскими восточноевропейским заинтересованным лицам в обмен на информацию. Зазывалой и "шефом" этого разместившегося в снятой в районе Веддинг квартире предприятия был агент СИС, немец из ГДР, по имени Хорст Айтнер. Его жена тоже работала на СИС и "помогала": в берлинской ночной жизни она выходила на ловлю "женихов", приводила клиентов к себе "домой" и заботилась в "месте расположения предприятия" об их соответствующем удовлетворении. Эти клиенты тоже были под прицелом Джорджа Блейка.

"Я обсудил с моим советским связником возможность, как мы можем внедрить одного агента КГБ. В глазах СИС это сильно повысило бы мой престиж. Кроме того, это стало бы дополнительной возможностью связи с КГБ. Мы решили использовать лавку Айтнера в качестве места контакта. Советский агент не должен был ничего знать обо мне, но тем не менее получить инструкции, чтобы вести себя, как желающий сотрудничать.

Однажды я получил сообщение, что у Айтнера какой-то русский ищет зимнюю куртку с меховой подстежкой. Мы купили такую куртку в одном из самых дорогих магазинов на улице Курфюрстендамм. Через неделю этот человек снова пришел к Айтнеру и купил куртку за малую цену. Было решено в будущем осуществлять сделки и в обмен на икру. Так контакт продлился определенное время, а затем в деле появился я, якобы в качестве покупателя икры.

Короче говоря: с такого несколько трудного начала развилось очень хорошее и ценное сотрудничество с высококлассным агентом под псевдонимом "Борис". До моего ареста он обеспечивал СИС информацией из сферы экономики и рассказывал о своей

деятельности переводчика в СЭВ, центральной экономической организации Советского блока. Я играл роль журналиста и тактичного слушателя и утверждал, что мне его сведения нужны в качестве материала "из-за кулис" для моей журналистской работы. Мои шефы были очень довольны этим новым источником информации, ведь не было сомнения: "Борис" был блестяще информирован. Он принимал участие на конференциях СЭВ на высшем уровне и знал видных политиков и хозяйственников, которые вели важные переговоры.

Время от времени я получал задание из лондонского центра: задать Борису те или иные специальные вопросы актуальной важности. Обычно он возвращался с нужными ответами. Позднее он работал в штаб-квартире СЭВ в Москве, но не прервал контакта с СИС.

Во время летнего отпуска в ГДР в 1985 году я случайно снова встретился с "Борисом" в Восточном Берлине. Он за это время стал высокопоставленным дипломатом, тогда он даже не подозревал, что я сам работал на советскую разведку. Об этом он узнал только из газет после моего ареста.

Эксперт СИС Филипп Найтли по поводу агента "Бориса" выдвинул собственную теорию:

"Джордж Блейк тогда был самым популярным человеком в резидентуре СИС в Берлине. Ему удалось то, что не удавалось никому другому - он завербовал настоящего русского агента. Его шефы, а еще более потребители информации в Лондоне и Вашингтоне забрасывали его вопросами к этому человеку.

Так КГБ получил две возможности взглянуть в мир мышления западных разведок. Уже сами вопросы точно показывали их знание или незнание. Русские сразу узнавали, чего не знает другая сторона. Это давало им возможность подбрасывать Западу такие сведения, от которых они могли ожидать наибольшего успеха и политической пользы. Нацеленная дезинформация - это самый эффективный метод влиять на мышление противника и поставить его под свой контроль.

Интересно, кого Советы выбрали для этой роли. Это мог бы быть специалист по ракетам, военный или дипломат. Но они решили в пользу экономиста, человека, работавшего в СЭВ. Почему они выбрали его? Мы не знаем этого и сегодня. Была ли их дезинформация нацелена на то, чтобы убедить Запад, что советская экономика особенно успешна? Или они хотели, чтобы Запад предполагал, что Восток стоит в экономическом смысле на слабых ногах? Мы никогда об этом не узнаем. Точно известно одно: "Борис"

был дезинформационным агентом со специальным заданием. "

Шеф берлинской резидентуры СИС Роберт Доусон был, однако, очень впечатлен достижениями Джорджа Блейка. Когда в начале 1959 года Доусона перевели назад в Лондон, он предложил своему подопечному поехать с ним. И тут был виден его реальный баланс: шпионские туннели в Вене и в Берлине были преданы, большое количество западных агентов раскрыто.

Успех советского шпиона намного превосходил успех британского разведчика. Но у Блейка был еще один повод, чтобы с облегчением покинуть Берлин: его контактное лицо из КГБ сообщило ему, что его деловой партнер Хорст Айтнер в качестве двойного агента работает и на ГРУ, советскую военную разведку. Блейк не без оснований опасался, что Айтнер знает и о его собственной работе. Потому перевод пришелся Блейку как раз кстати. Но он не знал того, что Айтнер работал не только на СИС и ГРУ, но и на западногерманскую "Организацию Гелена". Позднее это помешает не только Айтнеру, но и Блейку.

Летом 1959 года Джордж Блейк со своей женой переехал в Лондон. Миссис Блейк ожидала второго ребенка.

В "Производственном директорате" отдела DP 4, руководимого Доусоном, возвратившийся домой Блейк нашел новое поле деятельности. Его бюро разместилось в незаметном жилом доме на Виктория-Стрит, Artillery Mansions. Оттуда он организовывал новую внутреннюю агентурную сеть.

Благодаря проводимой Хрущевым политике "оттепели" в конце пятидесятых годов западные коммерсанты снова могли ездить в Россию. С другой стороны, также и советские и восточноевропейские делегации чаще могли посещать Запад. Эти новые возможности контактов открывали для СИС многообещающее поле действий. Блейк в крупном масштабе мог использовать свой талант вербовщика агентов, доказанный им еще в Берлине. Особенно полезным при этом оказалось открытое им самим бюро переводов на Лейсестер-Сквэр, обеспечивавшее агенту защищающий фасад.

Это бюро переводов с таким умением управлялось двумя белорусами, что получало не только государственные заказы на сопровождение важных официальных лиц и коммерсантов с Востока, но и из сферы частного бизнеса. У переводчика и сопровождающего было задание не только собирать информацию, но и развивать особо дружеские контакты с советскими гостями. Задачей Блейка было, в первую очередь, вербовать агентов и информаторов среди коммерсантов, преподавателей университетов, ученых и студентов, которые непосредственно были связаны с советскими партнерами.

После короткой паузы двойной агент снова установил контакт с КГБ. Если Блейку еще в Берлине удавалось информировать Советы о всех агентах СИС на востоке

Германии, то теперь он получил доступ ко всей агентурной сети СИС в Восточной Европе. Эти сведения он передавал двум контактерам КГБ: сначала Сергею Кондрашову, потом Василию Дождальёву. Последний сегодня вспоминает, прежде всего, о готовности Блейка идти на риск:

"Работа разведчика похожа на игру в шахматы. Она требует логики, чувства предвидения, хороших нервов. Нужно уметь рассчитывать возможные трудности и будущее развитие событий. Джордж Блейк был агентом с аналитическим интеллектом, мастером шахматной игры. Впервые я услышал о нем в Лондоне, незадолго до моего установления контакта с ним. Мне до того времени ничего не было известно о нем, потому что строгие правила разведки гласят, что каждый знает только то, что нужно для его специального задания, не больше. Впервые мы встретились в январе 1959 года. Тесную связь мы поддерживали вплоть до его отъезда в Бейрут.

Я знал о важности этого агента и чувствовал свою большую ответственность перед ним. Я вспоминаю о событии, показавшем, на какой риск готов был пойти Блейк во имя своих убеждений. Однажды он принес нам сообщение, из которого следовало, что один из наших людей в советском посольстве, которого вскоре собирались перевести в другую страну, склоняется к смене фронтов. Мы подробно обсудили это дело, прежде всего, обстоятельства, при которых данные сведения попали Блейку в руки. И мы начали проверку нашего товарища.

Сразу стало ясно, что этот заслуженный человек стоял выше всех подозрений.

Очевидно, британская сторона хотела проверить Джорджа. Я сказал ему: "Они хотят проверить, не шпион ли ты." Он притих, но не показывал никаких признаков страха. И так мы спокойно начали планировать нашу дальнейшую совместную работу. Менее храбрый человек сначала предложил бы прервать работу на время или вообще отказался бы от нее. Но Джордж работал дальше - полностью осознавая опасность."

Тем не менее, шпион в это время попробовал при случае обсудить со своим старым связником "Коровиным" вопрос, что ему делать, если он провалится как двойной агент.

"Коровин" вообще не хотел говорить ни слова об этом. Он твердо верил, что в совершенной системе ничего не может выйти из-под человеческого контроля. Сама попытка дискуссии об этом была в его глазах признаком слабости. Так вопрос Блейка остался без ответа.

Блейк тогда уже не был полностью в ладах с самим собой. Ему мешала не только его двойная жизнь в качестве офицера СИС и агента КГБ, но и его двойное существование как советского разведчика и мужа. Его жена ничего не знала об его измене. Он очень любил ее и проводил каждую свободную минуту с ней и двумя сыновьями. Но над этой семейной идиллией уже навис Дамоклов меч.

Летом 1960 года Блейка вызвали в отдел кадров СИС, где ему открыли, что разведка Ее Величества строит на него дальнейшие большие планы. Его нужно было направить в Ливан для изучения арабских языков. В Бейруте МИД Великобритании совместно с СИС содержали "Центр арабских исследований на Среднем Востоке" (Middle-East-Center for Arab Studies, MECAS) для обучения дипломатов и разведчиков перед их использованием на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Еще с детства Блейка влекло к арабскому миру. Благодаря совместным занятиям с Вивианом Холтом во время их плена в Корею он уже располагал неплохими знаниями арабского языка.

Ему предоставлялась новая возможность. "Коровин" советовал ему ехать, жена, по меньшей мере, не была против. Так Блейк решил принять предложение.

Уже тогда можно было предвидеть, что Ближний и Средний Восток будет играть все возрастающую роль в мире. Уже война за Суэцкий канал в 1956 году показала, что конфликты "холодной войны" не оставят в покое и этот регион. Блейк после окончания учебы мог рассчитывать на важную должность в посольстве где-то на Ближнем Востоке.

От этого здорово выиграли бы и его друзья в КГБ.

В сентябре 1960 года Блейк со своей молодой семьей переехал в гористые окрестности Бейрута. Его жена ожидала рождения третьего сына. Средиземноморский климат и легкость страны и людей в этой последней фазе перед бурей создавали почти "отпускное" настроение. Благодаря своей одаренности и любви к арабскому языку и философии Блейк получал радость от учебы. Как и те полгода, которые он посвятил в Кембридже в 1948 году изучению русского языка, эта учеба в значительной степени определила его судьбу. Ей он должен быть благодарен за свою позднейшую карьеру ученого в Москве.

Так как в это время мало что происходило важного с разведывательной точки зрения, Блейк и его связник КГБ в Бейруте решили вступать в контакт только в случае возможной опасности. Такой случай пришелся на Пасху 1961 года.

Блейк получил директиву возвращаться в Лондон. Руководство СИС, было там сказано, хочет поговорить с ним об его новой работе. Этот приказ Блейку был передан Николасом Эллиоттом, тогдашним шефом бейрутской резидентуры СИС.

Эллиотт, позднее один из директоров СИС, вспоминает сегодня, как неприятно ему это было:

"Я до этого видел Джорджа Блейка лишь пару раз в Лондоне. В Бейруте мы избегали всяческих контактов, чтобы никто не заподозрил его в том, что он офицер СИС.

Я получил сообщение из Лондона, что Блейка подозревают в работе на русских. Мне поставили задачу заманить его в Лондон, не вызывая ни малейших подозрений. Потому я сказал ему, что отдел кадров просит его приехать в Лондон для обсуждения его последующего направления на работу. Мне поручили передать ему его авиабилеты туда и обратно. Это-де дело всего нескольких дней.

Я помню, как сказал ему: "Это ведь воодушевляет, что отдел кадров так серьезно воспринимает новое назначение. Офицер разведки, знающий немецкий, голландский, русский и арабский языки, это большая редкость. Они знают, кого имеют в Вашем лице. После возвращения позвоните и расскажите мне об этом."

Следующие два дня я был очень обеспокоен, ведь я не знал, поверит ли он моей истории или нет. Пойдет ли он в ловушку или нет."

У Блейка были основания не верить "истории" Эллиотта. "Я поехал на моей машине домой по горной дороге. Хорошо, что я знал каждый поворот и зигзаг дороги, ведь мои мысли были без остановки заняты только сообщением Николаса Эллиотта. Почему мне нужно сейчас прервать учебу? Зачем это путешествие в Лондон, если я все равно проведу лето в Англии? Чем больше я размышлял над этим, тем меньше мне нравилась вся эта история. Объяснение Эллиотта меня совсем не удовлетворило. Я думал о побеге. У меня была виза в Сирию.

Граница была всего в паре часов езды на автомобиле от Бейрута. Я мог бы взять с собой в Дамаск жену и детей, а потом объяснить жене ситуацию. Но я совсем не хотел причинять ей эту боль. Она ведь не имела ни малейшего понятия о моей работе на КГБ. Она оказалась бы перед выбором: ехать со мной в Москву или возвращаться с детьми в Англию. Что скажет моя жена? Как воспримет она мои откровения? Не разорву ли я своим побегом все мои связи с моей семьей и друзьями?

Я решил попросить совета у моего советского связника. Последний сразу-же связался с московским центром. Когда я встретил его на следующий день, он сказал, что в Москве не видят никакой опасности для меня и я могу спокойно ехать. Это подтверждение я услышал с большим удовольствием, ведь оно освобождало меня от неприятной обязанности рассказать все моей жене и отказаться от всего, что мне удалось сделать."

Когда самолет авиакомпании БОАК приземлился в Хитроу, шел сильный ливень. Был Пасхальный понедельник, 3 апреля 1961 года. Его никто не встречал, и это было необычно. Правда, его официальный доклад штабу СИС был назначен лишь на следующее утро. Но и в таких случаях обычно прилетающих коллег забирают из аэропорта.

Тут Блейк уже осознал, что попал в тщательно поставленную ловушку. Он мог, правда, свободно передвигаться, но, несомненно, наблюдатели только того и ждали, что он сделает какой-то опрометчивый телефонный звонок или попытается совершить побег. Что ему теперь делать? У него не было другого выбора. Он мог только ждать.

На следующее утро Блейк узнал, что предчувствие его не обмануло. В здании СИС его встретил Гарри Шерголд, эксперт по вопросам советской разведки. Ему ассистировали два сотрудника отдела контрразведки Л 5 и старый друг Блейка Джон Куинн, которого он знал еще по Корее. "Мы здесь, чтобы допросить Вас." - объяснил Шерголд. Сказать больше было нечего.

Что было у СИС против Блейка? В любом случае, две однозначные улики: Айтнера за это время арестовали в Берлине, и он подписал признание, в котором упомянул и Блейка. Кроме того - и это было основной причиной: польский перебежчик передал американцам материалы, обвиняющие Блейка.

Довольно редко МИ 5 и МИ 6 раскрывали агентов в собственных рядах путем собственной инициативы или детективной работы. Обычно толчок поступал извне: в случае с Блейком - от Михаила Голеневского, польского двойного агента, сбежавшего в декабре 1960 года из Варшавы и перешедшего на сторону ЦРУ. ЦРУ и СИС систематически допрашивали поляка и получили от него документы, подтверждавшие, что в берлинской резидентуре СИС годами "копался "крот".

Одним из документов был годовой отчет СИС о деятельности англичан в Польше, который КГБ передало польской разведке. К этому отчету доступ имели только три "носителя секретов". И к их числу принадлежал Блейк. Эти факты, признание Айтнера, а также катастрофа операции "Золото" оказались достаточны, чтобы заподозрить Блейка в двойном шпионаже.

Допросы проходили в зале заседаний СИС на Карлтон Гарденс, где десятью годами раньше началась разведывательная карьера Блейка. Он собран и сконцентрирован, он отвергает все обвинения и указывает одновременно, что у Шерголда должны быть убедительные доказательства: доказательства, подтверждающие, что Блейк действительно советский шпион. Спираль закручивается все более узкими кольцами. На третий день Блейк признается.

Даже сегодня Блейк очень волнуясь вспоминает об этом роковом дне:

"Когда после обеда мой допрос продолжился, мои четверо коллег сменили тон. По моему мнению, это было не только трюком; они действительно укрепились в своем мнении обо мне, так что их слова получили больший вес.

Шерголд сказал: "Мы знаем, что вы работаете на Советы, но мы понимаем, почему. Во время Вашего пребывания в плену в Корее Вас пытали и "промывали мозги". Вы тогда признались, что Вы офицер СИС, и Вас шантажировали."

Когда до меня дошло, в каком аспекте ведущие допрос офицеры оценивают мои мотивы, произошло то, что противоречило любой форме инстинкта самосохранения. Я почувствовал, как меня захлестнула волна возмущения. Я захотел сказать им, что я действовал чисто по убеждениям, по собственной воле и из-за моей твердой веры в коммунизм. Не под давлением и не из-за денег.

И внезапно, не думая об этом, я закричал: "Меня никто не пытал, никто меня не шантажировал. Я сам пришел к Советам. Это было моим собственным решением - сотрудничать с ними." Это стало моим признанием! Мои коллеги смотрели на меня с молчаливым удивлением.

Последующие три дня Блейк провел в деревне в доме Гарри Шерголда. Офицеры СИС продолжали искать его мотивы, приемлемое для них объяснение его действий.

Кроме того, они ожидали решения руководства СИС и правительства о том, что дальше должно было произойти с Блейком.

Утром на третий день, 12 апреля 1961 года, Блейка арестовывают офицеры специального отдела. Его обвиняют в нарушении параграфа 1, абзац 1/с Закона о защите государственных тайн (Official Secrets Act).

Суперинтендант Льюис Гейл из Скотланд-Ярда заявляет ему: "Джордж Блейк, я обвиняю Вас в период с 14 апреля 1955 по 3 апреля 1959 года, далее с мая по июнь 1959 года и с июня 1959 по сентябрь 1960 года в нанесшей ущерб безопасности и интересам государства передаче другим лицам сведений, которые прямо или опосредованно могли быть использованы враждебной державой."

На время предварительного судебного разбирательства Блейка на месяц поместили в тюрьму Брикстона. Лишь в начале мая его посещает жена, вернувшаяся из Бейрута. Это свидание стало для Блейка абсолютной низшей точкой его кризиса:

"Мой арест и разоблачения моей разведывательной деятельности в пользу Советов, моя двойная игра, были сильным шоком для моей жены и моей семьи. Долгое время я не мог перенести даже мои мысли о том горе, что я причинил им. Из всего, что я сделал, самым болезненным для меня было то, что я обманул мою семью, моих друзей и коллег.

Но мои действия ни коим образом не были направлены против них лично."

Общественность и пресса к этому моменту мало знают о Джордже Блейке. Они считают его мелким государственным служащим, который любительским образом продавал Советам некоторые сведения. Никогда не упоминалось имя СИС или МИ 6. Единственным, кто после новости об аресте Блейка, сломя голову исчез из Лондона в направлении Москвы и никогда больше не вернулся в Англию, был его бывший ведущий офицер-связник Николай Родин, он же - "Коровин".

3 мая 1961 года в Центральном уголовном суде Олд-Бейли открывается его процесс. Большая часть заседаний проходит закрыто, без допуска общественности. Но на основании документов мы все же можем хорошо представить себе картину проходившего процесса. Уже в начале Блейка спрашивают, признает ли он себя виновным. Блейк признает себя виновным в том смысле, как это трактует обвинение. Он только надеется, что его признание поспособствует вынесению мягкого приговора. С этим признанием пропадают все перспективы драматического хода процесса. Теперь лорд-судья Паркер предоставляет слово для выступления Генеральному государственному прокурору сэру Мэннингэму-Буллу.

"Обвинения, которые только что признал подсудимый, очень серьезны. Перед тем как факты о составе преступления стали известны, можно с уверенностью сказать, что Блейк пользовался доброй славой.

В октябре 1943 года обвиняемый, являющийся британским подданным, добровольно поступил на службу в королевские ВМС, где служил до 1948 года. С этого времени и до своего ареста он в стране и за ее пределами находился на службе правительства. В своем признании Блейк сказал, что более десяти лет назад с ним произошло изменение его общего отношения к жизни и политических взглядов, пока в 1951 году он не пришел к твердому убеждению, что коммунистическая система лучше любой другой и что она заслуживает победы.

Говоря его словами, он решил отдать себя в распоряжение коммунизму и помочь созданию более гармоничного и справедливого, по его мнению, общественного устройства.

Когда Блейк пришел к этому решению, то не сделал для себя единственно верный вывод - уйти с государственной службы, а предложил русским добровольно работать на них. Его предложение было принято. И - я скажу это словами самого Блейка - он пообещал в интересах коммунизма передавать советской разведке сведения, получаемые им по службе.

Из его высказываний следует, что он за последние девять с половиной лет, когда он был на правительственной службе и получал жалование от государства, одновременно был шпионом русских, которым он передал огромное количество сведений.

Короче говоря, за последние девять с половиной лет он беспрестанно предавал свою

страну, и у него был доступ к информации очень большой важности. Правда, хотя он и занимал руководящие посты, у него не было доступа к документам, связанным с военными тайнами или к сведениям об атомном оружии, но остается фактом, что он нанес очень серьезный ущерб интересам своей страны.

После окончания выступления обвинения лорд-судья попросил всех покинуть зал суда, чтобы дать возможность защитнику, адвокату Джереми Хатчиссону рассказать о смягчающих обстоятельствах этого дела. При этом речь шла о таких вещах, о которых по причинам государственной безопасности можно было говорить только вне присутствия публики. Речь Хатчиссона длилась почти час. За последующие годы, конечно, появилось множество спекуляций о содержании этого выступления. Хатчиссон уже умер, а секретные акты все еще под замком. Но Николас Эллиотт, ставший позднее директором СИС, дал нам честное слово, что часто высказываемое предположение о том, что Блейк вел великолепную тройную игру, неверно.

В то время предполагали, что Блейк еще раньше открылся перед СИС, что завербован Советами, и предложил воспользоваться этим на пользу Великобритании. Его шефы якобы согласились и разрешили передавать КГБ тщательно отсортированный материал, который частично был правдивым. В этой опасной игре выигрывает тот, кто, в конце концов, получает лучшие сведения. Но с такой игрой Блейк никогда не связывался.

На самом деле, по словам Эллиотта, речь Хатчиссона была нацелена на то, что Блейк выдал не всех агентов, которых мог бы выдать, и что некоторых он даже сознательно "прикрывал". Но так как он говорил за закрытыми дверями, от общественности это осталось скрытым. В конце дня лорд-судья Паркер объявил свой приговор:

"Я выслушал все, что было сказано в Вашу защиту призванной для этого компетентной стороной, и мне совершенно ясно, что Вам мешает то, что многие смягчающие обстоятельства не могут быть обнародованы.

Но я не хочу скрывать, что я принял к сведению тот факт, что Вашим мотивом был не поиск выгоды, а душевный поворот, приведший к настоящей вере в коммунистическую систему. Каждый человек имеет право на свои личные убеждения, но в Вашем случае отягчающим обстоятельством является то, что Вы не ушли с Вашей службы. Вы остались в ведомстве, на посту, требовавшем доверия, чтобы предавать Вашу родину. Сейчас Вам тридцать девять лет, и Вы должны осознать тяжесть совершенного Вами преступления, в котором Вы признали себя виновным.

Во многих других странах Ваши действия, несомненно, были бы наказаны смертной казнью. Но по нашему закону у меня нет иной возможности, кроме как приговорить Вас к тюремному заключению, и ввиду Ваших предательских действий, длившихся такой долгий срок, этот приговор должен быть очень суров.

За единственное подобное преступление максимальное наказание составляет четырнадцать лет тюрьмы. Потому суд не может приговорить Вас к пожизненному заключению, даже если бы он этого и хотел.

Но есть пять пунктов обвинения, по которым Вы признали себя виновным. Каждый касается отдельного периода Вашей жизни, когда Вы предавали Вашу родину.

Суд приговаривает Вас по каждому из пяти пунктов обвинения к четырнадцати годам лишения свободы. Наказания по пунктам один, два и три объединяются в один срок, наказания по пунктам четыре и пять прибавляются к нему, так что общий срок наказания составляет в результате сорок два года тюрьмы."

Даже сегодня момент вынесения приговора стоит перед глазами Блейка:

"В зале суда воцарилась тишина. У меня перехватило дыхание. Приговор мне показался совершенно невероятным. На своем лице я почувствовал улыбку непонимания.

Я рассчитывал на двенадцать или четырнадцать лет и, конечно, очень этого боялся. Но срок в 42 года не только превосходил мои ожидания, но и мое воображение. Такой срок не имел для меня настоящего значения. Судья мог бы приговорить меня и к двум тысячам лет, так абсурдно мне это все представлялось."

Лондонский репортер на процессе Чэпмен Пинчер несколько лет спустя беседовал о деле Блейка с государственным прокурором сэром Реджинальдом Мэннингхэмом- Буллом.

"Сэр Реджинальд рассказывал мне о своем опасении, что Блейк неожиданно отзовет сове признание и процесс лопнет. Он ведь мог бы сказать "нет": "Да, я признался, но под давлением, я солгал." В таком случае процесс был бы невозможен.

То, что суд проходил за закрытыми дверями, конечно, не было связано с нежеланием информировать общественность об этой напряженности, а с понятным желанием не дать Советам возможности узнать о состоянии знаний в СИС.

Приговор в сорок два года всеми воспринимался как обозначенное другими словами пожизненное заключение.

Удивительным образом именно люди из МИ 5 и МИ 6 наиболее жестко критиковали это решение. Они говорили, что приговор слишком суров. Он в будущем будет удерживать других людей от признаний. Ведь четырнадцать лет часто означают лишь четыре года за решеткой, затем следует досрочное освобождение. Но, учитывая

возможность получения сорока двух лет тюрьмы, никто больше не "расколется". Так я думаю, что приговор был только собственным решением самого судьи, который считал Блейка предателем родины, коему следовало полностью заплатить за все свои дела. "

У историка Филиппа Найтли другое объяснение столь сурового приговора:

"Тогда много рассуждали, что-де сорок два года тюрьмы означают по году за каждого выданного агента. Это, конечно, чепуха. Между арестом Блейка и первыми допросами и вплоть до дня, когда открылся процесс в Олд-Бейли, американцы оказывали очень сильное давление на британское правительство.

Они говорили: "Четырнадцать лет недостаточно. Этот человек заслуживает смертной казни. Жаль, что Вы не можете передать его нам. У нас он получил бы то, чего заслужил. Он должен получить суровое наказание. "

И таким образом, беспрецедентно, впервые в истории британского права, нарушение Блейком Закона о защите государственных тайн было просто разделено на три периода и тюремные сроки прибавлены друг к другу. Так появился приговор: трижды по четырнадцать лет - в три раз дольше, чем наивысшая мера наказания, известная тогда. "

Уже в день приговора Блейк попадает в Уормвуд-Скрабс, похожую на крепость тюрьму в западной части Лондона, в которой ему суждено будет провести шесть ближайших лет. Ему нужно сдать все личные вещи, оставить свою подпись в регистратуре. Теперь он только узник, де-факто - пожизненный.

Черным по белому написано: освобождение не раньше 1989 и не позже 2003 года.

Возможности обмена с Советами, как это обычно происходит в других шпионских ситуациях, нет. Британское правительство никогда не меняет британцев на иностранцев.

Об амнистии тоже думать не приходится. Амнистии не предусмотрены британским законодательством.

После нескольких недель акклиматизации Блейк начинает думать о побеге. Но он знает, что это вопрос времени и подвернувшейся возможности:

"Моя камера находилась в непосредственной близости от стражи. Вначале меня контролировали днем и ночью. Так что моим приоритетным заданием было показать им своим поведением, что я смирился со своей участью и с тем, что мне придется провести жизнь в тюрьме.

Вторым заданием, которое я поставил перед собой, должна была быть хорошая физическая форма, на тот случай, когда мне нужно будет вырваться. Я организовал свою жизнь так, что установил сам себе ограничения, намного более жесткие, чем требовала тюремная дисциплина. Я не боролся с системой и смог таким путем сохранить свое душевное и физическое здоровье. Кроме того, я еще в начале пятидесятых годов привык к ежедневным занятиям йогой, эти упражнения помогали мне в тесноте тюремной камеры.

Я получил разрешение продолжать мои арабские занятия и стал заочно учиться в Лондонском университете. Моя жизнь начала принимать вполне регулярный ход, что с удовлетворением отметило тюремное начальство. За год я стал тем, кого можно было бы назвать образцовым заключенным. "

Удобная возможность побега появилась раньше, чем он думал:

"Это было в начале 1962 года, когда в наш блок попали два новых заключенных: Пэт Поттл и Майкл Рэндл. Оба были противниками атомного оружия и были приговорены к 18 месяцам. Они проводили демонстрацию на американском военном аэродроме против размещения ядерных ракет и были каким-то образом осуждены как нарушившие Закон о защите государственных тайн. Их защитником в суде был Хатчиссон, который защищал и меня. Мы встречались дважды в неделю на курсах английской литературы и на занятиях музыкой. Между мной и юными борцами против атомного оружия быстро возникли симпатия и дружба. "

Конечно, мы отыскивали и Пэта Поттла и расспросили его о той новой дружбе.

Бывший противник атомного оружия, а нынешний печатник в Лондоне вспоминает:

"Майкл Рэндл и я видели в Джордже политического заключенного. Он был в наших глазах человеком, шпионившим, исходя из своих убеждений, а не из жадности. Когда мы встречались по понедельникам на курсе литературы, регулярно доходило до политических дискуссий. Мы обменивались книгами и газетными статьями.

К нашей группе принадлежал и ирландец Шон Бурк, который еще был и редактором тюремной газеты. Шона приговорили к семи годам заключения за то, что он послал бомбу полицейскому. Бомба не взорвалась, но дело все равно обернулось для Шона плохо.

Иногда мы говорили, как мы смогли бы освободить Джорджа из тюрьмы. Когда мы потом, через полтора года, прощались с ним, Майкл и я сказали ему: "Итак, если предоставится возможность побега, мы охотно готовы тебе помочь. "

У Блейка было ощущение, что он в действительности может положиться на этих двоих парней:

"Когда они оба покидали тюрьму, я знал, что они помогли бы мне. В последующие годы самым близким мне человеком стал Шон Бурк. С ним я мог делиться своими мыслями и планами.

Когда я развивал перед ним свои планы побега, он был от них в

восторге. Он ни в коей мере не уважал ни британскую полицию, ни авторитет государства. Этот молодой ирландец обладал всеми предпосылками, которые нужны для такого предприятия: он был в первую очередь мужественен, умен и инициативен, а во вторую - его тоже скоро должны были освободить. "

Это был природный дар Джорджа Блейка. Он завоевывал друзей, готовых помочь ему, даже с риском для себя. Пэт Поттл вспоминает о первом шаге "Операции "Побег"": "Вскоре после своего освобождения Шону Бурку удалось тайно передать Джорджу портативную рацию "уоки-токи". Это действительно была оригинальная идея. В 1966 году такие штуки были настоящими новинками. Таким путем можно было обсуждать и координировать побег. Джордж мог из своей камеры договариваться с Шоном: он за решеткой, Шон - лежа в высокой траве во дворе близлежащего здания. Иногда он даже записывал эти переговоры на магнитофон и по вечерам давал нам послушать. "

Мы нашли и Майкла Рэндла - в графстве Йоркшир. Ему тогда надлежало доставать деньги: "Путь, чтобы выволочь Джорджа из заключения, был результатом тщательно продуманных планов, разработанных Джорджем и Шоном в тюрьме. Моя роль состояла в добыче денег. Шон Бурк купил два "уоки-токи" и машину для побега, а также сделал легкую, но прочную веревочную лестницу. Для этого ему нужны были двести фунтов. Я одолжил их у своей знакомой, которая как раз получила наследство. "

Так постепенно началось планировавшееся более четырех лет очень рискованное предприятие побега, подробности которого стали в полном объеме известны лишь в 1989 году. За пять дней до даты побега Шон Бурк снял меблированную комнату на Хайлевер-Роуд, приблизительно в двух километрах от тюрьмы. Владелице он сказал, что его зовут Сигсвуд и что он журналист.

Он репетировал проверочные поездки на машине для побега, старом "Хамбере". Поездка от Уормвуд-Скрабс до дома Бурка составляла около трех минут, учитывая все светофоры. Тюремла находится около большой больницы - госпиталя Хаммерсмит. Бурк наблюдал, что во время часов приема там очень большая толчея, и машины паркуют даже непосредственно у стен тюрьмы. Никто, таким образом, не обратит внимание на старый "Хамбер", особенно в субботу после обеда.

Больше всего Бурка беспокоила правильная работа "уоки-токи". За стеной на удалении лишь тридцати метров находился блок D с камерой Блейка. Блейк и Бурк вели радиопереговоры по ночам. Каждый диалог начинался строками английского поэта Лавлейса. Бурк начинал: "Каменные стены не создают карцер, железные прутья не создают клетку. " Затем Блейк подхватывал: "Невинные тихие духи живут внутри, как в келье. Конец. "

22 октября в субботу час настал. Заключенные как раз смотрели кино в тюремном кинотеатре, Блейк отделился от них и ожидал в своей камере договоренного радиосигнала. В это время Бурк, хорошо знавший тюремную рутину, припарковал машину у стены. После получения радиосигнала Блейк пролез через пропиленную заранее сокамерниками дыру в большом готическом окне на лежащую под окном крышу.

Оттуда он спрыгнул во двор, где спрятался в темном углу. Связь с Бурком прервалась после короткого вызова. Бурк сидел в "Хамбере", спрятав "уоки-токи" в букете хризантем. Трижды он пытался забросить через стену веревочную лестницу, но трижды ему помешали: сначала полицейский патруль, затем пара влюбленных, которой захотелось припарковаться как раз в месте побега, и наконец посетители больницы.

Блейку пришлось ждать все это время - 45 долгих, мучительных минут, пока он, наконец, не услышал голос Бурка.

Незадолго до семи часов вечера все было готово. Бурк выпрыгнул из машины и перебросил через стену веревочную лестницу. Он укрепил ее, зафиксировав перекладины вязальными спицами. На той стороне за лестницу сразу же потянули. Через несколько минут на тюремной стене высотой шесть метров появилась фигура Блейка. Он подготовился к прыжку, но потерял баланс. Из прыжка вышло тяжелое падение. Блейк сильно ударился головой и сломал правую руку.

Бурк помог полностью оглушенному беглецу сесть в машину, набросил на него одеяло и нажал на газ. Еще до того, как кто-то смог бы заметить исчезновение Блейка, он и Бурк уже были в убежище на Хайлевер-Роуд.

Радио и телевидение сразу же сообщили о побеге из Уормвуд-Скрабс. Полиция и солдаты морской пехоты контролировали аэропорты и доки. Но Блейк оставался ненайденным, всего в двух километрах от тюрьмы. В следующие дни прозвучали предположения, что побег организовал КГБ и Блейк уже за границей.

Пэт Поттл и Майкл Рэндл занялись делом на следующий день. Они привели своего близко знакомого врача, наложившего гипс на сломанную руку. После пары горячих дней они перевезли Блейка и Бурка в квартиру Поттла в Хэмпстеде.

Там они готовили побег из Англии. План побега, как вспоминает Джордж Блейк, имел одно важное препятствие - британскую границу.

"Тяжело сбежать из тюрьмы, но не менее трудно незаметно выбраться из Англии.

Мы вместе пришли к решению, что меня нужно доставить в Берлин. Я знал город и тамошние разведывательные каналы.

Майкл и Пэт испытывали большие симпатии к коммунизму, но значительно меньшие - к разведкам. Поэтому все должно было быть так организовано, что бы они могли помочь мне, не компрометируя себя.

Идеей Майкла Рэнбла было использовать для побега кемпинг-машину - жилой фургон. Его жена Энн, которая с самого начала была посвящена в план, поддержала эту идею. Майкл повел бы машину, она сидела бы сзади с детьми. В разгар туристического сезона, как мы надеялись, таможенный контроль не будет слишком строгим, и наши шансы были бы наилучшими. "

Майкл Рэндл вспоминает о подготовке и ходе побега:

"Автомобиль-кемпинг мы купили на припрятанные деньги и очень быстро переоборудовали. Вместо единственного кухонного шкафа теперь стояла большая откидная кровать с ящичками под ней. Под ними мы оставили секретное пустое пространство, где Джордж мог лежать пусть в тесноте, но удобно. Над ним была кровать, на которой во время поездки спали или играли бы дети, и она стала бы лучшей защитой от обысков на границе.

Без приключений мы прибыли в Дувр. Энн занималась своей косметикой, дети спали сзади. Никто на границе и не подумал нас тщательно обыскивать. Затем мы проехали через Бельгию и Западную Германию. Шли сильные дожди. На границе мы ни разу не покидали машину. Мы просто показывали паспорта и ехали дальше.

Единственный контроль был на пограничном переходе между ФРГ и ГДР в Хельмштедте. Здесь мы немного испугались, увидев пограничные укрепления с колючей проволокой, пулеметами и прожекторами. Нам пришлось открыть машину, но осмотр был поверхностным. Затем мы двинулись дальше по направлению к Берлину. Примерно за триста метров до контрольно-пропускного пункта Древитц мы остановились. Уже были видны огни на границе.

Джордж вышел из машины. Он поблагодарил нас за помощь и сказал, что надеется снова когда-то увидеть нас всех и отпраздновать удавшийся побег в Москве. В последний раз мы увидели его, когда он еще раз обернулся, в своем слишком большом для него пальто. Мы последний раз кивнули друг другу. Затем он исчез в ночи. Мы не подозревали, что снова увидим его лишь в 1990 году. "

А Энн Рэндл добавляет:

"Мы все устали. Поездка длилась двадцать часов. Мы оставили Джорджа в темноте, в середине леса. Нам было грустно и легко одновременно. Я думала о детях и была рада, что мы успешно вынесли все трудности. "

"Это произошло в два часа ночи", - вспоминает Джордж Блейк. " Я обернулся еще раз и увидел, как мои друзья поехали дальше по направлению к Берлину. Медленно я пошел к огням пограничного перехода. Я обратился к пограничнику ГДР и сказал ему: "Я англичанин, я хотел бы поговорить с советским офицером. "

Этой ночью началась вторая жизнь Джорджа Блейка. На следующее утро его идентифицировал бывший связник КГБ Сергей Кондрашов. После пары дней пребывания в Берлине они вместе полетели в Москву.

С помощью КГБ Блейк начинает утверждаться в своем новом окружении. Хотя он больше не занимается работой для КГБ, но с помощью его друга Дональда Маклина, одного из "Великолепной пятерки", он получает работу на кафедре арабских языков Университета имени Ломоносова.

Блейк окружен большим уважением и признанием его заслуг. Он награжден орденом Ленина - высшей наградой Советского Союза. Только один разведчик КГБ до него получил такую награду: Рихард Зорге, предупредивший Сталина в 1941 году о немецком нападении. Была ли причиной такой чести со стороны Советов только выдача Берлинского туннеля? Нет, намного важнее для Москвы были преданные им агенты СИС.

В часе езды от Москвы на машине на краю леса разместилось маленькое поселение из воскресных домиков. Недавно выпавший снег достиг уже высоты почти целого метра; неудивительно, что нам трудно найти дачу Блейка: маленький зеленый деревянный дом, окруженный высокими соснами. Джордж Блейк и его жена Ида как раз вернулись с утренней лыжной прогулки. На столе чай и сэндвичи.

Дача - его любимое место. Здесь он проводит тихие недели, работая над переводами, и веселые выходные с семьей и друзьями. Ему сейчас за семьдесят лет.

Время его карьеры двойного агента закончилось более тридцати лет назад. Гласность и перестройка пришли и ушли, Советский Союз, скала, за которую держалось его поколение, распался. Разочарован ли он?

Он, конечно, ждал этого вопроса. " Я все еще верю в то, " - говорит Блейк, - "что самым лучшим и самым совершенным обществом, к которому способно стремиться человечество, может быть только коммунистическое общество. Для этого я хотел работать.

Но в конце 20-го века нам приходится признать, что мы не в состоянии создать такое общество. Человечество еще не достигло такого уровня, ведь коммунизму, чтобы

быть успешным, нужны люди с высокими моральными стандартами. Ошибочной оказалась мысль, что изменяя производственные отношения и отношения собственности, изменяется и общество.

Нужно учиться на уроках истории. Самый важный ее урок учит, что невозможно создавать идеальное общество путем насилия. Люди будущего создадут

коммунистическое общество, если захотят его, а не если их к этому будут принуждать. "

Мы озадачены: состоит ли "высокий моральный стандарт" в том, чтобы предавать людей?

Людей, которых сам завербовал? Тогда, в 1945 году, в лагерях для интернированных разбитого немецкого Вермахта?

Экс-шпион защищается: "Я всегда оговаривал, что никого из выданных мною не должны казнить. Упрек в мой адрес, что я-де виновен в смерти ряда агентов - выдумка прессы. Если бы это было так, эти факты использовались бы на процессе против меня. Но этого не было. "

Но еще на своем процессе Блейк признался, что он выдал Советам не менее сорока агентов СИС. Сегодня он признает, что их действительно было более четырехсот: агентов, работавших на Запад в СССР, ГДР, Польше и Чехословакии. Многие из них просто бесследно исчезли.

Многим пришлось отбывать длительные тюремные сроки, другим - сидеть в трудовых лагерях, некоторых перевербовали, и им пришлось шпионить на КГБ. Есть достаточные основания для тезиса, что были и "самые тяжелые случаи", то есть лучшие агенты, приговоренные к смерти и казненные.

Жаль ли ему жертв его измены?

"Нет, ведь они знали, что шли на риск. Мы были солдатами на "холодной войне". . .

"

Это распространенное извинение. Им всегда пользуются по обе стороны "Железного занавеса" ветераны ЦРУ, СИС, КГБ: что "холодная война" была настоящей войной с ясными линиями фронтов и понятными образами врага, война разведок, участники которой знали об опасности и знали, на что они шли. Они охотно видят себя солдатами невидимого фронта:

" И на это были причины. Я ведь был солдатом, подверженным таким же опасностям, что и во время военной конфронтации!" Джордж Блейк укрепляет свой имидж и объясняет также, что по такой же причине он решил быстро жениться на своей первой жене - точно в то же время, как решил работать на КГБ:

"Многие солдаты во время Второй мировой войны вступали в брак прямо перед уходом на фронт. Я тоже чувствовал нечто подобное. Я принял на себя обязанности агента и чувствовал себя давшим присягу. Это успокаивало мою совесть. Но сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что мне не стоило жениться и рожать детей. "

Блейк делает паузу, смотрит на нас и решительно говорит:

"Если я действительно взвалил на себя вину, то это вина по отношению к моей семье. Я втянул их в мою судьбу. "

Это чистосердечное признание делает честь бывшему шпиону. Но и оно не может отвлечь от настоящей, большей вины, масштабы которой знает только он сам. Он сопротивляется ей. И он от нее защищается. "Я был солдатом на "холодной войне". . . Я

не хотел, чтобы с преданными мною агентами что-то бы случилось. . . "

Это - ложь жизни Джорджа Блейка. Он никогда не беспокоился о том, будет ли соблюдено это его условие. Он даже не хотел беспокоиться об этом. Потому что боялся узнать правду.

Референт

Федеральный министр почты и транспорта Георг Лебер нервно маршировал взад- вперед по своему кабинету. Запрос Хорста Эмке ловко подсунил ему беду:

"Дорогой Георг",- читал он, "можешь ли ты высказаться в поддержку Гийома, несмотря на сомнения с точки зрения безопасности?"

Ну да, конечно. Георг Лебер был на стороне своего воспитанника. Гюнтер Гийом был абсолютно надежен. И лоялен. Ответ министра однозначен.

"Уважаемый господин Эмке", диктовал Лебер в формально-вежливом тоне, хотя обращался к своему адресату на "ты" уже в течение десятилетий. "Насколько мне известно, господин Гюнтер Гийом претендует на должность в Ведомстве Федерального канцлера. Я давно знаю господина Гийома по политической совместной работе во Франкфурте-на-Майне. Там он благодаря своим талантам и прилежности всегда был на высоте поставленных перед ним задач и справлялся с ними с помощью умения, опыта и ума.

Особенно высоко я ценю в нем его надежность и его ответственную позицию на стороне свободы и демократии. Во многих сложных ситуациях он доказал мне, что достоин неограниченного доверия. Это касается также и его жены Кристель, которая много лет работала в ведомстве Государственного секретаря господина Биркельбаха, а в настоящее время работает в Государственной канцелярии правительства земли Гессен в Висбадене. С уважением - Георг Лебер. "

С помощью этого письма, датированного 22 января 1970 года, восточногерманский шпион получил пропуск в центр власти Федеративной Республики - в Ведомство Федерального канцлера. Для письма были достаточные основания. Питомец Георга

Лебера несколько недель назад попал под колпак наблюдения со стороны спецслужб. Горячая фаза дела Гийома началась после победы на выборах социалистическо-либеральной коалиции в октябре 1969 года. Вилли Брандт с минимальным перевесом стал канцлером: первый глава правительства от Социал-демократической партии Германии после Имперского канцлера Германа Мюллера в 1930 году. Теперь социал-демократы хотели взять на себя ответственность не только на высших постах, но и уровнем ниже - на должностях референтов. У Георга Лебера были все основания доказать Гюнтеру Гийому свою благодарность. Франкфуртскому товарищу удалось великолепно организовать предвыборную борьбу Лебера за место в Бундестаге - Федеральном парламенте. Лебер принадлежал к правому крылу социал-демократов и ему тяжело было бороться в традиционно левом округе Южный Гессен. С большим трудом его представитель в избирательном округе и руководитель предвыборной кампании Гийом помог ему набрать достаточное количество голосов в округе № 140. Уже на процессе против Гийома в 1975 году Лебер хвалил его организаторский талант:

"Да, очень приятно иметь на своей стороне такого представителя в избирательном округе, который полностью разделяет политические взгляды своего депутата - уже при этих предпосылках его можно назвать хорошим сотрудником. Г-н Гийом не занимался какой-то отнимающей у него время частной работой и мог полностью посвящать себя своему делу. Он был трудолюбив, готов помочь, всегда там, где в нем нуждались, с очень быстрой реакцией, человек, не оторванный от практики, хороший организатор." Трудолюбивый, практичный - добродетели, которые Гюнтер Гийом доказал в обеих своих профессиях: как функционер и как шпион. Активность столь расхваленного Гийома не была совсем бескорыстной. Еще как партийный секретарь во Франкфурте, он всегда рассчитывал шансы для своей карьеры - всегда только на правое крыло. "Юлио", как называли его партийные товарищи, так напал на "красных", что за ним вскоре пошла слава "Пожирателя "Молодых социалистов"". Как раз вовремя подвернулся ему выигравший кандидат в округе № 140. Георг Лебер высоко оценил общительного человека и вскоре ответил ему взаимной симпатией. Казалось, у них одинаковые принципы: закон и порядок, верность, лояльность.

Потому Лебер и вступился за своего помощника по предвыборной борьбе, когда тот вскоре после его новой победы на выборах своего наставника выразил желание поступить на работу в Бонне: честный сотрудник заслужил, наконец, справедливую награду.

Кстати: то, что товарищ из СЕПГ Гийом работал именно с правым крылом СДПГ, кажется странным лишь на первый взгляд. Спонтанная жажда действий многих левых социал-демократов причиняла партийным товарищам Ульбрихта, Хонеккера и "Миши" Вольфа еще больше опасений, чем их правых коллег по партии.

Если бы он дольше оставался во Франкфурте, то Гийом рано или поздно обязательно столкнулся бы с трудностями. Для "Молодых социалистов" он был, скажем так, красной тряпкой: "Юлио", как пес, кусавший за ноги всех левых, считался верным оруженосцем партийного президиума СДПГ. Никто не был большим антикоммунистом, чем замаскированный коммунист.

Но его крестный отец не дал ему пропасть. Лебер спросил товарища Герберта Эренберга, тогда руководителя отдела экономики в Ведомстве Федерального канцлера, не сможет ли тот найти "что-то" для верного "Юлио". Эренберг действительно искал помощника-референта. Не академического выскочку, но человека для базисной работы, волевого, быстрого, с организаторским талантом - как раз человека, вроде "Юлио". Эренберг все еще считает это "пси-фактором" решающего случая в деле Гийома.

"Это действительно было чистой случайностью, что я как раз в то же время, когда Гийом искал возможность прыжка в Бонн, искал человека с такими качествами. Это действительно было совпадением."

Лебер позвонил Гийому, чтобы лично сообщить ему радостную весть: "Гюнтер, ты избавился от давления наших франкфуртских левых! Ты едешь в Бонн. Прекрасное занятие! Герберт Эренберг в Ведомстве Федерального канцлера ждет тебя!"

Уже при первой встрече в Бонне все проходило совсем непринужденно - в том стиле, который характеризовал первые месяцы правления Вилли Брандта. В конце концов, они же хотели создать современную Германию. Эренберг 11 ноября 1969 года представил своего кандидата шефу Ведомства Федерального канцлера Эмке в холле Бундесхауса - здания Федерального парламента. В совещательной комнате фракции СДПГ они обмениваются лишь несколькими словами. Эмке быстро наставлял Гийома:

"Нам нужна встряска. Ты должен это ясно понимать" Затем он заметил Эренбергу, уже уходя: "Если ты хочешь этого человека - пожалуйста! Но скорей начинай работу!"

Однако предстояли еще два препятствия: согласие Кадрового совета в Ведомстве Федерального канцлера и обязательная проверка безопасности. Шпион едва не споткнулся на пороге дворца Шаумбург из-за отсутствия высшего образования.

Кадровый совет 10 декабря 1969 года отклонил заявление кандидата на том основании, что у него нет достаточных предпосылок для занятия желаемой должности. Есть подозрение, что непригодный кандидат получает предпочтение благодаря своей политической деятельности. Привыкшие к двадцатилетнему правлению ХДС, они только высказывали презрение

по адресу этого претендента без высшего образования и без опыта работы на высоком уровне государственной службы. Своим подозрением они едва, пусть даже по ошибке, не предотвратили худшее. Но это был лишь побочный театр военных действий.

Рутинная проверка безопасности Гийома проходила с типичной для ФРГ основательностью. Правительственный директор Холленбах из боннской группы безопасности Федерального ведомства уголовной полиции (БКА) не высказал никаких подозрений по поводу очевидных несоответствий, заметных при сравнении двух биографий Гийома.

Так, в своей ранней запротоколированной биографии претендент указал, что с 1946 по 1949 годы работал фотографом в двух берлинских фирмах. В своей декларации безопасности он уже заявлял, что с 1946 по 1950 годы занимался "свободной профессией". Затем он сначала указал, что с 1953 по 1955 годы был фоторедактором восточногерманского издательства "Народ и знание". Позже он утверждал, что работал там с 1950 по 1955 годы. В декларации безопасности нашлась и третья версия:

с 1951 по 1955 годы был "техническим редактором" издательства "Народ и знание". "Ошибки памяти", - поставил диагноз Холленбах и закрыл папку с досье.

Одновременно Федеральное ведомство уголовной полиции запросило сведения о супружеской паре Гийомов у полицей-президентов Берлина и Франкфурта.

Франкфуртская полиция сообщила только о функции Гийома в СДПГ. Но из Берлина 10 декабря поступило сообщение:

"Следственный комитет свобододлюбивых юристов" сообщил 22 ноября 1955 года, что некий Гюнтер Гийом, проживающий в Биркенвердере (Советская оккупационная зона), работавший фотографом в восточно-берлинском издательстве "Народ и знание" подозревается в шпионской деятельности в Западном Берлине и Федеративной Республике. В июле 1956 года Гюнтер Гийом сбежал в Федеративную Республику. Можно предположить идентичность личности."

"Следственный комитет свобододлюбивых юристов" в социал-демократических кругах считался в конце шестидесятых годов, в любом случае, реликтом "холодной войны". Товарищи не доверяли этой организации, их острые языки нападали на все ее сообщения. Но игнорировать ее было, конечно, нельзя.

Более надежной была другая информация, которую Ведомство Федерального канцлера получило от Федеральной разведывательной службы БНД из пригорода Мюнхена Пуллаха:

"После проверки в досье обнаружено сообщение, правдивость которого уже не представляется возможным проверить, о том, что в апреле 1954 года Гюнтер Г., род. 1. 2. 1927 г. в Берлине, по поручению издательства "Народ и знание" выезжал в ФРГ для того, чтобы установить контакты с издательствами, типографиями и отдельными лицами и проникать в них в интересах Востока. Других сведений нет."

Других сведений нет. Возможно ответственному чиновнику оказалось бы легче добыть эти сведения, если бы он поинтереснее порылся бы в картотеках. В них был другой материал: заметки от 5 марта и 30 мая 1954 года и от 7 апреля 1954 года, касавшиеся некоего лица по фамилии "Гийом" ("Guióme), позднее "Гийом" (Guillaume), о котором сообщалось, что он "в заметном масштабе активно действует в интересах системы ГДР"; заметки, доказывавшие, что из издательства "Народ и знание" уже часто исходили разведывательные действия.

Кроме того, БНД обладала и сообщением одного доверенного лица из "Следственного комитета свобододлюбивых юристов" от 14 ноября 1955 года. Если бы это сообщение было предъявлено дословно - а не сокращенно, то Гийом несомненно очень скоро попал бы под подозрение. В нем было сказано:

"За последнее время Гюнтера Гийома часто посылали в Западную Германию. Примерно четыре недели назад он совсем ушел из издательства, очевидно, чтобы полностью посвятить себя работе на Западе. Доверенное лицо предполагает в этой связи, что Г. в будущем часто будет пересекать границу зон, и что чрезвычайно полезным было бы пристальнее приглядеться к этому человеку."

Итак, наличествовали вполне конкретные сведения. Только одни противоречия в биографических данных Гийома должны были в самом начале проверок безопасности вызвать тревогу. Не в первый раз неточные и неподтверждаемые данные биографии и профессиональной карьеры указывали на агентурную легенду.

Но Федеральную разведывательную службу в Пуллахе, очевидно, совсем сбilo с толку неправильное написание фамилии "Гийом" ("Guióme") в заметке 1951 года.

Никому не пришло в голову, что эти три года в сообщениях о "Guióme" и "Guillaume" речь шла об одном и том же лице. В любом случае, у Уполномоченного по вопросам безопасности Ведомства Федерального канцлера возникло такое недоверие, что он проинформировал профессора Эмке. Тот немедленно связался с шефом БНД Герхардом Весселем.

Два подозрительных момента из Пуллаха и Берлина еще раз были подтверждены центральным штабом БНД. Источник, сказали там, абсолютно надежен. В Ведомстве Федерального канцлера было назначено обсуждение ситуации на тему "Закрытые сведения и подробности об источнике". В нем должен был принимать участие и шеф БНД Вессель. Но президент разведслужбы заболел и послал по телетайпу свою рекомендацию: С Г. нужно еще раз целенаправленно побеседовать о подозрениях против него. Возможно, он выдаст себя своей реакцией. Сообщение БНД не дает достаточных оснований для каких-либо ограничительных санкций, но требует обстоятельной проверки

со стороны Федерального ведомства по защите конституции (БФФ). И "предлагаю проверку его использования в другом ведомстве."

Руководитель Ведомства Федерального канцлера передал бумагу Эгону Бару. Тот зашел даже дальше, чем Вессель. Бар выразил свое недоверие почти историческим замечанием:

"Даже если у Вас есть позитивное впечатление, все равно остается определенный риск для безопасности, именно здесь." Даже сегодня Бар доволен тем, что тогда оказался прав. Если бы к нему прислушались! Тем не менее Эмке устроил очень неприятный, но необходимый допрос с пристрастием для кандидата - предложенную Весселем "целенаправленную беседу".

7 января 1970 года министр и шпион сидели друг напротив друга в Ведомстве Федерального канцлера. Руководитель ведомства пригласил помимо будущего шефа отдела Гийома Эренберга и четвертого человека: Уполномоченного по вопросам безопасности Ведомства Федерального канцлера министерского директора Шлихтера.

То, что последовало, было настоящим блистательным шедевром немецкой разведки: профан Эмке, совершенно не разбиравшийся в тонкостях шпионского ремесла, равно как и Брандт или Эренберг, подверг подготовленного конспиратора и профессионала Гийома интенсивному допросу. Так хорошо притворяться не может никто, убедил себя Эмке после допроса. Вывод: Гийом говорит правду. То, что он, Эмке, сам дал шпиону понять, что он в безопасности, походя упомянув, что источник БНД, к сожалению, уже умер, стало ясно ему лишь спустя годы.

Эренберг, коренастый восточный пруссак, и без того не особенно благосклонный к спецслужбам, сегодня так думает об этом: "Ответы Гийома не были такими слишком убедительными, что снова могло бы возникнуть подозрение. Они были столь нормальны, столь просты, что собственно из самого тона этих ответов возникало, во всяком случае - для меня, впечатление, что все, что утверждают спецслужбы - ерунда."

Гийом сам был ошеломлен допросом, но вел себя спокойно. Хотя: "Эти два часа были одними из самых тяжелых в моей карьере". признался он позже. Его бесстыдство и наглость помогли ему. Он даже заявил, что готов к угрожающей очной ставке с зловецим информатором из БНД. Но он уже был мертв, как признал сам Эмке. В целях безопасности Гийом после разговора сразу проинформировал Министерство государственной безопасности (МГБ) (Ministerium fuer Staatssicherheit, MfS) ГДР в Восточном Берлине. "Миша" Вольф лично позаботился о том, чтобы контакты с его человеком в Бонне временно были прекращены.

Разнервничавшийся Эмке предложил кандидату снова письменно изложить его "карьеру после 1945 года". Гийом (умный, как всегда) сначала признал, что в качестве члена Союза свободных немецких профсоюзов (FDGB) был "председателем профсоюзного управления главного отдела профтехобразования издательства "Народ и знание"". В рамках этой работы он был вынужден принимать участие в "акциях солидарности" в Западном Берлине.

Ввиду отсутствия свидетелей, данные Гийома нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Федеральное ведомство по защите конституции, которое поторапливал Эмке, уже не так тщательно занималось своими расследованиями. Обязанность членов FDGB принимать участие в "работе на Западе" соответствует имеющимся на сегодня сведениям, сообщило оно. Риск для безопасности в складе характера Гийома тоже не обнаружен.

20 января Федеральное ведомство по защите конституции (БФФ) получило, правда, еще раз сообщение от Общегерманского института о том, что доверенное лицо "Следственного комитета свободлюбивых юристов" в июле 1956 года сообщало, что "Г. сбежал три или четыре недели назад." Не обратив на это внимания Иоганн Готтлиб Херменау, шеф отдела защиты секретов V БФФ, 26 января 1970 года дал "зеленый свет" принятию Гийома на работу :

"Всеобъемлющая проверка досье и расследования риска для безопасности завершены. Они не принесли результатов, которые препятствовали бы получению права доступа к документам с грифом "секретно"."

Причина такой спешки основывалась на духе нового времени. Чиновникам было неудобно как раз сейчас производить такое впечатление, что они якобы защищают выдвигаемые сомнения в надежности Гийома, чтобы помешать сыну народа попасть на высокую государственную службу.

Эмке сейчас считает, что в несчастье, в первую очередь, было виновно Федеральное ведомство по защите конституции. "Мы сказали Ведомству: "Сейчас пропустите его через свою мельницу." А они, к сожалению, этого не сделали. Они запросили центральный компьютер, который тогда еще не был очень совершенен, хотя весь материал о Гийоме уже лежал в Ведомстве - только не в отделе, ответственном за разведывательную проверку, а в отделе контрразведки. В соседней комнате, так сказать.

Но тогда, в любом случае, Эмке так доказывал Бару: "Его пропускали через мельницы проверки, как никого прежде, и, вероятно, никого после него. Я просто уже не могу принять на работу никого иного, кроме него."

К этому времени Эмке уже располагал свидетельством о поручительстве Лебера. Бывший профсоюзник не высказал в своем ответе никаких сомнений в лояльности Гийома.

Сомнения по поводу надежности его питомца вызвали у Лебера так же мало удивления, как ранее у Эренберга. "Такое", в конце концов, бывало часто. При более подробном рассмотрении обычно выяснялось, что за такими сомнениями ничего не стоит. Сегодня Лебер так думает об этом: "Гийом был для меня так же в порядке, как г-н Геншер, г-н Мишник и как тысячи других людей, пришедших с Востока, которым мы доверяли. Он никогда не давал повода для подозрений. Напротив, если бы его кто-то и заподозрил, то тогда скорее предположили бы, что он радикально правый. "

Так произошло, что многолетний сотрудник Главного управления разведки (HVA), член СЕПГ, шпион на службе МГБ, с помощью влиятельных товарищей и неспособных спецслужб, с успехом пробрался в Ведомство Федерального канцлера.

26 января 1970 года тихо и спокойно завершились проверки безопасности. 28 января Эмке отклонил и возражения Кадрового совета против приема Гийома. Уже в тот же день Гийом получает подписанный задним числом - с 1 января - договор о приеме его на должность помощника-референта в Ведомстве Федерального канцлера по направлению "Связь с профсоюзами и рабочими объединениями".

Ну, теперь . после того, как Гийом перешагнул порог государственного аппарата, он был раз и навсегда защищен от дальнейшего расследования. Федеративная Республика оказалась доброжелательной и щедрой демократией. Создается впечатление, что это легкомысленное поведение уже стало символом нового времени. О строгих порядках в государственном аппарате эры Конрада Аденауэра теперь хотели дистанцироваться всеми силами. Эренберг сам говорил, совсем в духе начала новой эпохи, об "открытии государственных служб" и об улучшенной "персональной мобильности". Со старой затхлостью хотели покончить - также и именно в административной сфере.

Сдал ли этот свежеспеченный "крот" все-таки свой "экзамен подмастерья", к которому он готовился пятнадцать лет? Или его взлет был чистой случайностью?

Задание Гийома состояло не в том, чтобы подобраться к какому-либо канцлеру, утверждает сегодня его бывший шеф Маркус Вольф:

"Никто не мог себе представить и тем более планировать, что человек, переселившийся в ФРГ еще до постройки Берлинской стены под своим настоящим именем, о котором даже было известно, что он был членом СЕПГ, сможет попасть в святая святых Ведомства Федерального канцлера. Для меня он тогда не был кем-то особенным, просто один из многих."

Его связь с Лебером - случайность. Прыжок в Ведомство Федерального канцлера - следствие его контактности. Здесь не преследовалась какая-то стратегия - напротив: Главное управление разведки было очень удивлено неожиданным взлетом и обеспокоено им, ведь теперь нужно было считаться с тщательными проверками.

Но Федеральное ведомство по защите конституции прекрасно сыграло свою роль помощника шерифа у HVA. Вскоре Восточный Берлин мог сигнализировать отмену тревоги: любая опасность была исключена.

Почему и как Гюнтер Гийом вообще попал в МГБ, об этом много и долго спекулировали. Часто говорили, что его шантажировали членством в НСДАП. В нацистскую партию он вступил семнадцатилетним юношей в 1944 году. Или его ("Со мной произошло то же, что с Геншером", - говорит он) действительно приняли "автоматически"? Мы оставим этот вопрос в покое. Такое обстоятельство уже давно было недостаточным средством для шантажа Штази. Выступая свидетелем на процессе против его бывшего начальника Маркуса Вольфа, Гийом объяснил свое решение вступить на шпионскую стезю чисто идейными мотивами: "Мне это доставляло

удовольствие. И у меня был мотив. Это должно было стать искуплением за мое участие во Второй мировой войне. "

На самом деле Гюнтера Гийома завербовали очень легко, и сделал это человек, который решающим образом повлиял на его жизнь: Пауль Лауфер. Разведчик HVA первого поколения стал для молодого Гийома кем-то вроде отца. Его собственный отец в 1948 году покончил с собой, выпрыгнув из окна, потому что после возвращения домой из британского плена узнал, что его жена сменила его на другого мужчину. Всю свою жизнь Гюнтер Гийом искал замену отцу: сначала Лауфер, а потом сам Вилли Брандт сыграли для него эту роль приемного отца.

Лауфер сделал из Гюнтера, пламенного профсоюзника, Гийома - агента и чекиста.

Неужели он не был рожден для этого? Разве сама его гугенотская фамилия не обладала кружащим голову вкусом конспирации? За двенадцать лет сотрудничества между обоими мужчинами действительно развились отношения как у отца и сына.

Именно Лауфер первым заговорил о переселении на Запад. Так, как считал сотрудник разведки, Гийом мог бы "как равный среди равных" работать на Западе, не привлекая к себе внимания. "Законом наименьшего риска" называл он это. "Опасных случайностей в дороге" тогда больше не надо было бы бояться.

"Предприятие переселение" принимало все более конкретные формы. В 1956 году стало ясно: Гюнтер Гийом и его жена Кристель (вышедшая за него пять лет назад и тоже включенная в списки МГБ) были как беженцы заброшены на Запад. Особенно

существенно помогла этому мать Кристель Эрн Боом, которая, будучи голландской подданной, могла без проблем выезжать из ГДР. Ее не нужно было долго убеждать в том, что порядочные немцы должны бороться против "ремилитаризации Федеративной Республики" и против "старых нацистов", которые там "снова поднимают головы".

Эрна Боом зарегистрировала свой переезд во Франкфурт. Таким путем Гийомы элегантно смогли избежать контроля в лагерях по приему беженцев. Шефу шпионажа Маркусу Вольфу это обошлось в десять тысяч западногерманских марок. Лауфер взял на себя организацию переброски шпионов, из которого благодаря помощи Эрны вышло безобидное воссоединение семьи. Задача была поставлена ясная: Гийомы должны стать гражданами ФРГ и закрепиться там. Потом посмотрим.

Оба перспективных агента начали во Франкфурте обустроить мелкобуржуазное существование. От имени тещи Гийом управлял лавочкой по продаже табака и кофе "Boom am Dom" ("Боом у собора"). После рождения сына Пьера теща Эрн взяла на себя домашнее хозяйство, а Кристель начала поиск места секретарши. В 1957 году по указанию восточно-берлинского центра семья Гийомов вступила в СДПГ.

На одном из многочисленных партийных мероприятий, посещаемым семейством Гийомов. Кристель познакомилась с руководительницей партийного округа СДПГ Южный Гессен, которая вскоре помогла ей получить место секретарши в офисе партбюро округа. Так Кристель одновременно стала помощницей Вильгельма Биркельбаха, который был не только членом президиума партии, но и депутатом Бундестага, и председателем социалистической фракции в Европарламенте в Страсбурге. Она проявила себя, как сказано черным по белому в одном ее сертификате, "надежной сотрудницей с политическим нюхом". Биркельбах вскоре полностью доверял ей.

Кристель тоже прошла в Берлине специальную разведывательную подготовку.

Когда Биркельбах поднялся ступенькой выше по своей служебной лестнице, он взял ее с собой. В приемной гессенской государственной канцелярии, шефом которой ныне стал Биркельбах, через ее руки проходили протоколы заседаний кабинета министров, предложения по персональным перестановкам и документы о приобретении земли для союзных войск.

В принципе, Гюнтер Гийом должен благодарить именно свою жену за собственную партийную карьеру: она во Франкфурте завязала для него решающие связи. Во время работы она не только познакомилась с ведущими партийными функционерами, но и с сотрудниками пресс-центра округа Южный Гессен, выпускавшего партийный орган - газету "Социал-демократ".

Кристель рекламировала своего мужа. Она говорила, что он профессиональный фотограф прессы - что почти соответствовало действительности, и что он охотно снова начал бы заниматься изученной профессией. Ее пресмыкательство имело успех: в 1962 году Гийом закрепился в партийной газете. В 1963 году он отказался от своей розничной лавки. Он настолько расширил свою деятельность репортера, что более не нуждался в кофейном магазинчике для маскировки буржуазного существования.

В 1964 году Гийом начал серьезную политическую карьеру: при поддержке функционеров он стал руководителем округа СДПГ во Франкфурте. Осенью 1968 года как депутат городского совета он переместился в городскую ратушу на Франкфуртер Рёмер. В 1969 году он организовывал предвыборную кампанию Георга Лебера - разбег для прыжка в Бонн.

Пока он целые дни отшлифовывал свою карьеру, выполняя разнообразные обязанности функционера СДПГ, по ночам он готовил отчеты для Восточного Берлина - и далеко не только сообщения из провинции. Среди них были полученные Кристель сведения из государственной канцелярии Биркельбаха, протоколы заседаний, кадровые решения, которые сперва обрабатывал Гийом, пока МГБ не поручила Кристель самой обрабатывать и докладывать свою информацию. Во время ее работы в приемной через нее на письменный стол Биркельбаха прошли восемь секретных документов - среди них отчеты НАТО о результатах маневров "Фалекс-64" и "Фалекс-66". А собственные отчеты Гийома ограничивались в то время лишь социал-демократической партийной болтовней.

В качестве фотожурналиста ему часто удавалось беседовать с корреспондентами иностранных газет. В азарте охоты за новостями они часто сами выдавали "эксплозивные известия" за кружкой пива. Так восточный агент уже в пятидесятых годах узнал о директиве министра иностранных дел США Джона Фостера Даллеса: "Not an inch!" - "Ни дюйма!". Ни один сантиметр территории нельзя было уступать Советскому Союзу.

Конечно, МГБ было радо и таким сообщениям - при условии, что Пауль Лауфер не прочел еще раньше о них в газетах. Ведь обычно пресса публиковала такие известия почти сразу же после того, как Гийом совершенно секретно передавал их по радио.

Во Франкфурте он работал классическими методами передачи информации: фотографирование документов, передача при конспиративных встречах, шифрованные радиопередачи. По радио он получал свои инструкции, которые вызывали у радиопеленгаторов БФФ так много загадок.

И дешифровка кодов в 1956 году тоже не принесла им ясности: "Не звонить Ф. по телефону." - Кто такой этот Ф. ? - "В августе пришлите кофе." Некоторые приказы, на первый взгляд, казались однозначными: "Следи за процессом Джона, проблемами фракции, самое важное сейчас - поездка председателя клуба, ждем срочный отчет о

положении в первой команде. "Председателем клуба" был председатель партийного президиума СДПГ, а под "первой командой" следовало понимать правление партии. А иногда - к большой радости своего "приемного сына" - на радиосвязь с ним выходил сам великий Пауль Лауфер. Он выражал свою радость по поводу того, что Гийом нашел работу. Он напоминал о дисциплине, он поздравлял Кристель и ее мать Эрну с "Международным женским днем". Годы спустя его поздравления к дню рождения Гийома станут для шпиона роковыми.

Но сначала на горизонте не было никакой опасности. МГБ в 1960 году сменило код, и радиоперехват снова оказался беспомощным. Контрразведке не удалось локализовать и идентифицировать передатчик 37 под псевдонимом "Георг". "Георгом" был Гийом. Для съемки документов Гийом сначала использовал привезенную из ГДР миникамеру "Экзакта". Затем он заменил ее самым любимым мини-фотоаппаратом агентов - "Миноксом". Однажды "Минокс" его едва не выдал. Один из его коллег-репортеров по "Социал-демократу" нашел Гийома на фотографии среди четырехтысячной толпы на площади Франкфуртер Рёмер, с "Миноксом" в руке, различимым лишь через лупу, Гийом фотографировал говорившего в микрофон Джона Ф. Кеннеди, который несколькими днями раньше произнес в Берлине свою знаменитую фразу "Я - берлинец!". "С каких это пор Вы фотографируете "Миноксом"?" - недоверчиво спросил его коллега. У Гийома перехватило дыхание. Тогда он выкрутился. У него было лучшее место. Люди, стоявшие сзади, передали ему свой фотоаппарат, чтобы он для них сделал пару снимков. К чему ему этот "Минокс"? Он же совсем идиотская штука. Но ему это все равно показалось опасным. Что заставило редактора с лупой рассматривать полученное из агентства новостей фото?

Когда материала, который следовало перефотографировать, становилось очень много, Гийом достал кинокамеру "Больё", с которой, следуя поставленной из МГБ под именем "Титр фильма" инструкции по эксплуатации, можно было фотографировать целые горы документов: на метр специальной пленки помещалось 236 кадров. Вспомогательные технические средства в распоряжении Гийома соответствовали оснащению агента такого уровня. Он мог с помощью специального фотоаппарата уменьшать документы. Так лист формата А 4 уменьшался при фотографировании до размеров точки и, наклеенный под почтовой маркой, по обычной почте мог быть отправлен на Восток. Но какой толк от лучшего оборудования, если сам человек может писать только о всякой чепухе?

Кристель передавала отснятые материалы. Конспиративные встречи с курьерами проходили, как правило, раз в месяц во Франкфурте или Висбадене, в основном - в полных людях кабаках. Во Франкфурте, к примеру, использовались кафе вроде "Кранцлер" или "Кафе на Площади Оперы". Для встреч с курьерами МГБ Кристель использовала и поездки в Западный Берлин. Во время безобидного разговора происходил обмен тайным материалом, упрятанного, по старой традиции агентов, в книги, журналы или коробочки с подарками. Получатели пользовались псевдонимами, вроде "Курта", "Фрица", "Грете", "Хайнца" или "Карла".

При этом Гийом работал так дисциплинированно, что даже своей жене он сообщал место и время передачи только прямо перед акцией, что еще сильнее подчеркивало конспиративный характер встречи.

Но такой подход к работе теперь уже стал непригодным. Ныне он был в Федеральной столице, в самом центре власти. Теперь он играл первую скрипку. Сплетни о франкфуртском партбюро сменились сообщениями о положении во всей партии. Гийом, страстный фотограф, отрекся от фотоаппарата. Он почти перестал передавать бумаги и фотонегативы своим связникам МГБ "Арно и Норе Кречманн", они же "Тондера", с которыми он вплоть до своего горького конца встречался в ресторанах, кабаках и в автомобилях в Бонне, Кельне и в Голландии. Вместо этого он охотней рассказывал устно все, что узнавал.

Гийомы с этой парочкой агентов, которую так до сих пор никто и не идентифицировал, поддерживали настоящие сердечные отношения. Оба приехали в Западную Германию в начале шестидесятых годов. Каждый сам построил себе новую жизнь и новую легенду. "Франц Тондера" в 1968 году переехал в Мюнхен, "Зиглинде Фихте" в 1969 году - в Ульм. Зимний отпуск на лыжах оба использовали чтобы "познакомиться", не вызывая подозрений. Участники лыжной группы были в восторге от мнимой "любви с первого взгляда". Под аплодисменты ничего не подозревавших отпускников искусно сымитированный роман перерос в помолвку, и в феврале 1970 года "Арно" и "Нора" во второй раз вступили в брак. Все должно было выглядеть правдиво - без немецкой основательности не обойтись и тут. В начале семидесятых годов западногерманская контрразведка сконцентрировала свои усилия на борьбе с операциями "проводников" иностранных разведок. МГБ пришлось вывести назад в ГДР заброшенных в Западную Германию разведчиков. "Норе" и "Арно" тоже пришлось "переехать". В 1972 году они заявили, что переселяются в Лондон, но на самом деле вернулись в ГДР. "Нора", которую звали уже "Урсулой Бер", однако, продолжала поддерживать контакт с Гийомами. Конспиративное сотрудничество между парами всегда было гармоничным. И женщины хорошо понимали друг друга. Они

встречались вдвоем, иногда вчетвером.

Когда времени было мало, "Тондеры" и Гийомы даже собирались в известных боннских ресторанах, потому что, по мнению Гийома, в "пещере льва" было безопасней всего. Он снабжал "Арно" и "Нору" сведениями о политических тенденциях, внутренней борьбе за власть в СДПГ и климате при дворе Брандта. Не было ли у него, попавшего в круг приближенных к канцлеру, возможностей и для магнитофонных записей разговоров?

Его кабинет во дворце Шаумбург, который не особо ему нравился - он видел "черный шлейф прошлого" в архитектуре между эркером и башенками, находился прямо над помещениями канцлера. При таком расположении Гийому, в принципе, было легко следить за переговорами Брандта - и записывать их. Брандт тоже должен был слышать шаги Гийома, ходившего прямо над ним, мимо старого дивана Аденауэра, все еще стоявшего в кабинете Гийома:

обстоятельство, причинявшее восточному шпиону почти физическое недомогание. Харизма старого господина, очевидно, все еще действовала - и после его смерти.

В Ведомстве Федерального канцлера Гюнтер Гийом постарался, чтобы были забыты все сомнения в его надежности, затягивавшие его прием на работу. Скоро он уже пользовался славой "первой руки"; он был незаменим, всегда там, где в нем нуждались, он заботился обо всем, все организовывал, планировал, ничем особо не выделяясь. Он был человеком "за спиной", кого никто в действительности не знал. Клаус Харппрехт, писавший тогда речи для Вили Брандта и сосед шпиона по комнате, так резюмирует чувства коллег по ведомству к Гийому:

"У меня не было к нему антипатии, но и симпатии к нему, Бог знает почему, тоже не было. Он меня не интересовал. Он сам был таким скучным."

Здесь была, конечно, ирония времени: когда шпион разведки ГДР свил себе гнездо в Ведомстве Федерального канцлера, сам канцлер поехал на Восток. В качестве первого акта своей новой немецко-немецкой политики он посетил Эрфурт. Восторженное население приветствовало его криками:

"Вилли! Вилли!" - оно многое ожидало от этого человека, который пообещал, всему, так сказать, придать новый импульс.

Агент при дворе носителя надежд Брандта не успел просидеть и полгода на своем новом посту, как уже получил доступ к документам с грифом "секретно". 8 сентября Гийом получил разрешение читать даже "совершенно секретные" документы. Но такие формальности ему даже не были нужны. Гийому, казалось, абсолютно доверяли и без них.

Петер Ройшенбах из бюро Федерального канцлера решил стать депутатом Бундестага и был для ведения предвыборной борьбы освобожден от своих служебных обязанностей. Он сам приложил все усилия, чтобы Гийом сначала временно исполнял его обязанности. Но вскоре Гийом сменил Ройшенбаха официально. Теперь он отвечал за "связи с партией и фракцией, если это касается Федерального канцлера как главу партии и депутата Бундестага".

И снова уже немного растолстевший невысокий человек ("Он был похож на откормленную мышь", - вспоминала одна секретарша.) доказал свои способности и на новом посту.

Гийом теперь был одним из трех личных референтов Брандта. Коллега Вильке, первый среди равных, тогда занимался внутренней политикой, Шиллинг - внешней политикой, Гийом, третий человек, - партией. Но все равно он вполне оправдывал свое прозвище "первой руки". Он был прилежен, часто приходил на работу раньше всех, не пугался работы ночью, всегда осторожный, умелый и находчивый. По утрам он привозил канцлеру горячие круасоны из пекарни, варил для него кофе, иногда приводил в порядок кухню, когда было нужно, составлял своему шефу гардероб и привозил ему в отель тапочки. Без него ничего больше не работало. Но Брандту Гийом не очень нравился. Канцлера раздражало раболепное угодничество Гийома. Для интеллектуала Брандта этот секретарь олицетворял человека, с которым, при нужде, он мог бы часами гулять - в основном, молча, но вовсе не того, с кем он вел бы глубокомысленные беседы и политические дискуссии, как оценивал их бывший журналист. Гийом был хорошим адъютантом - но не более того. Зато лучшей маскировки трудно было найти.

Возглавляемая государственным прокурором Теодором Эшенбургом следственная комиссия, которая в 1975 году по поручению Федерального парламента занималась делом Гийома, пришла к выводу:

"Он был умен и расторопен, всегда в готовности, не боялся никакой работы. Он был вежлив и коммуникабелен с коллегами и починенными. То, что он был любопытен и интересовался тем, что скрытно происходило вокруг, не особо выделялось. Такими же были и другие служащие."

Несомненно, он был любопытен. Никто так не рвался лично доставлять письма и передавать телеграммы, как он. Коллега Райнхард Вильке и сегодня так думает об этом:

"Я использовал всю свою власть, чтобы держать его подальше от таких вещей. Он буквально пытался присутствовать при каждом разговоре, даже совсем не касавшемся его. Иногда я его просто выставлял за дверь, говоря: "Это тебя не касается. Занимайся своими делами."

Гийом не всегда совал свой нос в те дела, которые его не касались. Кое-что ему просто доставляли. При последующем расследовании служащие уголовной полиции

откопали пикантную находку. Среди бумаг Гийома отыскался протокол разговора между шефом ХДС Райнером Барцелем и председателем правления DGB (Союза немецких профсоюзов) Хайнцем Оскаром Феттером.

Напрашивается предположение, что Гийом в данном случае шпионил за отношениями между оппозицией и профсоюзами, но это неверно. На самом деле этот документ с грифом "конфиденциально" был направлен ему из секретариата шефа ДГБ Феттера - для информирования Федерального канцлера. То есть, речь здесь шла не о шпионаже, а просто о грубом нарушении правил конфиденциальности.

Такие и подобные примеры объясняют, почему в бюро референта канцлера оказалось досье, помеченное зеленым крестом. Так называемая "Папка с зеленым крестом" должна была быть немедленно уничтожена в случае победы на выборах христианских демократов. Ройшенбах напутствовал своего преемника словами: "Досье не должно попасть в руки Барцелю".

В своем кабинете площадью в тринадцать квадратных метров во дворце Шаумбург Гийом часто потчевал вином "Перно". Стены кабинета он украсил плакатами СДПГ.

Какое впечатление производили они над диваном Аденауэра? Все замечали, что его письменный стол всегда был чист - потопчу т он хотел оставлять как можно меньше следов. Старослужащим чиновникам Гийом с самого начала показался подозрительным.

(Наш лавровый венки за их недоверие появится позже, но он будет.) Распространялись слухи, что Гийома "заслали", что соответствовало действительности. Но в вопросе об его заказчикам чиновникам не хватило фантазии. Они предполагали "заговор профсоюзов. " Гийом якобы должен был организовать кадры СДПГ и сместить Кадровый совет Ведомства, который причинял Эмке так много хлопот.

Совершенно ложным это предположение не было. Всем было видно, что этот человек поддерживал наилучшие отношения именно с профсоюзами. Гийом хорошо разбирался в этом деле, он знал язык и менталитет профсоюзных деятелей. Он пил с ними шнапс и не обладал высшим образованием в той же степени, что и боссы на верхушке профсоюзов. Эренберг, назначив Гийома на такую должность, принял в этом смысле верное решение: профессиональный карьерный чиновник для этого задания не подошел бы.

Свежеиспеченный референт канцлера Гийом воспользовался теперь своим постом, чтобы создать вокруг себя рабочую группу профсоюза работников коммунального хозяйства и транспорта ЦТВ. В ней он стал председателем, и заседания группы производились в дальнейшем, также и с целью престижа, в зале заседаний кабинета министров во дворце Шаумбург. Товарищ председатель, он же шпион в Ведомстве Федерального канцлера Гюнтер Гийом на этих заседаниях восседал, как на троне, на стуле канцлера.

Позже часто говорили, что после того, как Гийом попал в Ведомство Федерального канцлера, его "законсервировали". Но Маркус Вольф точнее описывает реакцию НВА на последний взлет карьеры Гийома:

"С января 1973 года, когда Гийом стал референтом канцлера, мы сразу же почти до нуля убрали любую возможность его разоблачения, которая всегда возникает при поддержании связи - в качестве меры предосторожности.

Мы сначала хотели выждать, что из этого получится. Но мы могли исходить из того, что не было никаких важных факторов, угрожавших потенциально положению Гийома. Сама близость к Брандту означала почти полную гарантию того, что даже органы безопасности испытывают к нему полное доверие. "

У Гийома тогда было много приятелей, но не было настоящих друзей. Это значило, что лучше всего ему удавалось находить друзей среди врагов. На праздниках с выпивкой он заводил бесчисленные знакомства:

"В какой ты партии, засранец?" - спросил он однажды человека за столиком напротив.

" Я в ХДС, засранец. "

На что Гийом ответил: "Тут ничего уже не изменишь. Иди сюда, поболтаем. . . "

Дружисе Гюнтер с берлинской рожей легко набивался в друзья. Но все равно он чувствовал себя одиноким. В здании клуба он жаловался председателю Кадрового совета Клаусу Зеemannу, что не может найти общий язык с коллегами. Только один раз его в частном порядке пригласили в гости. Но и Зеemann не мог помочь этому его горю. В конце концов, он и сам не хотел иметь дела с "маленьким мещанином":

"В любой беседе на общественные темы с ним просто не о чем было говорить. Для этого у него было слишком мало внутреннего содержания. Его умственный уровень был как у батальонного адъютанта. " Не только коллеги держали его на расстоянии, но и собственная жена. Из их брака за это время получилось содружество, подчиненное общей цели - скрепленное совместной конспиративной работой. Но и здесь легко можно было выйти из положения.

Еще юношей Гюнтер хвастался тем, что у него было тридцать пять подружек.

"Он был милашкой с очень сильным обаянием", - вспоминает Сузанна, поклонником которой был в те годы Гийом. "Достаточно ему было похлопать ресницами, и девчонки уже были у него.

Двадцать лет спустя он снова воспользовался этой стратегией - и имел успех. Среди тех, кто, как тогда говорили, пали жертвой его ресниц, была Мари-Луизе Мюллер,

секретарша Эгона Бара в Ведомстве Федерального канцлера. Заглядывал ли он при всех этих шурах-мурах в бумаги ее шефа? "Было бы грешно не воспользоваться этим. Но собственно фройляйн Мюллер не была моей целью. Это просто так вышло. "

В любом случае фактом остается, что Политбюро СЕПГ задолго до начала переговоров по подписанию Договора об основах отношений между ФРГ и ГДР знало концепцию и предполагаемое поле обсуждения посредника Бонна Эгона Бара и смогло соответственно к этому подготовиться. Но Эгон Бар не видит сегодня в этом никакой близкой связи с делом Гийома. "Мне стало легче, когда я установил, что этот человек стал близок к Вилли Брандту уже тогда, когда оперативная фаза внутринемецкой политики окончилась в ноябре 1972 года. " В действительности агент был вблизи канцлера начиная с лета 1972 года. Сегодня он говорит:

"В предвыборных поездках я впервые смог ознакомиться с настоящими папками канцлера. " Бар в любом случае придерживается мнения, что важная в разведывательном отношении информация не обязательно должна исходить из папок досье: "Знать, как, к примеру канцлер оценивает американского президента, для меня было бы важней, чем узнавать из досье что-то, что уже завтра может устареть. "

Гийом может сегодня это лишь подтвердить: "Болтовню людей нельзя недооценивать. Немногочисленные социал-демократы образовали закрытую общину посвященных. По вечерам они встречались и раскрывали друг перед другом душу. Это было прекрасной питательной средой для меня. "

Гийом был теперь в зените своей карьеры. Он мог получать сведения из самых разнообразных источников. Так, он принимал участие в заседаниях профсоюзного совета СДПГ, в который входили все социал-демократические руководители профсоюзов.

Особенно близкие отношения установились у него с штабом ДГБ в Дюссельдорфе. Брандт через него передавал приветы, ветераны Ведомства Федерального канцлера уже называли его "Тенью Вилли". Тому, кто вел себя как ближайший Санчо Панса Брандта, многие чиновники всегда хотели услужить. Его просьбы о документах и сведениях для служебного пользования, как правило, выполнялись сразу.

Вскоре референт на службе МГБ уже перестал зависеть от "чужих поставок". Как человек канцлера, он во втором периоде правления Брандта получил право присутствовать на ежеутреннем обсуждении "малой ситуации" в стране и в мире, которые проводил государственный секретарь Граберт с начальниками подразделений, и узнавал, что происходит. Он участвовал в заседаниях фракции и правления партии, он весь превращался в слух, когда по вечерам телохранители из боннской группы безопасности садились вместе, и после нескольких стаканчиков вина у них развязывались языки. Так как он постоянно ездил с документами, то с любопытством заглядывал и в них, что приводило в ужас некоторых его корректных коллег.

О "большой ситуации" Гийома информировали из первых рук. Он постоянно следовал за канцлером, не только в служебное время. Он помогал ему и в частном порядке, участвуя в семейных прогулках. Но что на самом деле важное мог сообщить Гийом великому Паулю в Восточный Берлин? И люди "внутреннего круга" и непосвященные до сих пор придерживаются мнения, что сообщения Гийома Главному управлению разведки ГДР, кроме немногочисленных исключений, не были в действительности столь опасны для государственной безопасности. Но тем не менее Восточный Берлин узнавал через своего супершпиона все, что ему нужно было знать о канцлере мира и его Восточной политике.

Маркус Вольф так сегодня оценивает задачу Гийома в то время: "Когда в 1973 году Гийом оказался в непосредственной близости от Вилли Брандта, как раз начиналась новая фаза политики, очень интересная с внешнеполитической точки зрения. И она проходила не так однозначно и прямолинейно, что можно было бы сказать, мол, сейчас наступил великий мир, все идет к нормализации, и конфронтация завершилась.

Восточная политика ведь, прежде всего, в глазах политического руководства ГДР, содержала также и некие компоненты подрыва ГДР. И узнать, что действительно стояло за ней, было, конечно, важным заданием. У Гийома не было задачи посылать на бегу любые сведения всеми разведывательными методами и средствами. Тут были поставлены четкие приоритеты, о которых он должен был сообщать. "

То, что сообщал Гийом о Брандте и его Восточной политике, должно было, собственно, убедить канцлера в искренности канцлера. Шпионаж как мероприятие, способствующее доверию? Гийом сам рассматривает себя как миротворца и защитника мира.

"Брандт ведь, еще будучи Правящим Бургомистром Западного Берлина, был - как он сам себя называл - политиком дружественного государства. Нужно ли обижаться на другую сторону за то, что она не стала несчастной из-за того, что немного заглянула в его карты, и что я как тихий наблюдатель от случая к случаю мог находиться в его "кухонном кабинете", чтобы немного прозондировать его и его сотрудников на предмет доверия?

При всей своей скромности я думаю, что я внес небольшой вклад в то, что за последние десятилетия в Европе не началась война, что "холодная война" не переросла в войну горячую, что мы при всех трудностях все-таки могли жить в мире и не стреляли друг в друга. "

Этот итог относится к трагикомической главе "самооправданий". Экс-шпионы с удовольствием хотят придать своему шпионскому бытию более глубокий смысл.

Несмотря на сдержанность Брандта по отношению к своему референту, между обоими столь разными мужчинами развилось чувство пусть не дружбы, но определенной доверительности, появившейся просто вследствие постоянной близости. И, возможно, Брандт при всей внутренней дистанции даже немного завидовал этому всегда веселому, любезному, вежливому берлинцу: ведь ему, молчаливому и сдержанному северному немцу так не хватало того, что отличало Гийома - общительности.

Верный дворовой пес Гийом со своей превосходной шизофренией всегда до последнего защищал от любых критиков и обидчиков своего господина и "приемного отца". И он страдал вместе с Брандтом, когда другие поворачивались к тому спиной. Годы спустя восточный агент описал такой эпизод: Возвращаясь после визита в Израиль, вертолет канцлера попал в шквал ветра и едва не разбился. Никто в аэропорту или в ведомстве не говорил с Брандтом об этом, никто не выказывал своей радости по поводу счастливого исхода происшествия. Но только Гийом сопровождал своего канцлера в машине и предоставил ему возможность излить душу. Гюнтер Гийом, шпион Штази и адъютант канцлера на все случаи жизни, включая душевную поддержку.

Как можно чаще Гийом старался предоставлять канцлеру "возможность подзарядки". И, как это позднее выяснилось, лучше всего ему это удавалось во время путешествий. Поездки действовали на Вилли Брандта как лекарства. В дороге хладнокровный ганзеец становился разговорчивым и непринужденным, даже служебные дела спорились лучше. Потому несомненно не было случайностью, что свою предвыборную кампанию 1972 года Брандт вел с колес поезда.

Его предвыборные и "информационные" поездки вели старого и нового кандидата Брандта через всю Федеративную Республику. Маршруты были хорошо продуманы и отлично организованы. Об этом снова позаботился надежный Гюнтер Гийом, великодушный "мэтр д'войаж". Брандт провозглашал речи, давал интервью, "ходил в народ". Одно мероприятие беспрерывно следовало за другим. Утром освящение больницы, затем в следующем городе на удалении ста километров обед с местными уважаемыми людьми, затем кофе в доме престарелых, а вечером, наконец, большая предвыборная демонстрация. Сроки были согласованы с точностью до минуты, ведь особый график движения "канцлерского поезда" должен был точно вписываться в общее расписание Федеральной железной дороги.

Журналиста Вибке Брунс, которой приписывали близкие отношения с Брандтом, тоже иногда путешествовала с ним: "Эти поездки были большим успехом для Брандта", - вспоминает она сегодня, - "и это было заслугой Гийома. Он все организовывал. Он всегда заботился о том, чтобы ожидала правильная публика, и усилия не пропали бы даром. Это было превосходным обеспечением."

Сотни журналистов ехали в свите канцлера. Часто после сделанной работы Брандт присоединялся к их компании, чтобы поболтать. Обычно тут рассказывали анекдоты. Брандту нравились эти часы веселой разрядки среди единомышленников.

Но эти радостные часы этим не ограничивались. . Считается, что спецкупе канцлера приходилось побыть и "отдельным кабинетом" для часов удовольствия с прекрасным полом. И именно Гийому нужно было "доставлять" дам ненасытному главе правительства. Федеральное ведомство уголовной полиции сначала даже сообщало, что шпион посылал в Восточный Берлин магнитофонные записи ночей любви канцлера. Брандта упрекали в том, что в своем вагоне-салоне он часто принимал привлекательных журналисток, которые покидали его лишь утром. Поговаривали, что на его кровати однажды нашли кольцо одной репортерши.

Клаус Харппрехт так думает об этом сейчас: "Это поразительная легенда, за счет которой до сегодня живет соответствующая немецкая пресса, добиваясь небольшого увеличения тиражей. Когда мы говорили с Вилли Брандтом об этом, я как-то даже пожелал ему в шутку: "Я только желаю тебе, чтобы хотя бы четверть написанного была бы правдой." Он тогда, несомненно, стал бы более раскованным, веселым человеком, и это касается и многих других в Бонне. То, что Брандт был жизнелюбивым человеком и мог вызывать у женщин любовный интерес, что он мог получать их даже безо всякого флирта - тут отразились с одной стороны комплексы обывателей, а с другой - серой массы, по сей день населяющей правительственные скамьи и доминирующей в Бундестаге. Бонн - питомник душевной импотенции!"

Вилли Брандт, конечно, не был тем, кого называют примерным супругом. Он и сам о себе говорил: "Я никогда не был святым, и я никогда не утверждал, что свободен от человеческих слабостей."

Но нуждался ли привлекательный человек у власти, чтобы ему "доставляли" женщин? Герберт Эренберг сегодня вспоминает: ""Доставляли"- это слово происходит из воровского жаргона, а кое-что в методах работы спецслужб очень схоже с испытанными приемами преступного мира. Вилли Брандт для большинства женщин был таким блистательным мужчиной, что ему никого не нужно было доставлять, они приходили сами. "

Ни у кого не было большего нюха на такие "мелочи", как у его собственной жены. Благородная, с тонким чувством, Рут Брандт позднее так это опишет: "Тяга Вилли в этом направлении не была для меня неизвестной."

Эгон Бар, вспоминая своего шефа, говорит: "Мы знали, что этот человек не был сыном печали. Это было его дело. И никогда не влияло на его обязанности. А это было для меня самым главным. Все остальное не было столь важно."

Но факт состоит в том, что чиновники служб безопасности во время последующего расследования дела Гийома намного больше внимания уделили интимной жизни канцлера, чем шпионской деятельности разведчика из ГДР. Они опасались, что Брандт стал уязвим для шантажа.

В этом контексте речь шла вовсе не только о пламенных поклонницах Вилли Брандта, писавших ему журналистские оды, но о совсем других дамах, которых референт, если верить отчетам Федерального ведомства уголовной полиции, подыскивал на вокзалах во время ночных путешествий.

Гийом это отрицает: "Нам это не было нужно. Женщины приходили просто так.

Обычно я удерживал их подальше от Брандта. Иногда он этого совсем не хотел. Брандт чувствовал то же, что и я: мы оба убежали из дома, с остановками ехали по провинциям и позволяли себе поспрашивать - в том числе, и с женщинами. Но у нас никогда не было общих подружек." Есть еще вопросы?

Опасения БФФ, кажется, были сильно преувеличены, ведь в Восточном Берлине, как вспоминает сегодня Маркус Вольф, очень мало беспокоились о историях с женщинами Федерального канцлера: "Я всегда придерживался мнения, что политик не станет уязвим для шантажа, если сам не позволяет себя шантажировать, и уж точно не его интимной жизнью. В принципе, было достаточно хорошо известно, что Вилли Брандт не отказывал себе в том, что касается женщин. Тогда я считал это совсем маловажным. Но то, что произошло впоследствии в связи с ситуацией, в которой тогда оказался Брандт, вот это было интригой." Но до того момента должны были еще пройти месяцы - месяцы, в течение которых Гийом так же хорошо справлялся с обязанностями референта канцлера, как и с задачами шпиона ГДР. Он не давал повод для жалоб.

Но тем не менее Брандт в его присутствии чувствовал себя не совсем хорошо. В конце мая 1973 года он сказал шефу Ведомства Федерального канцлера Граберту:

"Знаешь, я хотел бы заменить Гийома. Он становится надоедливым. Посмотри, сможешь ли ты пристроить его куда-то в другое место." Об этом же, уже месяцами, думал и один чиновник в Кельне. Он окажется человеком, сдвинувшим дело Гийома с мертвой точки.

27 декабря 1973 года старший советник Генрих Шорегге в так называемой "Барсучьей норе" - здании Федерального ведомства по защите конституции (БФФ) в Кельне - корпел над тремя шпионскими делами. Во всех трех упоминалось имя Гюнтера Гийома. Шорегге, сотрудник отдела контрразведки, был педантичным чиновником.

Если бы он один обрабатывал дело, то дело Гийома не "раскрутилось" бы так быстро. Но Шорегге рассказал о проблеме своим сотрудникам. И тут помог коллега Случай: среди них как раз оказался чиновник, обрабатывавший старые радиопереговоры восточногерманского Главного управления разведки пятидесятых годов: старший правительственный советник Гельмут Бергманн из реферата IV/A 1, ответственного за анализ.

Напомним: в середине пятидесятых годов БФФ перехватило на коротких волнах радиосообщения, в которых разведцентр Штази из Восточного Берлина посылал поздравления супружеской паре агентов: код NVA был известен БФФ. В начале февраля 1956 года отец Лауфер поздравил с днем рождения "Георга"; в начале октября 1956 года - "Кр. "; в середине апреля 1957 года пришло поздравление "второму мужчине".

Как правило, разведывательная деятельность это нудная и кропотливая работа, например, сравнение фактов и дат. Так было и здесь. Чиновники привычным образом сравнивали данные Гийома с данными перехваченных радиопосланий NVA - и смотри-ка - все прекрасно совпадало. Гюнтер Гийом родился 1 февраля и как раз в тот день, когда центр Штази с восточно-берлинской улицы Норманнштрассе послал "Георгу" свои поздравления.

Кристель Гийом увидела свет 6 октября. 8 апреля 1957 года у Гийомов родился сын Пьер - "второй мужчина"?

С самого начала было известно, что эти радиопередачи адресованы были супружеской паре агентов, посланных NVA в Западную Германию, чтобы получать информацию о СДПГ. Годы сотрудники Федерального ведомства по защите конституции при поддержке партийного правления СДПГ искали в рядах СДПГ людей с такими признаками. Им не удалось разоблачить агентов. Неужели сейчас их ожидает успех? Не Гийомы ли давно разыскиваемые агенты? Во всяком случае, совпадение дат поразило.

За дело отвечал теперь реферат IV/A 1 - анализ в отделе контрразведки БФФ.

Коллега Случай выждал время. Только 11 мая старший правительственный советник Гельмут Бергманн продиктовал заключительный отчет о подозрительных моментах по отношению к семейной паре руководителю своей группы правительственному директору Ватчунеку. Он, однако, считал, что улики пока не хватает, чтобы разоблачить подозреваемых перед судом. "Мы не можем положиться на то, что

только путем ареста получим обвинительный материал. Предлагаю осторожное наблюдение за этими лицами. "

В отчете была серьезная ошибка: он исходил из того, что Гийом все еще работает в Ведомстве Федерального канцлера на должности всего лишь помощника-референта по вопросам социальной политики и профсоюзов. О новом посту Гийома защитники конституции ничего не знали.

Это стало характерной чертой начала дурацкой игры с взаимными упреками, инсценированной год спустя теми, кто был ответственен за утечку в Ведомстве Федерального канцлера. С точки зрения законодательства о государственных служащих БФФ всегда могло сослаться на тот факт, что Ведомство Федерального канцлера совсем не проинформировало его о новой должности Гийома - так близко к канцлеру. Но что это за контрразведка, если ей нужно особо посылать такие сведения?

Но когда отдел контрразведки в середине мая послал заключительный отчет по делу Гийома президенту Федерального ведомства по защите конституции Гюнтеру Ноллау, речь еще шла не о том.

Он очень серьезно взялся за дело и пригласил своих сотрудников для обсуждения ситуации. 28 мая господина Барденхевера, Рауш и Ватчунке пришли вместе, чтобы принять решение.

Ноллау попросил еще раз зачитать ему дословно тексты давно расшифрованных поздравлений с днем рождения, присланных по радио из МГБ.

Политическая весомость этого дела была ему полностью понятна. Если в Ведомстве Федерального канцлера действительно сидит шпион, то об этом нужно срочно сообщить министру внутренних дел.

Еще в тот же день Ноллау позвонил шефу бюро министра Клаусу Кинкелю. 29 мая в 10. 30. он предстал перед Кинкелем и министром внутренних дел Геншером, чтобы проинформировать их о деле. Из "дипломата" президент БФФ вынул досье на девятнадцати страницах о тридцати подозрительных моментах против возможного шпиона Гийома. Он хорошо подготовился и кратко изложил основные подозрения.

Ноллау сообщил о радиопереговорах, которые идентифицировали супружескую пару Гийомов как пару агентов. Геншер знал о методе дешифровки и знал, что таким путем были уже разоблачены очень многие агенты.

"Конечно, я не читал отчет полностью, слово в слово. Так никто не делает, если не хочет наскучить занятому министру, а только хочет его убедить, " - пишет Ноллау в своих мемуарах. Согласно его словам, Геншера "наэлектризовали". Он возбужденно заявил:

"Об этом должен знать канцлер!"

По собственному признанию, у Геншера не сложилось тогда впечатления, что это "полностью ясное дело". Ноллау сначала был против того, чтобы посвящать во все канцлера, потому что он сам не знал, что Гийом уже стал "правой рукой" Брандта. Он предложил Геншеру сначала установить слежку за Кристель Гийом во Франкфурте.

Боясь раскрытия болтливыми чиновниками и ненадежных мест в ведомстве регистрации по месту жительства БФФ сначала прекратило свои расследования во Франкфурте и даже не знало, что Кристель Гийом вместе с сыном Пьером уже некоторое время жила у своего мужа в Бонне.

Но Геншер настаивал на своем предложении немедленно информировать канцлера.

Ноллау наконец согласился и попросил министра получить у Федерального канцлера разрешение на планируемую слежку и попросить его также пока ничего не менять в служебном положении Гийома. Это мероприятие предоставляло возможность в дальнейшем скрытно проводить расследование и получать улики.

Но отчет главного защитника конституции, очевидно, не вызвал желаемой реакции у министра внутренних дел. Геншер, правда, проинформировал Брандта, но был настолько сдержан в выборе слов, что канцлер не почувствовал тревоги. 29 мая при завершении еженедельного совместного обеда членов коалиции Геншер обратился к канцлеру и сказал как-бы вскользь:

"Всплыло кое-что, касающееся сотрудника с звучащей по-французски фамилией. " Брандт сразу понял, кто имеется в виду. Геншер продолжал, что есть опасность, что этот сотрудник может работать на ГДР. Будет ли Брандт возражать, если за этим человеком установят наблюдение?

Брандт не возражал, но заметил, что подозрение, видимо, необоснованно: "Я считаю, что это совершенно невероятно. " Этот "духовно ограниченный человек" - шпион ГДР? Уже часто Вилли Брандт сталкивался со случаями, когда в конце выяснялось, что речь шла о совершенно безобидных делах. Он вспоминал, как был Правящим Бургомистром Берлина. Тогда все время возникали подозрения по отношению к беженцам из ГДР, оказывавшиеся, как правило, необоснованными.

Если бы Геншер обратился к Брандту с большей настойчивостью, подчеркивая важность запроса, то у Брандта, возможно, проснулось бы большее недоверие. Но ведь Ноллау не абсолютно убедил и самого Геншера, объяснял министр позднее. Если бы это было так, то он "дал бы распоряжение передать дело в Федеральную Генеральную прокуратуру. "

Тогдашний руководитель отдела общественной безопасности в Министерстве внутренних дел Вернер Смойдзин приписывает всю вину за аферу Ноллау:

"Ноллау информировал Геншера только в общих чертах, хотя и пунктуально. Геншер, обладая очень сильным чувством опасности, сразу оживился бы, если бы понял, что имеет дело с

активным шпионом в Ведомстве Федерального канцлера. Хотя предположение, что на этой должности находится активный, все еще действующий шпион, уже, исходя из жизненного опыта, лежало ближе, чем на поверхности. "

Неопределенным вопросом о сотруднике со "звучащей по-французски фамилией" Геншер сначала только создал у канцлера впечатление, что министр даже не знает настоящего имени подозреваемого. О радиопереговорах Брандт не узнал ничего.

Геншер посоветовал ему обращаться с Гийомом как прежде и никоим образом не менять его служебное положение.

Но Брандт возразил: было предусмотрено, что Гийом будет сопровождать его на виллу близ города Хамар в Норвегии. Годы до сей поры это являлось задачей референта Вильке, и он вполне с ней справлялся. Но этим летом 1973 года отец семейства Вильке изменил свои планы. Он захотел, в конце концов, хоть разок провести отпуск с женой и детьми, вдали от учреждения и ответственности. Брандт не возражал.

В конечном счете, ведь Вильке годами отказывался от семейного отпуска ради государственных дел. Кроме того, нашелся и компетентный заместитель: Гюнтер Гийом был назначен для этой работы. И его жена Кристель хотела принять участие в поездке. Она даже стала брать уроки, чтобы улучшить свой английский язык.

Но мог ли действительно Гийом ехать с ним в Норвегию, если против него выдвинуто такое серьезное обвинение? Брандт предоставил Геншеру право решать.

После не подтвержденного последовавшего обсуждения с Ноллау министр дал канцлеру понять, что Гийом, как и планировалось, может принять участие в поездке. Речь идет, мол, скорее об опасности, чем о подозрении.

Во время разбирательства в следственной комиссии по делу Гийома показания Геншера противоречили показаниям Ноллау. Ноллау утверждал, что никакого последующего разговора Геншера с ним вообще не было. Геншер даже не сообщил ему ничего о решении канцлера. Лишь в начале июля Геншер походя сказал Ноллау: "Кстати, они хотят взять шпиона с собой в Норвегию. "

К тому моменту Гийом уже давно был на даче Брандта.

Геншер, со своей стороны, сперва не посчитал нужным проинформировать сразу же о результатах своего разговора с Брандтом 29 мая президента БФФ. Ноллау сам позвонил ему пару дней спустя и спросил, как же решилось дело. Министр внутренних дел, по словам Ноллау, сказал: "Ах, да, я как раз хотел Вам позвонить, канцлер согласен. " Это означало: наблюдение можно было начинать.

В Ведомстве Федерального канцлера все шло по-прежнему. Гийом ничего не подозревал. Кроме Граберта и Вильке, информированных Брандтом, никто не знал о тяжелом обвинении против их прилежного коллеги.

Когда Гийом по утрам входил в рабочие кабинеты канцлера, он, как обычно, говорил ему:

"Доброе утро!". Вилли Брандт на мгновение смотрел на него и отвечал на приветствие. "Поступайте так, чтобы он ничего не заметил", - советовал ему Геншер. И канцлер старался, как только мог. Но незаметно дистанция между ним и ревностным адъютантом увеличилась. Брандта охватило чувство повышенной осторожности. Он создал свою собственную контрразведку - один из многих абсурдов дела Гийома. Федеральный канцлер попытался сам взять на себя задачи слежки, для которых, собственно, имелись специально подготовленные люди. Но им не позволили это делать. Клаус Харппрехт, качая головой, вспоминает сегодня, как Брандт со всей серьезностью старался самостоятельно выйти на след шпиона в своем бюро:

"Он по вечерам перемешивал на столе в определенном порядке папки, о которых знал, что Гийом их когда-либо увидит. Когда тот возвращался, он контролировал, не изменилось ли местоположение папок. Возможно, он еще мальчишкой читал об этом в романах: он натягивал ниточки и смотрел, не изменятся ли они каким-то образом. Он клал свой карандаш в определенном направлении, чтобы позже проконтролировать, не перекалывали ли его. За этой абсурдностью скрывалась вся серьезность дела: никак нельзя понять, почему Гийом смог безо всякого наблюдения сопровождать канцлера в Норвегию - с разрешения служб безопасности!"

Канцлер действовал как агент-provocateur, как приманка, чтобы разоблачить вражеского разведчика. Для высшего защитника конституции это казалось нормальным.

Но на самом деле ситуация была абсурдной.

Когда Ноллау посоветовал Брандту никак не менять своего поведения по отношению к Гийому, он, видимо, не знал, насколько близок уже был подозреваемый к канцлеру. Он все еще заблуждался, думая об экономическом отделе Ведомства Федерального канцлера. Последний взлет карьеры агента прошел мимо внимания шефа БФФ.

Брандт справедливо возмущался в своих мемуарах: "При этом не было нужно никакого секретного расследования, только одного телефонного звонка хватило бы, чтобы узнать, что Г. внутренним решением от 30 ноября 1972 года был переведен в бюро Федерального канцлера - для решения вопросов, которыми раньше занимался Ройшенбах."

Федеральное ведомство по защите конституции и Министерство внутренних дел на самом деле исходили из того, что Гийом по своей работе достаточно далек от секретных

документов и никоим образом не связан с главными и государственными делами. Ноллау не хотел знать, что предполагаемый агент будет сопровождать канцлера в Норвегию. Когда Граберт, от имени Брандта, 5 июня еще раз спросил Геншера об отпуске в Норвегии, ответ был таким: "Ничего не менять!"

Зато Ноллау развил кипучую деятельность в совсем другой области. Он считал, что обо всем нужно проинформировать председателя парламентской фракции СДПГ. Просто удивительно, насколько он был уверен, что Герберт Венер имеет право на такую информацию. Так как "дядя Герберт" для своего земляка-дрезденца Ноллау был более, чем другом, проявлявшим отцовскую заботу, главный защитник конституции забыл железный принцип "Need to know" ("Знать, только то, что нужно"), по которому работают все разведки мира: человека можно посвятить в дело только тогда, когда это абсолютно необходимо. Для расследования дела Гийома совсем не нужно было сообщать о нем Венеру. Ноллау много раз пытался дозвониться к Венеру. Но "дядя Герберт" не был дома. Он был в Восточном Берлине у Эриха Хонеккера.

Темным вопросом осталось, мог ли Ноллау проинформировать Венеру об этом еще до отъезда последнего на встречу с руководителем ГДР. Он сам это отрицает. Заговор? Шеф НВА Маркус Вольф, утверждавший, что никто не знает Венеру лучше, чем он, сегодня заверяет, что Хонеккер не был посвящен: "Я сомневаюсь в том, что политическое руководство страны, в которой глава государства не занимается прямо или непосредственно вопросами разведки, информировали бы о таком источнике. Я могу только подтвердить то, что сказал Хонеккер на одной встрече в Хельсинки. Он ничего не знал о деятельности Гийома в Ведомстве Федерального канцлера."

Но что еще другое хотел бы сказать Вольф? Брандт позднее сказал, что он "смеялся в душе", когда Хонеккер ему еще в начале восьмидесятых годов "с радостным лицом" заявил, что он сам узнало деле Гийома только из газет.

Тогда уже становился заметным конец вынужденного мира между двумя наибольшими величинами СДПГ. Венер обвинял Брандта в неспособности ("Господин любит купаться в тепленькой водичке"), Брандт считал Венеру интриганом. Когда позднее Венера за его экскурсию в Восточный Берлин партийное правление СДПГ подвергло резкой критике, Брандт молчал по поводу упреков. Брандт был уже слишком измотан. Время после грандиозной победы на выборах в 1972 году было тяжелым для него - как с политической и личной точки зрения так и с точки зрения здоровья. Нефтяной кризис, забастовка авиадиспетчеров, спор с профсоюзом ЦТУ, резкие падения внутриэкономической конъюнктуры сделали жизнь Брандта тяжелой. От Венеры он не мог ожидать поддержки - наоборот: "дяде Герберту" новости от Ноллау пришлись как раз ко времени. Он хотел либо принудить Брандта к "напряженной работе" - или вообще нового канцлера.

Установлено, что Ноллау навел своего отца-покровителя у него дома 4 июня 1973 года. Он попросил о встрече по телефону, и сам его тон не оставлял сомнений в срочности вопроса. Дочь Венера провела гостя в комнате с камином, вскоре появился сам Венер. Ноллау начал: "Сейчас мы вышли на след одного давно разыскиваемого человека; его зовут Гийом, и он сидит в Ведомстве Федерального канцлера." Венер не выказал своего впечатления и воздержался от комментариев. Ноллау продолжал, что канцлер проинформирован, и за Гийомом полным ходом ведется наблюдение.

Но это не совсем соответствовало фактам. Ведь Ноллау и его сотрудники с самого начала решили, что слежка за Гийомом будет вестись лишь тогда, когда для этого будет "особый повод". То есть, только если Гийом будет вести себя таким образом, что возникнут подозрения о его разведывательной деятельности. Сыщики БФФ отказались от подслушивания телефона, потому что оно могло угрожать сохранению дела в тайне. Ноллау высказался и против наблюдения за Гийомом во время отпуска в Норвегии: "Группа наружного наблюдения может привлечь к себе внимание."

По сегодняшнему мнению Эмке это был случай скандального честолюбия: "Эта идея - отправить этого типа в отпуск и не говорить ни слова сотрудникам службы безопасности - невообразима и может быть понятна лишь с точки зрения его тщеславия, желая стать великим охотником за шпионами."

Но шеф БФФ и так не считал себя ответственным за безопасность канцлера.

Согласно пусть корректной, но - из-за его постоянных напоминаний о строжайшем сохранении подозрений в секрете - узколобого и близорукого ограничения компетенции, он совсем не заботился о вопросах безопасности. Ноллау ссылался на то, что в техническом смысле за открытую и секретную переписку и телефонные звонки находящегося в отпуске за рубежом канцлера должна отвечать внешняя разведка БНД. За безопасность самого канцлера отвечает группа безопасности Федерального ведомства уголовной полиции, а защита секретных документов, по мнению Ноллау, относилась к сфере ответственности шефа Ведомства Федерального канцлера Граберта.

Но ни Граберт, ни отдел безопасности не были проинформированы о намерениях Ноллау. То есть, Ноллау вовсе не мог исходить из того, что соответствующие службы приведены в состояние повышенной готовности.

Брандт же со своей стороны, полагал, что необходимые шаги уже предприняты. Перед парламентской следственной комиссией, созванной по требованию фракции ХДС/ХСС 6 июня 1974 года, Брандт заявил: "Я, само собой разумеется, исходил из того, что соответствующие службы сделали то, что они должны были сделать, и что тем самым риск, связанный с этим человеком вблизи меня, был уменьшен до возможного минимума.

У Федерального канцлера, в конце концов, есть и другие дела. Перед комиссией ему все еще казалось объяснимым, что он последовал предложению контрразведки: ничего не менять. Возможно, перевод на другую должность спугнул бы Гийома. Но вскоре Брандт понял, что лучше всего ему было бы положиться на себя самого. "Я, баран. никогда не должен был следовать совету другого барана!" Мы оставляем за читателем право узнать, кто был этот самый "другой баран". А затем, уже слишком поздно, Брандт нашел еще лучшее решение: "Можно было бы перевести Гийома на другое, менее важное место, никак не спугнув его. Специалисты не пришли к этой идее. И мои ближайшие сотрудники не пришли к этой идее. Мне следовало бы самому додуматься до этой идеи и настоять на ней!"

Человек, о котором тогда шла речь, сейчас сам разыгрывает возмущение: "Я не мог себе представить, что спецслужбы ФРГ используют собственного главу государства в качестве приманки. Они должны были бы предупредить и защитить Брандта, это значит, каким-то образом убрать от него шпиона. Меня ведь можно было бы с повышением отправить на другую работу! Но оставить меня там, чтобы получить новые улики, а в конце концов, утопить со мной и канцлера - это же было чудовищно."

В своих "Заметках", опубликованных его вдовой Бригитте Зеебахер-Брандт в начале 1994 года в FAZ - "Франкфуртской всеобщей газете" - Брандт подвергает самого себя весьма резкой самокритике. Он тогда, после того, как проинформировал в конце мая Граберта и Вильке о подозрениях, совершил "более чем одну дополнительную ошибку":

"Мне нужно было попросить Ноллау или Геншера обсудить все вопросы в связи с этим делом напрямую с Грабертом как с шефом ведомства. Тогда, может быть, дошло бы, что следует подключить и Уполномоченного по вопросам безопасности Ведомства Федерального канцлера."

Кроме того, Брандт впоследствии жалел, что ничего не рассказал о "предупреждении" Эгону Бару: "Он тогда вспомнил бы и сообщил бы мне, что он в свое время - как доказывает листочек в досье безопасности - предлагал Эмке отказаться от приема Г. на службу из-за наличия "противопоказаний". "

В конце концов, один полагался на другого, что комиссия Эшенбурга резюмировала так: "Чиновники Федерального ведомства исходили из того, что Ведомство Федерального канцлера само предпримет все надлежащие меры предосторожности в сфере безопасности. Напротив, Федеральный канцлер считал как само собой разумеющееся, что все необходимое сделают занимающиеся подобными делами службы. " Никто не предпринял необходимых шагов. "В этом случае вполне можно говорить о невидимом негативном конфликте компетенций. "

Итак, семья Гийомов в конце июня паковала чемоданы, чтобы следовать с Рут и Вилли Брандтами в тихую Норвегию. Для шпиона этот "отпуск", несомненно, означал вершину карьеры агента - его "звездный час", как он говорил позднее: "Я решил воспользоваться своим звездным часом. " Так он и сделал.

Брандт с женой Рут и младшим сыном Маттиасом полетели в Осло, свита канцлера вместе со служащими группы безопасности еще раньше двинулась в путь. Шпион, его жена Кристель и сын Пьер поехали за ними на своей личной машине. Но они выбрали другой маршрут поездки. По пути в Норвегию к месту отпуска они остановились в шведском городке Хальмстаде, к югу от Гётеборга.

Во время ужина в гостинице "Халландия" "разведчику мира" пришла в голову блистательная идея, которой суждено было сыграть решающую роль для успехов его дальнейших планов: в отеле он забронировал и номер на одну ночь на дату возвращения. Через пару дней он, уже в Норвегии, опустил в почтовый ящик открытку - замаскированную под "привет с курорта" от "Гудрун" "Петеру": "Дорогой, твоя Гудрун

ждет тебя с нетерпением 31 июля в 21. 00 в отеле "Халландия" в Хальмстаде. Она просто не может дожидаться. "

Городок Хамар среди озерного ландшафта на востоке Норвегии полон живописной притягательности. Позднее его имя само станет привлекать: как синоним цепи упущений со стороны служб безопасности ФРГ. При этом собственно местом действия и местом отпуска был не сам Хамар, а соседний с ним крошечное местечко Вангосен - идиллическое место, пожалуй, даже слишком красивое для шпионского гнезда.

Прежде всего, Вангосен изолирован. Правда, он не так далек от жилых мест и дорог, как предполагал, не зная местности, Гюнтер Ноллау ("в безлюдных норвежских горах"), но все-таки настолько тих, что один из посетителей, председатель СвДП и министр иностранных дел Вальтер Шеель в шутку заметил: "Хотел бы заметить, дорогой

г-н Брандт, что только председатель такой большой партии, как Ваша, может позволить себе отпуск в столь уединенном месте. Мимо моего места отпуска в Хинтерцартене проходят туристические тропы, и когда я с моей женой Мильдред сижу там на террасе, то я рад кивать проходящим путешественникам и таким образом даже в отпуске напоминать

избирателям о себе и о моей партии. "

Одним словом, Вангосен был раем для усердного шпиона, который и без того мог заниматься своим ремеслом без помех и без наблюдения!

Вместе с экономкой канцлера пара агентов сняла домик немного в стороне от дачи канцлера. Этот дом, как два года спустя определил Земельный суд в Дюссельдорфе, дал Гийомам "возможность спокойно заниматься своей разведывательной деятельностью".

"Деятельность" проходила перед глазами сотрудников служб безопасности из Федерального ведомства уголовной полиции и БНД, разместившихся на молодежной турбазе на расстоянии только около 200 метров от домика Гийомов. Но ни те, ни другие не были проинформированы о подозрениях против Гюнтера Гийома.

И, таким образом, они многократно передавали ему расшифрованные телексы из Бонна - в двух экземплярах, а документы с грифом "секретно" или "совершенно секретно" - под расписку.

Гийом снова оригиналы передавал канцлеру. А копии он собирал в своей собственной регистратуре, разместившейся в одном из ящиков для белья его одежного шкафа. Обработав (или только прочитав по диагонали) оригиналы, Брандт клал их, как и в Бонне, на угол своего письменного стола.

Гийом снова их собирал и обрабатывал в соответствии с поставленными пометками. Что было отмечено "ӨГІ." ("выполнено") или ^тΛ. d. Л. " ("в досье") сразу перемещалось в регистратуру в ящике для белья. Если ответы Брандта посылались в Бонн, Гийом для своего архива тоже получал копии.

Никогда прежде какой-либо шпион "холодной войны" не получал для себя документы так открыто "на серебряном подносе", как Гийом. Даже секретные и совершенно секретные документы он мог копировать в полном спокойствии.

Среди них, к примеру, было послание американского президента Федеральному канцлеру, лично отмеченное Ричардом Никсоном как "секретное" и "личное". В нем Никсон информировал Брандта о своем разговоре с французским министром иностранных дел Жобером в конце июня 1973 года. Речь в нем шла о проекте новой Атлантической Хартии для укрепления союза НАТО и о вопросе, как вовлечь в эту Хартию и французов, которые к тому времени уже вышли из военной организации Североатлантического Договора.

И многие другие телеграммы, например от посла ФРГ в Вашингтоне Гуидо Бруннера, были посвящены этой проблеме. Это были важные бумаги - но, собственно говоря, в них ничего не было потрясающего, как минимум, ничего, что касалось бы важнейшей военной области. Суд в Дюссельдорфе позднее, правда, определил, что депеши ясно показали глубину разногласий между США и Францией, то, как негативно французское правительство восприняло американские предложения, и как твердо и непреклонно оно стояло на своих позициях. В общем и целом, из них складывалась картина спора между разрозненными партнерами по блоку, взаимное доверие между которыми уменьшилось до минимума. Таким образом, очевидны стали трещины в западном оборонительном союзе.

Но ведь чтобы узнать это, СССР и ГДР, во всяком случае, не нужны были материалы Гийома. Достаточно было взглянуть в газеты, вроде "Вашингтон Пост" или "Ле Монд".

С этой точки зрения, для суда скопированный Гийомом секретный материал был важен лишь как улика, подтверждающая факт государственной измены.

Но были и другие, более опасные документы, например, записка Шееля о конфиденциальном разговоре с польским министром иностранных дел Ольшовским и протокол об ограничениях для посещений во время Всемирного молодежного фестиваля 1973 года в Восточном Берлине. Имея такие документы, ГДР на несколько месяцев получала преимущества в знаниях, позволявшие ей "прощупать" границу терпимости Федеративной Республики. Но и это преимущество не было долгосрочным.

Самым серьезным был тот факт, что Гийому в руки попали и секретные документы Федерального ведомства по защите конституции: среди них аналитические отчеты агентов в управляемой и во многом финансируемой Восточным Берлином Германской Коммунистической партии.

Так МГБ смогла разоблачить информаторов БФФ. Но даже без таких сведений Федеративная Республика могла не бояться за потрясение ее основ.

Горячая оперативная фаза Восточной политики Бонна уже завершилась, Договор об основах отношений подписан. А кроме того, не только у ГДР был супершпион в боннском правительстве, но и БНД располагала высококлассным агентом в Политбюро СЕПГ.

Валентин Фалин, тогда посол СССР в Бонне, рассказал нам, как ему об этом в 1973 году сообщил сам Вилли Брандт:

"Однажды Брандт даже показал мне отчет БНД о внутренних событиях на наивысшем уровне руководства ГДР и сказал: "Вы можете исходить из того, что мы очень точно проинформированы о том, что происходит в высшем учреждении ГДР. Это только вопрос нескольких часов, дней или недель."

Потому попытка нас перехитрить или даже обойти не оправдана. " Он исходит из того, продолжал Брандт, что руководство ГДР так же хорошо информировано о том, что делается в высших инстанциях Федеративной Республики. Оба немецких государства, ФРГ и ГДР, похожи на стеклянный дом. Все очень прозрачно. "

Брандт, должно быть, чрезвычайно доверял советскому послу Фалину - иначе как он

мог бы быть уверен, что Фалин не передаст эти сведения союзникам в восточноберлинском МГБ? У КГБ в то время еще сидели офицеры связи на Норманненштрассе. Кем был тайный агент БНД в Восточном Берлине - до сих пор не выяснено. Если бы его раскрыли, то ему угрожала бы та же судьба, что и бедной секретарше из приемной премьер-министра ГДР Отто Гротеволья, передававшей БНД новости из правительства ГДР. Ее расстреляли.

У Гийома было то преимущество, что он занимался шпионажем в либеральном правовом государстве.

Возможно, Вилли Брандт был так беспечен по отношению к восточному шпиону рядом с ним, потому что он сам в душе был сторонником теории стеклянного дома. Ведь, естественно, он и в Норвегии не забывал о том, кем мог быть его референт.

Журналистка Вибке Брунс, одна из публицистических поклонниц канцлера, сняла коттеджик вблизи дачи Брандта, о котором позаботилась для нее жена Брандта Рут. Она так вспоминает одно личное приглашение: "Однажды я пригласила Брандтов на обед и не хотела исключить Гийомов. Это было ошибкой. Тогда я, конечно, еще не знала, что уже знали Брандты: что Гийом, возможно, был шпионом. Но их отвращение к нему уже было достаточно заметно. Это я заметила как по реакции Рут Брандт, так и по реакции Вилли Брандта."

Но, в отличие от мужа, Рут Брандт в Норвегии еще ничего не знала о подозрении против Гийомов. Она только в Вангосене познакомилась поближе с этой семейной парой. Они оба были ей очень несимпатичны. Всем заправляла Кристель Гийом, ее муж был тише, вспоминает она. Их экономка Инге, жившая в домике Гийомов, рассказывала Рут Брандт, как отчетливо пара давала ей понять, что они сильно недовольны необходимостью делить свой дом еще с одной постоялицей.

В конце достопримечательного отпуска Гийом обратился к телохранителю Брандта Ульриху Баухаусу:

"Ули, ты ведь летишь с шефом прямо в Бонн. Не можешь ли ты взять для меня в самолет "дипломат"?"

Референт продолжил, что в нем важные документы, все, что накопилось в Хамаре, что он не хотел бы при возвращении держать их в личной машине. "Окажи мне услугу!

Дома в бюро отдай "дипломат" фройляйн Бёзелът, она спрячет его для меня. А я отдохну еще пару деньков!"

Главный комиссар уголовной полиции Баухаус оказал Гийому эту услугу. Он ведь не мог знать, что в этом чемоданчике не было никаких секретных документов, а лишь туристические безделушки - сувениры из Норвегии.

А настоящий интересный материал скрывался в "дипломате", который, как две капли воды был похож на первый. Этот "дипломат" лежал в машине Гийома, направлявшегося в Швецию.

Вечером 31 июля 1973 года семья Гийомов снова остановилась в отеле "Халландия" в Хальмстаде. После ужина в отеле играл оркестр, Пьер Гийом танцевал фокстрот со своей матерью, а Гюнтер Гийом поднялся в номер, вынул из шкафа "дипломат" и отсортировал документы, которые должны были срочно отправлены в Восточный Берлин.

На полке отеля он разложил секретные телеграммы в адрес канцлера. Затем он спустился в бар гостиницы, где с бокалом "перно" сидел единственный человек: "Петер", друг

"Гудрун". Они обменялись только парой слов, затем чужак исчез с ключом от номера Гийома.

Через какое-то время шпион ГДР вышел на автостоянку. Друг "Гудрун" сделал свою работу: все документы были сфотографированы. Через окошко машины он вернул Гийому ключ.

Затем он уехал - в сторону Треллеборга - на паром, идущий в Росток.

В первый рабочий день в Ведомстве Федерального канцлера в Бонне секретарша Гийома фройляйн Бёзелът сразу же открыла сейф, где лежал "дипломат"-близнец: "Ваши документы, г-н Гийом. Вам привет от г-на Баухауса."

По приказу Ноллау за Гийомами нужно было следить лишь тогда, когда для этого был "особый повод", то есть, например, если референт канцлера предпринимал какую-то поездку или вел себя каким-то образом, вызывающим подозрения в конспирации. Этому расплывчатому приказу о слежке нужно быть благодарным за то, что пара агентов за 320

дней с конца мая 1973 года, когда подозрение против них укрепились, до горького конца в апреле 1974 года была под наблюдением аж целых 14 дней! Постоянное наблюдение не могло осуществляться уже по причине нехватки людей, оправдывался позднее начальник отдела БФФ Альбрехт Рауш.

Защитникам конституции было трудно справиться с Гийомами. Ноллау надеялся, что сможет, например, поймать Кристель с поличным во время ее встреч с курьерами. Но она в Бонне очень редко встречалась с курьерами МГБ очень редко, а другой возможности разоблачить супругов-шпионов у наблюдателей не было. Одна за другой "наводки" оказывались ошибками. Служащие БФФ вели себя так заметно, что Кристель Гийом скоро что-то заподозрила.

Так, например, 13 августа 1973 года она встречалась с одной женщиной в боннском ресторане под открытым небом "Кассельсруе". Наблюдатель Вурм сразу заподозрил конспиративную встречу и обрадовался: наконец-то что-то есть против нее! Но результат был совсем плох. Обе женщины беседовали, затем расплатились и сели в машину Кристель. Вурм снимал фотоаппаратом все, что казалось ему подозрительным, каждое

движение руки, каждый взгляд. В боннском "сити" женщины разошлись, и незнакомка продолжила свой путь, меняя разные средства общественного транспорта. Вурм следовал за ней до Кельна. После почти четырехчасовой погони вдоль и поперек города он все-таки упустил ее.

Но отчаянные старания Вурма получить уличающий ее материал предостерегли Кристель. В "Кассельсруе" окутанная тайной незнакомка заметила профессионального филера. Гийом в своих мемуарах - для маскировки? - называет ее "безобидной подругой Кристель по отпуску", с которой она обсуждала проблемы брака: "Я сошла с ума, когда подумала, что меня фотографируют, теперь мой муж уже посылает следить за мной частного детектива!"

Предположение Кристель, что за ней следят, упрочилось. Она еще раньше однажды почувствовала в универмаге, что за ней наблюдают, и по этой причине сорвала одну встречу. Гийом пока ничего не подозревал.

"Возможно, ты покорила чье-то сердце, и за тобой ходит ухажер", шутил он, когда Кристель рассказала ему о своих подозрениях. Он предполагал паническую реакцию.

"За мной был не один молодой парень, там таких как минимум трое!" - возразила Кристель. Она никак не могла избавиться от своих подозрений.

Маркус Вольф так сегодня оценивает разведку тогдашнего противника и ее методы наружного наблюдения:

"То, что Гийом получил должность в Ведомстве Федерального канцлера, и что при этом не уделялось никакого внимания расплывчатым "наводкам" со стороны Федерального ведомства по защите конституции и БНД, можно понять, учитывая большой поток беженцев из ГДР! Не это основной момент. Но слежка проводилась настолько непрофессионально, что обе женщины распознали ее с первого взгляда. Филер выделялся даже внешне. Женщины увидели объектив, высунувшийся из его портфеля. В ГДР у нас были совсем другие возможности для конспиративных снимков. Я думаю, наш подход был намного профессиональней, чем подход у Федеральной разведывательной службы."

Но Гийом по-прежнему полагал, что он в безопасности. Во время сезона летних отпусков в Бонне мало что происходило. Начался "мертвый сезон", и "канцлерский шпион" со всем спокойствием принялся за свою работу. До сей поры страх разоблачения оказывался необоснованным. Почему сейчас должно было быть иначе? Случаи подобного плана происходили уже часто:

В Маастрихте Гюнтер и Кристель однажды снова встретились в ресторане с "Арно" и "Норой". В это время они были единственными людьми, которым Гийом и его жена могли абсолютно доверять. Вечер проходил весело, пока "Нора" внезапно не сказала:

"Если он это серьезно имеет в виду, то сейчас мы все вместе окажемся у них на пленке." За соседним столиком крутился один из посетителей с фотоаппаратом. Он навел его точно на две пары агентов. Гийом, как фотограф, опытным взглядом быстро установил: "Он использует объектив с очень широким углом! Мы останемся на фоне в тумане!" Только не терять самообладание - звучал девиз. Все четверо дружески улыбнулись соседям за тем столиком.

Но в этот раз дело обстояло иначе. Возвращаясь из Ведомства Федерального канцлера домой на улицу Убирштрассе, шпион ГДР почувствовал, что его преследует чужая машина. Он решил прислушаться к предположениям Кристель и проверить, избрав испытанную тактику. Он уменьшал скорость, неожиданно менял маршрут - но избавиться от преследователя не удалось! Но, как показалось, когда тот увидел, что за рулем сидит Гюнтер, а не Кристель Гийом, то оставил его в покое. Установлена ли слежка только за Кристель? Гийом не знал, как это объяснить. Он додумался лишь до одного объяснения. Кристель решила устроиться на работу в министерство обороны. Не была ли слежка рутинным мероприятием в связи с этими ее планами? Но что бы ни стояло за этой операцией - теперь и Гийом был настороже. Неумелое наблюдение БФФ напомнило шпиону об осторожности.

А в это время канцлер планировал поездку в Южную Францию. Его целью был Ла Круа-Вальмер на Лазурном берегу. Брандт хотел там немного отдохнуть и в доме Харппрехта "насладиться его присутствием", как он писал позднее. Своего сочинителя речей Харппрехта Брандт ценил как остроумного и мудрого собеседника.

Вильке, получивший задание выбрать для Брандта сопровождающего, в этот раз осознанно не назначил для выполнения этой задачи Гийома. Вильке и так не любил Гийома, а кроме того Брандт дал ему понять, что он вовсе не обязательно хочет ехать именно с Гийомом. Но от прилежного референта не так-то легко было отделаться. Он взял оставшиеся дни своего отпуска и по собственной инициативе поехал, обгоняя "шефа", к его месту отдыха. Вместе с чиновниками БНД Гийом там составил "передовую группу", которой надлежало заниматься подготовкой отпуска.

Гийом жил вместе с персоналом службы безопасности в скромном отеле "Ротонда".

После одной веселой вечеринки с выпивкой Гийом, хорошо нализавшись, заснул на своей кровати. Когда из его кармана выпала записная книжка, один из сотрудников безопасности, нагнувшись, поднял ее и засунул назад в карман Гийому. Тот пришел в себя на мгновение, взглянул на мужчин и пробурчал спросонья: "Свиньи, вам меня не

взять. "

Сотрудники БНД ничего не сообщили о происшедшем. И Брандт тоже узнал лишь намного позже об этом эпизоде - одном из многих в долгой череде упущенных шансов разоблачить шпиона.

Так как он все равно уже был здесь, Гийом, как обычно, играл роль придворного гофмейстера Брандта. Харппрехт вспоминает сегодня:

"Он вошел, как только мы приехали. Он с бравым видом тащил кульки с покупками. Ведь нужно создавать запасы, чтобы можно было кормить Федерального канцлера и сопровождавших его людей. А это Гийом делал как настоящая немецкая "правая рука" - хорошо, качественно, без возражений и даже со своим несколько черным берлинским юмором.

Но мне показалось все же, что он здесь очень неспокоен. Однажды он страшно напился и шатался, едва держась на ногах, в Сан-Тропе в порту вокруг какого-то памятника. Он всегда пытался быть полезным, постоянно старался быть вблизи.

Однажды вечером мы сидели, непринужденно беседуя. Речь зашла об изменениях, происходящих в сфере влияния Советской империи. Гийом все время бегал вокруг нас с фотоаппаратом. Брандт сказал, что там меняется сама атмосфера. Я возразил - и почему-то взглянул на Гийома - что, по моему мнению, вся система на Востоке базируется на страхе, на запугивании. При этих словах Гийом вздрогнул. Я заметил это, мне это показалось очень странным. "

По вечерам Гийом часто ехал гулять на служебном автомобиле - катался, проверяя, нет ли за ним "хвоста". Во время одного такого выезда он посетил музей Пикассо в Валлаури. Здесь он встретился с "высокопоставленным человеком" из восточноберлинского центра, который посоветовал Гийому бежать. До своего отъезда в Южную Францию он разговаривал с "Арно", утверждал позднее Гийом. Он тогда сказал, что кто-то в центре заинтересован в прямой встрече с ним. Вот так это якобы и произошло. Состоялась ли на самом деле эта сомнительная встреча - об этом было много домыслов. Ни от кого иного, как от самого шпиона мы теперь знаем, что он выдумал "высокопоставленного человека", под которым предполагали самого Маркуса Вольфа.

Маркус Вольф сегодня клянется, что ничего не знал о слежке за Гийомом. Связи были почти полностью заморожены по соображениям безопасности. Гийом сам ничего не сообщал МГБ о наблюдениях. А особого наставления о проведении мероприятий по подготовке к побегу и так не было нужно: на этот случай у Гюнтера и Кристель Гийомов уже давно была инструкция, гласившая: при малейших признаках наблюдения немедленно начинать возвращение.

Бывший шеф Главного управления разведки так говорит об этом: "На случай определения слежки у Гийома была четкая директива. При первых признаках, что это не обычная рутинная перепроверка, которая должна была проводиться по отношению к его жене - а она в то время хотела получить место секретарши у министра обороны Лебера, что, конечно, тоже не было совсем неинтересным для нас, - нужно было срочно "смываться". "

Экс-агент сегодня решительно опровергает это: "Такого приказа не существует. Я ведь не мог просто так выбросить мое ружье в траву. Мне нужно было держаться - до конца. "

За Гийомом следили. Но БФФ, как и прежде, оставалось без доказательств.

Подслушивания телефонов не было, заявил перед судом ответственный руководитель группы наблюдения. При слежке чиновники Федерального ведомства не заметили ничего важного. Гийом выделялся своим конспиративным поведением, сказал позднее один свидетель на процессе против "канцлерского шпиона". На вопрос о примере он добавил, что Гийом иногда ездил на машине слитком медленно и сворачивал то в одну, то в другую сторону, затем возвращался и снова ехал по той же дороге.

Но никто не засек Гийома на конспиративной встрече и не видел, как он передает кому-то какой-то документ. Вся слежка оказалась безрезультатной. Без улик не могло быть обвинения. Федеральный Генеральный прокурор Бубак не видел, что можно было бы предпринять.

В Ведомстве Федерального канцлера все шло по-старому. Гийом, как и прежде, имел доступ ко всем заседаниям и документам. Ему доверяли это даже во время самой горячей фазы наблюдения.

Тем не менее, он был полностью уверен, что за ним следят. По пути во Францию немецкие коллеги Джеймса Бонда даже не удосужились заменить их кельнский автомобильный номер. Ноллау лично связался с шефом французской контрразведки. В договоренном месте встречи недалеко от границы французы должны были взять на себя наблюдение за Гийомом. Ноллау сообщили, что наблюдение было непрерывным. Но никакой "наводки" на разведывательную деятельность получено не было.

После возвращения Гийомов из Франции пара агентов заметила еще что-то: на Убирштрассе, как раз напротив их жилища устроился какой-то чиновник службы безопасности в жилом автомобиле. Гюнтер и Кристель ежедневно из своего окна могли наблюдать смену поста филеров.

Почему Гийом не воспользовался возможностью, чтобы убежать? Почему он не последовал инструкции из Восточного Берлина?

Все было уже организовано, побег давно разработан. А он все равно терпеливо

оставался в "логове льва". Маркус Вольф сегодня ломает себе голову по поводу решения своего ставшего знаменитым сотрудника: "Я могу только попытаться объяснить это с точки зрения психологии. В противном случае мне придется принять его собственное объяснение. Он неправильно оценил серьезность положения, тут присутствовало еще и определенное легкомыслие, которое обычно возникает за то время, пока все идет хорошо. Кроме того, он не хотел, просто так, без предупреждения, оставить на произвол судьбы жену и сына."

Действительно ли у Гийома сложилось неверное представление о ситуации? Он был совершенно уверен, что за ним следят. И он, как минимум, должен был предположить, что круг вокруг него скоро замкнется. Было ли это легкомыслием? Да - с точки зрения его заказчика, Гийом, возможно, проявил легкомыслие, решив остаться. Но кто может заглянуть во внутренний мир человека? Какие изменения испытывает сознание человека, который почти восемнадцать лет живет в одном мире, но тайно служит другому?

В 1956 году Гюнтер Гийом покинул ГДР и попал в свободное общество. Его сын Пьер - дитя Запада и шестидесятых годов. Он уважал Брандта, расклеивал его предвыборные плакаты, участвовал в демонстрациях за мир, обклеил чемоданчик с рацией, которую его отец использует для радиопереговоров с Восточным Берлином, антивоенными наклейками. Часами он дискутировал с отцом о политике и ему - "Юсо" - "молодому социалисту" не нравились консервативные убеждения референта канцлера.

Пьер искал идеалы. Его мировоззрение сложилось на Западе.

Но и его отец Гюнтер тоже уже укоренился в этом западном мире. Почти два десятилетия он был вдали от реалий ежедневной жизни ГДР. Могла ли "другая Германия" быть для него чем-то большим, чем загромождавшим память призраком, расплывчатым представлением?

Сегодня он совершенно откровенно признает: "В те годы, когда я был вне ее, у меня было идеальное представление о родине. Только вернувшись домой, я познакомился с реальностью там."

Гийом любил путешествия и питал слабость к экзотической еде. В ресторанах он высоко ценил приятную ухоженную атмосферу и вежливых официантов. Он был в восторге от "прогулок вдоль живописного берега Средиземного моря" и мечтал об отпуске в Греции.

Внимательная Вибке Брунс тогда развивала свое подозрение: "Мне казалось, что Гийом захотел выйти из игры. Он чувствовал, что за ним охотятся. И он действительно испытывал сильное чувство восхищения Вилли Брандтом. Он не разыгрывал это восхищение. Это отчетливо чувствовалось. Его, несомненно, не устраивало бы, внезапно предстать перед ним в образе Иуды. Как он еще любил свою ГДР, я не могу сказать. Но он любил западный образ жизни, он например, всю жизнь охотно ел бы лягушачьи лапки.

Это нужно только себе представить! В ГДР он, конечно, их не увидел бы. И во всем остальном он привык к нашему стилю жизни. У меня тогда было чувство: он вовсе не хотел больше быть шпионом."

Забудь ГДР, Маркуса Вольфа и свое задание, начать новую жизнь - не возникали ли у Гийома такие мысли? Сегодня агенту на пенсии, само собой разумеется, приходится дистанцироваться от таких предположений. В конце концов, никто не хочет выглядеть проигравшим.

Вибке Брунс считает так: "Если этот человек хочет теперь разобраться с самим собой, ему все равно приходится строить из себя большого парня. Эти вещи он вытеснил из головы. Но все равно я чувствовала, что он искал выход. Он однажды сам признался в этом мне: Он хотел "сойти", начать новую жизнь, гулять вдоль берега, быть свободным."

Много лет Гийом служил двум господам: "В моей жизни было два мужчины, которым я пытался честно служить - как-бы противоречиво это не звучало - это были Вилли Брандт и Маркус Вольф", - объяснял он позднее. Не пытался ли Гийом так рационализировать шизофрению своего раздвоенного бытия, чтобы поставить его на службу туманному "великому делу"? Гийом, ангел мира, патриот, человек, улучшивший мир?

Когда Брандт получил Нобелевскую премию мира, его референт и искренний поклонник, по собственному признанию, был очень рад. Он считал, что они боролись за одну и ту же цель:

"Я был на его стороне партизаном мира. Мы тянули за один канат."

Затем Гийом снова заявлял, что он настоящий патриот, который почти двадцать лет занимался конспиративной работой - в стане классового врага, что за жертва! Только задание защищало его от раздвоения личности, задание "в интересах лучшего дела в мире." Потом: "Самое главное - не забыть, кто ты в действительности - разведчик на службе мира и социализма."

И тем не менее, иногда ему казалось, что он забыл, кто он. Вибке Брунс нашла для этого приемлемое объяснение: "Его неприметность была частью легенды. Если кто-то так долго живет в Западной Германии, вживается в наш образ жизни, то он не только притворяется. Я не могу этого представить. Ведь шпион, конечно, не бегаёт вокруг, постоянно повторяя про себя: "Я шпион, я должен вести себя незаметно. ""

Его роль преданного референта была не только чистым обманым маневром. Его восхищение Брандтом было искренним. Гийом не только действовала как актер, прекрасно идентифицировавший себя со своей ролью. Он олицетворял собой не только

мастера перевоплощения, которому приписывали "естественный дар к разведывательной деятельности." Его активность для СДПГ и Вилли Брандта была выражением его второй "лояльности". Возможно, в конце эта лояльность оказалась сильнее связи со своими первоначальными заказчиками?

Похвала Вилли Брандта для него всегда значила больше всего. Даже сегодня в его голосе слышится сожаление, когда он говорит о своих шефах в СДПГ: "Они все были мне даже очень симпатичны. Я охотно работал в партии, полностью выкладывался, не только для Вилли Брандта, но и для Георга Лебера и других. Мне это доставляло удовольствие."

В какой-то степени это было "тактикой страуса", когда Гийом в середине апреля 1974 года снова отправился в поездку во Францию - побег от действительности и от себя самого, под лозунгом: они меня, наверное, все равно не поймут.

Ранним утром "канцлерский шпион" сорвался в путь. Уже скоро он предположил, что его преследуют по пятам. Гийом снова и снова проверял "хвостов" маневрами с торможением и ускорением. Они действительно, висели за ним. Масштаб этой слежки дал ему, наконец, понять, что речь идет не о простой рутинной проверке. На границе французы снова сменили своих немецких коллег. Гийом ехал в Сен-Максим на Лазурном берегу. Пару дней он наслаждался средиземноморской средой, которую всегда так любил. На обратном пути он ускользнул от своих филеров, ночью, при транзите через Бельгию.

Снова у Гийома была свобода решения. В последний раз ему предоставлялся шанс исчезнуть. Почему он им не воспользовался? "Великий патриот" тогда не хотел бежать по соображениям морали. Он не хотел оставлять своих в беде. Неужели он не мог взять их с собой? "Это было просто невозможно", - говорит он. Или он этого даже не хотел? Поздним вечером 23 апреля 1974 года Гийом, наконец, доехал до своего дома в боннском районе Бад Годесберг. Он пил на кухне пиво и раздумывал о будущем.

Наблюдение, конечно, продолжится, его могли заметить во время маленькой агентурной явки в Южной Франции. Но все еще не было достаточных улик его разведывательной деятельности. Он, собственно, еще мог спать спокойно.

Но шпион не посчитался с Федеральным Генеральным прокурором. Он требовал наказания преступления, так или иначе. Правда, еще не было улик - но, в конце концов, уже было постановление судьи об обыске.

На следующее утро часы показывали 6. 23, как тяжелый сон Гийома вдруг прервал звонок в дверь. Он накинул халат поверх пижамы и, босой, двинулся к двери. Когда он открыл, в общем коридоре стояли пара мужчин и женщина.

"Вы г-н Гюнтер Гийом?"

Гийом мгновенно понял, что им нужно.

"Да, а в чем дело?" - тихо спросил он.

"У нас есть постановление Федерального Генерального прокурора на Ваш арест."

С этими словами сотрудники БКА слегка втолкнули его назад в прихожую квартиры.

Гийом чувствовал себя в халате как-то неподобающе одетым. Он увидел сына, с широко раскрытыми от удивления глазами, стоявшего в дверном проеме своей комнаты.

Его следующая фраза была предназначена и сыну тоже. "Я прошу Вас", - воскликнул он,

"я гражданин и офицер ГДР - прошу Вас уважать это!"

Как освобождающий удар, вспоминал он позже, подействовали эти слова на самого Гюнтера Гийома, OibE - "Offizier im besonderen Einsatz" ("офицера на спецзадании"). Когда он понял, что не сможет долго избежать разоблачения, то - по необходимости - снова вернулся к своему первоначальному "Я". Не доказывал ли Гийом таким образом и своему сыну, что он не трус? Его великий образец Пауль Лауфер однажды вдолбил ему в голову - не сдаваться, даже "если что-то срывается. Мы не можем позволить запугать нас, даже если нас поймали; у нас и тогда есть еще одно задание - стать примером для последующих за нами товарищей."

Но признание Гийома исходило вовсе не только из чистых героических помыслов.

За ним скрывалась и смесь неосознанной наглости и мгновенно сформулированного расчета.

Думал ли он о том, что его сенсационное высказывание распространится по миру со скоростью молнии? Через Немецкое Агентство Печати DPA оно, наверное, разошлось бы своевременно, чтобы успеть предостеречь "Арно" и "Нору".

"Расчет" Гийома оказался верным. "Арно" сидел в поезде на Кельн, когда последовал звонок ему из восточно-берлинского центра. "Нора" как раз в этот день, 24 апреля, зарегистрировалась по новому месту жительства в западно-берлинском районе Нойкельн под именем "Урсулы Бер". Она мгновенно сорвалась в Восточный Берлин.

Своим возгласом Гийому, осознанно или нет, удалось спасти от разоблачения не только своих агентов-связников, но и двух его единственных друзей, остававшихся верными ему долгие годы.

Следуя традиции арестованного в 1942 году в Париже руководителя "Красной капеллы"

Леопольда Треппера, Гийом при аресте настаивал на своей офицерской чести.

Но это фраза все-таки была не только его эмоциональным излиянием, но и официальным признанием. Ведь до этого момента Федеральный Генеральный прокурор не располагал

никакими твердыми доказательствами двойного существования Гийома. И что было бы с ним, если бы он тогда промолчал?

Весь процесс против супружеской пары агентов Гийомов почти полностью основывался лишь на косвенных уликах. Настоящими доказательствами для суда служили только спонтанный возглас Гийома и найденный у него в квартире шпионский фотоаппарат.

Шеф БФФ Ноллау еще ничего не знал. 24 апреля он находился в Брюсселе. Лишь вечером он по телефону узнал от одного сотрудника боннской группы безопасности, как "это" прошло.

"Вы еще не знаете об этом?" - спросил его чиновник. "Гийом сознался."

Эту новость Ноллау услышал с облегчением. Представление доказательств теперь намного упростилось, и он избавился от своей большой заботы. Готовить процесс должны были Федеральная прокуратура и группа безопасности. Работа Ноллау, казалось, завершилась. За что он отвечал, а за что нет - это верховный защитник конституции всегда знал совершенно точно.

Но когда немного позже президент Федерального ведомства уголовной полиции Хорст Херольд поделился с ним одной пикантной новостью, то Ноллау снова проявил бурную активность - и тем самым столкнулся с горой камней, о которой несколькими днями спустя споткнулся Вилли Брандт. Херольд сообщил ему о допросах чиновников службы безопасности Брандта. Ульрих Баухаус, которому Гийом в Норвегии доверил перевозку "дипломата"-дублера, подробно распространялся о якобы необузданной интимной жизни Брандта. Ему угрожали тюрьмой, если он не даст показаний, писал позднее Баухаус Брандту. Его и его коллег вынудили, по его словам, дать показания, смысл которых они до сих пор не поняли.

Ноллау снова подключил Венера и сообщил ему о своих пробудившихся опасениях, которые он уже высказывал и Херольду:

"Если Гийом выложит эти пикантные детали на основном судебном заседании, Федеральное правительство и Федеративная Республика будут вконец опозорены."

А с другой стороны, ГДР, которую, как был уверен Ноллау, Гийом, естественно, информировал обо всем, получила средство, чтобы унижать и оскорблять достоинство любого правительства Брандта и СДПГ.

На Венера отчет Ноллау произвел сильное впечатление. "Завтра я увижу его в Мюнстерайфеле", - заметил он таким пророческим тоном, как это мог сказать только один Венер.

В небольшой город Мюнстерайфель Брандт пригласил руководителей СДПГ и профсоюзов для непринужденного обмена мнениями о будущем страны и партии. Здесь в отсутствие всех Венер воткнул канцлеру нож в грудь: он еще не прямо порекомендовал Брандту уйти в отставку, но дал ему понять, что он не будет ей противиться.

Для чувствительного Брандта это было почти настоящим ударом кинжала. Он услышал об аресте Гийома в аэропорту, когда возвратился после государственного визита в Египет. Геншер и Граберт встречали его с постными минами, как у мертвецов.

"Я уже тогда почувствовал недоброе", - вспоминал он позже. Роковая весть поразила его как раз в момент слабости. Он был физически ослаблен, страдал от зубной боли и от кишечной инфекции, подхваченной на берегах Нила.

Ночь в Мюнстерайфеле принесла решение. Брандт, после некоторой паузы, подал в отставку. Афера Гийома не была, собственно, ее причиной, а лишь, самое большее, поводом. Но она открыла ящик Пандоры. Ее противные запахи лишили ослабленного и вялого Брандта последнего желания сохранять за собой пост канцлера.

"Канцлерский шпион" сегодня пожимает плечами, когда говорит: "Все социал-демократы, конечно, справедливо были злы на меня. Они еще сегодня видят перед глазами этот май 1974 года, когда канцлер ушел в отставку из-за шпионской аферы. Мне очень жаль, но я ничего не могу изменить."

Ему жаль человека, чьим доверием он злоупотреблял - Вилли Брандта.

В остальном Гийом не показывает ни признаков раскаяния, ни самокритики. Он совершенно точно представляет себе и объясняет другим свою историю. Он видит себя все еще защитником мира, борцом за доброе дело. Только очень жаль, сожалеет он сегодня, что правители не всегда прислушиваются к разведчикам. При этом он ссылается на великий для него образец: на Рихарда Зорге:

"Он из Японии предупредил о нападении немецкой армии на Советский Союз. Сталин не прислушался к предостережению." Но от чего мог бы предупредить свое правительство Гюнтер Гийом? От того, что Брандт действительно серьезно собирается проводить в жизнь свою Восточную политику?

Не чувствуется ни малейшего признака сомнений, когда Гийом говорит о своем разведывательном прошлом. Не так уверен он лишь в одном пункте: правильно ли он поступал по отношению к собственному сыну? Он был привязан к Пьеру, он любил его, и мог бы с удовольствием предложить ему что-то больше, нежели то разрушенное представление о мире, сложившееся у тогда семнадцатилетнего Гийома-младшего во время и после ареста его отца. В своих мемуарах папа Гийом погружается в приятные воспоминания. Он сообщает там и о поездках с попойками, и о воскресных пикниках с несовершеннолетними девочками, и о первой любви Пьера в Бад Годесберге.

Когда отца арестовали, сын Пьер растерялся. Гийом попытался побыстрее дать ему еще пару советов для жизни: "Не теряй доверия!" - "Не позволяй убедить себя в том, чего ты сам не знаешь! и "Выше голову, ты еще услышишь о нас!"

В тюрьме Гийому стало ясно, насколько парадоксальны были его слова.

Бессонными ночами в заключении он размышлял, как юноша сможет справиться со своей новой ситуацией.

А его жена? С Кристель было покончено. Уже долгие годы между ними была только товарищеская связь. Для него она была слишком властной, слишком яркой.

Иногда он убегал от нее - обычно сам, бывало, с Пьером. Тогда отец и сын устраивали себе где-нибудь мужской отпуск на пару дней. Отец с гордостью наблюдал, как его сын становится элегантным молодым человеком. Еще в тюрьме он озабоченно спрашивал у бабушки Эрны Боом, которая с внуком Пьером позднее вернулась в ГДР, как обстоит у Пьера с сыпью на коже, и не может ли ее ухудшить начинавшаяся пробиваться борода.

О Кристель в то время Гийом уже говорил редко и неохотно делает это и сейчас. Во время процесса пара - эффектно для прессы - показывала посторонним свое дружеское согласие. После возвращения в ГДР они вскоре развелись. По окончании конспирации у них уже не было причин держаться вместе.

В 1981 году Гийома освободили. В ГДР он был награжден не только орденом "За заслуги", но и виллой на озере.

Объединение Германии снова сделала его - на сей раз уже легально - гражданином ФРГ. Возникли ли у Гийома за семь лет заключения новые представления о жизни?

Внешне это, конечно, незаметно. Он все еще рассматривает свой шпионаж у Брандта как "шедевр". Историю своей двойной жизни он изображает как захватывающий роман, приключение, в котором участвует только один одинокий герой - Гюнтер Гийом, "разведчик мира", девиз которого: только смелым улыбается удача.

Таким его должен был видеть и сын. Но его он потерял. Пьер отрекся от отца и взял девичью фамилию своей матери: Пьер Боом сегодня полностью на стороне Кристель, которая с горечью вспоминает о годах с супершпионом: "Потерянное время, потерянная жизнь."

Под этим она подразумевает не шпионскую работу. Ее она одобряет. Возможно, она имеет в виду многочисленные "амуры" пройдохи Г. Г. Как бесцеремонно он обманывал ее как раз в Бонне, она узнала лишь на допросах. Экс-шпион молчал долго. А теперь он открыто говорит:

"Кристель вообще лучше всего не стоило бы вступать со мной в брак. Я не могу быть верным." До такой самокритики бывший разведчик дошел лишь в последние годы.

Он оправдывал путь своей жизни. Здесь все ясно и логично. Все совпадает. Есть ли сомнения, оправдалось ли это все? Конечно же, нет! И, наконец, он находит, что "хорошо, что сейчас достигнуто единство Германии." Объяснение удобно: "Когда я был

за рубежом, у меня были только идеальные представления о родине. С сегодняшней точки зрения, полностью зная ситуацию в ГДР, я совсем не плачу о ней."

Неужели мы ожидали, что Гийом все еще будет клясться в верности ГДР?

Возможно, он не плакал бы о государстве СЕПГ уже в году 1974, если ему представился бы шанс остаться в ФРГ со своим "приемным отцом" Брандтом. Он мог бы и дальше блистать своим организаторским талантом на службе Боннской республике. Для своего сына он оставался бы внимательным, любящим отцом. Время от времени он ездил бы в Южную Францию, для наслаждения души. А у лягушачьих лапок есть своя притягательная сила. Такой жизни лишило его не только Федеральное ведомство по защите конституции, но и ГДР.

Дилер

Понедельник, 20 мая 1985 года, половина четвертого утра.

В номере 763 отеля "Рамада Инн" на Монтгомери Авеню в Роквилле, штат Мэриленд, звонит телефон.

Джон Уокер вздрагивает. Он бодрствует. Несмотря на раннее утро, он не сомкнул глаз целую ночь. Слишком много мыслей кружатся в его голове. Слишком много за последние часы пошло не так, как следовало!

После короткой паузы он подымает трубку: "В чем дело?"

"Мистер Джонсон?" - спрашивает взволнованный голос.

"Да, что Вам нужно?"

"Сэр, это Вам принадлежит бело-голубой "Форд АстроВэн"?"

"Да."

"Мне очень жаль, сэр, но какой-то пьяный ударил Вашу машину на нашей стоянке гостиницы. Я прошу Вас немедленно спуститься в холл, чтобы запротоколировать происшествие."

"О'кей", - отвечает Джон Уокер, разыгрывая спокойствие, "я сейчас буду."

Но он совсем не спокоен. "Не старый ли это трюк?" - спрашивает он себя, одевая брюки, и медленно подходит к окну. Осторожно он слегка сдвигает в сторону занавеску.

Все спокойно, по крайней мере, снаружи. "Слишком глупо", думает он, "мне следовало бы поставить микроавтобус в зоне видимости."

События последних часов в замедленном режиме прокручиваются у него перед глазами, пока Джон Уокер завязывает шнурки своих высоких кроссовок.

Пятнадцать часов назад он покинул свой дом в Норфолке, штат Вирджиния, поехал по шоссе № 64 до Ричмонда, а затем свернул на шоссе № 95 по направлению к Вашингтону, Федеральный округ Колумбия. После четырех часов скуки он наконец достиг шоссе Капитал Белтуэй, которое, пересекая реку Потомак, ведет прямо в штат Мэриленд. Оттуда он еще около 10 минут проехал по дороге № 270 по направлению к Фредерику, затем съехал "на местном съезде № 5 Роквилл". На первом перекрестке после съезда с шоссе он свернул налево, проехал километр по местному шоссе - и чуть раньше пяти часов вечера Джон Э. Уокер он же Джон Э. Джонсон заполнил формуляр в отеле и получил ключ от номера 763.

Как обычно, когда он останавливался в отеле "Рамада Инн" в Роквилле, чтобы передать КГБ секретный материал, Джон и на это майское воскресенье запланировал три часа, чтобы отдохнуть перед тем как вечером опустить в тайник (dead drop) очередную порцию информации, не торопясь поужинать (стек с салатом и картофелем) и тщательно изучить описание дороги к "мертвому почтовому ящику" Советов.

Около восьми часов вечера он двинулся в путь - строго по инструкции КГБ.

Каждый светофор, каждый поворот, все особенности дороги, точные расстояния, даже продуманные маневры, с помощью которых Джон смог оторваться от возможных преследователей, были описаны в памятке КГБ, которую ему прямо в руку положил его советский ведущий офицер во время их последней встречи в январе в Вене. Паранойя русских вовсе не возникла на пустом месте: все машины советского посольства в США сразу определяются ФБР по номерным знакам. К тому же, русские дипломаты не могут отъезжать от Вашингтона дальше, чем на 40 км. Чтобы обмен шпионского товара на наличные проходил с наименьшим риском для сторон, КГБ заранее до мельчайших подробностей, продумывал каждый шаг, который должен был совершить Джон Уокер.

Как обычно, он сначала подъехал к заранее оговоренной мачте линии

электропередачи в округе Монтгомери, к которой кто-то прислонил жестяную банку от лимонада "Север-Ап"- знак, что советский контактер уже готов к обмену. Затем Уокер со своей стороны бросил такую же банку у другой заранее определенной мачты - сигнал для КГБ, что шпион тоже готов. Затем поездка косым бесконечным зигзагом до "мертвого почтового ящика" - толстого, узловатого дуба, под который он прячет свой темный пластиковый кулек с "горячим товаром". Параллельно с этим, разведчик КГБ из советского посольства в Вашингтоне кладет свой кулек с несколькими тысячами долларов в мелких купюрах в другое место, где-то в пяти километрах отсюда. Маршрут и время для обратного пути так продуманы КГБ, что Джон свои деньги, а русский свой материал забирают из тайников тоже практически одновременно.

Но именно этот пункт процесса 16 мая 1985 года сорвался по совершенно непонятным для Уокера причинам. Более того: после того, как он не нашел, как надеялся, в 10 часов вечера пластиковый кулек с 200. 000 долларов наличными, он вернулся к месту, где оставил "товар". И тут ужасный сюрприз: "товара" нет!

"В этот момент я ясно понял: игра окончена. Каждую минуту я рассчитывал на то, что из кустов на меня бросятся агенты ФБР с пистолетами в руках и арестуют меня. Но ничего не произошло," - вспоминал позднее Джон Уокер.

"Возможно, это только какое-то недоразумение с русскими, ведь история с автопроисшествием правдива", - успокаивал он себя. Через пять минут после странного телефонного звонка в половине четвертого он готовится покинуть гостиничный номер.

Внезапно в его голове проскальзывает мысль: "Куда деть письменные инструкции и фото КГБ для обменной акции прошлого вечера?" Если только сотрудники ФБР крутятся в отеле, арестуют его и найдут предательский конверт, то его шансы будут совсем плохи - в этом уверен очерстневший после восемнадцати лет работы на советскую разведку Джон Уокер. Он решает еще раз прозондировать ситуацию в коридоре и поискать надежное укрытие.

Очень медленно и осторожно, прижав левое ухо к двери номера, Уокер нажимает на дверную ручку. С револьвером в руке он распахивает дверь. Со скоростью молнии его глаза обыскивают коридор: не видно ни одной живой души. Он медленно двигается к аварийному выходу. У двери пожарного выхода он останавливается и прислушивается. Никаких подозрительных звуков. Взгляд за дверь - пустота. Уокер бредет в свой номер, чтобы забрать конверт. "Я не знаю, что на меня нашло, но затем я из своего номера пошел в совсем другом направлении - к лифтам. Там был автомат по продаже кока-колы, и за ним я хотел спрятать этот предательский конверт. Я заглянул за угол, как кто-то зарывал за моей спиной: "Стоять! ФБР!" Я обернулся. Двое агентов стояли предо мной, их оружие было направлено прямо на меня. Я сразу бросил свой револьвер на пол."

Боб Хантер и Джеймс Колуч, оба ответственные за задержание "специальные агенты ФБР", вспоминают и о других деталях:

"Мы ждали в коридоре, который Джон не мог видеть из своей комнаты", - объясняет

Боб Хантер.

"Ровно в половине четвертого мы услышали телефонный звонок. Вскоре после этого открылась дверь. Если я сейчас скажу, что в тот момент я был взволнован, это будет слишком мягко сказано. Сердце вырывалось у меня из груди. В любом случае, мы хотели схватить его у лифта. Так что нам пришлось ждать, пока он не свернет за угол. Шаги? Да, но они удалялись от нас. Джимми вопросительно взглянул на меня - а я пожал плечами. Никто из нас не понимал, что собирается предпринять Джон. Затем тихо щелкнул дверной замок - но шпиона снова не было видно. Нервы были на пределе, напряжение невыносимо: "Что, ради всего святого, делает этот тип?" Стоять в таком напряжении, когда ловишь самого опасного шпиона в истории нашей страны, и ждать пятнадцать минут? Это же целая вечность!

Без четверти четыре наконец снова что-то пришло в движение. Тут все прошло быстро: Джон свернул за угол, как раз хотел нажать кнопку лифта, как Джимми и я появились из укрытия. Нам не оставалось шансов, чтобы что-то сказать. Джон мгновенно обернулся и направил свой револьвер прямо на меня. Это был опасный момент! Я стоял и думал: "Сейчас нажмет!"

Поблескивающие серебристые патроны в барабане его револьвера я разглядел вполне отчетливо. Все движения были как будто в замедленном просмотре. Пару секунд мы смотрели в глаза друг другу, с оружием на изготовку. Я ни в коем случае не хотел его застрелить.

Мой партнер завершил драму. "Брось пистолет!" - закричал он Уокеру. Тот отреагировал как в транс. Затем мы бросились на Джона и прижали к стене, чтобы обыскать. При этом мне под ноги упал конверт, очень важный, как потом выяснилось.

Арест на седьмом этаже в конце получил еще и комический оборот. Джон приложил, как будто погрузившись в мысли, левую руку ко лбу, через секунду раздался чмокающий звук; а затем он с видом триумфатора протянул нам свой парик. "Дорогая штукавина", - пробормотал он, "было бы слишком жаль."

Непосредственно после успешного ареста Хантером и Колучем, Джона Уокера провели в номер 771, служивший ФБР оперативной базой. "У Вас есть право хранить молчание. Все, что Вы скажете, начиная с этого момента, может быть обращено в суде против Вас." Его права, зачитываемые одним из внезапно собравшейся вокруг него дюжины агентов ФБР, звучат для Уокера как будто слова из далекого, чужого мира.

Проходит несколько минут, пока супершпион в наручниках помаленьку приходит в себя.

"Без своего адвоката я не скажу Вам ни слова", - кричит он в адрес команды хорошо тренированных федеральных полицейских. "О'кей", - отвечает шеф группы Хантер, "сначала мы поедem в Балтимор, в оперативный центр."

"Я поблагодарил всех наших парней, которые целый вечер 19 мая непрерывно следили за Джоном после его возвращения в отель, так, что он этого совсем не заметил, за их работу и отпустил их домой - на заслуженный выходной. Это было где-то в 11 часов вечера. Лишь пять с половиной часов спустя, в половине пятого мы спустились с арестованным вниз и хотели покинуть отель. Произошедшая там сцена навсегда останется в моей памяти. Все пятьдесят принимавших участие в охоте полицейских собрались перед входной дверью, не говоря ни слова, они хотели только одного:

"живьем", так сказать, увидеть вблизи самого удачливого русского шпиона на американской земле. В этой ситуации я услышал от до сего момента совсем несловоохотливого Джона: "Боже мой, а я не предполагал. . все эти люди. . все из-за меня!"

Мой партнер Джимми Колуч отреагировал жестом, выдавшим всю его гордость; затем подъехал полицейский лимузин. Мы сели сзади, посадив Уокера посередине, и рванули вперед. В автомобиле во время всей поездки, почти в течение часа, никто не сказал ни слова, абсолютно ни одного."

По прибытии в Балтимор, специальный агент Боб Хантер открыл своему "подопечному", какую ценную находку ФБР нашло у старого дуба на Партнершип-Роуд, в двухстах метрах за поворотом на Уайтс-Ферри-Роуд в округе Монтгомери: 129 секретных и совершенно секретных документов с американского атомного авианосца "Нимитц", непроявленные пленки и - особенно фатально для Джона - написанное им собственноручно письмо в КГБ, где он настаивает на выплате миллиона долларов в качестве премии за его успешную шпионскую деятельность на службе секретной империи в течение почти двадцати лет.

"Это был тяжелый удар", - говорит позднее Уокер, "я точно спланировал мой уход, окончательный выход из игры. Все было подготовлено. Я хотел смыть свои следы, уехать далеко, стать, скажем так, невидимым. Я окончательно выбрал страну. . Никакой выдачи. Я не раскрою Вам свои карты, где я хотел бы скрыться. Если мне когда-то удастся выйти из тюрьмы, то эта старая цель все равно будет привлекательна для меня. .

Один миллион, для меня, может быть, даже и половина, мне быгодились. Я совсем не боялся, что русские выследят меня.

Дело было в хороших руках. Майкл, мой сын, был на высоте. Он мог бы без проблем заменить меня. Так я тогда это видел: семейная фирма просто получает нового менеджера.

Я был абсолютно уверен. Если случайно во время поездки к "мертвому почтовому

ящику" на машину Майкла не упадет дерево, или не случится еще что-то абсурдное, то для него совсем нет никакого риска разоблачения. Как, скажите на милость, могло бы до него добраться ФБР? Предположим: Барбара, моя бывшая жена, была фактором риска - но выдать ее собственного, любимого сына волкам?

Когда она предала меня в 1985 году, она и подумать не могла, что Майкл уже несколько лет был "в деле" со мной. . . Самым глупым образом моя последняя поставка предоставила ФБР не только бесспорные доказательства происхождения материала (военно-морская база, где служил Майкл), но и содержала указания, позволявшие идентифицировать других более или менее активных членов моей шпионской сети:

Джерри Уитворта и моего брата Артура Уокера. . . Да, колочено, тут было слишком много нашей внутренней информации, попавшей в руки ФБР, - но кто тогда серьезно задумывался над тем, что может провалиться в любую минуту? И вообще: Советы всегда до мельчайших подробностей хотели знать, что делает каждое отдельное лицо, есть ли проблемы, насколько оно надежно. Здесь они не понимали шуток; и я знал, что в этом пункте мне всегда нужно быть честным. . "

На самом деле, из содержания последней поставки Уокера в первое время видна была лишь верхушка айсберга секретной информации, который накопился во время "холодной войны" с 1968 года. "Мы получили", - рассказывает его бывший ведущий офицер КГБ и в то время заместитель руководителя советской внешней разведки генерал-майор Борис Александрович Соломатин, "около миллиона сверхсекретных американских документов, прежде всего, касавшихся ВМС США, содержавших важнейшие стратегические сведения. Если подумать, что мистер Уокер за те семнадцать лет, когда он сотрудничал с нами, получил около миллиона долларов в качестве гонорара, то мы платили примерно по доллару за каждый совершенно секретный документ. " С такой точки зрения Джон Уокер для КГБ был дешевым агентом.

Лишь позднее и постепенно американское Федеральное Бюро Расследований докопается до полного размера ущерба, причиненного Джоном Уокером и его шпионской сетью. Бывший военно-морской министр в администрации президента Рональда Рейгана Джон Леман подвел такое предварительное резюме: "Речь, несомненно, идет о самом большом, с самыми тяжелыми последствиями и о самом продолжительном предательстве национальной безопасности Соединенных Штатов. Постоянно снабжая КГБ совершенно секретными шифрами и кодами США, Уокер позволил Советскому Союзу почти в ежедневном ритме расшифровывать наши секретные сообщения, узнавая, таким образом, о стратегических планах Запада, технологическом состоянии вооружения, планах оперативного использования, например, во Вьетнаме, и о подробных фактах о слабостях противника, например, о проблемах шумности русских подводных лодок.

Прямой ущерб для американского налогоплательщика можно оценить сегодня не менее чем в 50 миллиардов долларов. Непрямой ущерб вообще нельзя оценить в деньгах. Я совершенно убежден в том, что сведения Уокера на многие годы отодвинули время падения коммунистической системы, потому что огромное стратегическое преимущество, получаемое Москвой благодаря возможности читать наши сообщения, укрепляли у упрямых советских военных иллюзии, что они смогли бы еще повернуть вспять тот сдвиг военного баланса сил, который изменился в пользу Запада с началом эры Рейгана. "

Когда Джона Уокера 20 мая 1985 года в 9 часов утра приводят к тюремному судье, он в хорошем настроении: "Ни минуты не сомневался я в том", - заметил он девять лет спустя в беседе с нами, "что официальное обвинение и приговор за шпионаж вообще не будут обсуждаться. Для меня это был только вопрос часов, в худшем случае нескольких дней, пока дверь моей камеры откроет ЦРУ. В качестве двойного агента для наших собственных парней я был слишком ценен. "

Но он ошибался. Когда через полчаса встреча у тюремного судьи завершилась, прекрасная мечта Джона улетучилась. Он еще не мог это воспринимать, но уже догадывался: "Эти мерзавцы - они действительно хотят распять меня. "

Теплым осенним днем в ноябре 1993 года мы выезжаем из нашей гостиницы в центре Атланты к удаленной от нее на 10 км федеральной тюрьме "Federal Penitentiary", самой большой и охраняемой тюрьме в американском штате Джорджия. "Уровень 6" - наивысшая категория считающихся защищенными от побегов тюремных заведений США; нынешний адрес Джона Уокера относится к категории "Уровень 5" - "тюрьма гладиаторов" для наиболее опасных преступников: убийц, наркоторговцев, главарей банд - и одного супершпиона, " - как рассказывает нам после приветствия Кэти Таккер, доброжелательная, но "крутая" ассистентка начальника тюрьмы.

Кэти хочет знать, что интересует нас в заключенном Уокере.

Это трудный кроссворд - со многими вопросами из антимира разведки и государственной измены, отвечаем мы. Что привело этого человека к продаже собственной души, к тому, чтобы бессовестно злоупотреблять своей женой, семьей, друзьями, в конце концов, делать все, что от него требовалось, чтобы поставить не только американскую нацию, но и весь свободный мир, перед смертельной угрозой, потому что потенциальный противник давно знает наисекретнейшие тайны.

"Холодная война" и конфронтация сверхдержав подошли к концу. Это успокаивает. Но что знаем мы о сути тайной войны, бушевавшей за кулисами? Что уже известно о трудах и достижениях тех немногочисленных высококлассных людей из тьмы, тихие, но сенсационные акции которых приводили к значительным изменениям баланса сил между блоками?

Джон Уокер олицетворяет единичный, но, тем не менее, показательный случай. И в своей стране он сейчас, как и прежде, считается историческим антигероем. Его бывший работодатель, ВМС США, даже сейчас нервно реагирует на упоминание его имени: "Джон Уокер? Мы не хотим ничего слышать об этом! Никаких комментариев, никакого сотрудничества!"

Американская система работает странным и противоречивым образом. Если, как в этом случае, путь к "жертвам" перекрыт, то доступ к преступникам функционирует.

"Если Уокер письменно заявит руководству тюрьмы о своей готовности побеседовать с Вами, то Вы можете, после согласия главного тюремного управления в Вашингтоне, в течение 72 часов быть с ним," - Кэти объясняет процедуру.

Нашему визиту в Атланту предшествовала долгая переписка с Джоном Уокером. Он заявил, что готов дать интервью при трех условиях:

1. подробные предварительные беседы об отобранных темах;
2. никаких унижительных для него представлений, вроде наручников и т. п.
3. никаких повторений "бесконечных полных ненависти тирад американского правительства" по отношению к нему.

"Ну хорошо," говорит Кэти и дает нам анкету на семи страницах. "Прочитайте заявление о согласии с нашими условиями и подпишите его. Вот мой прямой телефон в тюрьме. Позвоните послезавтра."

Прошло еще несколько дней, прежде чем назначен точный термин первой встречи с Джоном Уокером: четверг. В утренней дымке на горизонте появляются пугающие очертания огромного центрального здания из больших тесаных камней и длинным фасадом зарешеченных окон. Через несколько минут дежурный охранник нажимает кнопку, приводящую в движение массивные стальные ворота. Медленно с лязгом открывается решетчатая дверь. Камера в углу на потолке снимает все на пленку. В десяти метрах от нас следующие управляемые электромотором стальные тюремные ворота запирают нам путь. Пропускают нас лишь после предъявления наших паспортов и официальной регистрации. Затем на тыльную сторону ладони нам впечатывают считываемый ультрафиолетовыми лучами штемпель. Без него отсюда никто не сможет выйти.

С грохотом открывается вторая решетчатая дверь. Еще ворота, уже третьи, снова громкий лязг открываемого стального запора. Вот мы и стоим в главном коридоре тюрьмы, в окружении мрачных глазающих на нас фигур - приговоренных к пожизненному заключению, как объясняет нам Кэти. Необычный запах и очень странное ощущение.

"Проходите, здесь через дверь налево. Там комната для посетителей."

Зуммер открывает замок. Мы ошеломлены волной громких звуков, распространяющейся навстречу нам. Здесь все относительно непринужденно: бегают дети, близко друг к другу сидят и разговаривают члены семьи, мускулистый негр вообще ничего не говорит, только крепко обнимает свою шупленькую подружку. В трех торговых автоматах постоянно покупаются сладости, горячий кофе или кола - для постоянных обитателей приятная перемена по сравнению с обычным стандартным тюремным ассортиментом. Строжайше запрещено что-то им передавать, но каждый посетитель приносит достаточно монет для маленьких друзей за решеткой.

Нам говорят, чтобы мы ждали в одной из трех мини-кабинок, которыми обычно пользуются только адвокаты и их подзащитные. Настоящая привилегия: более приватной сферы на "Уровне 5" ожидать нельзя.

Воздух в комнатке площадью не более 6 квадратных метров невыносим, содержание кислорода равно нулю. Через двадцать минут входит Уокер. На нем тюремный "костюм-двойка" цвета хаки, он носит очки и у него лысина. Париков в тюрьме нет. Его глаза блестят. Он, как видно, полностью сконцентрировался. Эта личность с сомнительной славой, бывший шпион КГБ и частный сыщик, заключенный под номером 22449037 Федеральной тюрьмы Атланты с двумя пожизненными заключениями, на первый взгляд кажется симпатичным, на второй - обычным: настоящий тип хорошего бухгалтера.

Джон сдержан, но не пуглив. Он быстро переходит к делу. "Назовите мне достаточное основание, почему я должен раскрыть свою жизнь перед Вами," - требует он тихо, но решительным тоном. К этому возражению мы подготовились:

"Во всех статьях Вас характеризуют как доносчика, гнусного лжеца, полностью и во всем плохого человека. Верно ли это? В Европе нет жажды мести по отношению к некоему Джону Уокеру, предавшему свою нацию. "Холодная война" завершилась. Мы хотим знать, как функционировала за ней тайная война, правдиво, из первых рук."

Он перебивает: "Я не предатель! Мое преступление называется шпионаж. Это две совсем разные вещи." Как же, как он считает, можно разделить патриотизм и лояльность к своей стране со шпионажем. "Этой Америке я не обязан быть лояльным.

За многие годы, когда у меня был доступ к самому секретному материалу, мне

становилось все более ясно: то, что нам рассказывает наше правительство о советской мощи и об "угрозе миру со стороны коммунизма" - чистая выдумка. Запад, США, всегда были впереди, действительно уравновешенного стратегического паритета никогда не было. Наоборот: при Рональде Рейгане наше преимущество еще сильнее увеличилось, с тем результатом, что стал возможным даже успех превентивного первого удара Соединенных Штатов по Советскому Союзу. И в этой ситуации нам все время и даже по прежнему пудрят мозги, утверждая, что, мол, именно русские только и ждали подходящего момента, чтобы через "низины Фульды" прорваться к Рейну. Полная чепуха! За все то время, когда я был поставщиком информации для Советов, настоящей опасности никогда не было. Я был твердо убежден: сверхдержавам "холодная война" нужна была по другим причинам: чтобы держать под контролем разнообразные и сложные внутривнутриполитические процессы. Но "Большая Война"? Ее никогда не могло бы быть, это я знал. В любом случае, так долго, пока Советы всегда точно знали, что происходит на другой стороне. Я думаю, что, благодаря моей помощи, они могли спать немного спокойней. "

Так исправляют весь мир и собственное прошлое, когда на это есть время. А у Джона Уокера много времени. Но он начинает доверять нам, и это хорошо.

Мы тоже должны доверять ему, и не только по профессиональным причинам.

Остается много взаимного недоверия. Джон Уокер не альтруист, он расчетливый человек. Но у него есть большой собственный интерес к беседе с нами. То, что этот интерес всегда крутится только вокруг его самого, его восприятия действительности, вокруг его преимуществ, медленно становится понятным.

Исключительно Джон Э. Уокер имеет какое-то значение. Ничего больше. Он хочет воспользоваться нами. Но для чего? Чтобы получить деньги? Деньги, которые, как мы вскоре поймем, всегда играют для него центральную роль, даже в его нынешнем положении? "Деньги решают все проблемы, деньги годами предоставляли мне возможность вести замечательную жизнь. Если я когда-то выберусь отсюда: мой бывший работодатель должен мне еще один миллион", рассуждает Джон Уокер.

Мяч покатился. Теперь остался вопрос: по каким правилам мы играем? То, что правила должны быть, нам четко и без всяких недоразумений дает понять Джон Уокер во время нашей второй встречи. А также - кто будет их формулировать: он, только он один. "Если уж я говорю, то я хочу, чтобы была сказана правда," - направляет Уокер беседу к решающей точке. Какую правду он имеет в виду, спрашиваем мы. "Мою правду", звучит его лапидарный ответ.

Он не лезет за словом в карман, говорит четко и метко. Теперь он уже похож не на приветливого бухгалтера, а на хладнокровного коммерсанта. "А как же с исторической правдой?" - спрашиваем мы. Уокеру не нравится, что хотя его вклад и должен находиться в центре истории, но в нее должно войти и другое: показания свидетелей и цитаты из источников, чтобы придать больше объективности описанию исторических процессов. В этой точке весь план угрожает лопнуть. Он не желает никаких противоречащих его рассказам замечаний со стороны "каких-то сбежавшихся вокруг сукиных детей, строящих из себя чертовых экспертов".

Его внезапное профанство поражает. Как только мы начинаем говорить о представлениях и мнениях, которые вызывают его гнев, то сразу исчезает тот продуманный выбор слов, рассчитанный Уокером на создание у нас наилучшего представления о нем. Не нужно быть психологом, чтобы сразу понять, какое качество скрывается за этим - бесхарактерность.

В какой-то момент Уокер называет свою цену за то, чтобы согласиться пустить в историю своей жизни других: его бывшую жену Барбару, бывшего друга Джерри Уитворта, бывшего министра ВМС Джона Лемана и всех прочих "слабаков": это деньги, говорит он. Но еще важнее для него узнать от его бывших работодателей, что они думают о нем и его деле. За этими дерзкими требованиями скрыта система. Ни КГБ, ни его преемник, ни политическое или военное руководство России пока никак официально не высказались по делу Уокера, не говоря уже о признании того, что лицо под этим именем когда-либо получало от них жалование. Уокер спекулирует на желании получить выгоду из сближения между Россией и Западом.

Даже если зловещие хранители секретов КГБ уже смотрят на это дело с меньшей напряженностью, чем это даже сегодня, девять лет спустя, делают ФБР и ВМС США, то это не только разоблачило бы "паранойю" Америки, но с дальним прицелом дало бы настоящий шанс после окончания "холодной войны" и с учетом новых политических отношений между Москвой и Вашингтоном совершенно по-новому оценить дело Уокера.

В конце концов, по словам Уокера, он не хочет "до конца своих дней опустошаться здесь в тюрьме". Он рассчитывает свои возможности. Он хочет подать на апелляцию.

Так вот для чего мы ему нужны!"

Все очень просто: нет ни черного, ни белого, нет ни права, ни несправедливости, нет нравственного или безнравственного поведения. То, чего хочет Джон Уокер, - "закон". В своем роде он даже убедителен. Скрывается ли за этим его мнимая сила? Показать другим, что он точно знает, чего хочет? Сила, придававшая ему такое зловерное влияние на других людей и сделавшая его виртуозом манипуляции людьми?

Джон Уокер - мастер перевоплощения. Когда он видит свое преимущество, то принимает тот вид, который нужен ему, чтобы получить то, что он хочет. Теперь он снова рассудительный, готовый к сотрудничеству, улыбающийся бухгалтер.

Конечно, он понятия не имеет, что мы давно в контакте с КГБ и его преемниками и мы вступаем с ним в предложенную им "сделку". Лишь если бывший ведущий офицер Уокера расскажет нам о нем, и адвокат Уокера предъявит Джону подтверждение этого, он "расколется". Сделка ясна: даю, чтобы ты дал. Рука руку моет.

В конце Джон Уокер говорит: "Сначала приходит цинизм, затем жадность к деньгам, основывающаяся на цинизме; а оттуда уже рукой подать до противозаконного поступка. Кто знает, если бы я работал в банке, не ограбил ли бы я его."

Мы успокоились. Беседа с Уокером состоится. Ведь у его бывшего "куратора" из КГБ мы давно взяли интервью.

История советского шпиона Джона Уокера начинается в 1967 году, незадолго до Рождества.

19 декабря 1967 года - мрачный, холодный и дождливый день в Вашингтоне, Федеральным округ Колумбия. Всю дорогу от Норфолка, Вирджиния, до округа Колумбия Уокер спрашивал себя, каким самым элегантным образом он установит контакт с Советами.

Джон Уокер хочет предать свою страну за деньги. Но как это устроить? Около пяти часов вечера он останавливается у телефонной будки. Телефонной книги в ней нет. Уокер набирает номер справочной. "Пожалуйста, адрес посольства СССР."

"Сожалею, сэр, но мы сообщаем только номера телефонов."

"Посольство расположено где-то на 16-й улице, леди, я забыл только номер дома."

"Номер сто", кратко отвечает женщина и вешает трубку.

Уокер ставит свою машину на ближайшей городской стоянке, оттуда он продолжает свой путь на такси. На улице севернее советского посольства он просит водителя остановиться, расплачивается с ним и под защитой сумерок движется в обратном направлении.

Теперь до впечатляющего здания посольства, построенного на рубеже веков, осталось только сто метров. Недалеко от цели офицер американского флота Джон Уокер внезапно останавливается и сворачивает в сторону. Обеспокоено он замечает незамысловатое офисное здание напротив посольства. Что, если ФБР уже наблюдает за ним? Не потому, что

он уже в своей прошлой жизни давал повод считать, что когда-либо предаст свою страну. Нет, ФБР просто регистрирует всех, кто входит в советское посольство или выходит из него.

Решительно и быстрым шагом он подходит к железному кованому забору. Шпиону

везет: посольская машина как раз покидает территорию. Большие сдвижные ворота

открыты. Русский охранник немного ошарашено глядит, как мимо него в дверь быстро

пробегают неизвестный мужчина Дверь только прикрыта. Уокер быстро обращается к

женщине-администратору, сидящей в коридоре посольства за простым деревянным

письменным столом. "Кто здесь шеф службы безопасности?" - почти выкрикивает он. "Я

срочно хочу поговорить с ним."

"Проце всего, конечно, было бы просто сразу выгнать незнакомца," - говорит нам в Москве пенсионер Борис Соломатин, в то время офицер КГБ самого высокого звания в посольстве,

"ведь как можно было гарантировано определить, не является ли этот человек "подставой"

Центрального Разведывательного Управления, внедрившимся, чтобы в конечном счете

работать двойным агентом? Или что он хотел войти в контакт по какой-то другой причине,

которая была бы полезна и ему и нам? В московском центре никто не упрекнул бы меня, если

бы я в тот момент счел риск слишком большим."

Но Соломатин, закаленный во многих операциях профессионал внешней разведки,

принимает вызов. "Больше видеть, больше слышать, больше знать" - согласно этому

девизу, дополненному словами "с гибким использованием средств" - это значит, без

сомнений в этичности методов и по своим собственным нормам, первоначально

изучавший международное право поверенный в делах КГБ в США решает

основательно проверить Джона Уокера.

Какие методы он применит для этого? Сначала самые осторожные. Борис Соломатин знает,

что имя "Джеймс Харпер", которым Джон Уокер назвал себя, ненастоящее. Русский

разыгрывает из себя человека, на которого появление незнакомца не произвело

впечатления: "Я потребовал предъявить мне удостоверение. Уокер очень

нервничал, даже когда пытался это скрыть. Ему казалось, что все происходит слишком

медленно."

"Я представил себе, насколько Советы были бы заинтересованы во всем, что я мог бы

поставить им из мира секретных шифров и ключей к ним нашего флота. Я сказал им, к чему у

меня есть доступ, а в качестве примера при мне был совершенно скелетный документ

Агентства Национальной Безопасности (АНБ). Он должен был убедить русских и

одновременно стать моим входным билетом. В обмен на регулярные поставки я хотел

получать установленное ежемесячное жалование. Мне только не было понятно, насколько

хорошо мой собеседник разбирался в этом деле, чтобы правильно оценить опасную ценность

материала." - вспоминает Уокер о своем первом контакте с КГБ.

Чего не мог знать Уокер: острое разведывательной работы Соломатина было направлено как раз против военно-морских сил США. В этой области Борис Александрович обладал хорошими профессиональными знаниями. И с их помощью он посадил Уокера "на гриль"; он усиленно, совершенно по собственному усмотрению в течение многочасового разговора беспрестанно повышал температуру, чтобы извлечь из шпиона по собственной инициативе то, что могло бы квалифицировать Джона как "надежное лицо", на жаргоне спецслужб: "человеческий источник информации".

Сегодня экс-шпион соглашается с этим недоверием Советов: "Сознаться- вот в чем был риск. Кто скажет им, что я не строящий из себя важную особу воображала или не агент противника? В тот вечер они совсем не могли быть уверены, на кого они, в конце концов, нарвались - до того времени, когда материал на самом деле начал "течь", и они заметили, что все обосновано. "

Соломатин видит это иначе: "Я обстоятельно проверил знания Уокера об американском военном флоте. Для советского агента я достаточно хорошо в этом разбирался и уже в 1968 году был назначен Юрием Андроповым на пост заместителя начальника внешней разведки. Мой профессиональный и психологический анализ Джона Уокера привел меня к твердому выводу: ни одна разведка не рискнула бы использовать в качестве "подставы" профессионального шифровальщика вроде Уокера.

Уже при первой проверке он - при достаточно хорошем уровне знаний у другой стороны - был бы без проблем разоблачен. "

Успех подтвердил правоту Соломатина.

Он мог бы отказаться от вербовки Уокера. Вместо этого он поступил верно - и получил из этого пользу. Дело Уокера стало удачей в карьере этого человека, для которого получать выгоду из слабостей других людей было так же важно, как и для его шпиона-воспитанника. Понятия, вроде "лояльности", "надежности" и "чести" постоянно извращаются ремеслом предателей - все равно, действуют ли они по идейным или по материальным соображениям. И те и другие очень близки друг к другу.

В конце вечерней беседы Борис Соломатин положил в руку своему новому "сотруднику" конверт. "Штука", тысяча долларов - был мой первый гонорар, усмеяется сегодня Джон и добавляет : "Я действовал по принципу, который прекрасно оправдался и во всей моей последующей карьере шпиона: K. I. S. S. (keep it simple stupid) - поступай просто до глупости. Только не привлекай к себе внимания. Точно так же я исчез из здания. "

Но так просто это не было. Соломатин вывез его на посольской машине. Каждый вечер, точно в установленное время, регулярно для посторонних, сотрудники посольства покидали здание. Из-за регулярности процесса бдительность филеров ФБР на противоположной стороне улицы притуплялась. В эту ночь одному из товарищей пришлось переночевать на койке в посольстве, чтобы не было зафиксировано превышение обычного числа выезжавших из посольства дипломатов. Так Уокеру удалось выйти незнанным.

Ровно через две недели после успешного контакта с КГБ перед супермаркетом в Александрии, штат Вирджиния, происходит первая и единственная секретная встреча шпиона и ведущего офицера на американской земле.

"Устройство этой встречи было просто: время и место были еще в ту ночь оговорены в посольстве. В качестве пароля я должен был под рукой держать последний номер журнала "Тайм" и ровно с двух часов дня прогуливаться возле входа в супермаркет. Русский не заставил себя ждать ни минуты. Он появился как бы из ничего за мной, тихо попросил меня, не поворачиваясь, двигаться в один из малолюдных уголков торгового центра. Затем он захотел узнать, заметил ли я что-то необычное во время моей поездки из Норфолка к пункту явки. Я ответил, что нет. Через примерно пять минут он перешел к делу. Этот человек точно знал, чего хочет: прежде всего списки ключей и технические инструкции к нашим шифровальным машинам типов KL 47, KY 8, KWR 37,

KG 14, KWS 37 и KW 7. Кроме того, мне следовало держать глаза открытыми, когда на мой стол попадают стратегические или оперативные планы. При регулярных, то есть раз в полгода, поставках мне обеспечен гонорар в четыре тысячи долларов в месяц. Для передачи материала нужно следовать очень подробному и весьма сложному плану. Речь шла о "мертвых почтовых ящиках". Предположим, что обычная встреча состоялась в июле -тогда понятно: следующая встреча запланирована на январь. Но точную дату нельзя было предусмотреть на такой долгий срок. Тем не менее, все всегда получалось, никаких неувязок не было.

Все функционировало так: всегда на одном и том же перекрестке, за дорожным знаком остановки или на столбе уличного фонаря я мелом писал заранее предусмотренную букву, например, большую букву "R", чтобы показать, что я готов.

Затем активизировалась система, обеспечивающая обмен в течение двадцати четырех часов. Я предполагаю, что каждое утро один из сотрудников советского посольства ехал на работу одной и той же дорогой и замечал подобную маркировку. А если мне нужно было бы срочно лично поговорить с моим ведущим офицером, то мы следовали тому же образцу. Через "X" дней мы встречались где-то в мире, но никогда больше - в Соединенных Штатах. И это всегда получалось - гарантировано. "

Список желаний КГБ выдает основательные знания американских шифровальных систем, включая разработки Агентства Национальной Безопасности в Форт-Мид, штат Мэриленд. Здесь стягиваются все нити использования и контроля криптографического материала США, то есть шифров и ключей к ним.

В конце шестидесятих годов особенно распространена в Америке была шифровальная машина типа KW 7 - на флоте, в армии, в ВВС и даже в ЦРУ. Из разговора с Уокером становится ясно, что он врет или осознанно преуменьшает последствия выдачи им в то время списков ключей и инструкций по эксплуатации к KW 7. Он утверждает:

"Никогда я не передавал русским отдельные документы или такого рода комбинированный материал, который позволял бы им прямо или опосредованно читать американские секретные сообщения или тем более выяснять будущие планы ВМС."

На профессиональном жаргоне криптоаналитиков это называется "Real-Time- Intelligence" ("разведка в реальном масштабе времени"). Аргументация Джона: "доля поставляемого мною горячего материала всегда приходилась на месяц передачи. Пользуясь нашим примером: Если я в январе осуществил обмен через "мертвый почтовый ящик", то в поставке были все сведения, собранные за прошедшие шесть месяцев. И только дешифровочные списки за январь могли быть в какой-то степени еще актуально полезны Советам. В основном, они могли читать только "в направлении назад". Совершенно исключено, что они бы уже в последующее за месяцем передачи (январем) время могли пролезать в коммуникации американского флота, читая информацию в "реальном масштабе времени". Гипотетический пример: Если бы мы запланировали нападение на Советский Союз на февраль, то Москве это через "мертвый почтовый ящик" было бы сообщено только в следующем июне, то есть, уже слишком поздно. Поэтому мой материал не имел совсем никакого стратегического значения, значение в большей степени было оперативное или психологическое."

Борис Соломатин придерживается совершенно противоположного мнения. Его слова, прежде всего, показывают, насколько он сегодня презирает своего тогдашнего подопечного:

"Высказывание Уокера меня не удивляют; оно типично для таких людей."

Он хочет преуменьшить свою вину. На самом деле, мы вполне были в состоянии совершенно точно следовать потоку информации, пересылаемому с помощью самых распространенных шифровальных машин. Возьмем, к примеру атомные ракетные подлодки, самое, вероятно, важное для США ядерное стратегическое оружие. Благодаря информации Уокера мы не только знали об их использовании; почти два десятилетия подряд мы располагали точными знаниями, где они располагались, куда они в чрезвычайном случае нанесли бы удар, какое стратегическое планирование скрывалось за этим. Короче говоря: наши глаза были открыты, если Вы понимаете. Информация Уокера оказывалась полезной и в другом смысле. С ее помощью мы узнали, что наши подлодки слишком шумные, и поэтому противник легко может в любое время определить их дислокацию - смертельная угроза в случае войны. Потому устранение этого недостатка стало самым приоритетным заданием. Ученые, специалисты, инженеры трудились день и ночь, чтобы устранить эту проблему "определения маршрута". К стати, успешно. Я мог бы привести и другие подобные примеры."

Что стоит больше: высказывание Уокера или его ведущего офицера? Две отправные точки помогают выяснить степень угрозы, которая возникла из-за раскрытия Советами кодовых систем Америки:

1. Представление о способе работы шифровальной системы;
2. Напоминание об исторических аналогиях смертельного эффекта знаний, полученных путем расшифровки кодов противника.

Функциональный механизм шифровальной машины основывается на простой основополагающей идее. Ее пользователь печатает на ней, как на простой печатной машинке, обыкновенный текст, который путем внутренней логики сразу превращается в безумный конгломерат никак не связанных друг с другом знаков. Это происходит с помощью так называемых роторов, маленьких колесиков, вращающихся независимо друг от друга, всякий раз когда нажимается клавиша. Каждый отдельный из (в зависимости от типа машины) до 12 роторов содержит полный алфавит и цифры. На "выходе" часто встречающиеся гласные или согласные никогда не появляются в зашифрованном тексте в одном и том же порядке букв или цифр. Об этом заботится электронная сеть шифровальной системы. Таким образом, возникают миллионы вариантов кодирования, которые нельзя раскрыть без "ключа". Ключами могут служить списки букв / цифр, перфоленды или перфокарты, которые нужны получателю сообщений, чтобы проследить за первоначальной настройкой шифровальной машины, без чего, в свою очередь, невозможно дешифровка. Обычно ключи-списки действуют в течение двадцати четырех часов. То есть, ежедневно система работает с новым кодом.

Что нужно Советам, чтобы всегда быть в состоянии расшифровать американские сообщения? Для КГБ это не будет проблематично, если Уокер может каждый раз поставлять актуальные списки ключей, то есть всегда только в месяце поставки товар Джона - "свежий". Кроме времени опустошения "мертвого почтового ящика" делать это для Советов несколько сложнее. Поэтому им нужны: а) используемая американцами для кодирования шифровальная машина (того же типа) и б) порядок включения роторов.

И то и другое Джон Уокер - косвенно - выдавал раз за разом КГБ для почти дюжины шифровальных систем. Получив техническое описание и инструкции, Советы смогли скопировать "Hardware" - саму машину. Но только "Software", программное обеспечение, позволяющее определить внутреннюю логику машины, ведет к успеху. Благодаря собственной разработке КГБ, так называемому считывателю роторов, который Борис Соломатин передает своему подопечному уже наследующей встрече, Уокер может записывать порядок подключения и работы роторов, который московские эксперты-криптографы со временем обобщат в полные диаграммы подключений. Когда в распоряжении есть и "Hardware" и "Software", то больше не нужны ключи, чтобы уметь читать чужие зашифрованные послания. Тогда вся оборонительная концепция США оказывается открытой книгой.

Почти одновременно с поступлением Джона Уокера на "разведывательную службу", в конце января 1968 года происходит настоящий счастливый случай для КГБ. Северная Корея захватывает якобы вторгшийся в ее территориальные воды разведывательный корабль США "Пуэбло". Он напичкан самой современной электроникой. Среди всего прочего, северокорейцам в руки попадает один функционирующий экземпляр самой распространенной в те годы военной шифровальной машины KW 7, которую они щедро передают "Старшему брату".

Вместе с своевременно начавшимися и регулярными поставками списков ключей KW 7 "крипто-сделка" Соломатина с Уокером с самого начала оказывается большим успехом. Она означает доступ Советов к расшифровке более миллиона сверхсекретных сообщений в течение восемнадцати лет: кажется, что США открыли филиал прямо на Лубянке!

Какие последствия возникают из возможности потенциального противника вскрыть твою шифровальную систему, когда "холодная война" внезапно станет "горячей войной"? Смертельным примером является влияние "Ультра" на ход и исход Второй мировой войны в Европе. "Ультра" - это кодовое обозначение массивной дешифровочной операции (в основном) немецких шифровальных систем, как "Энигма" и "Гехаймшрайбер" ("Тайнописец"), проведенной английскими криптографами в Блетчли-Парк близ Лондона.

Мы опросили последних живых свидетелей. Сэр Гарри Хинсли, ведущий мозг дешифровщиков, так сформулировал значение успеха "Ультра": "Благодаря "Ультра" союзники выиграли все решающие сражения подлодок в Атлантике. Другими решающими для хода войны поворотными моментами были: поражение Роммеля в Северной Африке, воздушная битва Гитлера за Англию, но, прежде всего, операция "Оверлорд" - высадка союзников в Нормандии. Каждый раз, когда немецкий Вермахт, военно-морской флот или ВВС посылали зашифрованную информацию, мы тоже читали ее - с наилучшим результатом примерно со скоростью 80 знаков в час. Время между перехватом немецкого сообщения, его расшифровкой, переводом и дальнейшей отправкой нашим генералам и адмиралам с середины 1944 года составляло только 32 минуты. Такая эффективность в дешифровке кодов противника обеспечила союзникам неоценимые стратегические преимущества. Самым малым в значении было то, что мы не только выиграли войну, но и сократили ее общую продолжительность - по моим консервативным подсчетам - не менее, чем на три года."

Оглядываясь на "холодную войну" сэр Гарри утверждает: "Аналогии бесспорны! Специфические условия, в которых Америка и Россия вели свою "холодную войну", почти полностью соответствуют, хотя номинально и царил мир, тем условиям на криптографическом фронте, которые присутствовали бы в случае настоящей войны. Если мы измерим "успех" шпионажа Джона Уокера для КГБ этой меркой, то верно будет сказать: последствия для стратегического паритета были огромны, преимущество для русских неоспоримо - в чрезвычайном случае - смертельный урок!"

С середины 1968 года в дом Уокера текут доллары. Джона уже не удовлетворяет то окружение, в котором он живет. Хотя ведущий офицер КГБ все время предупреждает его, чтобы он не тратил так заметно большие деньги, Джон не может противостоять этому искушению.

Сначала семья Уокеров переезжает в престижный и дорогой "Algonquin House" в Норфолке - район проживания врачей, адвокатов, банкиров и мэра. Это мир, в котором должны осуществиться мечты Уокера. К ним относится шикарная новая яхта, к которой, как в "мыльной опере" добавляется вскоре и молодая любовница. Месячное жалование Уокера как дежурного офицера связи в штабе командующего Атлантическим флотом ВМС США составляет 800 долларов. Дополнительный заработок шпиона КГБ равен четырем тысячам долларов в месяц.

Его жена Барбара задумывается, на чем основано внезапное превращение ее мужа в транжиру. Джон лжет ей: он-де нашел вторую работу. Барбара - временно - принимает такое объяснение. В конце концов, не сердиться же ей из-за того, что закончилась вечная нехватка денег в доме.

"Откровенно говоря, мне вначале это нравилось. Джон был щедр, и больше денег позволили мне приобрести для семьи уютный дом. Наконец не было финансовых проблем! К тому же семейная жизнь со вкусом. Наш общий семейный ужин с детьми

часто длился два часа и даже больше - ну да, Вы знаете; со всем что полагалось: поп-корн, бренди, вкусные шоколадные конфеты", - даже сегодня бывшая жена Уокера Барбара с удовольствием рассказывает в интервью о хороших деньках совместной семейной жизни. Но мнимая идиллия быстро заканчивается.

Когда Джон, снова без жены и детей, зато с коллегами по работе, достаточным количеством алкоголя и молодыми девочками, отправляется в длительную прогулку на яхте, Барбара Уокер в ящике стола в рабочем кабинете мужа находит неизвестную ей незакрытую металлическую шкатулку.

"Я рылась в странных бумагах, фотографиях проселочных дорог и деревьев, с надписями от руки и четко прочерченными стрелками; тут же лежала карта, две тысячи долларов наличными, а над всем этим письмо, на котором большими буквами было напечатано "Уничтожить!". Я тогда подумала:

"Барбара, ты провела прошедшие десять лет женой офицера военного флота, задача которого - не продажа, а защита своей страны. А этот человек шпионит!" Тут для меня уже не было никаких сомнений. Мне мгновенно стало ясно, откуда он добывал хорошие деньги. Но несмотря на это, прошло еще несколько дней, пока я не сказала об этом Джону. Это произошло во время ссоры, которую он, как обычно, сам спровоцировал. Я сидела на диване в комнате, он стоял в коридоре, когда я сказала:

"Джон, я точно знаю, кто ты. Ты предатель, ты продаешь нашу страну!" Знаете, как он отреагировал? Он ударил меня! Вечер для меня завершился двумя синяками под глазом. "

"Да," - признает Джон Уокер 26 лет спустя, "в сущности, так это и было. Но тогда я считал, что совершенно исключено, что она сможет принести проблемы. В конце концов, у нас же были дети. "

"Дети и мой муж: вокруг них крутилась вся моя жизнь! Это вообще было самым важным для меня! И," - продолжает Барбара, "чтобы все не распалось окончательно, я какое-то время даже была готова стать сообщницей Джона. Я хотела чувствовать его доверие, а он мое. Так что я предложила сопровождать его в одной поездке в Вашингтон к "мертвому почтовому ящику". "

Этот момент наступает в конце июля 1968 года. Барбара собственной персоной за рулем везет своего мужа и шпиона КГБ к следующему "dead drop" в округе Монтгомери: отель "Рамада Инн" в Роквилле, съехать с дороги, поставить банку "Севен-Ап", заполнить "мертвый почтовый ящик" набитым пластиковым кулечком, забрать деньги - Барбара в душе воспринимает этот процесс обмена, как все проходит без сучка и задоринки, так хорошо, что Джон возьмет ее с собой и в следующий раз через шесть месяцев.

"После этого, мы с ней сидели в одной лодке. Она была не лучше, и не хуже, чем ее шпионивший муж," - комментирует сегодня Уокер. Его целью было сделать из Барбары преступницу, чтобы в случае необходимости иметь средство для ее шантажа!

Тем временем Барбара слишком разочарованна и психически измотана, чтобы всерьез предпринять что-то против государственной измены Джона: миссис Уокер отдается алкоголю - и резко. Джон Уокер лапидарно замечает:

"У меня не было с этим проблем. Уж точно не в эмоциональном плане. Брак и без того был на нуле - разбит. Я совершенно трезво это видел: пока Барбаре не нужно было работать, она была обеспечена, ее дом был для нее убран, и она могла пить дальше, никакой опасности для меня не существовало. Был ли у нее повод жаловаться на меня? Уверен, что нет. При любом перемещении на новое место службы я брал семью с собой. Пока было достаточно денег. . . "

Деньги, семья: снова и снова Барбара и Джон в своем неподражаемом стиле возвращаются в беседе к этому основному центру вращения их разрушенного существования. Вывод они оба делают одинаковый :

"Деньги возвращают. "

Конечно, каждый из них имеет при этом в виду другого.

И в 1969 году бизнес шпионского предприятия из одного человека - Уокера - прекрасно процветает. Он не тратит мыслей на возможность однажды попасться с поличным. Он утверждает:

"Я скажу Вам: супермаркет лучше охраняет свою зубную пасту, чем ВМС США свои секреты. Факт, что пробраться к конфиденциальному товару просто, как в детской игре. K. I. S. S. - keep it simple stupid - просто до глупости. самых обычных копировальных аппаратов, принадлежавших флоту, мне не было нужно никаких вспомогательных средств - разве что, немецкий мини-фотоаппарат "Минокс" и сконструированный КГБ "считыватель роторов". Я был циничен, даже высокомерен. Кроме

Вместо того, чтобы по ночам под каким-то предлогом вернуться в мой рабочий кабинет и тайно украсть материал, я делал это открыто, у всех на виду. Иногда я просто брал совершенно секретные документы с собой на дом, чтобы спокойно их скопировать.

Никто меня не обыскивал, никто не думал обо мне. Публика связывает с ремеслом шпионажа обычно представления из фильмов о Джеймсе Бонде: стреляющие ручки, миниатюрные передатчики в карандашах и прочую чепуху. Все делается не так. Нет ничего похожего. Чем проще и прямолинейней, тем надежней. Так звучит золотое правило, и у русских тоже. "

В конце 1969 года Джона Уокера переводят на должность шефа учебного процесса в военно-морское училище связи в Сан-Диего, штат Калифорния. Мгновенно КГБ

уменьшает наполовину жалование Джона. На две тысячи долларов в месяц меньше - это для Джона Уокера было сильным ударом в спину. "Сладкая жизнь" стоит дорого, как подтверждает его тогдашняя двадцатилетняя подруга Дженни Томас: "Джон всегда водил меня в самые изысканные рестораны, носил самые дорогие костюмы, покупал для наших продолжительных воскресных поездок в основном только авиабилеты первого класса и был во всем вообще очень расточителен. У этого мужчины была превосходная выдержка. Он мог без проблем оставаться бодрым до четырех часов утра, танцевать, пить, развлекаться - даже и с другими."

И что мне особенно врезалось в память: его способность так влиять на людей, чтобы они делали то, что он хотел от них. Однажды я спросила Джона: "Откуда ты, собственно, берешь все эти деньги?" Его ответ одурачил меня. Он член мафии, сказал он. Что мне, как молодой девушке, еще в нем нравилось помимо свободы делать то, что в голову взбредет - Джон знал, чего он хочет. Его перспективы жизни казались совершенно ясными и четкими. Он был высокого мнения о себе. И это, конечно, оказывало влияние на молодых офицеров, которые все чаще отправлялись с нами на прогулку на яхте. Они смотрели на Джона, как на наставника - и это ему нравилось."

Но долго Джон не мог перенести снижение его дополнительного заработка. Впервые он решился принять в свой шпионский бизнес еще одного партнера.

Как уже бывало в Норфолке, Уокер и в Сан-Диего приглашает коллег на прогулки на яхте "Dirty Old Man" ("Грязный старик") - тех людей, которые в восторге от него, и которыми он может манипулировать. Особенно старается Джон вокруг инструктора из его группы, на два года младше Джона, - Джерри А. Уитворта.

Джерри и Джон - диаметрально противоположные характеры. Это наше первое впечатление, когда мы встречаемся с Уитвортом в марте 1994 года после бесконечных предварительных процедур и договоренностей с ним в тюрьме для особо опасных преступников в Ливенуорте, штат Канзас. Джерри расценивает себя как интеллектуала, строго дистанцируясь от профанства Уокера.

Уокер производит впечатление уравновешенного, уверенного в себе человека. Но вскоре в нашем разговоре выясняется та черта его сущности, которая двадцать четыре года назад оказалась настоящей находкой для мастера манипуляции Уокера: Уитворту нужна дружба!

Интимность многих его высказываний волнует почти болезненно. Поэтому так долго пришлось пробиваться к нему; поэтому он никому пока не хотел говорить об исторических событиях: он должен почувствовать настоящее доверие, перед тем, как сможет открыться. Тогда он преодолевает и свой страх быть честным. Ему прежде всего сложно быть откровенным. Он кажется интровертным, честным и легко уязвимым. Бессовестный характер, вроде Уокера, без проблем мог пользоваться этим ранимым человеком, которому нужно было прислониться к чьему-то плечу.

"Честно говоря", вспоминает Уитворт, "когда я впервые встретил Уокера (он никогда не называет его по имени!), я подумал: "Настоящий засранец!" Он был очень

высокомерен с другими людьми. Но у нас было общее хобби: парусный спорт. Уже вскоре он предложил мне стать постоянным членом команды его яхты. Во время прогулок под парусом мы часто и долго разговаривали обо всем на свете, обменивались идеями. Уокер так смог лучше познакомиться со мной, и, оглядываясь назад, я думаю, что он осознанно способствовал нашей дружбе и уже тогда имел на меня планы как на кандидата для его будущих шпионских операций. Ведь однажды он спросил меня, ни с того, ни с сего: "Джерри, сделал бы ты, если бы это вознаграждалось, что-то незаконное, за что тебя могли бы посадить в тюрьму?"

Я не имел ни малейшего представления, к чему он клонит. Затем он привел в пример фильм "Беспечный ездки", культовый тогда фильм с Питером Фонда и Денисом Хоппером. Там речь шла, если Вы помните, о большом приключении, о свободе на "Харли-Дэвидсоне", свободном стиле жизни и о марихуане, с помощью которой оба решили все свои финансовые проблемы. Уокер пытался измерить мою "криминальную энергию". Я ответил: "безумное дело" или что-то в этом роде, но то, что я имел в виду, относилось к "стилю жизни"; у меня в Малдрюу, штат Оклахома, откуда я был родом, он был совсем иной."

Готовность Уокера сегодня вспоминать о дружбе с Джерри Уитвортом не выходит за рамки. Он комментирует только так: "Я знал, что мне нужно было знать."

Летом 1971 года Джон Уокер решает перевестись на более "продуктивное" место работы. Причины тому - жена Барбара и любимые деньги.

"У меня не было никаких опасений, что моя бывшая жена могла бы предать меня - пока денег хватало, чтобы поддерживать ее. Когда дело шло, проблем не было. Но тогда мне угрожало "обеднение". В этом была потенциальная опасность, потому что Барбара могла стать неконтролируемым фактором риска для меня. Кроме того я хотел уехать, уехать подальше от семьи."

Попытка перевестись на корабль ВМС США "Ниагара Фоллс" в Окланде у Сан-Франциско осенью 1971 года находит поддержку у командования флота. За следующие девять месяцев, пока корабль перед отправкой во Вьетнам проходит модернизацию в родной гавани, исчезают последние остатки семейного лада в доме Уокеров.

Из беседы с его дочерью Лаурой выясняется: "Меня и моих братьев и сестер он никак не смог бы обмануть. Он этого и не хотел. Но я думаю, что развивать отношения со своими родителями - не задача детей. Толчок к этому должен исходить от самих родителей. Тогда дети научатся развивать свое правильное отношение. Но такие намерения или какие-то импульсы никогда не исходили от моего отца. Я его не интересовала, мои братья и сестры тоже. Мы хотели бы, чтобы у нас был любящий, участливый отец семейства. И даже когда моя мать сейчас утверждает, что ранние годы с ним были для нее счастливыми - я не могу видеть в этом ничего хорошего. Для меня он всегда был плохим человеком. Не потому, что я ненавижу его, я говорю так. Но я знаю, что я в душе никогда не отказалась бы от желания, чтобы он олицетворял для меня тот тип отца, о котором я тогда так мечтала. Есть моменты, когда я надеюсь, что как здорово было бы, если бы он был здесь. Но так не было и никогда не будет. В отличие от детей, потерявших своих родителей из-за их смерти, мой отец Джон Уокер жив. Но, несмотря на это, он как будто умер. Этого недостаточно: у моих детей, то есть его внуков, никогда не было и никогда не будет дедушки. Это все ужасно. Это разрывает меня на части."

В октябре 1971 года "Ниагара Фоллс" выходит в море. Цель его - Юго-Восточная Азия, оперативный район действий - побережье Вьетнама, задача - снабжение американских боевых кораблей в открытом море. Джон в качестве "хранителя систем секретных материалов" отвечает за все криптографические машины и списки ключей на борту - а их на "Ниагара Фоллс" много; хватает, чтобы почти целый год действовать вдали от родного порта. Такая работа - мечта для шпиона КГБ.

Регулярные поставки Советам дешифровальных ключей для американской войны во Вьетнаме не только за короткое время приводит к возврату гонорара Джона Уокера на прежний уровень, но и позволяет Москве, в первую очередь, своевременно расшифровывать оперативные планы для бомбардировок и перемещений войск США на вьетнамском театре военных действий. Вопрос: как много сведений попадало на письменные столы северовьетнамских генералов?

Джон Ф. Леман, бывший военно-морской министр США, убежден: "Измена Уокера, без сомнений, стоила жизни американским летчикам, потому что Советы заранее могли информировать Ханой о времени и целях предстоящих бомбардировок. Вьетконг спокойно таким образом мог выдвигать зенитные ракеты на нужные позиции. . ."

Ведущий офицер Уокера Борис Соломатин оспаривает аргумент Лемана. Ради одних только военно-тактических успехов второразрядного союзника в Москве никогда бы не рискнули передавать другим сведения, поставляемые Уокером. Тогда американцы слишком легко смогли бы найти "слабое место" и вывести из игры, и тогда за одну ночь Уокер стал бы совсем бесполезным для Москвы.

Мог ли Ханой пользоваться знаниями "Старшего брата", не подвергая КГБ риску потери его источника?

Сэр Гарри Хинсли, британский топ-специалист по "взламыванию кодов" во время Второй мировой войны, считает это возможным: "Если нужно поделиться информацией с союзником, но защитить при этом источник, то для этого есть методы маскировки.

Русские, например, могли сказать: "Мы наблюдали за стартом самолетов с американских авианосцев, за которыми мы следим" - или что-то подобное. Во Второй мировой войне было так же. Если бы мы атаковали немецкие подлодки тогда просто так, как нам позволяли расшифрованные сообщения "Энигмы", то наше сокровище быстро бы испарилось. Потому мы подымали в воздух несколько "Спитфайеров", которые "случайно" летели в нужном направлении, конечно, находили противника, разворачивались и вскоре возвращались в составе, достаточном для атаки. Так не только немцы, но и наши союзники "логически" могли понять, почему нам снова улыбнулась удача: у нас просто хорошая разведка!"

Подобным образом действовали Советы в конкретном случае Вьетнамской войны.

Русские разведывательные корабли, замаскированные под рыбацьи траулеры, преследовали шаг за шагом американские авианосцы в международных водах у берегов Вьетнама - так они могли следить за операциями американского флота. Как Москва получала для Ханоя информацию, казалось очевидным. Маскировка в любом случае была обеспечена!

КГБ было абсолютно довольно успехами своего супершпиона. Для начальства Джон всегда находит объяснение, чтобы за линией фронта, в Бангкоке или Гонконге, точно в установленное время передать своему ведущему офицеру горячий товар. После возвращения "Ниагара Фолс" 13 апреля 1973 года в порт приписки Окленд, московский центр выражает свою благодарность: двадцать пять тысяч долларов США - премия, позволяющая поддержать хорошее настроение Джона. Уокер давно стал незаменимым для КГБ.

Несмотря на успешный шпионаж по принципу "keep it simple stupid", "подработке"

Джона во второй половине 1973 года угрожает опасность. Предстоит обязательная, проводимая ФБР каждые пять лет, проверка безопасности. У Джона есть только один шанс: заранее сделать фальшивое заключение инспекции.

Тут он показывает невероятную наглость: "Это почти слишком просто, чем можно описать: нужно заполнить нормальный розовый формуляр и послать со штампом ФБР "возражений нет" в собственную воинскую часть. Трюк состоит в том, чтобы сначала

заполучить формуляр, а затем в канцелярском магазине заказать штемпель. Это совсем не вызывает подозрений, потому что военные используют вовсе непонятные для гражданских лиц сокращения и отметки, вроде BI (background investigation) - "проверка данных", "successful/unsuccessful" - "удовлетворительно / неудовлетворительно". Я нарисовал точный отпечаток штемпеля и заказал его изготовление в маленьком магазине в Окленде. Это продлилось 24 часа, затем я поставил штамп на розовый формуляр, поставил птичку у слова "удовлетворительно", и положил листок в мое личное дело.
Общая стоимость операции - один доллар двадцать девять центов. "

Летом 1974 года Джона с Тихоокеанского флота снова переводят в Норфолк. Но его работав штабе Атлантического флота не пригодна для измены. Сытые годы прошли. Барбара Уокер сталкивает мужа с новой проблемой: она подала на развод. Джон думает об отставке из ВМС, но не хочет оставить выгодные деловые связи с КГБ. Но что делать дальше? Стать дилером, вместо того, чтобы шпионить самому - вот такую следующую цель ставит перед собой Джон Уокер! Для этого ему нужно завербовать сотрудника - достаточно умного, но которым можно манипулировать - такого, как Джерри А. Уитворт. Джон инвестирует 600 долларов в полет в первом классе в Сан-Диего, чтобы оживить "старую дружбу". Встреча назначена в "Boom Trenchard's" - кабачке прямо в аэропорту имени Линдберга. Сначала Джон позволяет Джерри выговориться: о парусном спорте, о высокой политике и о новой сфере интересов Джерри - об Израиле. После нескольких чашек кофе и непринужденного обмена мыслями Джон, наконец, целенаправленно переходит к делу. "Уокер здорово меня прозондировал," - описывает Уитворт ситуацию с его точки зрения.

"Джерри, я хочу предложить тебе кое-что." Уокер все окутал секретностью: он теперь сильно рискует, он рассчитывает на нашу дружбу, он должен мне доверять - а потом он вдруг сказал: "Я работаю на Израиль, и я прошу тебя работать со мной." Я спонтанно согласился, потому что это мне показалось привлекательным. Если бы он сказал, что его заказчики - русские, я точно не согласился бы на сделку, которую заключили в баре в тот же вечер: самое большее шесть лет поставщиком для Моссад, через Уокера. Ничего больше. С моей тогдашней колокольни, это не имело ничего общего с государственной изменой. То, что, в конце концов, это свелось все же именно к ней, меня и сейчас очень огорчает. Но двадцать лет назад мне это совсем не было ясно. Тут вы должны мне поверить. "

Когда речь заходит о вербовке Джерри Уитворта Джон не может сдержать самодовольной улыбки. "Да," - подтверждает он. "мне нужно было как-то подсластить ему пилюлю. Израиль интересовал Джерри. Я знал это."

Тут же дилер хвастается: "Я выдам Вам кое-что. Самое тяжелое для шпиона не само ремесло шпионажа, а вербовка нового агента - очень рискованное предприятие, самая трудная работа на Земле. А почему? Потому что нельзя быть уверенным, что сделает человек, к которому подходишь с таким предложением. Может быть все. Тебе могут поставить ловушку, могут арестовать и под давлением сделать из тебя двойного агента. Риск очень сложен. Потому Советы и разбушевались, когда я сообщил им о моей вербовке Уитворта. В глазах КГБ это была непростительная ошибка. Первую фазу, так называемый "spotting" - "наблюдение" и даже вторую фазу - "assessing" - "оценку", "наводку" я вполне мог бы осуществить сам. Но вербовка - для моего ведущего офицера, понятно, это было уже слишком! Он и так нервничал при каждом моем новом назначении по службе, потому что думал, что это инсценируется ЦРУ, якобы разоблачившего и "перевербовавшего" меня. Только лишь после того, как материал снова шел нормально, и все отправки через тайники функционировали гладко, КГБ несколько успокаивался."

Борис Соломатин так сухо резюмирует самоуправство Уокера: "Я должен признать, что контролировать агента Уокера было проблематично. В принципе, у нас было очень мало возможностей прямо повлиять на него. Это часто приводило к трудностям, выражавшихся временами в совершенной неуправляемости этого человека для нас. А во время наших личных встреч он всегда умел создать впечатление, что все в наилучшем порядке. Лишь во время судебного процесса против Уокера всплыли такие вещи, о которых мы совершенно не подозревали. Мы действительно знали мало о том, что происходило в нем и вокруг него." Это удивительное признание. Ведь оно доказывает, что и якобы всезнающий КГБ может делать только то же, что и другие. Джон Уокер, конечно, был особенно искусным дилером - и это показывает в первую очередь, вербовка им своего нового партнера Джерри Уитворта.

В конце приятного вечера за чашкой кофе в "Boom Trenchard's" Уокер переводит беседу на то, что его больше всего интересует, помимо собственно вербовки Джерри: какой у того доступ к секретным материалам, которые якобы больше всего желали бы получить их общие друзья в Израиле - шифры и ключи. Джон знает уже, что Джерри - специалист по радиосвязи в ВМС США, но не может точно представить, какую роль в его работе играют различные шифровальные системы Агентства Национальной Безопасности.

Такими ключевыми словами Джон дает сигнал Джерри для его технического доклада, а затем всеми силами старается наилучшим образом понять его содержание. В любом случае из излияний Джерри он улавливает самое главное: Уитворт занимает ключевое положение в той всеобъемлющей замене военных систем связи, которую снова проводит Пентагон. Ее волшебное слово - цифровая спутниковая связь.

Все существующие шифровальные системы должны быть соответственно модернизированы. Цель мероприятия состоит в том, чтобы не дать противнику возможность перехватывать высокочастотные сигналы и одновременно определять, откуда они отсылались. Во время конфликта это дает неоценимое преимущество, потому что этим, кажется, решается проблема определения местонахождения - кроме того случая, если спецификация новой разработанной технологии попадает в руки потенциальному противнику.

Уокер делает глубокий вдох. Ему мгновенно становится ясно, какую золотую жилу он нашупал в лице Джерри Уитворта. Хороший старый друг станет гарантом для многих лет высококачественных поставок Советам - и первоклассной оплаты за них, радуется Джон. Он обещает Джерри "аванс" в тысячу долларов в месяц - с перспективой на существенное повышение в случае успешного "выезда для подводного плавания".

Этот пароль Джерри всегда должен использовать, когда располагает криптографическим материалом; а на тот случай, если Уитворт срочен должен поговорить с Уокером, они договариваются о пароле "Мара". "Мара" - имя одной из общей знакомой в начале 70-х годов в Сан-Диего. Джерри нужно просто позвонить Джону из телефона-автомата и спросить: "Не слышал ли ты чего-то в последнее время о "Маре"?" Джон ответит: "Да" и получит от Джерри номер телефона-автомата, чтобы через несколько минут, исходя из соображений безопасности, перезвонить Джерри с другого автомата. Таким путем назначались безопасные места и даты передачи горячего материала Джерри в любом уголке Земли. Джерри, впрочем, не удивляется, что Израилю может пригодиться подобный секретный материал. В это время Израиль в отчаянном положении, он прижат спиной к стене, окружен враждебным к нему арабским миром. "Шестидневная война" состоялась только шесть лет назад, "Война Судного дня" - прошлой осенью. Государство евреев только тогда получит шансы на выживание, если сможет сохранить свое технологическое преимущество. Ну разве это не гуманный акт - по мере сил помогать маленькому и нуждающемуся в помощи Израилю? Особенно, если за этот акт хорошо платят?

Тихоокеанский остров Диего-Гарсия предоставил возможность проверить шпионский дар Джерри. Здесь военный флот США построил самый современный узел военной спутниковой связи, оснащенный самыми новыми технологическими разработками американской шифровальной техники.

Уже после трех месяцев на службе "Израилю" Джон неожиданно получает от Джерри письмо. Несколько отклоняясь от принятой формы пароля Джерри пишет:

"Джон, подводное плавание - это великолепно!"

За один год службы на Диего-Гарсия Уитворт поработал весьма успешно. Поток очень ценных секретных сведений о электросхемах, инструкциях и списках ключей для шифровальных машин не прерывается и тогда, когда Джерри в июне 1976 года переводят на авианосец "Констеллейшн". Последующие два года Джерри поставляет массу совершенно секретных материалов, что дает повод КГБ снова премировать Джона за "прекрасную работу".

В конце семидесятых годов Борис Александрович Соломатин сообщает своему подопечному Уокеру, что в Советском Союзе ему присвоят звание адмирала ВМФ.

Конечно, Джону нет с такого звания никакого толку, но это подтверждает, что он за десять лет службы секретной империи КГБ стал для нее незаменимым. Тут же он требует повышения премий, из которых, правда, Джон, хотя и отдает большую часть своему "личному агенту" Джерри, все равно оставляет для себя - помимо половины месячного жалования Джерри от КГБ в размере четырех тысяч долларов - не менее трети: обычно между тремя и пятью тысячами долларов.

Уже вскоре после первых успехов Джерри в "подводном плавании" Уокер может позволить себе уйти с флота. Дилер выбирает для себя почти превосходное прикрытие: он становится частным детективом. Свою фирму он цинично называет "Counter-Spy" - "Контрразведчик".

Лишь временами Джон прерывает свою деятельность тайного расследователя или "ловца жучков" на руководящих этажах известных предприятия Норфолка, чтобы в Гонконге, Бангкоке или еще где-то в мире получить во время "экскурсий с подводным плаванием" материал от Уитворта или побеседовать раз в полгода со своим ведущим офицером КГБ, получив от него прямые инструкции советских работодателей.

С 1978 года из соображений безопасности КГБ все личные контакты с Уокером переводит в австрийскую столицу Вену. Согласно инструкциям, Джону нужно сначала лететь в Италию, а затем ехать поездом из Милана в Вену. Попав туда, Уокер должен самым тщательным образом следовать инструкциям расписанного по минутам "Венского процесса", чтобы вступить в контакт с КГБ.

"Приезжайте в 18. 15 к магазину "Komet Kuechen" на углу улицы Шёнбруннер

Штрассе и переулка Рюкергассе. Чтобы Вас легко можно было опознать, несите сумку от своего фотоаппарата на правом плече и держите бумажный кулек в левой руке. Пойдите примерно 2 минуты между 18. 15 и 18. 17 вблизи витрины, прохаживаясь медленно взад-вперед. Затем возвращайтесь к переулку Рюкергассе, пройдите мимо колонн фирмы "Fernseh-Kratky", остановитесь у последней витрины. .

В течение следующей за этим тридцатипятиминутной прогулки пешком детальное описание маршрута КГБ ведет Уокера бесконечным зигзагом по улицам и переулкам Второго округа Вены. Наконец, американский шпион оказывается там, где его должен встретить советский ведущий офицер:

"Между 18. 55 и 18. 58 поинтересуйтесь витринами магазина мужской одежды "BAZALA Internationale Kleidung" на углу улицы Майдунгер Хауптштрассе и переулка Фюксельхофгассе. К Вам подойдут там или где-то по пути. "

Джон ненавидит "Венский процесс" - особенно зимой. Во время пешей прогулки с "куратором" продолжительностью от часа до полутора часов обсуждаются все время одни и те же темы: сначала разведчик КГБ (хотя и давно знает, что это бесполезно) пытается "идеологически просвещать" Джона и убедить его в превосходстве коммунистической общественной системы; "чепуха и чертово вранье!", как комментирует это сегодня Джон, качая головой при воспоминании о "собачьем холоде, при котором этот тип таскал меня с собой по окрестностям". После восхваления преимуществ социализма русский ведущий офицер приступает, наконец, к важному моменту: он хочет знать все о нынешних жизненных обстоятельствах Джона и Джерри, их финансовых либо семейных трудностях, возможностях доступа к совершенно определенному секретному материалу, для которого у чекиста всегда есть наготове "список покупок". Джона Уокера на таких встречах интересует только одно: деньги. Сколько? Когда? За что? Уклончивые ответы Соломатина регулярно раздражают Уокера:

"Я забочился о том, чтобы бизнес продолжал идти гладко, потому я хотел видеть и хорошие деньги - и постоянно, пожалуйста. В конце концов, КГБ во всем этом деле ничего не потерял бы, не говоря уже о том, что бы как-то рисковать. "

В 1979 году Уокер достиг зенита своей шпионской карьеры. Благодаря своему "служащему" Джерри Уитворту поставки Джона КГБ становятся все объемнее - как и оплата команде предателей. В июле 1979 года в "мертвом почтовом ящике" лежат двести тысяч долларов.

Но хорошие времена не длятся слишком долго. После перевода в центр военноморского оборудования в Окленде, Калифорния, Джерри Уитворт заявляет, что собирается вскоре уйти с военной службы. "Не подымая шума, я хотел медленно выйти из игры. Мое "рамочное соглашение" с Уокером и без того предусматривало сотрудничество сроком не более, чем на шесть лет," - комментирует Уитворт сегодня свое решение и добавляет: "У меня были проблемы в браке. Потому я хотел покинуть

флот, чтобы больше времени проводить с женой. Сама мысль о разводе травмировала бы меня. Но тут возникал вопрос: на что жить? Какую искать работу? В конце концов, я отозвал свое заявление об отставке. "

Конечно, брак для Джерри "святое дело", но за его решением не увольняться с флота, стоит и другая более важная причина: Джон Уокер в эти дни открывает Джерри глаза на то, для кого он на самом деле шпионил все эти годы - для Советского Союза. Одновременно он оказывает на Уитворта сильнейшее психологическое давление:

"Черт побери, ты, безмозглый, неужели ты действительно думаешь, что они позволят тебе просто так "спрыгнуть"? Ты у них в руках, так же, как и я. Подумай о том парне в Англии, кого КГБ прикончил зонтиком. . . "

Кого и что имеет в виду Уокер, Джерри понимает сразу: "Болгары убили смертельным ядом одного двойного агента в своих рядах за то, что он работал на британскую разведку. Уокер пользовался подобными примерами, чтобы наглядно показать ту беду, которую я якобы накликал бы на нас обоих и на наши семьи. На какое- то время это произвело на меня впечатление.

И всегда, как только я начинал колебаться, он старался нежным давлением твердо удерживать меня. Затем он перешел к более грубым методам. Во время нашей последней встречи в 1984 году он вовсе уже не был нежным - Уокер открыто мне угрожал!"

Как всегда, когда речь заходит о деньгах, Джон теряет все свои хорошие манеры - но не инстинкт самосохранения для принятия необходимых мер в кризисной ситуации.

Уокер видит только один выход из дилеммы со своим поставщиком Джерри Уитвортом:

Джон должен увеличить персонал отрасли выгодного "дополнительного бизнеса".

"Совершенно неожиданно он очень стал интересоваться всем, что происходило в моей жизни, особенно моим намерением завербоваться в армию," - вспоминает дочь Джона Лаура. Я сначала не поняла, почему. Я думала:

"Наконец-то ты стала что-то значить для твоего отца. " Но у Джона Уокера ничего не бывает без задних мыслей! И вскоре он подходит к ней со своими настоящими намерениями: "Ты можешь заработать деньги, если будешь поставлять мне кое-какие секретные вещи. " Он не упоминал, что они предназначались бы для русских. Он только сказал "для одной зарубежной страны", и что так "делают все и в этом нет ничего особенного. "

Когда Лаура отказывается, Джон, не теряя времени, обращается к своему брату

Артуру. Арт Уокер работает на фирме "VSE Corporation", обеспечивающей корабли ВМС США важным оборудованием. Законы о борьбе со шпионажем ему знакомы, перед приемом на работу в "VSE" его соответственно учили этому и тщательно проверяли на предмет его надежности как носителя "конфиденциальных" сведений.

Джон Уокер целится с уверенностью в слабое место Артура, чтобы завербовать его и сделать податливым перед желаниями КГБ. Он упрекает своего брата в том, как легкомысленно тот в 1979 году растратил деньги и потерял все перспективы на успех управляемого ими обоими семейного предприятия "Walker Enterprises". В конце концов, это были деньги Джона, а Арт не сумел с ними обращаться. Потому он должен "немного" своему брату.

У Артура было нехорошее чувство в связи со всей этой затеей, но он не хочет сердить Джона. Так что он "умыкает" два документа с грифом "конфиденциально".

Джону этого слишком мало - чему удивляться! В конце 1981 года он оказывает на Артура сильное психологическое давление, чтобы тот поставил "что-то посущественней". Но как? Работа Артура не дает ему доступа к совершенно секретному материалу!

По нужде Джону Уокеру приходится после неудачи с Лаурой и Артуром усиленно обхаживает своего сына Майкла. Целенаправленно он готовит из него шпиона.

В 1982 году Майкл Уокер поступает на службу в ВМС США. Уже два года спустя, поднявшись по служебной лестнице, он попадает в 1984 году как раз туда, где он может пригодиться папе Джону - в отдел оперативного планирования атомного авианосца "Нимитц" - настоящую золотую жилу для молодого шпиона КГБ с массой секретных и совершенно секретных материалов о новейших системах вооружений западного военного блока, о спутниках-шпионах и детальных оперативных планах на случай войны.

Вспоминая это время, Майкл уверен, что отец "продвигал" его не только с целью сохранения своих связей с КГБ, но к тому же "регулярно обманивал" во всем, что касалось финансовой пользы от него как от поставщика Джона Уокера. Майкл до сих пор обижен:

"Мой отец обещал мне пять тысяч долларов в месяц. За всю мою шпионскую карьеру, такую короткую для меня и, наоборот, такую долгую для других, я получил всего одну тысячу долларов. Это нужно рассмотреть с точки зрения времени. Мне придется отсидеть за решеткой как минимум двадцать пять лет, так что за каждый день в тюрьме я получил меньше 25 центов. Вот так шутка!"

Даже после более девяти лет заключения папа Джон не выказывает никакого раскаяния, слыша этот аргумент своего сына: "Работа шпиона кормила человека, занимавшегося ею. Мой сын смог бы меня заменить. Так я тогда это себе представлял. Свои деньги я, в основном, вложил в недвижимость. Мой план состоял в том - и я кое-чем уже занялся в этом направлении - чтобы подсчитать наконец выручку. Я хотел сбежать, совсем скрыться из виду."

На этой продвинувшейся стадии нашего интервью с Уокером-старшим нас уже даже это больше не удивляет: сделка с Советами как "легитимное" наследство "шпионской династии Уокеров". Об этом мечтал дилер. Ведь все было так легко!

В октябре 1981 года, не обращая внимания на угрозы Джона Уокера, с флота окончательно увольняется Джерри Уитворт. В этом шеф удачливой шпионской сети видит подтверждение своих мрачных предчувствий. Джон в бешенстве. Но что он уже может предпринять?

Как мы сегодня знаем, реакция КГБ на выход Джерри из игры была совсем не такой, как боялся Джон. "Он (Уитворт) всегда был достаточно умен для надлежащего выполнения своих заданий и всегда тщательно готовился к нему. Мы сожалели об его уходе, но восприняли его с пониманием." - говорит Борис Соломатин. Избранная ведущим офицером Джона формулировка больше напоминает рекомендательное письмо работодателя заслуженному сотруднику фирмы после его увольнения по собственному желанию, чем вторую древнейшую профессию в мире. Только от обычной фразы в конце удержался Борис Александрович:

"В его дальнейшей карьере мы желаем ему всего

хорошего!"

Планы на будущее у Джерри в начале 1984 года включали в себя не только подведение финансового баланса между дебетом и кредитом. Он хочет удостовериться, что его переходу к совершенно новому отрезку жизни больше ничего не будет угрожать. Отправив несколько анонимных писем, Уитворт пытается вступить в сделку с КГБ - в обмен на освобождение от тюремного наказания сообщить об измене супершпиона!

Джерри выразительно подчеркивает свой мотив, сидя нынче в тюремной камере в Ливенуорте, штат Канзас:

"Это должно было прекратиться! Уокер затягивал все больше людей. Это уже было безумием!"

После короткой паузы Уитворт прибавляет: "Я не хотел рисковать чудесной жизнью - моей жизнью!"

Возмущение Джерри звучит малоубедительно, в отличие от раскаяния, отчетливо чувствующегося в его словах. Вообще, кажется, что он единственный член шпионской сети, который за решеткой серьезно задумывается о своей жизни и о последствиях своих действий:

"Нет никаких сомнений, что я злоупотреблял доверием в самой тяжелой форме. И я заслужил бы самое суровое наказание, если бы я знал все с самого начала. Но я же не

знал! Контакт с ФБР мне пришлось, в конце концов, снова прервать.

Они совсем не хотели заняться ядром проблемы. но только хотели обвести меня вокруг пальца и, черт побери, применить свои параграфы законов. "

Шпионская сеть Уокера лопнула по другой, более понятной причине. 17 ноября 1984 года Барбара Уокер звонит в телефонную справочную службу. Она хочет узнать, есть ли где-то поблизости от ее дома близ Бостона, штат Массачусетс, отделение ФБР. "В Хайннисе," - звучит ответ. Через пять минут она по телефону звонит агенту ФБР Уолтеру Прайсу. Прайс сразу замечает, что женщина на том конце провода совершенно пьяна. История о ее муже, якобы шпионе КГБ, звучит фантастически. Тем не менее, Прайс соглашается заехать к Барбаре.

Через две недели после звонка в ФБР наконец-то происходит ее встреча с федеральным полицейским. После двухчасового интервью с Барбарой он так ни в чем и не уверен. Как ему измерить, сколько правды в показаниях разведенной супруги и очевидной алкоголички, которая хочет подставить под топор своего бывшего мужа за то, что он развлекается с молодыми женщинами? Сведения о шпионской деятельности ее бывшего мужа не кажутся основательными агенту Прайсу. Результат: "Информация не оправдывает дальнейших усилий. " Такой вывод делает Уолтер Прайс после своего краткого отчета, который попадает во внутреннее "нулевое досье" - "собрание сказок" ФБР в Бостоне.

Весь декабрь 1984 года и первые две недели января следующего года Барбару никто в ФБР не беспокоит. За это время Лаура позвонила своей матери в Буффало, чтобы поздравить ее с днем рождения. С этого времени дочь Барбары тоже знает о визите ФБР: "Я информировала федеральную полицию только потому, что муж Лауры Марк похитил ее сына," - объясняет Барбара Уокер.

"Тогда речь шла о родительских правах на маленького Криса. Марк знал о шпионской деятельности Джона и шантажировал этим Лауру, чтобы она оставила Криса ему. Это было основной причиной моего решения предать Джона. Как только он был бы обезврежен, Лаура могла бы получить назад своего сына, о котором мы не знали ни что с ним, ни где он. "

Для Лауры Уокер продолжающееся неведение о судьбе ее сына Криса стало, наконец, поводом в середине января снова позвонить Барбаре.

"Я хотела узнать, что вышло из контакта моей матери с мистером Прайсом," - комментирует сегодня Лаура, "меня устраивало любое средство, чтобы вернуть моего сына, Никогда я не пожертвовала бы им ради отца!"

Лаура обещает матери со своей стороны поговорить с агентом ФБР, чтобы придать больше достоверности показаниям Барбары. И действительно, после этого Прайс еще раз пишет отчет, копии которого на сей раз даже отсылаются в Вашингтон и Норфолк. Пока бумага в огромном здании центра ФБР "Дж. Эдгар Гувер Билдинг" в Федеральной столице не интересует ни одну человеческую душу, заместитель начальника секции ФБР в Норфолке, штат Вирджиния, совершенно иначе рассматривает дело Уокера. Это и есть специальный агент Боб Хантер.

"Моей первой мыслью было: "Я тоже выпил бы для храбрости, перед тем, как решиться на звонок, который, как я знал, совершенно изменил бы мою жизнь. " И Барбаре было это тоже совершенно понятно, до того, как она взяла телефонную трубку, чтобы проинформировать местное отделение ФБР. "

Боб Хантер обсуждает этот вопрос со своим непосредственным шефом Джозефом Уолфингером. Оба согласны, что это дело надо основательно расследовать. Им не нужно выдумывать для этого объяснений: Джон Уокер живет в районе, за который они отвечают.

В начале марта 1985 года Боб Хантер связывается с Уолтером Прайсом в Хайннисе.

Он хочет убедить Барбару Уокер пройти проверку на детекторе лжи. Кроме того, Хантер просит о поддержке своих коллег в Буффало. Они должны выяснить правдивость Лауры Уокер и ее готовность к сотрудничеству с властями.

В течение четырнадцати дней специальный агент из Норфолка получает два положительных ответа. Барбара выдержала тест на детекторе лжи, и Лаура тоже заявила о своей готовности к сотрудничеству. Хантер готовит следующий шаг. Он лично хочет попросить Лауру позвонить отцу по телефону и забросить "наживку", потому что "к началу расследования я надеялся и даже тихо молился, что Джон Уокер до сих пор активный шпион. "

Именно это и есть самая большая неизвестная величина в уравнении Боба Хантера.

Если есть вообще хоть какой-то шанс разоблачить зловещего шпиона, то только поймав его с поличным. 15 марта 1985 года Лаура звонит отцу домой в Норфолк. Свое дело она делает великолепно. Лаура рассказывает о своих проблемах и бедах, постоянной нехватке денег дома - и о ее намерении возможно скоро снова вернуться на военную службу. Реакция Джона дает Хантеру первую улику. После 15 минут незначительной беседы, в которой Уокер все время самым жестоким образом ругает свою дочь, потому что она якобы оставила его на произвол судьбы, его голос внезапно совершенно меняется, становится спокойным, почти отеческим. Уокер пытается определить род войск и должность, которой она заинтересуется в армии.

Когда Лаура бросает реплику, что думает и о попытке получить место в ЦРУ в Лэнгли, но не знает, пройдет ли проверку на детекторе лжи, Джон прерывает ее решающим для Хантера утверждением:
"Там у тебя действительно могли бы быть проблемы."

Боб Хантер понимает, конечно, что он этим еще не получил никаких улик против Уокера, пригодных для суда, но зато получил отправные точки, оправдывающие установку "жучков" в бюро и доме Джона. 12 апреля 1985 года суд Норфолка дает на это свое разрешение.

Почти через месяц ожидания в засаде 16 мая 1985 года поступает решающая улика. "Джону Уокеру," - сообщает нам сегодня Хантер, "в этот вечер позвонила его мать из Скрэнтона, штат Пенсильвания. И она сказала: "Джонни, твоя тетя Эмилия заплатила по векселям", что означало, что она умерла. Мать Джона сказала своему сыну, что ожидает его на похоронах в следующую субботу.

А Джон? Что он ответил? "Мама, мне очень жаль, но я не смогу приехать, мне нужно будет сделать кое-что важное."

Что могло быть так важно, чтобы отказаться поехать на похороны своей любимой тети, которая в детстве воспитывала его много лет, и которую он очень уважал? Из-за этого я направил на него все мои антенны и пришел к выводу, что на следующий уикэнд мы должны осуществить наш план действий под кодовым названием "Windflyer" - "Летающий по ветру".

Операция "Windflyer" начинается ранним утром 18 мая 1985 года. Стратегия его предусматривает поимку Джона в момент совершения преступления, и для этого, если нужно, следовать за ним до Вашингтона. Всего в операции задействовано почти сто полицейских.

Суббота оканчивается для них полным разочарованием. Все, что делал Джон 18 мая, это подстригал газон и провел несколько приятных часов на своей новой лодке-даче. Хантер: "Все никак не походило на Джеймса Бонда. Это было нервное напряжение и скука, и мои парни скоро начали насмехаться: ради чего, мол, нужна вся эта магия с наблюдением с вертолетов и слежкой на земле. . .

Я только сухо заметил: "Я хочу видеть вас всех на постах в воскресенье, ровно в семь утра" Парни были "в восторге", уж поверьте мне!"

19 мая 1985 года команда Хантера ранним утром снова в полном составе разместилась на позициях. Когда подозреваемого до 10 часов все еще не было видно, Боб Хантер решает быстро сбежать в "Макдональдс" недалеко от дома Джона и выпить чашечку кофе. "Когда я вошел туда и повернулся направо, меня как будто громом ударило!" - с удовольствием записывает в протокол Боб, "кого я вижу там, с чашкой кофе и утренней газетой? Джона Энтони Уокера! Я не мог этого никак понять и только думал: "Что, черт побери, тут, собственно, происходит?"

Я сразу повернулся на каблуках и позволил себе сперва напомнить некоторым джентльменам, что мы профессионалы и должны испытывать некоторую гордость, выполняя наши задания! И так, мы снова вернулись на позиции и ждали. И ждали. Я пообещал моим людям: если Уокер до часа дня не пошевелится, то мы прикроем всю нашу лавочку и отдохнем во вторую половину дня. К счастью, Джон в 12. 10, то есть за пятьдесят минут до истечения срока, вышел из дома, сел в микроавтобус и покинул свой район."

Собственно, Уокер слишком рано приступил к делу в этот день. Заполнение "мертвого почтового ящика" ("dead drop") предусмотрено только после наступления темноты. Но так как Джон все равно ничего не планировал на послеобеденные часы, то он выезжает слишком рано, чтобы в месте назначения успеть слегка вздремнуть.

В интервью Боб Хантер не может скрыть возбуждения, которое переполняет его даже сегодня, когда он вспоминает о тогдашней охоте за агентом: "Мы сначала незаметно преследовали Джона от Норфолка до Ричмонда. Он ехал на удивление сложно, как будто специально хотел выяснить, нет ли за ним "хвоста". Потому моя команда преследователей на восьми машинах шла на большой дистанции от него. Только наш человек в самолете никогда не упускал Уокера из виду. Я спрашивал его: "Повеселимся ли мы, в конце концов?" А он отвечал: "Пока нет.", потому что все еще существовала возможность, что Джон, объезжая Ричмонд, свернет в другом направлении, а не на Вашингтон.

Примерно в без четверти три мой коллега на двухмоторной "Цессне" снова вышел на связь: "Боб, теперь мы повеселимся!" Тут операция "Windflyer" действительно пришла в движение. "Форд АстроВэн" Джона несся теперь по шоссе № 95 в направлении Федерального округа Колумбия. В этот момент мне стопроцентно было понятно, что Уокер действительно движется к "мертвому почтовому ящику". Дело начинало принимать захватывающий оборот!"

Момент наивысшей концентрации для Хантера и его людей наступает ровно в без пяти минут пять. Когда Джон Уокер достигает границы города Вашингтона, группа преследователей из Вирджинии должна передать оперативное наблюдение федеральной

полиции столицы Соединенных Штатов.

Смена караула в воздухе и на земле приводит к катастрофе для сыщиков. Джон как под землю провалился - просто исчез из виду. На шоссе в округе Монтгомери, в заросшей лесом местности на некоторое время прерывается выполнение плана поймать Уокера на месте преступления - шпионажа в пользу КГБ.

У Боба Хантера даже сегодня мурашки пробегают по коже, когда он думает об этом событии:

"Я был одним из руководителей операции, и ребята из вашингтонского отделения ФБР срывали на мне всю свою злость. С моей стороны было, мол, глупостью, не установить на машине Джона мини-передатчик, во всем был виновен только я. Меня назвали "неудачником", и еще Бог знает что вылили мне на голову. При этом каждый прекрасно знал, что Уокер был специалистом по электронике, и прицепить к нему "tracking device" (радиомаячок) было бы слишком рискованно.

Опустив голову, я сидел в центральном управлении, настроение упало до нуля, вокруг мрачные взгляды, холодная антипатия повсюду - а затем, что за божественный рок, мы внезапно без четверти восемь слышим возбужденный голос с самолета, который по нашему приказу кружил над районом, где мы потеряли Джона из виду: "Он снова здесь! Мы висим у него на хвосте!" У меня камень с души свалился!"

Наблюдатель в "Цессне" в тот вечер передал еще одно, последнее и обрадовавшее всех сообщение. В девять часов, за несколько минут до наступления темноты, сделавшей бы воздушное наблюдение невозможным, он сообщает, что Джон Уокер остановился у огромного дерева на Партнершип-Роуд.

"Как только Джон уехал, я, конечно, сразу послал наши поисковые группы, чтобы узнать, не оставил ли он там чего-нибудь. Ровно в половине десятого в тот же вечер пришла спасительная информация: "Есть! Мы нашли пакетик!"

Mission accomplished! Задача выполнена! И это был самый первый случай в истории ФБР, когда мы поймали шпиона с поличным!"

Когда Уокер после несостоявшегося обмена, особо не нервничая, снова входит в отель "Рамада Инн" в Роквилле, Хантер получает у окружного прокурора ордер на его арест. Вечером 21 мая 1985 года были взяты все участники шпионской сети: сын Джона Майкл, брат Джона Артур, друг Джона Джерри Уитворт. Джон Уокер всех их завербовал, пользовался ими, а в конце - предал.

Американская юстиция быстро разделалась с самой успешной и принесшей самый большой вред в истории США шпионской сетью.

Джерри Уитворт был приговорен к 365 годам тюремного заключения; освобождение - не раньше, чем после 107 лет "отсидки".

Артур Уокер получил три пожизненных заключения и штраф в четверть миллиона долларов.

Майкл Уокер приговорен к двум срокам по двадцать пять лет и трем срокам по десять лет; досрочное освобождение - не раньше, чем после отбытия шестнадцати лет в тюрьме.

Джон Энтони Уокер получил два пожизненных заключения и еще сто лет впридачу.

Он все еще надеется, что будет досрочно освобожден за хорошее поведение. Ведь ему, в конце концов, нужно уладить еще "кое-какую мелочь".

Перебежчик

"Из него вышел бы прекрасный продавец," - вспоминает его бывшая возлюбленная. "Он мог бы кому угодно всучить мешок угля, под видом мешка золота. При этом он никогда не говорит, что это, мол, золото." Человек, о котором она говорит, кое-чего в жизни добился.

Его имя теперь звучит как Петер Фишер. Свою профессию он определяет нынче, как банкир-инвестор и биржевой маклер. Он родился в 1947 году. У него бронзовый загар, фигура тренированного спортсмена и уже много лет - усы в стиле "мачо". Его жизнь проходит на полосе обгона. Он любит деньги, быстрые машины, красивых женщин, экстремальные виды спорта, но прежде всего - риск. Об этом он говорит с удовольствием - с легким саксонским акцентом. Говоря по телефону, (а звонит он всегда, повсюду и долго), он при случае переходит на английский язык.

Тогда речь идет о запланированных встречах, ожиданиях изменений курсов валют, о иенах и долларах - или, с недавних пор, о недвижимости. В Лейпциге он купается на волне подъема на Востоке. "Этот город," и слова эти звучат в его устах, как будто он хочет его продать, " гудит. Отсюда отправляется почта. " Петер Фишер принадлежит к успешным людям этой страны, к динамичным, к победителям.

У Петера Фишера есть прошлое. Он был ведущим агентом Главного управления разведки (НВА) Министерства государственной безопасности ГДР в звании старшего лейтенанта. Звали его Вернер Штиллер - тогда, в другой жизни, в маленькой и затхлой стране по имени Германская Демократическая Республика.

Прибыли, которые с таким успехом сейчас получает Петер Фишер, считались принадлежностью классового врага, эксплуататоров и капиталистов, бороться с которыми клялся Вернер Штиллер.

Банкир Петер Фишер часто и охотно говорит о шпионе Вернере Штиллере. В телепрограммах Биолека и Готтшалька, в журнале "Шпигель" и в своей книге "В центре шпионажа". Вернер Штиллер, шпион, пришедший к средствам массовой информации. Страх? Страх был однажды, когда за ним охотились преследователи Мильке. Миллион марок предлагал шеф Штази за предателя, живого или мертвого.

Когда "фирмы" на Норманненштрассе больше не было, когда никто не мог бы заплатить деньги за его голову, Петер Фишер вышел на публику под именем Вернера Штиллера.

В декабре 1993 года мы встречаемся с Петером Фишером в бывшем центральном здании Штази в восточно-берлинском районе Лихтенберг. Тридцать тысяч официальных сотрудников из дома на улице Норманненштрассе управляли гигантской сетью подавления внутри страны и подрывной деятельности за ее пределами. Гигантский комплекс сейчас называется ЛСС . "Конгресс-центр Лихтенберг". Кабинет Вернера Штиллера находился на пятом этаже безвкусного многоэтажного здания. Здесь размещалось Главное управление разведки (НВА), часть Штази, занимавшаяся внешней разведкой в интересах ГДР. Туда, откуда до конца 1989 года кадры "Отдела науки и техники" Штази управляли своими разведчиками в отраслях развития науки и технологий ФРГ, сейчас переехало управление Акционерного общества железных дорог "Deutsche Bahn AG".

Комната 506, бывшая каморка Вернера Штиллера: Петер Фишер как-то не вписывается в спартанскую офисную мебель производства восточногерманских "народных предприятий". "Прожить всю жизнь в этой тесной ГДР, навсегда остаться взаперти," - отвечает его бывшая жена на вопрос, почему сбежал ее муж, "это он никогда не смог бы вынести, " Фишер стоит у окна и по "мобилке" обсуждает планы поездок на следующей неделе: Нью-Йорк, Лондон, Гавана ("туда нужно попасть, пока это не сделали другие"). ГДР проиграла и потому, что не могла предложить никаких перспектив таким людям, как Штиллер.

"Министерское строение" Эриха Мильке сегодня стало музеем и мемориалом.

Запись в книгу почетных гостей: "Старая мечта осуществилась. Он сидит в Плётцензее, а я за его письменным столом. Вернер Штиллер (Петер Фишер). " Мильке, правда, отбывает свое наказание в тюрьме Тегель, а не в Плётцензее, но Штиллер действительно сидит напротив нас в кресле Мильке. За ним опустошенный бронированный сейф. Перед ним несколько приставленных друг к другу столов для обсуждений и для таких примечательных конференций, как та, что состоялась 22 января 1979 года. Тогда "Ужас ГДР" бушевал перед своими верными соратниками самого высокого ранга. В таком состоянии этого холерика никто еще не видел, вспоминает один из тех, на которого тогда обрушилась ярость Мильке. Причина: два дня назад Вернер Штиллер перебежал на Запад. С двумя чемоданами самых секретных сведений изнутри НВА.

Такого удара привыкшее к успехам Министерство государственной безопасности, щит и меч партии, еще никогда не испытывало. "Предательство" как гром среди ясного неба, что-то невообразимое для этого твердого ядра немецких коммунистов. Рана, которая не зажила и сегодня:

бывшие коллеги Штиллера даже сейчас источают

раздражение и ненависть, слыша имя "изменника".
Упреки в предательстве не вызывают больших эмоций у Петера Фишера: "Я, изучая в школе фашизм, выучил, что нельзя предать плохое дело. Я считаю, что МГБ было совершенно плохим делом - в моем понимании это было преступным объединением, потому обвинение в предательстве меня вообще не трогают. Как раз наоборот. Но, в любом случае, мне придется принять упрек со стороны нескольких моих агентов, которых я посадил в тюрьму, и это действительно так. В том или другом отдельном случае я даже сожалею об этом. Но с другой стороны, они точно знали, что делали. Они знали свой риск - так же, как и я знал мой риск. "

Петер Фишер рассказывает свою версию истории: в которой он, кто после подавления "Пражской весны" в душе порвал с социализмом. Который с отвращением к подавлению и лицемерию режима СЕПГ по поручению Федеральной разведывательной службы ФРГ БНД годами делает карьеру в самом сердце ненавистного врага. Который в тесном сотрудничестве и под управлением ведущих агентов - "кураторов" из Пуллаха ведет жизнь двойного агента. И которого, в конце концов, единственная ошибка - любовная связь с женщиной по имени Хельга -заставляет раньше времени покинуть "район операции".
Классная история, история для шпионского фильма. Но это смесь из вымысла и

правды - дезинформация, намешанная сотрудниками БНД. Она должна запутать противника, а также - что тоже важно - отполировать славу пуллахских «рыцарей плаща и кинжала». До сих пор БНД отказывается предоставить информацию о деле Штиллера.

Обо многом молчит и сам герр Фишер: "Моя лояльность все еще принадлежит БНД." Правду нам придется искать другими путями. Никто не знает ее лучше той женщины, которая сделала возможным побег Штиллера. Хельга Михновски сыграла ключевую роль в планах перебежчика. Это выяснили и те, кто на много лет раньше нас занялся поисками правды в деле Штиллера: специалисты Второго Главного отдела (НА II) МГБ. Их задача - контрразведка.

Охотой на обоих "предателей" НА II занимался до конца существования ГДР. Досье OV (Operative Vorgaenge) - "Оперативные процессы" под названиями "Шакал" (о Штиллере) и "Щетина" (о Михновски) включают более дюжину папок. Чудом они избежали уничтожения. До самых мелких и интимных деталей сыщики Штази стремились документировать фон и мотивы "измены". Собственной цели они не достигли: не выяснили, куда пропали "предатели". Но мы искали - и нашли - Хельгу Михновски - любовницу и партнершу Вернера Штиллера.

Новая родина Хельги Михновски - как декорация с телевидения. Внизу шумит океан.

Пальмы, цветы, бульвары, красные кирпичные крыши над белыми домами.

Вокруг благополучие американского "среднего класса". Дом Хельги - бунгало с "патио" - мощным внутренним двориком, светлый, свежий и американский. На ухоженном газоне перед гаражом резвится колли, муж Хельги Боб возвращается с игры в гольф.

Хельгу, как и раньше, опекает ЦРУ. Ее новое имя хранится в секрете.

"Этот Вернер Штиллер," - немецкий язык Хельги уже с сильным американским акцентом, "всегда рассказывает ровно столько, сколько ему нужно, чтобы чего-то добиться." Она знает его версию истории, но до сего времени она молчала о ней. Теперь она хочет говорить. Чувствуется, что некоторые раны еще не зажили. И она снова хочет увидеть родину. Мы гарантируем перед ЦРУ защиту ее новой биографии и приглашаем ее в Германию.

"Какое здесь все маленькое и низкое." Свою родную Тюрингию Хельга Михновски помнила другой. Мы едем через Оберхоф, вокруг зима, серый день: большого контраста с выбранной ею родиной и быть не может. И вот он перед нами - отель "Панорама": гигантский "кирпич" на тысячу мест, в форме трамплина для прыжков на лыжах, бывшая жемчужина в сети первоклассных гостиниц "Интеротель". Его персонал принадлежал к элите республики: контакты с иностранцами, чаевые в валюте, образцовый гастрономический ассортимент, собственный валютный "Интершоп". "У нас было особое положение, мы располагали связями. У меня была хорошая квартира и западные деньги. В принципе у меня не было важных причин, чтобы уходить."

После объединения Опекунский совет продал отель. Почти все бывшие коллеги Хельги уволены. "Ресторан Тюрингия" теперь столовая для путешествующих на туристических автобусах любителей кегельбанов и послеобеденных экскурсий "на чашку кофе". Пятнадцать лет назад он был предназначен только для "валютных гостей" и граждан ГДР с особым заданием. Вернер Штиллер высоко ценил его как первоклассную явку со своими агентами с Запада.

Однажды зимним вечером в январе 1978 года Штиллер трапезничал в нем один. IM ("неофициальный сотрудник"), инженер с "Сименса" должен был появиться только на следующее утро. Официантка Хельга и ее клиент разговорились. Она была сердита на власти ГДР: ей не разрешили поездку "по необходимым семейным обстоятельствам" на свадьбу ее брата. Брат, рассказывает она, живет совсем близко в баварском городе Кобург. Но, по меньшей мере, скоро он сам сможет навестить ее.

Клиент навострил уши. Женщина очень интересуется его. Он приглашает официантку в бар, после окончания рабочего дня. Но личные контакты с гостями персонала "Панорамы" запрещены. Хельга знает уютный танцевальный бар в Оберхофе.

У Штиллера есть "Вартбург". Но за окном уже идет сильный снег. Штиллеру нужно было прицепить цепи противоскольжения и он при этом запачкал свою рубашку.

"И тогда я поднялась с ним в его номер и постирала его рубашку, и мы нашли у него в холодильнике кое-что, чтобы выпить. Это здесь было обычным делом. Мы выпили шампанского, и я была в восторге от того, как он говорил. В нем было что-то от поэта, когда он говорил о делах. И он делал комплименты, не преувеличенные, но те, которым веришь."

Штиллер рассказывает Хельге, что он работает в министерстве народнохозяйственной техники и что он - ученый-физик. "Если бы я тогда узнала, кто он на самом деле, когда познакомилась с ним, то из этого никогда ничего бы не вышло." - говорит сегодня Хельга Михновски. Вернер Штиллер знает, что ему нужно осторожно подходить к делу и он знает: случай предоставил ему решающий шанс в его жизни. Он так много лет ждал этого момента!

Вернер Штиллер родился 24 августа 1947 года в Весмаре. Он был внебрачным сыном сельскохозяйственной работницы. Из безотрадной деревни между Лейпцигом и Галле мать и сын переезжают в промышленный город Лейну. Вернер, сын рабочего класса, становится функционером "пионеров-тельмановцев" и Союза Свободной

немецкой молодежи FDJ. В августе 1966 года его направляют для изучения физики в университет имени Карла Маркса в Лейпциге. Он быстро женится на однокласснице, становится отцом. Это удобный метод в ГДР: так быстрее можно получить квартиру. Тут они узнают, что не подходят друг к другу. Через два года брак распался.

Штиллер - один из многих, кто плывет по течению. Это "совершенно нормально", потому что только верные линии партии имеют какие-то шансы: "Я хотел закончить школу, стать студентом, а к этому относилось и определенное, лояльное к системе поведение. Гериберт Хелленбройх, который будучи шефом Федерального ведомства по защите конституции допрашивал Вернера Штиллера после его побега, назвал его "аполитичным типом". Что "страшно злило" Штиллера, так это то, что порядки Штази "не позволяли иметь подруг вне брака" женатым мужчинам.

"Этот Вернер Штиллер был совершенно ортодоксальный товарищ СЕПГ - иначе его никогда не сделали бы секретарем FDJ курса," - вспоминает Франк Массманн, тогда его ближайший друг, арестованный пару лет спустя за попытку побега из республики. "Но я скоро понял, что у него есть две стороны. С одной стороны, он никогда не скрывал, что он - член партии и настоящий социалист, но с другой стороны смотрел на все это дело довольно свободно. Он не отказывался от удовольствий жизни."

Прежде всего, Лейпцигская ярмарка доставляет дважды в год радость в жизнь студента. Штиллер подрабатывает в ресторане на ярмарке. Там он осенью 1969 года знакомится с венгеркой Эржебет.

"Во всяком случае, это была любовь с первого взгляда." Когда Эржебет Тота сегодня вспоминает о той встрече, можно догадаться, что тогда могло произвести на нее впечатление. "Сорвиголова, он уже тогда любил опасность, в нем всегда было что-то спонтанное. . и он был милым, очень милым парнем." Жгучая "Эржи", как называл ее Штиллер, была тогда моделью в рекламе холодильников производства "народных предприятий". Штиллер каждый месяц ездит в Венгрию, в 1970 году он женится.

Франк Массманн первым узнает о жаркой связи: "Она просто классная," - сообщает ему Штиллер о своей страсти, "и он может на ней жениться, ее отец там шеф мастерской, а так как он станет венгром, то сможет несколько раз за год ездить на Запад, а это было бы просто замечательно. Он не сказал, что хочет сбежать, но свобод даже у венгра было куда больше, чем у гражданина ГДР. Здешняя затхлость ему совсем не нравилась. Немного позже на связь с товарищем Штиллером выходит МГБ. Ему обещают, в любом случае так он сегодня объясняет свою готовность к сотрудничеству, обучение и использование за границей: "Это было как раз то, что я хотел." В качестве обучения

Штиллер под псевдонимом IM "Штальманн" вынохивает сведения у выставочных стендов западногерманских экспонентов. Затем проходит год учебы в Берлине на старшего референта "Физического общества ГДР", маскировочной "крыши" Штази.

"В присутствии ученых он недвусмысленно высказывает свое мнение по вопросам ведущей роли рабочего класса, оценки западногерманского империализма," оценивает Штиллера его направление на новое место работы (пометка: "Совершенно секретно!") Главного управления по кадрам и обучению МГБ. "По оценкам, кандидат ведет гармоничную семейную жизнь. Его прошлое отношение к женщинам преодолено, он стоит на правильной позиции. По характеру кандидат решительный, расторопный, умный товарищ с разносторонними интересами, который умеет хорошо вписываться в коллектив. . Кандидат способен к дальнейшему развитию."

1 августа 1972 года Вернер Штиллер подписывает свою "присягу" в качестве лейтенанта отдела XIII Сектора науки и техники (SWT) Главного управления разведки. Сектор науки и техники занимался промышленным шпионажем для ГДР. Речь шла о конспиративном получении научных сведений, которые могли быть применены в технологически отсталом народном хозяйстве, а прежде всего в военно-промышленном комплексе ГДР (и СССР). Вводный курс секретной академии Главного управления разведки в Бельциге физик Вернер Штиллер сдает на "отлично". Но семья Штиллеров переезжает не на Запад, а на улицу Штерндамм в Восточном Берлине, поселение Штази. Штиллер становится председателем домового комитета, организует стрижку газонов, высаживает и ухаживает за живой изгородью, занимается строительством детской площадки.

"Вернер всегда был тем, кто играл первую скрипку, то ли на собрании жильцов дома, то ли на работе, или после нее, попивая пиво." Вернер Штиллер заботился о настроении. С Гюнтером Либхеном и его женой, соседями и коллегами. Штиллеры даже вместе ездят в отпуск на Балтику на нудистские пляжи. "На пляже Вернер принесил на обед шницеля, а затем газету "Нойес Дойчланд" с замечанием: "А теперь посмотрим, у власти ли мы еще." Он был, говорит Либхен, хороший товарищ, фанат автомобилей - и одновременно партиец на двести процентов: "И этим все тогда было сказано. С такими людьми лучше всего, если получается, вообще не заводить никаких политических дискуссий - это было ясно."

Бывшая супруга "Эржи" тоже воспринимала своего мужа как "стопроцентного". "У нас не было западного телевидения и не было политических анекдотов." Эржебет, как она говорит, попала в Германию "политически слепой": "Когда я впервые увидела Стену,

то начала плакать. Я просто представила, что Буда и Пешт разделены, и мои родители и братья и сестры живут по другую сторону Стены, и я не могу их больше видеть." Но Эржебет пришлось отказаться от венгерского гражданства и заняться марксизмом-

ленинизм: "Когда-то я прижилась. Да, меня воспитал Вернер. "

Для Штиллера решительное признание в любви ГДР не было ничем иным, кроме "ограничения риска". Потому - ни слова жене о своих идеологических мучениях (и уж тем более о планах покинуть когда-нибудь ГДР). "Вдруг она рассказала бы это соседу и подвергла бы меня этим опасностям. Я хотел исключить это. "

"Итак, то, что я мог приотворяться, я доказал и позже. Мне, вероятно, нужно было это уметь. Мне не было очень трудно вести двойную жизнь. " Штиллер называет это "способностью к активной шизофрении. " Она широко распространена, считает он, "ведь каждый женатый мужчина, имеющий подружку, находится в такой же ситуации. Способность к двойной игре каким-то образом заложена в нас с рождения. Конечно, в таком виде двойной игры возникает экстремально напряженная ситуация - и ее нельзя долго выдержать. "

Но отношение Штиллера к режиму СЕПГ выражается пока только в форме внутреннего отчуждения. "Извне", на своем рабочем месте в НВА, молодой " чекист" (так называют себя люди Штази, копируя советский КГБ) производит впечатление своими успехами на невидимом фронте. В 1975 году после трех лет службы он получает звание старшего лейтенанта за "творческую, с применением всех сил деятельность. " Через год его награждают бронзовой медалью "За заслуги" НВА: "Ему удалось развить квалифицированный подход. . . " СЕПГ принимает "верного партии товарища, отличающегося постоянной партийной позицией и высокой оперативной готовностью", в свой "кадровый резерв". В конце 1978 года, сотрудничество с БНД идет уже на максимальных оборотах, Штиллер становится секретарем СЕПГ (и, тем самым, политически важным человеком) в своем отделе Штази.

Разведывательная работа в министерстве, Фишер это даже не собирается отрицать, очаровывала Штиллера и "доставляла очень много удовольствия. Это было интересно: иметь дело с людьми и каждый день узнавать что-то новое, когда что-то происходит вокруг тебя. Я делал свою работу охотно, и я, против своей воли, должен сегодня признать: возможно, даже относительно хорошо. "

Штиллер работает в реферате SWT-1, отвечающим за фундаментальные физические исследования и за ядерную физику. Ежегодно подводится баланс - в Штази тоже царит плановая экономика. Мы располагаем рукописным отчетом Штиллера за 1977 год и его годовым планом на 1978 год. Из них видно, что Штиллер отвечал за 7 "источников" на Западе, среди которых:

- IM "Хаузер", он же Герд Шпербер (имена этих агентов изменены автором), инженер на "Сименс" в Кобурге. Штиллер им недоволен, ставит ему отметку "нестабильность" из-за его семейных проблем;
- IM "Штурм", он же Густав Амер, после карьеры в IBM - самостоятельный предприниматель в компьютерной отрасли. "Его материалы о программном обеспечении систем обработки данных имеют большое народнохозяйственное, а также военное значение". Он должен предоставить ГДР возможность "ознакомиться с системой защиты данных в ФРГ". Несмотря на девятнадцатилетнюю агентурную деятельность его приговорят в 1981 году лишь к 2,5 годам тюрьмы, потому что он поставил "больше количество, чем качество" и поэтому "конкретный ущерб" от его деятельности "Федеративной Республике не может быть определен. ";
- IM "Шпербер", он же Райнер Долль, специалист по термоядерному синтезу и лазерной технике во (французском) Национальном Совете научных исследований. "При вербовке," - помечает Штиллер несколько сложным языком, "ориентировались на долгосрочную концепцию. Добывает важные документы. . . , которые особенно интересны для SU (Советского Союза). ";
- IM "Феллоу", он же Курт Хинце, вышедший на пенсию профессор физики в Гёттингене и специалист по фотокопировальной технике. Он единственный агент, которого Штиллер завербовал самолично - его "рекорд" (Штиллер) в "соревновании к 25- летию ГДР". Западногерманский суд приговорил этого предполагаемого суперагента Штиллера в 1982 году к одному году словно. Объяснение приговора : "Федеративной Республике не был нанесен его деятельностью значительный ущерб. ";
- IM "Клаус", он же Райнер Ф. , бухгалтер в Обществе по вторичной переработке ядерного топлива в Карлсруэ. "Поставляет важные материалы о комплексе ядерной регенерации и конечного хранения. " Благодаря его работе по объекту "Оружие" стали "возможными высказывания на тему намерений ФРГ производить собственное ядерное оружие. " Именно этот аспект сделал "Клауса" важнейшим "источником" отдела. Министра Мильке ничего не интересовало так сильно, как темные планы боннского правительства. Угрожающее миру атомное вооружение - лило бы воду на мельницы пропаганды! Все работники Сектора науки и техники знали, что там ничего подобного нет - но, несмотря на это, все что-то искали. Что действительно поражало коллег Штиллера и многих из них делало циниками, так это все увеличивающееся технологическое отставание экономики ГДР. "Мы получали горы материала, но воспользоваться могли не более, чем 15%," - рассказывает бывший ближайший сотрудник Штиллера Петер Г. После побега Штиллера Петера перевели с "оперативной" работы в аналитический отдел - деятельность, произведшая впечатление: "Именно с самыми лучшими сведениями мы

часто ничего не могли поделать. Как могли наши разваливающиеся предприятия в их тогдашнем положении запрыгнуть в стремительно летящий поезд технического прогресса? У нас даже не было средств, чтобы позволить себе соответствующую производственную технику!"

"Атомный шпион" Райнер Ф. в Карслруэ об этом не подозревал. "Это был агент, о котором пишут в книгах," - с удовольствием рассказывает сегодня Фишер о своем отчаянном IM "Клаусе". "Он был в душе авантюристом и, видимо, радовался самой возможности сделать что-то интересное." Ф. поставил Штиллеру даже "общий главный ключ" атомного исследовательского центра. Обо всем этом Райнер Ф. сегодня ничего больше не хочет знать:

"Как мирные атомные исследователи у нас всегда была необходимость сказать людям с другой стороны: нет, мы не производим никакого атомного оружия. То, что мы делаем, совершенно открыто."

Ф. рассматривает себя теперь как легкомысленную жертву: "Однажды подписав квитанцию о получении денег, с тех пор становишься "завязанным" так, что не выберешься." Он говорит о своем страхе за родственников в ГДР, о том, что ведущие офицеры тоже были "немцы, то есть, мои земляки." А кроме того, у них была "хорошая психологическая подготовка, и они казались очень человечными." О Штиллере он даже заметил бы, что "ГДР не была его духовной родиной."

Встречи в Восточном Берлине проходили в "семейных рамках". "В большинстве случаев." - говорит сегодня Фишер, "можно говорить о приятельской компании. Сначала кратко говорили о делах, а затем звенели бокалы."

Более ста раз Ф. встречался с курьерами Штази на Востоке и на Западе. Эти "неофициальные сотрудники" ГДР (у Штиллера их было около сорока) ездили на Запад как безобидные участники конференций или коммерсанты. "По радио," - вспоминает Ф., "назначалось время встречи. Кроме того, были предварительные явки, почтовые ящики с сигналами в виде прицепленных канцелярских кнопок и прочая чепуха. Вся эта конспиративная деятельность больше привлекала внимание, чем если бы я просто приходил и передавал курьеру бумагу или, позднее, пленку."

Гонорары агента отличались скромностью. Ф., очень педантичный бухгалтер, подсчитывал затраты времени на копирование, подготовку явки и поездки по поручению МГБ. Все это он умножал на свою обычную почасовую оплату плюс доплата за материал ("если мне нужно однажды было купить кинокамеру") и дорожные расходы. Всего девять тысяч немецких марок, как объявил в приговоре главный земельный суд в Штуттгарте в 1984 году, получил Ф. за пятнадцать лет работы восточным шпионом. Эксперты (и источники НВА) оценивают ежегодную выгоду от сведений SWT для экономики ГДР в сумму от 150 до 300 миллионов немецких марок - при расходах всего в 2-3 миллиона марок. "Фирма" Штиллера, таким образом, была с большим отрывом самым прибыльным "народным предприятием" в ГДР.

"Большой вред" нанесли экономические шпионы его противника Маркуса Вольфа, шефа Главного управления разведки и заместителя Мильке, считает в любом случае Гериберт Хелленбройх. Профессиональный разведчик, бывший шеф Федерального ведомства по защите конституции (БФФ) и БНД, он - как и все сословие "надвинутых на глаза шляп" на Востоке и на Западе - находится под сильным давлением постоянного самооправдания:

"Я знаю, что многие люди всегда преуменьшают это (ущерб западногерманской индустрии - авт.), не могут допускать мысли о нем. Но именно Штиллер раскрыл нам глаза. . . Что было бы с ГДР, если бы она не вела бы экономического и научного шпионажа в таком объеме? Возможно, она лопнула бы лет на пять раньше."

Для нелегальной передачи технологий, для тайных встреч с курьерами и информаторами ведущим офицерам Главного управления разведки предоставлялись в распоряжение "конспиративные квартиры (KV). Бывшая конспиративная квартира Штиллера "Бург" ("замок", "крепость") находится в не подходящем на улицу доме в берлинском районе Пренцлауэр Берг. Улица Мариенбургер Штрассе, 5: потрескавшийся фасад, дырки от пуль времен войны, дворы без света. Пять этажей вверх в сумраке. Никто в доме и понятия об этом не имел: "Штази, тут наверху? В такой дыре?"

Невероятное удивление встречает нас во время "исследований на месте". Крошечная однокомнатная квартира (с печным отоплением и туалетом в общем коридоре) - прекрасная маскировка для операций Штиллера для и против МГБ.

Как, думает Штиллер, он сможет установить контакт с БНД, пока делает карьеру на Норманнштрассе. "Вы должны представить, насколько это тяжело - перейти на другую сторону, чтобы этого не заметили свои люди, когда нет своих людей, к которым Вы можете подступиться." Проблема, прежде всего, в том, что Штиллер не может путешествовать на Запад (коллективная экскурсия на чемпионат мира по футболу в Гельзенкирхен в 1974 году была единственным исключением), и у него нет родственников на другой стороне.

"Мне нужно было познакомиться с кем-то, кто мог бы ввести меня в курс дела, кому я мог бы доверять, и у кого были бы все основания не выдавать меня."

Штиллер знал: ему нужно ждать случая. В Оберхофе, как Штиллер понял сразу, он ему представился.

Хельга Михновски была на десять лет старше Штиллера, недавно овдовела и имела тринадцатилетнего сына. Может быть, она была приманкой Штази? Штиллер хочет исключить любой риск и находит повод, чтобы расспросить об этом коллег по Штази в городе Зуль. "Негативные высказывания о ГДР с ее стороны не были отмечены," - сообщают ему в письменном виде, а также "нет никаких доказательств незаконного выезда из ГДР". Штиллер в середине февраля звонит Хельге в Оберхоф: "Мне нужно снова тебя увидеть." Они встречаются в Лейпциге, едут в Карл-Маркс-Штадт, идут в отель. "Меня тогда кое-что удивило," - говорит Хельга. "Когда мы были в гостиничном номере, он искал "жучки" - подслушивающие устройства. Он сказал, что знает, что отель прослушивается. Он не хотел, чтобы кто-то узнал о нашей беседе. И он включил радио на полную громкость. Я тогда ничего не думала - ну да, я думала, что он должен об этом знать." Хельга еще совершенно не подозревает, с кем она связалась. Штиллер рассказывает, что он женат, что у него дочка, но ни слова о Штази. "Он все выдавал по капле. Он мог хорошо оценить, сколько можно выдерживать," - Хельга делает паузу, "чтобы от него не отвернулись или не перестали доверять." В конце февраля Эржебет Штиллер рождает второго ребенка - сына Андреаса. Это тяжелые роды: "Все было на грани риска для нас двоих," - говорит сегодня разведенная жена Штиллера. Штиллер привозит мать и сына из клиники в берлинском пригороде Бух домой. В машине Штиллер говорит, "что у него есть подруга, и что он не может жить без этой Хельги. Я должен тебя покинуть, потому что я не могу больше жить с тобой." Супруга в гневе, она угрожает обратиться к шефу Штиллера. Штиллер утешает Эржебет, мол, он попытается вскоре снова освободиться от Хельги. Пусть она даст ему время. Но: "Затем она смогла заметить, что у ее мужа после пребывания в Оберхофе появились следы царапин на спине, "засосы" и т. д.," - записывал майор Штази Шрёдер после "беседы" с госпожой Штиллер 21 января 1979 года.

Затем приходит момент, когда Штиллер все ставит на одну карту. Это утро в постели в Оберхофе, снаружи уже чувствуются первые признаки весны в Тюрингском Лесу. Момент, который Хельга Михновски никогда не забудет: "Было солнечное утро. Я думаю, это было воскресное утро - в любом случае, я чувствовала себя, как воскресным утром. Мы были в веселом настроении, и это было чудесно. Тут он говорит: "Ну, как тебе понравится, если мы сможем жить вместе и это всегда было бы так? Но мы не можем это здесь. Мы должны уйти на Запад." Хельга шокирована. Она думает о своей прекрасной квартире, об ее коллекции хрустальных ваз. Зачем отказываться от этого? А потом Штиллер говорит, что он сотрудник Министерства государственной безопасности. Он не может жить с женщиной, у которой есть брат на Западе. А он желает нового будущего для них обоих. "Сначала я все это совсем не восприняла. У меня было совсем другое представление об этих людях. Обычно считалось: "Это мрачные, гадкие типы" - а он такой открытый, такой веселый, и у него никогда не бывает плохого настроения." Что бы теперь не вышло, Хельга хочет пережить это с Вернером Штиллером: "Потому что я полюбила его." Он утверждает, что он и его сведения могут быть очень ценными для Запада: "И он сказал, если они только унюхают это, то сразу захотят иметь его."

Штиллер (месячная зарплата которого как старшего лейтенанта Штази составляет тысячу марок ГДР) мог бы, конечно, совершенно просто уйти на Запад, но "я не такой идеалист". Он не хочет "приходить с пустыми руками", потому что, естественно, в том случае, "результат, которого ожидаешь от другой стороны, будет соответствующим. А так как мне было ясно, что мне нужно будет строить новую жизнь, когда-нибудь, то я хотел создать себе хорошие стартовые условия."

Это сделка, которую нужно провести очень тщательно. Возможность выпадает 29 апреля 1978 года: брат Хельги со своей молодой женой приезжает в гости в Оберхоф. Герберт Кросс, на пару лет старше своей сестры, убежал из ГДР, когда ему было двадцать лет. Он "оберштудиенрат" - старший учитель гимназии - и занят, прежде всего, строительством нового дома.

Кросс, как точный человек, записывает все события своей жизни в дневнике. Дело Штиллера полностью задокументировано. В то предобеденное время в квартире Хельги: "Я был несколько удивлен. Когда мы вошли, я встретил в квартире неизвестного господина, которого я до этого не видел." Это, должно быть, ее новый друг, предполагает Кросс. Ведутся вежливые беседы. Затем женщины уходят на кухню, а Кросс и Штиллер одни остаются в комнате.

Штиллер сразу переходит к делу. Он сотрудник МГБ. Кросс ошеломлен: "На это я совсем не рассчитывал." Штиллер говорит, что он хочет сменить фронт, перебежать на Запад. Он недоволен. Он надеется, что Кросс ему поможет. Тот отказывается, старается выиграть время. Но Штиллер не отстает.

"Затем он вытащил из рукава карту, а у меня не было равнозначного козыря. Он сказал, что я должен это сделать не для него, а для моей сестры. И могу ли я оказать

моей сестре такую услугу. Потому что они решили вместе уйти на Запад и начать там новую жизнь. "

Мы не знаем, что потом произошло в Пуллахе. "Федеральная разведывательная служба это секретная разведывательная служба," - ответила нам БНД на наш запрос. "Природа ее работы не позволяет ей давать открыто информацию как касательно ее источников - в том числе бывших- так и касательно методики ее разведывательной работы. "

Но так молчалива БНД не всегда. В многочисленных газетных статьях после побега Штиллера и в (отредактированных и протасненных в публикацию БНД) мемуарах Штиллера "В центре шпионажа" Пуллах распространяет версию управляемого БНД "двойного агента" Штиллера: уже в начале семидесятых годов молодого человека завербовали на Лейпцигской ярмарке (в газете "Бильд" сказано: во время отпуска в Болгарии). В соответствии с заданием, он, как "законсервированный агент" делал карьеру в Главном управлении разведки. В 1976 году он был активизирован, лично управлялся храбрыми и хитрыми курьерами и ведущими офицерами БНД "Гюнтером" и "Карл-Хайнцем". На западногерманскую общественность это произвело впечатление.

Даже в 1992 году (!) журнал "Шпигель" писал о "многолетних" радиоконтактах между БНД и Штиллером и восторженно рассказывал о тайных встречах пуллахцев в Будапеште, Загребе и даже в восточно-берлинском "Бурге".

Факты выглядят иначе:

8 мая 1978 года господин по имени "Вольфганг Риттер" едет в Кобург. Герберту Кроссу он представляется "ведущим офицером" БНД. Что он, Кросс, думает обо всем этом деле? Можно ли всерьез воспринимать этого Штиллера? Кросс мало чем смог помочь: "Я могу себе представить, что он уехал не особенно довольным". В конце мая "Риттер" приезжает снова, теперь со своим шефом постарше. "Весь разговор крутился только вокруг одной точки - вопроса "На сколько можно доверять Штиллеру?". Люди БНД, по впечатлению Кросса, "не имели ни малейшего понятия", кем им придется заниматься. 6 июля (согласно расследованию Штази) агент БНД Дитрих Нистрой едет в Восточный Берлин. За день до этого "Риттер" снова появляется в Кобурге с текстом - описанием тайника.

"Место было детально описано - в Берлине, в одном парке: как туда дойти, какой дорогой нужно двигаться, в каком направлении. В конце концов, в заключении, было описано место его находки. "

Кроссу нужно выучить текст наизусть, а затем уничтожить листок. 8 июля он едет в Оберхоф - в последний раз. В тот же день Штиллер со своей семьей выезжает в отпуск в Венгрию. 10 июля "Риттер" снова у Кросса: тот должен написать письмо своей сестре: "Запланированное на отпуск путешествие, о котором мы говорили, может состояться 25 июля. Все участники будут очень довольны. "

19 июля Штиллер из Будапешта звонит Хельге. Ему приходится прервать отпуск, 24 июля он летит назад в Берлин, пользуясь отговоркой, что "позже самолетов в ГДР не будет". Хельга Михновски и Вернер Штиллер ищут тайник. "Это было захватывающее дело. " - говорит Хельга. "а потом мысль: теперь начинается, теперь дело принимает серьезный оборот, и теперь мы движемся вперед. "

Под неприметной кучей листьев в ямке они находят описанную Гербертом Кроссом досочку -умело подготовленный "мертвый почтовый ящик". Вернувшись назад в "Бург", доску разламывают. Из нее выпадают упакованные в пластиковые кульки письмоприветствие из БНД ("действительно милое письмо"), данные о радиочастотах, шифровальные таблицы на прозрачной пленке, баллончики с чернилами для тайнописи и десять заранее написанных писем с конвертами на конспиративные адреса "крыш" БНД на Западе. Тут же необходимые инструкции.

"Этот Вернер сказал, я об этом не забуду: "О, они умеют делать гвозди со шляпками. " На него действительно произвело впечатление, как все разумно было сделано. " Не хватало только одного: радиоприемника с расширенным частотным диапазоном коротких волн (БНД посылает свои радиосигналы на частоте 3,7 - 4 мегагерц). Хельга бежит в его поисках по старьевщикам Пренцлауер Берга и уже в тот же вечер покупает "Телефункен Интернациональ 101".

БНД ежедневно отвечает по номерам 688 и 226. Для безопасности сообщения повторяются несколько раз в разные установленные часы. Сначала звучит "Гимн Весселя", опознавательная мелодия БНД, названная так в честь президента Федеральной разведывательной службы Герхарда Весселя. Затем звучит искусственный женский голос:

"У нас сообщения для. . " В конце информация, сколько групп цифр должен ожидать принимающий послания.

Прием и расшифровка сообщений БНД - задача Хельги. Потому ей постоянно нужно держать при себе приемник. "Было бы здорово, если бы тут были наушники, тогда можно было бы увеличить звук. " Но штекер наушников из ГДР не подходит к приемнику из ФРГ. "Потому я положила подушки вокруг радио. Понять было трудно, иногда приходилось слушать несколько раз, потому что менялась сила сигнала, были помехи. Номера были разбиты на группы по пять цифр, и если потеряешь хоть одну, то

смысл уже не поймешь. "

К каждой группе из пяти цифр есть соответствующая группа в шифровальном коде, которую надо вычесть. Результат: новая колонка цифр, которая - в соответствии с таблицей кодов - превращается в сообщение. Хельге для этого нужно 4 - 5 часов. В сообщениях, в основном, вопросы БНД о ее личности, значении и знаниях о ее неизвестных контактах.

"Это входит в данную работу," - говорит Гериберт Хелленбройх, в то время в качестве шефа БФФ руководитель контрразведки Федеративной Республики. "Нужно с самого начала, именно потому, что такие события происходят редко, быть очень осторожным, и именно так это представлялось моим коллегам из БНД. Они специально тянули время, очень долго тянули. Моим собеседникам в БНД мы тоже говорили:

"Будьте внимательны, будьте осторожны, никто не знает, в какой капкан мы сейчас угодим. "

Генерал-лейтенант Гюнтер Кратч был человеком, который мог бы установить такой капкан. Он считался правой рукой Мильке. А его Второй главный отдел, НА II, (контрразведка ГДР) считался особенно успешным в поисках империалистических агентов в государстве рабочих и крестьян. Две тысячи его специалистов следили, прежде всего, за потенциальными каналами связи с Западом.

Кратч сегодня немного располневший пожилой господин, добродушное его лицо окаймляет борода, глаза мечут молнии, когда он разошелся в разговоре, с размашистыми жестами и фразами. Как воспринимали его люди, попадавшие в его сеть? Например, "красный адмирал" Бауманн? Или коллега Штиллера Теске, который, как и Бауманн, был как "предатель" схвачен и казнен по приказу Мильке?

Шеф контрразведки ГДР живет сегодня уединенно. Его никогда не бывает по его официальному адресу - в новостройке многоэтажного восточно-берлинского района Хеллерсдорф. На воротах сада его домика на окраине Берлина нет ни таблички с именем, ни звонка. Кто хочет к нему попасть, должен перелезть через ограду. И от телефона старый лис тоже отказался:

"Его слишком многие смогут подслушивать. " Мы сидим за столиком в ресторане "Москва" на восточно-берлинской Карл-Маркс-Аллее. "Раньше это было мое любимое место," - говорит он, ностальгически оглядываясь на пустые столики вокруг. Объект гастрономии НО (государственной торговой организации ГДР) с улучшенным ассортиментом блюд закрыт, новый владелец хочет вскоре его переоборудовать. "Вон там," - Кратч показывает на столик в углу, "Я часто сидел с американцами". Окружение тут было известно, о БНД в этих кругах не были особо высокого мнения.

Для Кратча тогдашние конкуренты из Пуллаха были "Союзом пердунов в бюрократических креслах". "Грубо говоря, налицо имелось предложение предательства.

" Кратч глубоко вдыхает воздух. "И любая разведка во сне мечтала бы, скажем так, о таком источнике. " И что же сделала БНД из такого шанса?

"Я, собственно, никогда не понимал, почему БНД так бессердечно, так тупо и упрямо подходила к этим людям, воспринимала их предложения. Приняв предложение, одновременно принимаешь на себя обязанность сделать все возможное для их безопасности. Если я не могу это гарантировать, то я не могу принять и предложение. Но нельзя, приняв сначала предложение, затем так и сяк перебраниваться о каналах связи и о методах, о которых точно знаешь, что они известны контрразведке ГДР. Тогда только вопрос времени, когда мы, - если мы не совсем глупы - пролезем в эти линии связи. " И Хелленбройх убежден в том, что, как минимум, в одном знаменитом случае (в деле Бауманна) затажки и лавирования БНД фактически подставили высокопоставленного перебежчика высшего класса под топор Штази. Но такой перебежчик, как Штиллер, это "своеобразная история", тут нужна была сопровождающая проверка, и она, конечно, длилась очень долго. "

Фишер не хочет из лояльности критиковать своих "ангелов" и понимает - "отчасти" - задержки со стороны БНД. Он тогда обязательно хотел встретиться с инструктором или курьером БНД, чтобы сразу внести ясность - для обеих сторон.

"Но они не были к этому готовы, они не хотели рисковать ни одним своим человеком. Возможно, "Миша" (Маркус Вольф, шеф Главного управления разведки) сделал бы это без промедлений. Можно было бы взять относительно мало важного своего человека, с ним бы, по большому счету, мало что могли бы сделать. Кроме того: ГДР никогда не предложила бы офицера МГБ только ради того, чтобы поймать какого-то простого курьера. "

28 августа 1978 года, то есть почти через месяц после передачи "доски", НА II МГБ удается узнать о связи Штиллера с БНД. В рамках (вполне рутинной) поисковой акции "Сеть" было конфисковано "подозрительное с разведывательной точки зрения письмо с вымышленным адресом". Химики отдела № 34 обнаруживают наличие тайнописи:

"Тайное послание полностью зашифровано (129 групп из пяти цифр каждая), используемое средство тайнописи типично для БНД. Использованное в качестве носителя GS (Geheimschrift - тайнопись) письмо было по всей видимости, написанным заранее образцом. " Открывается новый процесс расследования Штази под кодовым названием "Щетина".

Для Кратча - попадание в "яблочко". Штази в руки попало письмо Штиллера БНД. В "Бурге" царит разведывательное разделение труда: Хельга заботится о входящих делах, Штиллер - об исходящих. Сначала все сообщения для БНД зашифровываются, потом пишутся в виде колонок цифр невидимыми чернилами из лабораторий БНД между строк "не вызывающего подозрений" (поставленного БНД в готовом виде) текста письма. Как могла Штази так быстро все раскусить? Кратч и его люди знали, что конспиративные адреса для заранее написанных БНД писем всегда находились в определенных областях. Своим нюхом сыщика главный охотник за агентами ГДР все еще гордится. "Мы знали также и метод, что БНД особенно много работает с так называемыми "пересылками писем вслед за выбывшими адресатами" в западногерманских почтамтах. "

Сыщики Штази быстро выяснили, что адреса на Западе вымышленные, а отправители в ГДР - безобидные крестьяне. Кроме того, почта Штиллера всегда отправлялась только по трем адресам. Стоило МГБ найти одно письмо, как ему оставалось только ждать последующих. Но решающим вопросом для Кратча было: "Кто настоящий отправитель и автор этой секретной корреспонденции?" Пока никак не удалось расшифровать колонки цифр.

Майор Йоганнес Шрёдер (Кратч: "Очень хороший человек") с этого момента отвечает за поиск неизвестной "Щетины". Почти ежедневно он вносит в протокол состояние расследования. В качестве первой меры начинается "акция по сличению почерков" (но опираться при этом можно только на написанные от руки цифры тайнописи) и "единичные выемки писем из почтовых ящиков с укороченным интервалом". Цель Шрёдера: определить почтовый ящик - и тем самым район местожительства преступника. В последующие недели огромные силы Штази получают такие служебные инструкции:

"Поступления центральной выемки писем из почтовых ящиков непосредственно по ее завершении, отдельно по участкам выемки, должны передаваться соответствующими сотрудниками реферату 4 Отдела -М- для обработки с целью розыска. . . Письма из каждого отдельного почтового ящика должны складываться в особый мешок, причем номер ящика должен совпадать с соответствующей прилагающейся идентификационной карточкой. . . Нужно гарантировать, что все поступление писем будет обрабатываться тщательно и без пропусков. "

До конца ноября в Берлине перехвачено, проверено, документировано, а затем "по причинам конспирации" отослано дальше в БНД восемь писем. Под прицел попадает, прежде всего, почтовый ящик на площади Александерплац, и там производятся "конспиративные фотосъемки всех лиц, отправляющих письма, с целью их идентификационного сравнения" (Шрёдер).

Но дальше Кратч не продвигается. На ежедневном рапорте у министра "мне, конечно, приходилось слушать все одни и те же вопросы: "Насколько вы продвинулись? Кто эти люди? Правильно ли вы над этим работаете? Используете ли все возможности? Нужны ли вам дополнительные люди, тогда скажите - они будут вам предоставлены. Здесь не должно случиться ничего, что могло бы принести какой-либо ущерб ГДР. ""

В Пуллахе сохраняются недоверие. От Штиллера требуют "вещественный залог, чтобы быть уверенными, что я не веду с ними игру. Они хотели доказательства, что у меня действительно есть то, о чем я намекнул Западу. " Штиллер должен выдать личности своих самых важных агентов. Это его наибольший капитал, для Штиллера - гигантская "предоплата" для запланированной "сделки".

Скровище, хорошо спрятанное, хранится в "Бурге". Уже довольно давно Штиллер контрабандно перетаскивает туда микрофильмы со сверхсекретными документами по его направлению работы из министерства. В конце ноября от БНД поступают инструкции для передачи. Хельга отправляется в путь. На прощание Штиллер говорит: "Если теперь что-то провалится, то мы на сто процентов сгорели. " Если ее поймут, она не должна врать, это бесполезно. "Он сказал, что он только надеется, что они смешают вместе пепел, оставшийся от нас. . . Но, как обычно, всегда думаешь, что ничего не случится. "

Хельга должна в поезде с прицепным транзитным вагоном до Дании в точно описанном туалете спрятать пакетик с пленками. Но еще в Берлине транзитные вагоны оцеплены вооруженными полицейскими, переходы из других вагонов закрыты. В Магдебурге та же картина. Она посылает в БНД написанную от руки телеграмму - для простоты по одному из конспиративных адресов. Текст: "К сожалению, не могу исполнить твоё желание. Плацкарты не продаются гражданам ГДР. Пожалуйста, ответь поскорее. Пока, Гизи. "

"Вот так счастливый случай," - говорит Кратч. Ведь телеграмма приземляется на его столе. БНД просто забыла предупредить почтамты о "пересылке вслед выехавшему адресату" не только писем, но и телеграмм. Федеральная почта ФРГ поэтому отправляет телеграмму Хельги назад "передать невозможно ввиду отсутствия адресата" назад в ГДР - тоже несуществующему отправителю. Теперь у Кратча, в любом случае, есть материал для сравнения почерков. Но: быстро выясняется, что написанные тайнописью цифры на письмах для БНД "с большой долей вероятности" написаны другим лицом, чем телеграмма. "Можно предположить," протоколирует майор Шрёдер, "что в дело втянута и супруга. "

Хельга предпринимает вторую попытку, в предусмотренное БНД время недель спустя. В этот раз это поезд из Лейпцига (ГДР) в Мёнхенгладбах (ФРГ). Хельга ищет и находит описанный туалет.

"И тут я отвинтила панель на потолке. Все было довольно грязно. На правой стороне в углу вниз уходят трубы. Я спустила пакетик на тонкой нейлоновой веревочке и привязала к трубе. Пакетик и веревочка так не были видны. Затем мне пришлось все привинтить на место и все почистить, туалет был полон пыли. Затем я вернулась в купе и вышла в Эрфурте."

Пакетик, о чем не знают ни Хельга, ни Штиллер, доходит до БНД. В Пуллахе, как рассказывает позже Штиллер, поражены.

Снова оба отсылают телеграмму и в этот раз - именно с почтамта на Мариенбургер Штрассе, лишь в пятистах метрах от "Бурга": "Хельга отослала бумаги для поездки в Лейпциге 7. 12. в 10. 30. Большой привет, Гизи." И снова МГБ радуется вернувшемуся назад посланию. Теперь квитанции телеграмм в почтамте на Мариенбургер Штрассе проверяются по почеркам. "Акция "Полет орла"", "ковровое" наблюдение за почтами, распространяется на все центральные районы Восточного Берлина - как раз перед Рождеством! Сыщиков Штази ожидает гора из четырехсот шестидесяти тысяч квитанций!

Время "отсрочки наказания" для Хельги и Штиллера неумолимо сокращается.

Штиллеру, прежде всего, угрожает выход из-под контроля личных жизненных обстоятельств. Ведь Штиллера и Хельгу уже видели вместе в Оберхофе - и видел их никто иной, как Хорст Фогель, шеф секции науки и техники НВА. В марте 1978 года по этой причине, судя по протоколам майора Шрёдера, "происходит беседа между товарищем Фогелем и Штиллером, во время которой тов. Фогель призвал Вернера Штиллера корректно поступать по отношению к Хельге и подумать о своей семье."

Видимо, именно поэтому Штиллер даже дал своей жене Эржебет номер телефона Хельги в Оберхофе: на случай, если его в субботу или воскресенье будут искать со службы. "В одном случае". - пишет майор Шрёдер, "г-жа Штиллер воспользовалась этой договоренностью. Его шефу она сообщила, что ее муж в данное время находится якобы у своей матери близ Галле." "Почему я была так глупа тогда." - вспоминает Эржебет, "я не знаю даже сегодня.

Из любви к нему или из любви к детям я всегда его прикрывала. Сегодня я так не поступила бы, это факт."

Затем отчаявшаяся Эржебет обращается прямо к своей сопернице: "Я спросила ее, как она себе это представляет, что я как раз с новорожденным ребенком вышла из больницы, и что она при этом чувствует, когда просто так разрушает такую семью."

Хельга тоже помнит этот телефонный разговор: "Она сказала, что не придает большого значения тому, будет ли состоять дальше в браке со своим мужем, и что она ничего не имеет против, и это было бы хорошо. И затем она сказала что-то о маленьком мальчике или младенце, и мне тогда стало совсем. . . я не знаю. Тогда она сказала: "Ах, Вам не нужно просить прощения, это он снова солгал."

Когда Штиллер узнал о разговоре между женщинами, в голове его взвыли все сирены тревоги. Прекрасному плану побега угрожал срыв! Он срочно звонит Хельге.

"Он сказал, что он не решился сказать это мне, потому что думал, что я прерву с ним отношения. И тогда он добавил: "Я могу отказаться от всего, кроме тебя." И я ему поверила."

Эржебет угрожает разводом и "сигналом" на службу. "Это," - вспоминает Штиллер, "разоблачило бы меня." Потому он идет на уступки, "имитирует разрыв отношений с Хельгой. Он действительно привозит ту часть его личной одежды, которая в это время находилась у Хельги в Оберхофе, назад в семейную квартиру," - протоколирует майор Шрёдер ход семейной драмы. "Я боялся," - говорит Штиллер, "но странным образом не мог привыкнуть к страху."

"И Эржебет замечает, что ему тяжело, что он изменился: "Он действительно стал просто комком нервов. У меня было впечатление, что он в последнее время еще и много пил. Я думаю, он точно испытывала страх. И, возможно, угрызения совести перед своей семьей, братьями и сестрами, родителями, возможно, даже перед друзьями."

Ситуация продолжает обостряться. В начале декабря происходит вечеринка жильцов дома в близлежащем кафе "Stern" ("Звезда") сети НО. "Во время этого праздника," - гласит хроника следователя Штази Шрёдера, "Штиллер снова сблизился с одной женщиной в кафе. Поэтому после вечеринки произошла ссора, в ходе которой г-жа Штиллер дала своему мужу пощечину. Вернер Штиллер затем избил свою жену столь жестоко, что она не могла выходить на улицу в течение четырнадцати дней."

Время залечивает раны. "Теперь, после всего, я знаю," - говорит Эржебет, "что он меня все-таки еще любил. Именно из-за любви ко мне он довел меня до того, что я его возненавидела. Потому что он абсолютно точно знал, что однажды ему нужно будет уйти. Сегодня я простила ему это. Возможно, он даже правильно поступал."

Как разведчик-профессионал, Штиллер "интуитивно", как он говорит, чувствует, что остается совсем мало времени. "У меня было чувство, что этот баланс на кончике иглы не может больше длиться долго." Поэтому БНД готовит его эвакуацию. "Конечно, для них было бы лучше сделать это только со мной," - говорит Фишер. Но он настаивает на том, что Хельга и ее сын должны быть переброшены на Запад одновременно с ним.

Первая попытка в середине декабря срывается. Почему? Данные противоречивы. Хельга застряла на своей машине (версия Штиллера). Фальшивые паспорта БНД были с ошибками, цвет глаз Штиллера был записан голубым вместо карего (версия Хельги). Ценное время теряется.

19 декабря, за несколько дней до Рождества, сыщикам Штази на почтамтах улыбается удача. Эксперты-графологи находят большое сходство между от руки заполненными телеграммами и надписями на четырех конфискованных квитанциях за посылки. Отправитель пакетов - некая Хельга Михновски из Оберхофа, Вальдштрассе, 26, официантка в "Интеротеле" "Панорама".

Действительно: готовясь к побегу, Хельга регулярно отсылает посылки с лучшими экземплярами ее коллекции хрустальных ваз своему брату в Кобург. Все эти вещи куплены с большим трудом из-под прилавка. "И тогда я подумала: "Тебе нужно их отослать туда." Я не знала, что их перехватят." Почти все, как устанавливает она позже, было конфисковано. Но что важно для Штази: наконец, они вышли на след. Кратч хочет, чтобы все было "неопровержимо". Поэтому образцы почерка 20 декабря отправляются к эксперту. Дипломированному криминалисту д-ру Хегевальду нужны две недели для досконального "отчета об экспертизе". Отправительница телеграмм БНД и отправительница посылок "вероятно" идентичны. Штази может "хватать". "Ну да," - говорит Кратч, и по нему заметно его даже нынешнее огорчение из-за этого самого темного пятна в его карьере, "у меня тогда дело - я не хочу сказать, что выскользнуло из рук, но я не оказал всего нужного давления на моих сотрудников, чтобы они возможно быстрее разъяснили проблемы в Оберхофе."

И в ГДР к Рождеству 1978 года начинается настоящая зима. Вся Северная Германия завалена снегом. В ГДР призывают к строжайшей экономии энергии, командировки должны - так гласит обязательство в МГБ - предприниматься лишь в случае крайней необходимости. Это были времена, по словам Кратча, когда "службы снабжения просят слова", ссылаясь на нехватку зимних шин и на плохое состояние некоторых служебных машин.

Только 11 января следователь Штази по имени Новак едет из Берлина в Оберхоф. Его задача: прислушиваться в "Панораме", провести дальнейшие сличения почерка и что-то разузнать о загадочном любовнике г-жи Михновски. Но "Панорама" закрыта. В Новогоднюю ночь в ней прорвало отопление. Весь персонал, включая Хельгу Михновски, в отпуске до 21 января. Человек Кратча ведет расследование весьма небрежно: Михновски в Берлине, слышит он в отеле, и принимает это к сведению, даже не заехав на Вальдштрассе (жилище Хельги). Ее друг, узнает он, работает в Министерстве химической промышленности и ездит на "Ладе 1500". В пятницу, точно к уикэнду, Новак возвращается в Берлин. В это же время Штази в Берлине перехватывает последующие письма с тайнописью, а в эфире регистрируется "необычайно высокая активность" радиопереговоров БНД.

На самом деле Хельга Михновски и ее сын Михаэль покидают Оберхоф лишь вечером 14 января. На такси они едут на вокзал и садятся в берлинский поезд. Поздно ночью они приходят на конспиративную квартиру на Мариенбургер Штрассе и ночуют там.

Понедельник, 15 января. Совещание во Втором главном отделе. Все указывает на то, что настоящий предатель не Хельга, а ее таинственный и зловещий друг. Но где его искать? В каком-то министерстве, на дипломатической службе, в Федерации Свободных Немецких Профсоюзов ГДР FDGB? Расследование по результатам проверки данных огромного количества людей показывает, что он "проживает в районе Мариенбургер Штрассе. . . Было решено," - протоколирует майор Шрёдер, "целенаправленно продолжать проверять подозрения против Михновски при строжайшей конспирации." Предполагается, что она вскоре снова вернется в Оберхоф на работу, и принимается решение о "контроле за скорым поездом Берлин - Майнунген с целью фотографирования и установления лица, которое, возможно, будет провожать ее на вокзале." В тот же день Хельга Михновски покупает в Берлине два билета на поезд. Цель назначения - Варшава. Вечером она с сыном покидает Берлин на поезде дальнего следования Берлин - Москва.

Во вторник, 16 января, сотрудники ИЛ II регистрируют все машины типа "Лада" в районе Мариенбургер Штрассе, чтобы, проверив, узнать имена их владельцев. Штиллер, который снова ездит на своем "Вартбурге", остается не потревоженным во время своего пребывания в "Бурге". В тот же день Хельга и Михаэль Михновски приезжают в Варшаву и поселяются в отеле "Сирена", в номере 206.

Среда, 17 января. В офицерском казино МГБ Маркус Вольф читает доклад перед "Конференцией делегатов партийной организации" ИВА. Как партийный секретарь своего отдела, среди слушателей присутствует и Штиллер. Следователь Штази узнает, "что Штиллер делал подробные заметки по ходу конференции."

Четверг, 18 января. На Норманненштрассе сыщики НА II обсуждают "необходимые политико-оперативные мероприятия, вытекающие из создавшейся ситуации." За Хельгой Михновски после ее возвращения в Оберхоф нужно "постоянно" наблюдать. Важная цель: "предотвращение предполагаемого нелегального перехода границы". В пять часов вечера Штиллер из "Бурга" звонит к себе домой. До обеда у него произошла ужасная ссора с Эржебет. Ей надоело, она хочет сообщить ему на службу и подать на развод. Штиллер хочет знать, осталась ли она при принятом решении. Ответ: да. Штиллер говорит: "Это все" и вешает трубку.

Вернер Штиллер должен - как предусмотрено планами БНД - в этот день выехать на "Interzonenzug" (поезде, соединяющем две части Германии) из Галле через Магдебург в Ганновер. Курьер БНД Дитрих Нистрой (как считается) спрятал фальшивый паспорт 15 января в "мертвом почтовом ящике" в Восточном Берлине. Шпики Штази сообщают из Ганновера (сводка Штази G/318/01/79) о бронировании БНД нескольких комнат (включая помещение для телекной связи) в отеле "Кёрнер" и в мотеле "Атлас". Между тремя и четырьмя часами пополудни, как наблюдают западногерманские агенты на службе Мильке, сотрудники центральной службы БНД из Пуллаха прибывают в Ганновер, под прикрытием местных сил наблюдения.

По окончании рабочего дня Штиллер (официально он в этот день находится в "служебной командировке в Галле") снова подымается на пятый этаж НВА. У него с собой большой портфель. Ключи к кабинетам его реферата висят незащищенные, в ящичке. Цель Штиллера - сейф в бюро начальника отдела Штиллера Гюнтера Яука.

Штиллер принес с собой инструмент.

Он использует зубило, бьет по нему молотком со всей силы, но сейф не поддается.

Штиллер хочет разоблачить для БНД агентов всех пяти рефератов, то есть весь шпионаж Главного управления разведки ГДР против фундаментальных исследований Запада. Он бьет еще сильнее, но сейф не открывается. (На следующий день "Протокол обследования места происшествия" Штази отмечает: "На верхнем краю левой двери присутствует вмятина длиной около 3 см.") Штиллер сдаётся.

Смирившись, он хочет скрыться. Но тут его взгляд замечает стальной шкаф в приемной.

Решительный рывок, шкаф падает набок - и открывается. В портфель перекочевывают (согласно попавшего к нам внутреннего служебного списка МГБ), среди прочего:

- сопроводительные документы к материалам, переданным в аналитический отдел НВА с 1975 по 1978 годы,

- многочисленные папки и пленки о ИМ и контактных лицах и их "оперативные документы",

- "секретные документы" - приказы, директивы и инструкции по их исполнению,

- учебный материал и текст секретной речи Мильке,

- полная картотека членов СЕПГ отдела,

- именной телефонный справочник SWT и фотографии сотрудников,

- 7180 немецких марок из кассы секретарши.

Самая важная находка Штиллера: чистые формуляры для прохода через "пункт передачи багажа" на берлинском вокзале Фридрихштрассе. Он на месте решает изменить весь план побега, взяв свою судьбу в свои собственные руки.

Заполнение документов в "Бурге" это почти обычное дело - в этой точке вращения агентов в сердце Берлина Штиллеры и их курьеры постоянно уходят и приходят. Из Пренцлауер Берга до Фридрихштрассе лишь несколько минут езды на "Вартбурге".

Штиллер знает эту дорог у даже во сне. Его цель: незаметная дверь на южной стороне вокзала.

Справа от нее табличка:

"Служебный вход. Только для служащих Немецких государственных железных дорог" - маскировка "шлюза" для заброски агентов Штази.

За ней - пустая прихожая, затем еще одна дверь без ручки, одно (занавешенное) окно, звонок, на который кратко нажимает Штиллер. За занавеской: старший лейтенант Штази Мартин Брюкнер, дежурный в этот вечер. Брюкнер отодвигает в сторону занавеску, рассматривает удостоверение МГБ. Зуммер, и дверь открывается. У человека с собой два чемодана. Брюкнер знает: это "багаж" для курьера на Западе. Он контролирует бумаги этого человека:

типичный для МГБ "загранпаспорт", разрешения на посещение пограничной зоны, затем "особое служебное поручение".

Брюкнер настаивается: в колонке "Цель" написано "собственная оперативная деятельность", но с 1 января должно - по новой инструкции - быть написано еще и "передача багажа".

Сотрудник НВА спокоен и добродушен:

"Пока до нашей бестолковой секретарши это дойдет, пройдет еще один год." Брюкнер раздумывает: должен ли он звонить дежурному офицеру НВА? Из-за такой мелочи мешать бойцу невидимого фронта при исполнении, несомненно, важного задания. Они будут сердиться, думает Брюкнер. "Для нас, пограничников, они были чуть-ли не наполовину богами," - говорит один из коллег Брюкнера, "эти из НВА. То, что они делали, считалось, собственно, законом."

Брюкнер с зуммером открывает стальную дверь, ведущую на западную часть вокзала. Штиллер входит в странную сумрачную и двойственную зону "холодной войны": лабиринт ходов, лестниц и залов, в который - в центре Восточного Берлина - "западники" могут входить свободно и без контроля. Идеальное место для Штази, чтобы

конспиративно прятать и получать здесь в ящиках камер хранения замаскированный под багаж материал для и от курьеров. Согласно инструкции, участники передачи должны в виде "незаметных" пешеходов на перронах смешаться с потоком пассажиров. Штиллер в 20. 41 входит на перрон (западно-берлинской) линии метро U 6. Между (западно-берлинскими) районами Кройцберг и Веддинг она транзитом проносится под (восточно-берлинским) центральным районом Митте. Единственная остановка на Востоке во время этого путешествия под Стеной: Фридрихштрассе. Перрон в это время почти пуст. Только у "Интершопа", где западные берлинцы могут беспешинно покупать сигареты и шнапс, крутятся несколько фигур. С потолка наблюдают за всей площадью перрона камеры наблюдения Штази.

Штиллеру нужно подождать, самые долгие минуты в его жизни. "Мне казалось, что я стою рядом с самим собой и наблюдаю," - рассказывает Петер Фишер пятнадцать лет спустя. "Я каким-то образом эмоционально совершенно разделился с тем лицом, которое там действует. У меня абсолютно не было больше никакого страха. Я был очень, очень хладнокровен и энергичен и очень сконцентрирован. В этот последний день я вообще не совершил ни одной ошибки."

Пара шагов в желтый вагон метро. "Отойдите от края платформы!" - объявляет вагоновожатый, двери закрываются. Вернер Штиллер стал перебежчиком.

О том, что произошло затем этой ночью, не рассказал пока никто из участников событий - кроме одного. Этот человек был одним из руководящих сотрудников (западноберлинского) Ведомства по защите конституции. В 1982 году он перебежал на Восток.

До мельчайших деталей описывает он Штази прием Штиллера на Западе. Более хаотичного события быть не могло.

Никто в Берлине ничего не знает, когда Вернер Штиллер сразу после девяти вечера обращается в полицию аэропорта Тегель. Десять разведчиков (среди них французы и сотрудники ЦРУ) пытаются связаться с Пуллахом, Штиллер без остановок пытается набрать (постоянно занятый) номер в Кобурге. В помещениях полицейской службы госбезопасности в аэропорту Темпельхоф "западники" (Штиллер с ними уже вскрыл ящик пива "Падерборнер Пильс" и две бутылки водки) восхищаются содержимым набитых до краев чемоданов.

Только стопка микрофильмов была, как вспоминает свидетель, "высотой почти 10 см". Штиллер попросил "ни в коем случае не рассматривать привезенные им материалы, потому что они предназначены исключительно для БНД." В этом направлении уже начаты необходимые мероприятия. Штиллер "волнуется за какую-то женщину с ребенком". О захваченных им с собой наличных деньгах Штиллер сказал: "Если вы мне не дадите здесь достаточно денег, то мне ведь нужно иметь небольшой капитал." Наконец, Штиллер дозванивается. Он слышит, что у Хельги и ее сына возникли проблемы.

На следующее утро перебежчик летит в Мюнхен, в тот же день - в Кельн, на допрос к Гериберту Хелленбройху, шефу Федерального ведомства охраны конституции, ответственному за удар по шпионам Вольфа.

"И вот он стоял предо мной," - вспоминает Хелленбройх, "еще в классической одежде производства текстильной промышленности ГДР. Потому одним из первых моих решений, я об этом тоже должен упомянуть, было послать его в подходящий магазин одежды, чтобы он как-то разумно приоделся."

Хелленбройх расплывается от удовольствия, вспоминая "совершенно фантастическую атмосферу" в своем служебном кабинете в Кельне. Федеральная прокуратура, БКА, БНД и БФФ: "импровизированное сообщество". "Никаких споров о разграничении компетенции, ключевое слово: Бад Кляйнен" (городок на севере ГДР у озера Шверинер Зее - прим. пер.) - все хотят быстрых и эффективных действий, и прежде всего, сам Штиллер.

"Что мне запомнилось: он пережил гигантское напряжение, но, несмотря на это, он был очень, очень раскован. Я беседовал с ним напрямую. Нам ведь нужно было увидеть, что он с самого начала передал очень много сведений, о действующих здесь агентах. Он сделал это четко. У него удивительная память. Очень светлая голова, сотрудничал с удовольствием, никаких проблем, чтобы перестроиться на другую деятельность. Умный паренек."

В конце семнадцать восточных агентов предстают перед западногерманскими судами и получают наказание за шпионаж. Более тридцати шпионов еще в день побега Штиллера получили из восточно-берлинского центра предупреждение и приказ возвращаться. Многие из них - неоправданно успешно, считает коллега Штиллера. Но наихудшим был "моральный ущерб". "Некоторые коллеги стали задумываться о том, что в нашем аппарате есть и такие люди."

С того момента в Главное управление разведки проникли недоверие и подозрительность. Следователи Штази много лет верят, что Штиллера поддерживал сообщник в его отделе. Даже частные телефонные звонки сотрудников SWT подслушиваются, многим приходится сменить место службы ("мероприятие А"). Распространяется парализующая система бюрократического контроля.

"Разочарование было велико," - вспоминает шеф контрразведки Гюнтер Кратч свою

наибольшую неудачу. Удар был тем более велик, что случился как раз перед съездом СЕПГ, к которому и МГБ хотело блеснуть "высокими достижениями". Мильке вне себя и собирает руководящих работников министерства для обсуждения кризиса. Лишь тогда, в субботу утром, осрамленный Кратч узнает, кем же был таинственный друг Хельги. Как только Мильке "начал выпускать пар", это стало ужасным ударом для Кратча и Маркуса Вольфа. Слова вылетали скорее к ним, чем от них. "В этих делах шеф ведь всегда прав," - признает Гюнтер Кратч, "и наш министр Мильке, в таких случаях не самый милый человек. "Почему вы не работали лучше и быстрее?" - рычал Мильке. "Ты ведь сам мне говорил, что это важное происшествие!" " Кратч знает, что можно было бы вычислить дни или даже часы, которые были важны: "Но сейчас уже это не было нужно. Шпион ушел. И теперь это было фактом. "

В это же время в доме № 34 на улице Штерндамм уже целую ночь майор Шрёдер и еще один его коллега допрашивали Эржебет Штиллер в ее квартире. Она хочет знать, что же случилось. Об этом она узнает в свое время, отвечают ей. В половине седьмого, Эржебет как раз качает маленького Андреаса, которому одиннадцать месяцев, приезжает высокопоставленный офицер с Норманнентрассе. "Госпожа Штиллер," - говорит он, "Ваш муж совершил побег из Республики. " "Эта фраза! Человек, живущий на Западе, даже не может это себе представить. Это фактически смертный приговор. У меня все просто почернело в глазах. " В первый раз в своей жизни она теряет сознание, с ребенком в руке падает на пол. Когда врач будит ее, ее первая мысль: "Для меня это означает конец. "

Как раз в это субботнее утро в номере 206 гостиницы "Сирена" в Варшаве звонит телефон. Хельга Михновски плохо спала эту ночь. В четверг, то есть уже два дня назад, ее и сына Михаэля курьер БНД должен был перебросить на Запад. Но за четыре дня после ее приезда сюда ничего не произошло. Что случилось? Однажды позвонил ее брат и кратко и зашифровано сообщил, что Штиллер уже на Западе, а в Варшаве возникли проблемы. Но ей не нужно бояться, выход найдется. В этот раз у телефона Вернер Штиллер, она сразу узнает его голос. Хельга должна очень осторожно отправиться в посольство ФРГ. Это не было предусмотрено планом. "Они не были счастливы, должна я Вам сказать. " - описывает Хельга настроение дипломатов. "Мне было жаль их, они оказались в невозможной ситуации - да, и они были очень из-за этого несчастны. Они должны были спрятать нас, и мы не должны были зажигать свет. Мы спали там на походных кроватях. " Они сидят в ловушке. И в этот вечер 20 января они пропускают сенсационное сообщение "Tagesschau" ("Ежедневного обозрения"): старший лейтенант Штази, сообщает Карл-Хайнц Кёпке, "со своей невестой и ребенком сбежал в Западный Берлин. " В газеты и на ТВ это сообщение запустила БНД, чтобы МГБ думало, что Хельга и ее сын уже в безопасности - розыск не имеет смысла.

В маленьком домике у озера Химзее в Баварии живет человек, которому, возможно, Хельга и Михаэль Михновски должны быть благодарны за спасение их жизней. Член ХСС и пенсионер Хайнц Х. , во время войны капитан подводной лодки, под псевдонимом "Зисси" экономический агент БНД. В качестве "журналиста" он путешествует по Восточному блоку, снабженный детальными анкетами из Пуллаха (пример: "Насколько далеко продвинулась ГДР в создании электронных средств связи? Применяются ли уже микропроцессоры? Сколько стоит "100 АЕ"?") В середине января он встречается со своим ведущим офицером "Бирлингом" (так сказать, западным вариантом Штиллера) в номере отеля в Розенхайме. Теперь речь идет о том, как вытащить из Варшавы двух человек. Если Х. безошибочно выполнит это очень важное задание, то Бирлинг пообещал ему, что постарается устроить его в редакцию газеты "Bayern-Kurier" ("Баварский курьер"). 14 января Х. едет в Варшаву. В его зимних сапогах с меховой подкладкой спрятаны два паспорта из мастерской фальшивок БНД, в чемодане "западные" предметы одежды для женщины и подростка. Бумаги и одежду Х. должен спрятать в камеру хранения. В Варшаве курьер БНД в соответствии с заданием сравнивает польские пограничные печати в своих собственных бумагах с теми, что стоят в пуллахских фальшивых паспортах. Он эксперт: "Я увидел разные подписи, они не совпадали, фальшивые штемпеля на декларации. " Х. рассказывает это так возбужденно, будто он все еще в Варшаве. "На документе С, листке с визой: на фотографии нет штемпеля. На обратной стороне нет штемпеля гостиницы, нет квитанции об обмене валюты в ORBIS, государственной организации по туризму. Одним словом: халтура. " Х. 16 января в 4 часа вечера посылает зашифрованную телеграмму-молнию на конспиративный адрес БНД. "На свой страх и риск все поставил на нуль, уничтожил документы и забрал багаж. " "Зисси" должен срочно вернуться в Мюнхен. БНД хочет до 18 января, дня побега Штиллера, изготовить новые паспорта и забросить их в Варшаву. Но варшавский аэропорт закрыт из-за сильных снегопадов. Лишь 18 января, Штиллер уже движется к вокзалу Фридрихстрассе, Х. снова приземляется в Мюнхене. В отеле "Золльнер Хоф"

люди БНД ждут его. "Бирлинг" почти "свихнулся". Х. вообще не может себе представить, насколько важно это дело. Оно должно быть сделано не позднее, чем послезавтра! На следующий день только один самолет польской авиакомпании LOT летит из Кельна в Варшаву. Но он не получает разрешения на старт. Экипаж объявляет, что получено сообщение о бомбе. Долго и сложно проверяются машина и багаж. И это оказывается удачей, потому что на самолет успевает еще один опоздавший пассажир. 22 января на самолете финской компании FINNAIR некая г-жа Пфайффер и ее сын, два гражданина ФРГ, летят из Варшавы в Хельсинки. При их прибытии в Мюнхен стреляют бутылки шампанского. Хэппи-энд.

Эпизод летом 1981 года: Вернер Штиллер, Хельга Михновски и ее сын Михаэль уже восемнадцать месяцев живут на верхнем этаже офисного здания в Мюнхене. Два других жильца - телохранители БНД. "Это было как в тюрьме," характеризует Хельга Михновски эту защиту от агентов Мильке. Всего несколько раз во время конспиративных "экскурсий" ей удается увидеть своего брата, а в остальном - тотальная изоляция. "Какие-то интенсивные личные отношения," - говорит сегодня Петер Фишер, "на Западе не продолжились." Хельга считает: "Там у нас уже не было больше тем для разговоров." В конце концов, Штиллер, в сопровождении телохранителей, на один уик-энд получает возможность один отправиться для серфинга на озеро Гардазее. "Там я познакомился с молодой дамой, совсем поверхностное дело, но все равно. Я полтора года был просто взаперти.

Штиллер рассказывает Хельге, что он снова влюбился. "А если он влюбляется, то рассказывает слишком много," - говорит Хельга. "И он сказал ей, кто он, рассказал ей об обстоятельствах его жизни. Я думаю, ей было только девятнадцать лет, и она это даже толком не поняла. Она только сказала: "Ах, бедняжка." Для меня это было маленькой катастрофой. Я тогда сообщила БНД, что случилось, потому что риск был слишком велик. И тогда они его через три дня вывезли из страны." С того момента за Штиллера, Хельгу и Михаэля Михновски отвечает ЦРУ. Под защитой "программы переселения" она смогла начать новую жизнь. Все трое вступили в брак в Новом Свете, Хельга недавно впервые стала бабушкой. "У нас был один или два ангела-хранителя," говорит Хельга, "и еще раз я не стала бы это делать. Но... ", и она смеется, чуть-чуть горько. : "Чего не сделаешь из-за любви.

I лоссарий

НАЗВАНИЯ УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ:

ФРГ/Германия:

БНД - Федеральная разведывательная служба (BND, Bundesnachrichtendienst).
 Внешняя разведка ФРГ, центральное бюро размещается в пригороде Мюнхена Пуллахе.
 БФФ - Федеральное ведомство по защите конституции (BfV, Bundesamt fuer Verfassungsschutz).
 Контрразведка и служба внутренней государственной безопасности ФРГ.
 Центральное бюро размещается в Кельне. Во всех землях ФРГ есть земельные Ведомства по охране конституции.
 МАД - Служба военной контрразведки (MAD, Militaerischer Abschirmdienst).
 Размещается в Кельне.
 БКА - Федеральное ведомство уголовной полиции (Bundeskriminalamt). Помимо задач уголовного розыска занимается, в частности, охраной высших должностных лиц ФРГ.

США:

ЦРУ - Центральное Разведывательное Управление (CIA, Central Intelligence Agency)
 - внешняя разведка США. Размещается в г. Лэнгли, штат Вирджиния, недалеко от Вашингтона.
 АНБ - Агентство Национальной Безопасности (NSA, National Security Agency)-
 служба технической и радиоразведки США, подчинена Министерству обороны.
 Размещается в Форт-Мид, штат Мэриленд.
 Контрразведывательный корпус (CIC, Counter Intelligence Corps) - старое название службы военной контрразведки США
 ФБР - Федеральное Бюро Расследований (FBI, Federal Bureau of Investigation) -
 ведомство федеральной уголовной полиции США, занимается также вопросами внутренней государственной безопасности и контрразведки на территории США.
 Размещается в Вашингтоне.

Великобритания:

МИ 5 (MI 5, Military Intelligence No. 5), - "5-й Департамент военной разведки" -

историческое название службы внутренней контрразведки Великобритании. Сейчас называется "Служба безопасности" - Security Service.
 МИ 6 (MI 6, Military Intelligence No. 6) - "6-й Департамент военной разведки" - историческое название службы внешней разведки Великобритании. Сейчас называется "Секретная разведывательная служба" - Secret Intelligence Service.

ГДР:

МГБ, Министерство государственной безопасности (MfS, Ministerium für Staatssicherheit). Тайная полиция ГДР, действовавшая и внутри ГДР, и за рубежом. Размещалась в Восточном Берлине, район Лихтенберг, улица Норманнентрассе. В обиходе ее чаще называли Штази - сокращение от "Staatssicherheit" - "госбезопасность". Главное управление разведки (HVA, Hauptverwaltung Aufklärung) - служба внешней разведки МГБ ГДР.

СССР/Россия:

КГБ, Комитет Государственной Безопасности. Советская тайная полиция с 1954 по 1992 годы, действовавшая как в СССР, так и за его пределами. Основана в 1917 году под названием ЧК - (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) (1917 - 1922). Затем называлась ГПУ, ОГПУ, с 1934 по 1943 годы - НКВД (Народный Комиссариат Внутренних Дел), с 1946 по 1954 годы - МГБ (Министерство Государственной Безопасности).

После распада СССР распущен. Бывшее Первое Главное Управление (ПГУ), занимавшееся внешней разведкой, стало самостоятельной организацией - Службой Внешней Разведки Российской Федерации (СВР). Контрразведывательные управления и службы безопасности объединены в Федеральную Службу Безопасности Российской Федерации (ФСБ). КГБ (а ныне ФСБ) размещался на Лубянке (пл. Дзержинского) в Москве, ПГУ (СВР) в пригороде Москвы Ясенево. ГРУ, Главное Разведывательное Управление Министерства обороны. Военная разведка СССР, а затем России.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ

ТЕРМИНОЛОГИЯ Агент

Секретный свободный сотрудник разведслужбы. Западногерманские спецслужбы не пользуются словом "агент" для обозначения штатного состава. Их называют V-Leute, V-Maenner („доверенные лица»). Только американское ФБР официально называет агентами свой штатный персонал.

Берлинский туннель

Ставшее известным предприятие западных разведок. С западно-берлинской территории в середине 50-х годов был прорыт подземный туннель для подключения к советским коммуникациям связи. Эти коммуникации частично проходили вблизи границы секторов. Предприятие было успешным. Но Советы, которых Джордж Блейк предупредил о туннеле, перевели действительно важные разговоры на другие линии. В апреле 1956 года туннель был официально "обнаружен".

Ведущий офицер

Сотрудник разведки, который дает задания агенту, выплачивает ему гонорар, наблюдает за ним, контролирует его и получает от него разведывательные сведения. Его также традиционно иногда называют ведущим агентом, контролером, "куратором", "управляющим", "хозяином".

"Великолепная пятерка"

Пять британских супершпионов Ким Филби, Гай Бёрджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант и Джон Кэрнкросс, которые в течение трех десятилетий передавали Кремлю западные секреты. Все пятеро учились в Кембриджском Университете, о котором говорят, что он в 20-м веке воспитал самых способных разведчиков как британской разведки, так и ее главного противника НКВД-МГБ-КГБ. Прозвище этой группы знаменитых шпионов связано с известным вестерном 1960 года "Великолепная семерка".

"Живой почтовый ящик"

Человек, предоставляющий разведслужбе свой почтовый адрес, на который по почте, не вызывая подозрений, поступают сведения от агентов или от разведслужбы.

Контршпионаж

Собственные действия с целью получения информации о разведывательной деятельности противника. Например, попытка перевербовать в собственного информатора сотрудника посольства, о котором известно, что он сотрудник разведки противника.

Криптография

Обобщающее название методов шифрования и дешифрования сведений.

"Мертвый почтовый ящик"

Тайник, в котором разведслужба прячет для своего агента инструкции или деньги, а агент оставляет в нем материал или сведения, предназначенные для разведслужбы.

Шифрование/Дешифрование

От французского слова "Chiffre" ("цифра"). Сперва шифрование означало: перевести буквы в цифры. В зашифрованном тексте буквы заменяются цифрами. Текст может быть зашифрован и путем замены целого слова или предложения одной буквой или группой букв. Метод шифрования - шифр (код) должен быть заранее сообщен получателю сообщений.

Дешифрование - расшифровка закодированного текста. Возможно либо когда заранее известен шифр, либо путем его "взлома", "вскрытия", т. е. раскрытия его внутренней логики.

ЛИТЕРАТУРА**ЛИТЕРАТУРА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ШПИОНСКИМ ДЕЛАМ:****Дело Олега Гордиевского:**

Gordiewski Oleg/Andrew, Christopher: K. G. B. The Inside Story. New York 1991 Gordiewski

Oleg/Andrew, Christopher: Instructions from the Centre: Top Secret Files on

KGB Foreign Operations, 1975-1985. New York 1991

Gordiewski Oleg/Andrew, Christopher: KGB. Die Geschichte seiner Auslandsoperationen von Lenin bis Gorbatschow. Mbnchen 1990

Дело Клауса Фукса:

Agenten leben einsam. Kurzportrats der Meisterspione. Neue Zürcher Zeitung, Folio 1992. Heft 11, S. 43

Moorehead, Alan: The Traitors, London 1962

Moos Norman: Klaus Fuchs. The man who stole the atom bomb. London 1987 Williams,

Robert/Chadwell: Klaus Fuchs, Atom Spy. London 1987

Дело Джорджа Блейка:

Andrew, Christopher: Secret Service - The Making of British Intelligence Community. London 1985

Blake, George: No other choice. London 1990

Bloch, John/Fitzgerald, Patrick: British Intelligence and Covert Action. London 1983

Bourke, Sean: The Springing of George Blake. London 1970

Chapman, Pincher: Inside Story. London 1978

Chapman, Pincher: Their trade is treachery. London 1981

Cookridge, E. H. : Shadow of a spy. London 1967

Gramont, Sanche de: The Secret War. London 1962

Hyde, Montgomery: George Blake - Superspy. London 1986

"Lebenslang im grossten Gefangnis der Welt. Leben der Spione Philby und Blake in der Sowjetunion"-

Quick, Heft 36/1975, S. 26 O'Connor, Kevin: A Death in January, Eireann 1983

Дело Гюнтера Гийома:

Agenten leben einsam. Kurzportrats der Meisterspione. Neue Zurcher Zeitung, Folio 1992. Heft 11, S. 43

Baring, Arnulf: Machtwechsel, Stuttgart 1982

Bracher, Karl Dietrich u. a. : Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 5: Republik im Wandel 1969-1974. Stuttgart 1990 Brandt, Willy: Erinnerungen. Berlin 1989
 Guillaume, Gunter: Die Aussage. Wie es wirklich war. Frankfurt a. M. 1990 Koch, Peter: Willy Brandt. Eine politische Biographie. Berlin 1988 "Mehr als 1000 Stunden. . . Auszüge aus den Memoiren des Gunter Guillaume - Aufstieg, Verrat und Fall des Kanzlerspions-" Spiegel, Heft 52/1988. S. 22 Vielain, Heinz/Schell, Manfred: Verrat in Bonn. Berlin 1978

Дело Джона Уокера:

Barron, John: Breaking the Ring: The Bizarre Case of the Walker Family Spy Ring. New York 1988
 Blum, Howard: I Pledge Allegiance. . . The True Story of the Walkers: An American Spy Family. New York 1987
 Earley, Pete: Family of Spies: inside the John Walker Spy Ring. Toronto/New York 1989 "Exfrau vergiftet Sowjetspion". Quick, Heft 25/1985, S. 28 Kneeece, Jack: Family Treason. The Walker Spy Case. New York 1986
 Walker, Laura /Horner, Jerry: Daughter of Deceit: The Human Drama Behind the Walker Spy case. Richmond 1988

Дело Вернера Штиллера:

"Der Geheimnis-Cremer". Quick, Heft 7/1979, S. 22
 Richter, Peter/Rosler, Klaus: Wolfs West-Spione. Ein Insider-Report. Berlin 1992 Schломann, Friedrich-Wilhelm: Operationsgebiet Bundesrepublik. Spionage, Sabotage, Subversion. Frankfurt a. M. /Berlin 1989
 Schmidt-Eenboom, Erich: Der BND. Schnuffler ohne Nase. Dusseldorf 1993 Siebenmorgen, Peter: "Staatssicherheit" der DDR. Der Westen im Fadenkreuz der Stasi.

Bonn 1993

Stiller, Werner/Adams, J. : Beyond the Wall - Memoirs of an East and West German Spy. New York 1992
 Stiller, Werner: Im Zentrum der Spionage. Mainz 1988 "Treffen an Grab von Tucholsky". Quick, Heft 8/1979, S. 113

ШПИОНАЖ В "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ"

Ammann, Thomas/Lehnardt, Matthias/Meissner, Gerd/ Stahl, Stefan: Hacker für Moskau, Deutsche Computer-Spione im Dienst des KGB. Reinbek 1989
 Bailey, Geoffrey: Verschwörer um Russland. Intrigenkampf der Geheimmächte. München 1961
 Bakatin, Wadim: Im Innern des KGB. Frankfurt a. M. 1993
 Ball, Desmond/Windren, Robert: Soviet Signals Intelligence - Organisation and management. O. O. 1990
 Bamford, James: NSA. Amerikas geheimster Nachrichtendienst. Zürich/Wiesbaden 1986
 Berg, Wieland/Cyranka, Daniel: Zur Aktenlage. MfS-Papiere und Öffentlichkeit. Halle 1992
 Baring, Arnulf: Machtwechsel. Stuttgart 1982
 Barring Ludwig: Geheimagenten und Spione. Das Sachbuch der Spionage vom Altertum bis heute. Bayreuth 1968
 Barron John: Breaking the Ring (см. дело Джона Уокера)
 Barron, John: KGB. Arbeit und Organisation des sowjetischen Geheimdienstes in Ost und West. Bern/München 1974
 Barron, John: Spione für den KGB. Die folgenreichste Spionageaffäre der letzten Jahrzehnte. Bern 1988
 Bergh, Hendrick van: ABC der Spione. Eine illustrierte Geschichte der Spionage in der Bundesrepublik Deutschland seit 1945. Pfaffenhofen a. d. Ilm 1965
 Beste-Verlag (Hrsg.): Die lautlose Macht. Geheimdienste nach dem Zweiten Weltkrieg. Bde. 1-2. Stuttgart 1985
 Biagi, Enzo: Lubjanka oder Die Gewöhnung an den Tod. Reinbek 1991
 Binder, Gerhart: Spione - Verräter-Patrioten. Nachrichtendienste im Schatten der Politik. Herford 1986
 Bloch, John/Fitzgerald, Patrick: British Intelligence and Covert Action. London 1983 Blum, Howard: I Pledge Allegiance (см. дело Джона Уокера)
 Borglss-Maciejewski, Hermann/Ebert, Frank: Das Recht der Geheimdienste. Boorsberg 1986
 Bourke, Sean: The Springing of George Blake. London 1970
 Boyle, Andrew: The climate of treason. Five who spied for Russia. London 1979 Bracher, Karl Dietrich u. a. : Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 5: Republik im Wandel 1969-1974. Stuttgart 1990 Brandt, Willy: Erinnerungen. Berlin 1989
 Buchheit, Gerd: Die anonyme Macht. Aufgaben, Methoden, Erfahrungen der

Geheimdienste. Frankfurt a. M. 1974
 Cookridge, E. H. : Karriere: Doppelagent. Kim Philby. Meisterspion für London und Moskau. Oldenburg/Hamburg 1968
 Cookridge, E. H. : Shadow of a Spy. London 1967
 Corson, Williams: Maulwürfe. Die geheimen Kriege des KGB gegen die USA. München 1989
 Deakin, Frederick William: Richard Sorge, Die Geschichte eines grossen Doppelspiels. München 1965
 Dulles, Allen Foster: Der lautlose Krieg. 39 berühmte Spionagefälle. München 1968
 Earley, Pete: Family of Spies: Inside the John Walker Spy Ring. Toronto/New York 1989
 Edgar, J. H. : Spionage in Deutschland. Preetz 1962
 Engberding, Rainer O. M. : Spionageziel Wirtschaft. Technologie zum Nulltarif. Stuttgart 1993
 Felfe, Heinz: Im Dienst des Gegners. 10 Jahre Moskau. Mann im BND. Hamburg/Zürich 1986
 Gabriel, Hans: Sex und Spionage. Ein offener Bericht über geheime Verhältnisse. Pfaffenhofen 1966
 Gauck, Joachim: Die Stasi-Akten. Das unheimliche Erbe der DDR. Reinbek 1991
 Geiger, Hansjörg/Klinghard, Heinz: Stasi-Unterlagen-Gesetz. Mit Erläuterungen für die Praxis. Stuttgart 1993
 Gehlen, Reinhard: Der Dienst. Erinnerungen 1942-1971. Mainz 1990
 Gehlen, Reinhard: Verschlussache. Mainz 1980
 Gemballa, Gero: Geheimgefährlich. Dienste in Deutschland. KpIn 1990
 Gerken, Richard: Spione unter uns. Methoden und Praktiken der roten Geheimdienste nach amtlichen Quellen. Donauwörth 1965
 Gordiewski, Oleg/Andrew, Christopher: K. G. B. The Inside Story. New York 1991
 Gordiewski, Oleg/Andrew, Christopher: Instructions from the Centre: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1975-1985. New York 1991
 Gordiewski, Oleg/Andrew, Christopher: KGB. Die Geschichte seiner Auslandsoperationen von Lenin bis Gorbatschow. München 1990
 Gramont, Sanche de: Der Geheime Krieg. Die Geschichte der Spionage seit dem Zweiten Weltkrieg. Wien/Berlin 1963
 Gramont, Sanche de: The Secret War. London 1962
 Gunther, Heinz: Wie Spione gemacht wurden. Stuttgart 1993
 Guillaume, Gunter: Die Aussage. Wie es wirklich war. Frankfurt a. M. 1990
 Gunzenhauser, Max: Geschichte des geheimen Nachrichtendienstes, Frankfurt a. M. 1968
 Haase, Dieter: Mein Name ist Haase, ich weiss. . . zuviel? Ein Doppelagent berichtet über unheimliche Dienste. Stuttgart 1993
 Hagen, Louis: Der heimliche Krieg auf deutschem Boden seit 1945. Düsseldorf/Wien 1969
 Halter, Hans: Der Krieg der Gaukler. Das Versagen der deutschen Geheimdienste. Göttingen 1993
 Hohne, Heinz: Der Krieg im Dunkeln. Die Geschichte der deutsch-russischen Spionage. München 1993
 Horchem, Hans Josef: Auch Spione werden pensioniert, Berlin 1993
 Hutton, Joseph Bernhard: Ostagenten am Werk. Das Ohr am Eisernen Vorhang. Dokumentarbericht. München 1972
 Hyde, Montgomery: George Blake - Superspy. London 1987
 Jentsch, Eva: Agenten unter uns. Spionage in der Bundesrepublik. Düsseldorf/Wien 1966
 Josten, Joachim: Im Dienste des Misstrauens. Das Geschäft mit Spionage und Abwehr. München 1964
 John, Otto: Zweimal kam ich heim. Vom Schwörer zum Schutzer der Verfassung. Düsseldorf / Wien 1969
 Joyal, Paul M. : Fifteen Years of Espionage. Washington 1991
 Kabus, Andreas: Auftrag WINDROSE. Der militärische Geheimdienst der DDR. Berlin 1993
 Kahl, Werner: Spionage in Deutschland heute. München 1986
 Kaus, Udo: Der suspendierte Datenschutz bei Polizei und Geheimdiensten. Frankfurt a. M. 1989
 Kessler, Pamela: Undercover Washington: Touring the Sites where famous Spies Lived, Worked & Loved. Washington 1992
 Kneese, Jack: Family Treason. The Walker Spy Case. New York 1986
 Knightley, Philipp: Die Geschichte der Spionage im 20. Jahrhundert. Aufbau und Organisation, Erfolge und Niederlagen der grossen Geheimdienste. München 1989
 Knightley, Philipp: The Second Oldest Profession. London 1986
 Koch, Peter: Willy Brandt. Eine politische Biographie. Berlin 1988
 Koch, Peter-Ferdinand: DDR contra BRD. Wie Deutsche gegen Deutsche spionierten. München 1994
 Koppe, Ingrid: Die Kontinuität des Wegsehens und Mitmachens. Köln 1991

Lucas, Norman: Die Sowjetspionage. Organisation, Methode und Praxis der sowjetischen Geheimdienste im Westen. Wien/München 1984

Markus, Georg: Der Fall Redl. Mit unveröffentlichten Geheimdokumenten zur folgenschwersten Spionage-Affäre des Jahrhunderts. Wien/München 1984

Massing, Hede: Die grosse Täuschung. Geschichte einer Sowjetagentin. Freinburg/Basel/Wien 1967

Melton, H. Keith: CIA Special Weapons & Equipment: Spy Devices of the Cold War. Washington 1993

Mendelsohn, John: The Spy Factory & Secret Intelligence. New York 1989

Michels, Bernd: Spionage auf deutsch. Wie ich über Nacht zum Top-Agent wurde. Düsseldorf 1992

Mitgang, Herbert: Überwacht. Große Autoren in den Dossiers amerikanischer Geheimdienste. Hamburg 1992

Moorehead, Alan: The Traitors. London 1952

Moss, Norman: Klaus Fuchs. The man who stole the atom bomb. London 1987

Myers, Lawrence: Covert Communications Techniques of the Underground. Lake Geneva 1991

Myers, Lawrence: Honorable Treachery: A History of U. S. Intelligence, Espionage & Covert Action. New York 1991

Newman, Bernard: Spionage. Mythos und Wirklichkeit. München 1966

Notzel, Thomas: Die Faszination des Verrats. Eine Studie zur Dekadenz im Ost-West-Konflikt. Hamburg 1989

O'Connor, Kevin: A Death in January. Eireann 1983

Ottlinger, Margarita: Geheime Akten des KGB. München 1992

Penkowskij, Oleg: Geheime Aufzeichnungen. München/Zürich 1966

Penninger, Reinhard: Geheimdienste. Frankfurt a. M. 1993

Piekalkiewicz, Janusz: Weltgeschichte der Spionage. Agenten, Systeme, Aktionen. München 1988

Chapman, Pincher: Inside Story. London 1978

Chapman, Pincher: Their trade is treachery. London 1981

Powers, Thomas: Heisenbergs Krieg. Die Geheimgeschichte der deutschen Autobombe. Augsburg 1993

Rado, Sandor: Deckname Dora. Stuttgart 1971

Reese, Mary E. : Organisation Gehlen. Der Kalte Krieg und der Aufbau des deutschen Geheimdienstes. Reinbek 1992

Reichenbach, Alexander: Chef der Spione. Die Markus Wolf Story. Stuttgart 1992

Richter, Peter/Rössler, Klaus: Wolfs West-Spione. Ein Insider Report. Berlin 1992

Ritter, Falko L. : Die geheimen Nachrichtendienste in der Bundesrepublik Deutschland. Heidelberg 1989

Ritter, Nikolaus: Deckname Dr. Rantzau. Die Aufzeichnungen des Nikolaus Ritter, Offizier im Geheimen Nachrichtendienst. Hamburg 1972

Rittlinger, Herbert: Geheimdienst mit beschränkter Haftung. Bericht von Bosphorus. Stuttgart 1973

Roth, Jürgen: Die Mitternachtsregierung. Wie Westliche Geheimdienste internationale Politik manipulieren. Ein schonungsloser Report. München 1993

Runge, Irene/Stelbring, Uwe: Markus Wolf: "Ich bin kein Spion". Berlin 1990

Rusbridger, James: The Intelligence Game: Illusions and Delusions of International Espionage. New York 1991

Russell, Francis: Der geheime Krieg. Amsterdam 1982

Scharnhorst, Gerd: Spione in der Bundeswehr. Bayreuth 1965

Schechter, Jerold L. /Deriabin, Peter: Die Penkowskij-Akte. Der Spion, der den Frieden rettete. Frankfurt a. M. 1993

Schlomann, Friedrich-Wilhelm: Operationsgebiet Bundesrepublik. Spionage, Sabotage, Subversion. Frankfurt a. M. /Berlin 1989

Schmidt-Eenboom, Erich: Der BND. Schnuffler ohne Nase. Düsseldorf 1993

Schweizer, Peter: Diebstahl bei Freunden. Wie die Geheimdienste der Japaner und Deutschen die US-Wirtschaft ausspionieren. Reinbek 1993

Shannon, Michel L. ; Don't Bug me: The Latest High-Tech Spy Methods. Lake Geneva 1992

Siebenmorgen, Peter: "Staatssicherheit" der DDR. Der Westen im Fadenkreuz der Stasi. Bonn 1993

Stiller, Werner/Adams, J. : Beyond the Wall - Memoirs of an East and West German Spy. New York 1992

Stiller, Werner: Im Zentrum der Spionage. Mainz 1988

Soll, Clifford: Kuckuksei. Die Jagd auf die deutschen Hacker, die das Pentagon knackten. Frankfurt a. M. 1989

Trepper, Leopold: Die Wahrheit. Autobiographie. München 1978

Treverton, Gregory: Top Secret! Geheime Operationen und ihre politischen Auswirkungen. Stuttgart 1988

Tumanow, Oleg: Geständnisse eines KGB-Agenten. O. o. 1993

Vielain, Heinz/Schell, Manfred: Verrat in Bonn. Berlin 1978

Volkman, Ernest: Secret Intelligence: The Inside Story of America's Espionage Empire. New York 1991

Walker, Laura /Horner, Jerry: Daughter of Deceit: The Human Drama Behind the Walker Spy Case. Richmond 1988

Wennerstrom, Stig: Mein Verrat. Erinnerungen eines Spions. Munchen/Berlin 1973 Whiteside, Thomas: Wennerstrom. Der perfekte Agent. Frankfurt a. M. 1967 Wighton, Charles: Meisterspione der Welt. Dusseldorf 1963

Wilcox, Laird: Master Bibliography on Terrorism, Assassination, Espionage & Propaganda. Huntington 1993

Williams, Robert/Chadwell: Klaus Fuchs, Atom Spy. London 1987

Wise, David: Flucht nach Moskau. Wie der CIA-Agent Edward Lee Howard die eigenen Geheimdienste auf Kreuz legte. Munchen 1988

Wise, David: Das Spionage-Establishment. Berlin 1968

Wolf, Markus: Im eigenen Auftrag. Bekenntnisse und Einsichten. Munchen 1991 Wollenberger, Vera: Virus der Heuchler. Innenansicht der Stasi-Akten, Berlin 1992 Woodward, Bob: Geheimkode VEIL. Reagan und die geheimen Kriege der CIA. Munchen 1987

Worst, Anne: Ein Geheimdienst am Ende. Die Auflosung der Staatssicherheit. Berlin 1991

Wright, Peter: Spycatcher. Enthullungen aus dem Secret Service. Frankfurt a. M. /Berlin 1988

Wynne, Greville: Der Mann aus Moskau. Stuttgart 1967

Zarew, Oleg/Costello, John; Der Superagent. Der Mann, der Stalin erpresste. Moskau 1993

Книга вышла в 1994 году. В 1995 году умер Гюнтер Гийом - "канцлерский шпион" восточногерманской "Штази". (прим. пер.)

Так у автора. На самом деле отчество Гордиевского - Антонович. (прим. перев.)